

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 13, № 2, 2020

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Решением
Минобрнауки РФ
журнал «Экономические
и социальные
перемены: факты,
тенденции, прогноз»
включен в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны
быть опубликованы
основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой
степени кандидата
наук, на соискание
ученой степени доктора
наук по научным
специальностям:
08.00.00 –
экономические науки;
22.00.00 –
социологические науки.

Журнал размещается в
следующих рефератив-
ных и полнотекстовых
базах данных:
Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost,
Directory of Open Access
Journals (DOAJ), RePEC,
Ulrich's Periodicals
Directory, ВИНИТИ
РАН, Российский
индекс научного
цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала
направляются в
Библиотеку Конгресса
США и в Германскую
национальную
экономическую
библиотеку.

Все статьи проходят
обязательное
рецензирование.
Высказанные в статьях
мнения и суждения
могут не совпадать
с точкой зрения
редакции.
Ответственность за
подбор и изложение
материалов несут
авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.vscsc.ac.ru>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тозин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHES), Центр исследований индустриализации (СЕМ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиуф Т. Конеки, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Сычев М.Ф., к. э. н. (Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнапов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некпелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 13, no. 2, 2020

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)

Daishiro Nomiyama, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Stompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

E.S. Gubanov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

M.F. Sychev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda, Russia)

O.V. Tret'yakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Cherepovets State University, Cherepovets, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.vsc.ac.ru>

© VoIRC RAS, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

От главного редактора

Ильин В.А., Морев М.В. Эффективность «ручного» управления государством. Проверка на прочность – 2020	9
---	---

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА

Романова О.А., Пономарева А.О. Промышленная политика: новые реалии, проблемы формирования и реализации	25
---	----

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Губанова Е.С., Москвина О.С. Методологические аспекты оценки инвестиционно-инновационного потенциала региона	41
Базуева Е.В., Радионова М.В. Эконометрическая оценка влияния социальных индикаторов на динамику регионального экономического роста (на примере субъектов Приволжского федерального округа)	56

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

Печенская-Полищук М.А. Инструменты и принципы перераспределения бюджетных ресурсов в регионе.....	71
Коломак Е.А., Сумская Т.В. Оценка роли федеральных трансфертов в субнациональной бюджетной системе Российской Федерации	89

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Дианов С.В., Антонов М.Б., Ригин В.А. Модели формирования институциональной среды лесопользования на уровне региона Российской Федерации	106
--	-----

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Дружинин П.В., Шкиперова Г.Т., Поташева О.В., Зимин Д.А. Оценка влияния развития экономики на загрязнение воздушной среды	125
--	-----

ЭКОНОМИКА ТРУДА

Попова Л.А., Зорина Е.Н. Проблемы реализации активного долголетия в трудовой сфере (на примере Республики Коми)	143
---	-----

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Доброхлеб В.Г., Яковец Т.Ю. Тенденции и перспективы социодемографической динамики России: философско-хозяйственный подход	157
---	-----

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Мироненков А.А. Иерархическая Парето-классификация регионов России по показателям качества жизни населения	171
Шафранов-Куцев Г.Ф., Ефимова Г.З. Морально-нравственный аспект субъективной конкурентоспособности молодежи	186
Сукнёва С.А., Барашкова А.С., Постникова К.Ю. Рождаемость, детность и доходы семей: тенденции и взаимосвязи	201
Кремин А.Е., Россошанский А.И. Малое предпринимательство и уровень жизни населения: взаимовлияние и проблемы управления	214

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	230
Правила приёма статей	239
Информация о подписке	245

CONTENT

PUBLIC ADMINISTRATION EFFICIENCY

Editorial

- Ilyin V.A., Morev M.V. Efficiency of the State's "Manual" Management.
Challenges of 2020 9

INDUSTRIAL POLICY

- Romanova O.A., Ponomareva A.O. Industrial Policy: New Realities, Formation
and Implementation Issues 25

REGIONAL ECONOMY

- Gubanova E.S., Moskvina O.S. Methodological Aspects of the Assessment
of the Investment and Innovation Potential of a Region 41
- Bazueva E.V., Radionova M.V. Econometric Assessment of Social Indicators' Influence
on the Regional Economic Growth Dynamics (Case Study of the Subjects
of the Volga Federal District) 56

PUBLIC FINANCE

- Pechenskaya-Polishchuk M.A. Instruments and Principles of Reallocating Budgetary
Resources in the Region 71
- Kolomak E.A., Sumskaya T.V. Assessing Federal Transfers' Role in the Subnational
Budget System of the Russian Federation 89

MODELING AND FORECAST OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES

- Dianov S.V., Antonov M.B., Rigin V.A. Models of Forest Management Institutional
Environment Formation at the Regional Level of the Russian Federation 106

ENVIRONMENTAL ECONOMICS

- Druzhinin P.V., Shkiperova G.T., Potasheva O.V., Zimin D.A. The Assessment
of the Impact of the Economy's Development on Air Pollution 125

LABOR ECONOMICS

Popova L.A., Zorina E.N. Implementing Active Aging in the Labor Sphere (Case Study of the Republic of Komi)	143
--	-----

THEORETICAL ISSUES

Dobrokhleb V.G., Yakovets T.Yu. Trends and Prospects in Sociodemographic Dynamics of Russia: Philosophical and Economical Approach	157
---	-----

SOCIAL DEVELOPMENT

Mironenkov A.A. Hierarchical Pareto Classification of the Russian Regions by the Population's Quality of Life Indicators	171
Shafranov-Kutsev G.F., Efimova G.Z. Moral Aspect of Young People's Subjective Competitiveness	186
Sukneva S.A., Barashkova A.S., Postnikova K.Yu. Birth Rate, Number of Children and Family Income: Trends and Relationships	201
Kremin A.E., Rossoshanskii A.I. Small Business and Living Standards of the Population: Mutual Influence and Management Issues	214

PUBLIC OPINION MONITORING

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	230
Manuscript Submission Guidelines	239
Subscription Information	245

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

От главного редактора

DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.1

УДК 323.2, ББК 60.527

© Ильин В.А., Морев М.В.

Эффективность «ручного» управления государством. Проверка на прочность – 2020

Владимир Александрович

ИЛЬИН

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: ilin@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

Михаил Владимирович

МОРЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. Нижеследующие материалы представляют собой логическое продолжение статьи от главного редактора «Еще один шаг к “долгому государству” В. Путина», опубликованной в предыдущем номере журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» (№ 1, 2020). Основы новой российской государственности, закладываемые В. Путиным в последние 20 лет, сегодня подвергаются настоящему испытанию в виде эпидемиологического и социально-экономического кризисов, вызванных пандемией коронавируса и падением мировых цен на нефть. Проверку на прочность проходит эффективность «ручного» режима государственного управления, реализуемого В. Путиным на протяжении всех своих президентских сроков. Авторская позиция в отношении развития политической ситуации в стране, основанная на анализе фактов, статистических данных, результатов социологических опросов населения и экс-

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. Эффективность «ручного» управления государством. Проверка на прочность – 2020 // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 9–24. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. Efficiency of the State's "Manual" Management. Challenges of 2020. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 9–24. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.1

пертных оценках, исходит из того, что в сложившихся непростых условиях лично Президентом (причем публично, с привлечением экспертного сообщества и широких слоев населения) принимаются шаги «на опережение», способствующие сохранению стабильности и обеспечению условий для долгосрочной реализации перспективного политического курса развития страны. В частности, к таким шагам можно отнести своевременное инициирование широкомасштабного обсуждения и принятие соответствующего закона о внесении поправок в Конституцию РФ, а также обеспечение гарантированной возможности продолжать национально ориентированный курс развития на ближайшие, как минимум, 15 лет. Таким образом, несмотря на форсмажорную мировую обстановку и сложную, в связи с этим, ситуацию внутри страны, Президентом предпринимаются шаги, нацеленные на сохранение и укрепление российской государственности в будущем. И в этом в очередной раз проявляется историческая роль В. Путина, позволяющая с осторожным оптимизмом рассчитывать на «выход» России из сложившейся ситуации, как минимум, без потерь для национальной безопасности и конкурентоспособности и с перспективами дальнейшего устойчивого развития.

Ключевые слова: эффективность государственного управления, «глубинное государство», пандемия, Конституция РФ, Стратегия национальной безопасности.

Первые месяцы 2020 г. для большинства стран мира проходят в кризисных условиях, вызванных резким обострением эпидемиологической ситуации вследствие распространения коронавирусной инфекции. Пандемия, объявленная Всемирной организацией здравоохранения 11 марта 2020 г., — далеко не первое испытание подобного рода для человечества¹. Однако новыми, сложными и неизвестными являются условия, при которых она протекает.

Реальная практика «закрытия» государственных границ осуществляется на фоне, казалось бы, единственного и безальтернативного пути исторического развития — глобализации. Как отмечают эксперты, «меры, принимаемые для борьбы с пандемией коронавируса, **сводятся обобщенно к одному: к закрытости**. Если учесть, что предыдущей универсальной парадигмой, по крайней мере, в теории, выступало глобальное, либеральное, рыночное открытое общество,

¹ Для справки:

По определению Всемирной организации здравоохранения, пандемия — это распространение нового заболевания в мировых масштабах. **Вспышка коронавирусной инфекции стала 18-й пандемией в истории человечества.**

Первой пандемией считается «Юстинианова чума», в XI–XII веках охватившая весь цивилизованный мир и унесшая до ста миллионов жизней. В середине XIV века пандемия чумы, известная как «черная смерть», началась в Китае и попала в Европу. Погибло до 34 миллионов человек. Также с начала XIX века по настоящее время зафиксировано 7 пандемий холеры. Для России самой смертоносной из них стала третья, произошедшая в 1850-х гг. и погубившая миллион человек.

С начала XX века человечество пережило несколько пандемий. Самая сильная из известных — пандемия гриппа — распространилась в 1918–1920 гг. и унесла более 20 миллионов жизней. «Испанка» была вызвана вирусом H1N1. От нее пострадало от 20 до 40% населения Земли.

Во время пандемий 1957 («Азиатский грипп») и 1968 гг. («Гонконгский грипп») погибло более 1,5 миллиона человек, а экономический ущерб составил около 32 миллиардов долларов. В 2002–2003 гг. в ряде стран Юго-Восточной Азии распространилась атипичная пневмония. По данным ВОЗ, за это время в 30 странах мира было зарегистрировано 8436 случаев заболевания SARS, более чем 900 умерших.

В 2003–2005 гг. вирус H5N1 вызвал сильнейшую в истории вспышку птичьего мора. По данным ВОЗ, с 2003 года вирусом H5N1 заразились 389 человек в 15 странах мира, 246 случаев привели к летальному исходу. В апреле 2009 г. были подтверждены первые случаи инфицирования людей новым вирусом H1N1 (свиной грипп). От него умерло более 2600 человек.

В конце декабря 2019 года китайские власти сообщили о вспышке пневмонии неизвестного происхождения в городе Ухань. Первые заболевшие имели отношение к рынку морепродуктов. Эксперты предварительно установили, что возбудителем заболевания стал новый тип коронавируса — 2019-nCoV. **О пандемии нового коронавируса Всемирная организация здравоохранения объявила 11 марта 2020 года.**

(Источники: Пандемии в истории человечества. Справка // Вести.ру. 12.03.2020. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3247270>; URL: Случаи пандемий в мире в XX веке // РИА-новости. 12.03.2020. URL: <https://ria.ru/20200312/1568463184.html>)

Таблица 1. Динамика показателей международного туризма, млн ед.

Территория	Число прибытий						Число выездов					
	1995	2000	2010	2015	2018	2018 к 1995, %	1995	2000	2010	2015	2018	2018 к 1995, %
Мир	532,95	689,65	973,77	1227,87	1441,95	270,6	604,18*	733,38	1073,42	1336,35	1563,56	258,8
Страны ЕС	263,20	331,01	378,07	473,43	555,89	211,2	219,87*	268,00	337,36	369,03	445,07	202,4
Восточная Азия и Океания	77,68	105,03	195,02	263,42	320,27	412,3	111,03**	135,13	244,83	357,38	415,03	373,8
Латинская Америка и страны Карибского бассейна	47,44	56,00	73,25	97,00	113,35	238,9	23,69	30,62	44,22	63,17	70,17	296,2
Северная Америка	60,64	71,20	76,46	95,96	101,16	166,8	69,48	80,50	89,76	106,48	118,62	169,9
Справочно: Россия	10,29	21,17	22,28	33,73	24,55	238,6	21,33	18,37	39,32	34,55	41,96	196,7

* Данные 1997 г. ** Данные 1998 г.
Источник: База данных Мирового Банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator?tab=all>

где доминантой была идеология прав человека, то есть индивидуума в отрыве от гражданства, государства, религии, расы и даже пола, то **коронавирус представляет собой смену главенствующего в человечестве тренда ровно на 180%...**².

Вынужденная самоизоляция, как наиболее эффективный на сегодняшний день метод профилактики эпидемии, реализуется на фоне многолетнего мирового тренда **ежегодно увеличивающегося потока международного туризма (табл. 1)**. «В 2019 году, — как отмечает Всемирная туристская организация ООН, — во всем мире было зафиксировано 1,5 млрд туристических прибытий. **Рост международного туризма продолжается уже десятый год подряд... в 2019 году он наблюдался во всех регионах мира**»³.

В России, в частности, за последние 23 года (с 1995 по 2018 г.) число выездов за границу

увеличилось почти в два раза (с 21 до 42 млн), число прибытий из зарубежных государств — почти в 2,5 раза (с 10 до 25 млн).

Мировая экономика оказалась под двойным ударом, нанесенным резким падением цен на нефть вследствие сокращения внутри- и международных перемещений на фоне карантинных мероприятий, а также по причине агрессивной экономической политики Саудовской Аравии⁴.

«Резко подешевевшая нефть и разгул коронавируса, приобретший масштабы полноценной пандемии, взаимно усиливая друг друга, **поставили мир на грань глобальной рецессии**. Противостояние кризису осложняется тем, что дезинтеграция социума, спасительная для борьбы с вирусом, усугубляет экономические трудности»⁵.

² Дугин А. Час панголина пробил // Официальный сайт Изборского клуба. 06.04.2020. URL: <https://izborsk-club.ru/19069>

³ Финмаркет со ссылкой на данные Всемирной туристской организации ООН (UNWTO). URL: <http://www.finmarket.ru/news/5153745>

⁴ В начале марта Саудовская Аравия в ультимативной форме хотела убедить страны ОПЕК и Россию согласиться на серьезные сокращения объемов добычи и экспорта нефти, чтобы поддержать цены на нее на фоне эпидемии коронавируса, а также для того чтобы закрепить свои позиции в качестве ведущего экспортера нефти в мире. Россия отказалась считать себя «младшим партнером» и не поддержала этот план. Тогда Саудовская Аравия приняла решение увеличить объемы добычи и продавать свою нефть с огромными скидками (Источник: Радио Свобода от 09.03.2020. URL: <https://www.svoboda.org/a/30477085.html>). Тем не менее, 10 апреля 2020 г. главам России, США и Саудовской Аравии всё же удалось достигнуть нового соглашения по сокращению добычи нефти. Как отметил министр энергетики РФ А. Новак, оно будет действовать два года (до 1 мая 2022 г.) и предполагает сокращение добычи нефти в первые два месяца на десять миллионов баррелей в сутки (Источник: новости RTVI. 10.04.2020. URL: <https://rtvi.com/news/peregovory-posle-vstrechi-oprek/>).

⁵ Ивантер А., Кудияров С., Обухова Е. Кризис, к которому мы готовы // Эксперт. 2020. № 12. С. 13.

Вследствие этого крупнейшие мировые издания и организации прогнозируют рецессию мировой экономики:

✓ Всемирная торговая организация прогнозирует падение объема мировой торговли в 2020 г. более чем на 30%⁶;

✓ по мнению экспертов Международного валютного фонда, «рецессия в 2020 году будет зафиксирована в 157 странах из 194, включая Россию... в среднем значение мирового ВВП упадет на 3%»⁷;

✓ «пандемия коронавируса, – пишет Bloomberg, – лишит мировую экономику 5,5 трлн долл. в ближайшие два года, и даже при беспрецедентном уровне монетарных и фискальных стимулов валовой внутренний продукт вряд ли вернется к своему докризисному тренду по крайней мере до 2022 года»⁸;

✓ по мнению специалистов Всемирного Банка, «ожидается, что в 2020 году темпы роста мировой экономики восстановятся до уровня 2,5%, что немногим выше самого низкого за посткризисный период показателя (2,4%), зафиксированного в прошлом году на фоне спада торговой и инвестиционной активности. В то же время преобладают риски негативного развития ситуации, включая возможности нового обострения глобальных торговых противоречий, резкого спада в экономике крупнейших стран и финансовых потрясений... В странах с формирующимся рынком и развивающихся странах резко замедляется рост производительности труда, невзирая на самое крупное,

самое быстрое и самое масштабное с 1970-х годов накопление задолженности»⁹.

«Вместе с глобализмом рухнет та модель миропорядка, которая стала после падения СССР единственной и безальтернативной. Следовательно, **никакой надежной модели, которую можно было бы взять за образец, в этих условиях нет.** Мы знаем, что на место открытого общества приходит закрытое общество, но «что это такое», «каким это общество будет», «что означает подобная закрытость» и «к чему она приведет, во что выльется», наверняка ответить не может никто. **Именно это делает нашу ситуацию столь критической, катастрофичной и вместе с тем увлекательной»**¹⁰.

Таким образом, под воздействием пандемии тренды мирового развития последних десятилетий («кризис классического либерализма», «усиление роли национальной повестки по отношению к глобальной», «усиление внимания к вопросам национальной безопасности», «социально-экономические последствия быстрого распространения новейших (прежде всего цифровых) технологий» и др.¹¹) резко обострились. Международные организации (ВОЗ, ООН, Евросоюз) утрачивают контроль над развитием ситуации и все чаще подвергаются критике относительно эффективности своей деятельности (в частности, ВОЗ – по поводу задержки официального признания и объявления пандемии коронавируса, что во многом стало причиной недостаточной эффективности карантинных мероприятий¹²; Евросоюз –

⁶ ВТО спрогнозировала спад мировой торговли из-за коронавируса в 2020 году // РБК. 08.04.2020. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5e8deceb9a7947336bff9535>; Пресс-релиз ВТО «Trade set to plunge as COVID-19 pandemic upends global economy». 08.04.2020. URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr855_e.htm

⁷ МВФ предсказал наихудший спад мирового ВВП после Великой депрессии // РБК. 14.04.2020. URL: <https://www.rbc.ru/economics/14/04/2020/5e95b6fa9a794742620aeabc>; WORLD ECONOMIC OUTLOOK REPORTS World Economic Outlook, April 2020: Chapter 1. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020>

⁸ Bloomberg оценил потери мировой экономики от коронавируса в \$5 трлн // РБК. 09.04.2020. URL: <https://www.rbc.ru/economics/09/04/2020/5e8ec97f9a79478537a44e47>; Официальный сайт Bloomberg. URL: <https://www.rbc.ru/economics/09/04/2020/5e8ec97f9a79478537a44e47>

⁹ Перспективы мировой экономики: медленный рост, политические вызовы // Всемирный Банк. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/global-economic-prospects#firstLink01658>; Global Economic Prospects: Slow Growth, Policy Challenges / 2020 International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank.

¹⁰ Дугин А. Час панголина пробил // Официальный сайт Изборского клуба. 06.04.2020. URL: <https://izborskclub.ru/19069>

¹¹ Мау В.А. Экономика и политика 2019–2020: глобальные вызовы и национальные ответы // Вопросы экономики. 2020. № 3. С. 7–11.

¹² 7 апреля 2020 г. Президент США Д. Трамп в своем аккаунте в Twitter выступил с резкой критикой в адрес Всемирной организации здравоохранения, отметив, что «ВОЗ реально все провалила», она мало сделала для предотвращения эпидемии коронавируса в США и уделила слишком много времени ситуации в Китае // РБК. 07.04.2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/04/2020/5e8ca27c9a7947a1b70abec3>

по поводу самоустранения от проблем, с которыми столкнулись его участники на национальном уровне¹³). Отдельные государства сами принимают решение, как им бороться с эпидемией и поддерживать «на плаву» состояние экономики, уровень и качество жизни населения, что категорически не вписывается в основные принципы глобализационного мироустройства, господствовавшего на протяжении всего послевоенного периода.

На национальном уровне серьезному испытанию подвергаются как отношения, сложившиеся между обществом и властью, так и способность государства эффективно организовывать эпидемиологические меры по борьбе с коронавирусом, реализовывать комплексные и оперативные мероприятия по поддержке системы здравоохранения, экономики, бизнеса, населения.

На индивидуальном уровне проверяется, в первую очередь, гражданская ответственность людей: готовность изменить свой привычный образ жизни ради общего дела — профилактики распространения инфекции и снижения нагрузки на систему здравоохранения, а также готовность к преодолению экономических и социальных проблем, возникающих на фоне карантинных мероприятий.

¹³ После того как Евросоюз отказался помогать Италии (наиболее пострадавшей от эпидемии коронавируса в Европе) и потребовал «еще 15 дней, для того чтобы решить, что делать и кому и как помогать, если помогать», бывший вице-премьер Италии М. Сальвини не исключил, что его страна может выйти из Евросоюза и раскритиковал власти ЕС за нерасторопность. «Это вовсе не союз, это гнездо змей и шакалов. Сначала мы победим вирус, а потом подумаем о Европе. И, если нужно, попросимся, даже не поблагодарив», — сказал Сальвини онлайн-изданию Affaritaliani.it. 27 марта премьер-министр Италии Д. Конте в ходе совещания 27 лидеров ЕС отклонил проект итогового документа относительно мер по преодолению последствий пандемии коронавируса. Он дал коллегам десять дней, для того чтобы найти «адекватное решение, соответствующее остроте чрезвычайной ситуации» (Источник: Сальвини пригрозил выходом Италии из Евросоюза // Известия. 28.03.2020. URL: <https://iz.ru/992550/2020-03-28/salvini-prigrozil-vykhodom-italii-iz-evrosoiuza>).

2 апреля Президент Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен извинилась перед Италией за временное отсутствие помощи в борьбе с коронавирусом со стороны Евросоюза (Источник: Евросоюз извинился перед Италией за отсутствие помощи в борьбе с коронавирусом // Лента.ру. 02.04.2020. URL: <https://lenta.ru/news/2020/04/02/sorrybae/>)

Таким образом, испытание вирусной инфекцией носит не только эпидемиологический, но и цивилизационный (политический, экономический, культурно-ценностный) характер, проверяя на жизнеспособность различные уровни организации человеческой жизни: всю мировую цивилизацию, эффективность государственного управления на национальном уровне, образ жизни людей на уровне индивидуальном.

Каждая страна мира, столкнувшаяся с этим вызовом, выбирает свою тактику ведения внешней и внутренней политики, для того чтобы выйти из данной ситуации не только «живой», но и конкурентоспособной¹⁴.

В частности, опыт Китая — первой страны, столкнувшейся с коронавирусом и поэтому во многом идущей по пути борьбы с инфекцией впереди других государств — показывает, что **главным условием для преодоления эпидемии является высокая степень эффективности государственного управления: четкая организация всех сфер жизни, мобилизация и консолидация общества и власти, массовая готовность пойти на взаимные ограничения и изменение привычного образа жизни ради общих интересов (профилактики распространения инфекции). При этом нельзя допускать никаких социальных взрывов.**

Китай понемногу возвращается к привычной жизни: снимаются карантинные ограничения, люди выходят на работу, посещают культурно-массовые места и мероприятия, начинает функционировать общественный транспорт... Некоторые страны Европы (Германия, Австрия, Италия, Испания, Чехия, Дания¹⁵ и др.) также постепенно снимают карантинные ограничения, но, в отличие от них, Китай реально побеждает вирусную инфекцию, а не просто жертвует безопасностью и здоровьем своих граждан в пользу дополнительных возможностей для поддержания национальной экономики.

¹⁴ Большинство стран (включая Китай, США, Россию и др.) вводят широкий комплекс карантинных мер, затрагивающих все основные слои населения. Однако в Великобритании, например, карантинные ограничения касаются преимущественно только лиц пожилого возраста, а в Мексике (где часть территорий вообще не подконтрольна правительству), вспышка инфекции распространяется стихийно: люди уповают только на высокую температуру воздуха, при которой распространение вируса замедляется.

¹⁵ Штурма Я. «Вернуться к жизни»: как Европа смягчает карантин // Газета.ру. 07.04.2020. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/04/07/13039483.shtml>

«Сегодня в условиях бактериологической войны, объявленной всему человечеству, Китай проявляет чудеса стойкости. Полуторамиллиардное население, все его подразделения: наука, армия, медицина, общественные организации, – слаженно, синхронно выполняют грандиозную, смертельно опасную стратегическую задачу, избавляющую Китай от гибели. Китай все эти десятилетия живет в условиях мобилизационного проекта: мощнейшего государства, незабываемой партии, которая является интеллектом нации, регулятором всех имеющихся в стране противоречий. **Стратегическое планирование, способность громадного населения к мобилизации, подчинение личных интересов, капризов и прихотей общей цели и задаче, упование на государство позволяют Китаю справиться с ужасной эпидемией среди других, неподготовленных к этой напасти народов, у которых главенствуют гедонизм, слепое потребление, жажда наслаждений, идея безудержной индивидуальной свободы, отказ от государства»¹⁶.**

Об этом наглядно свидетельствует динамика статистических данных о распространении коронавирусной инфекции в странах мира: в марте – апреле 2020 г. число заражений коронавирусом в Китае увеличилось на 2 тысячи случаев, в то время как в Италии за этот же период – на 87 тыс., в Германии – на 80 тыс., в Испании – почти на 124 тысячи (вкладка 1). Уровень смертности от коронавируса в марте – апреле 2020 г. в Китае возрос с 0,2 до 0,3 на 100 тыс. чел. нас., для сравнения в Италии – с 19,9 до 41,6 случаев на 100 тыс. чел. нас.; в Испании – с 16,9 до 45; в Германии – с 1 до 6,9 (вкладка 2).

Даже с учетом того, что Китай столкнулся с эпидемией коронавируса раньше европейских государств и поэтому раньше выходит на «плато» распространения инфекции, само число заражений в Китае значительно меньше, чем в странах Старого Света. И главное, количество смертей от коронавируса (как показатель не только распространения инфекции, но и способности системы государственного управления, системы здравоохранения принимать эффективные меры по сохранению челове-

¹⁶ Проханов А. Мобилизация или смерть // Завтра. 25.03.2020. URL: http://zavtra.ru/blogs/mobilizatciya_ili_smert

ских жизней) в Китае в 4–5 раз меньше, чем в той же Италии, Испании или Великобритании.

Для России комплексный кризис начала 2020 г. становится проверкой на прочность эффективности «ручного» управления государством последних 20-ти лет; способности всех уровней власти быть «предельно мобилизованными, действовать согласованно и слаженно и, главное, работать на опережение»¹⁷. При этом важно отметить, что Российская Федерация столкнулась с пандемией в условиях глубоких, комплексных и динамичных преобразований, связанных с инициативами главы государства, озвученными им в Посланиях Федеральному Собранию РФ в 2018–2020 гг.

«Поправки к Конституции и переход к «прорывному развитию» разделены во времени, но образуют единое целое»¹⁸.

Проверку на прочность проходит весь курс национального развития, последовательно реализуемый Президентом РФ В.В. Путиным фактически с 1999 г.¹⁹ Испытанию подвергаются «глубинное государство», основанное на исключительных отношениях между обществом и национальным лидером, и «ручной» стиль управления, реализуемый В. Путиным на протяжении всех президентских сроков.

В этих условиях любые точки опоры, нацеленные на стабилизацию будущего (в экономическом, политическом, культурном, социальном плане), приобретают особенно важное значение для национальной безопасности. И с этих позиций следует отметить, что Президент в очередной раз на реальном примере показал, что значит «действовать на опережение».

¹⁷ Материалы совещания В. Путина с членами Правительства РФ 17 марта 2020 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63001>

¹⁸ Скоробогатый П. Путин создает в России «глубинное государство» (материалы интервью с политологом, преподавателем МГИМО МИД РФ А. Зудиным) // Эксперт. 23.03.2020. № 13. С. 44.

¹⁹ Более подробно о последовательных шагах Президента на пути строительства новой российской государственности мы говорили в предыдущей статье (Ильин В.А., Морев М.В. Ещё один шаг к «долгому государству» В. Путина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 9–33).

Вкладка 1

Динамика выявленных случаев заражения и числа смертей от коронавирусной инфекции по странам мира* (абс.)

Место	Страна	Численность нас., чел. **	Число выявленных случаев заражения				Число смертей			
			январь	февраль	март	апрель	январь	февраль	март	апрель
1	США	332639102	7	68	188172	860772	0	1	3873	44053
2	Испания	50015792	0	45	95923	219764	0	0	8464	22524
3	Италия	62402659	2	1128	105792	192994	0	29	12428	25969
4	Германия	80159662	5	79	71808	152438	0	0	775	5500
5	Великобритания	65761117	2	23	25150	143468	0	0	1789	19506
6	Франция	67848156	5	100	52128	121338	0	2	3523	22212
7	Турция	82017514	0	0	13531	104912	0	0	214	2600
8	Иран	84923314	0	593	44605	88194	0	43	2898	5574
9	Китай	1394015977	9802	79356	82279	84325	213	2837	3309	4642
10	Россия	141722205	2	2	2337	68622	0	0	17	615
11	Бразилия	211715973	0	2	5717	49492	0	0	201	3313
12	Бельгия	11720716	0	1	12775	44293	0	0	705	6679
13	Канада	37694085	4	20	8521	42739	0	0	100	2197
14	Нидерланды	17280397	0	6	12595	36535	0	0	1039	4289
15	Швейцария	8403994	0	18	16605	28595	0	0	433	1308
16	Индия	1326093247	1	3	1397	24506	0	0	35	775
17	Португалия	10302674	0	0	7443	22797	0	0	160	854
18	Эквадор	16904867	0	0	1962	22719	0	0	60	576
19	Перу	31914989	0	0	1065	20914	0	0	30	572
20	Ирландия	5176569	0	1	3235	18184	0	0	71	829

* В таблице представлены первые 20 стран с наибольшим количеством выявленных случаев заражения по данным на 25 апреля 2020 г.

Расширено по числу выявленных случаев заражения на 25.04.2020 г.

Данные за январь, февраль, март – последнее число каждого месяца, за апрель – последние данные на момент подготовки материала (25.04.2020).

Источник: Хранилище данных о новом коронавирусе COVID-19 (2019-nCoV) Университета Джона Хопкинса со ссылкой на отчеты Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://github.com/CSSEGISandData/COVID-19>** Численность населения взята по оценкам на 2020 год (Источник: Всемирная книга фактов // Центральное разведывательное управление. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/>)

Вкладка 2

Динамика выявленных случаев заражения и смертей от коронавирусной инфекции в расчете на 100 тыс. чел. нас. (в странах с наибольшим количеством заражений)*

Место	Страна	Численность нас., чел. **	Число выявленных случаев заражения				Число смертей			
			январь	февраль	март	апрель	январь	февраль	март	апрель
1	Бельгия	11720716	0,000	0,009	108,995	377,904	0,000	0,000	6,015	56,985
2	Испания	50015792	0,000	0,090	191,785	439,389	0,000	0,000	16,923	45,034
3	Италия	62402659	0,003	1,808	169,531	309,272	0,000	0,046	19,916	41,615
4	Франция	67848156	0,007	0,147	76,830	178,838	0,000	0,003	5,192	32,738
5	Великобритания	65761117	0,003	0,035	38,244	218,165	0,000	0,000	2,720	29,662
6	Нидерланды	17280397	0,000	0,035	72,886	211,425	0,000	0,000	6,013	24,820
7	Ирландия	5176569	0,000	0,019	62,493	351,275	0,000	0,000	1,372	16,014
8	Швейцария	8403994	0,000	0,214	197,585	340,255	0,000	0,000	5,152	15,564
9	США	332639102	0,002	0,020	56,569	258,771	0,000	0,0003	1,164	13,243
10	Португалия	10302674	0,000	0,000	72,243	221,273	0,000	0,000	1,553	8,289
11	Германия	80159662	0,006	0,099	89,581	190,168	0,000	0,000	0,967	6,861
12	Иран	84923314	0,000	0,698	52,524	103,851	0,000	0,051	3,412	6,564
13	Канада	37694085	0,011	0,053	22,606	113,384	0,000	0,000	0,265	5,829
14	Эквадор	16904867	0,000	0,000	11,606	134,393	0,000	0,000	0,355	3,407
15	Турция	82017514	0,000	0,000	16,498	127,914	0,000	0,000	0,261	3,170
16	Перу	31914989	0,000	0,000	3,337	65,530	0,000	0,000	0,094	1,792
17	Бразилия	211715973	0,000	0,001	2,700	23,377	0,000	0,000	0,095	1,565
18	Россия	141722205	0,001	0,001	1,649	48,420	0,000	0,000	0,012	0,434
19	Китай	1394015977	0,703	5,693	5,902	6,049	0,015	0,204	0,237	0,333
20	Индия	1326093247	0,0001	0,0002	0,105	1,848	0,000	0,000	0,003	0,058

* В таблице представлены первые 20 стран с наибольшим количеством выявленных случаев заражения по данным на 25 апреля 2020 г. (рассчитано авторами).

Ранжировано по числу смертей от коронавирусной инфекции (на 100 тыс. чел. нас.) на 25.04.2020 г.

Данные за январь, февраль, март – последнее число каждого месяца, за апрель – последние данные на момент подготовки материала (25.04.2020).

Источник: Хранилище данных о новом коронавирусе COVID-19 (2019-нCoV) Университета Джона Хопкинса со ссылкой на отчеты Всемирной организации здравоохранения. URL: <https://github.com/CSSEGISandData/COVID-19>

** Численность населения взята по оценкам на 2020 год (Источник: Всемирная книга фактов // Центральное разведывательное управление. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/>)

Напомним, что первый случай заражения коронавирусом в мире был зафиксирован 17 ноября 2019 г.²⁰. Возможно, с этим связано непривычно раннее Послание Президента Федеральному Собранию. Он, безусловно, понимал, что «Россия — просто даже в силу своего географического положения — не может отгородиться от угрозы. Рядом с нашими границами находятся государства, уже серьезно пораженные эпидемией, и полностью заблокировать ее проникновение в нашу страну объективно невозможно»²¹.

«Мир действительно меняется очень быстро. И значение оснований государственного единства только повышается. Как раз к этому и относятся социальные обязательства государства. Поправки конституционализируют социальное государство... И не стоит противопоставлять «социальные» поправки «политическим». В концептуальном плане это единое целое»²².

Характер самих поправок в Конституцию, закрепляющих принципы «социального государства», приоритет национальных интересов над международными, делающих реальный шаг в направлении национализации властвующих элит, вместе с широким привлечением к обсуждению поправок общества и идеей всероссийского голосования как конечной инстанции внедрения их в жизнь позволил объединить и мобилизовать общество в период острого кризиса пандемии коронавируса.

Неизвестно, по какому сценарию стало бы проходить масштабное обсуждение поправок в Конституцию, если бы они не были анонсированы

²⁰ Первые два случая заражения коронавирусной инфекцией в России были зафиксированы 31 января 2020 г. в Забайкальском крае и Тюменской области.

²¹ Путин В.В. Первое обращение к россиянам по поводу коронавируса (25 марта 2020 г.) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63061>

²² Скоробогатый П. Путин создает в России «глубинное государство» (материалы интервью с политологом, преподавателем МГИМО МИД РФ А. Зудиным) // Эксперт. 23.03.2020. № 13. С. 44.

своевременно — до того как страна столкнулась с эпидемией коронавируса и ее социально-экономическими последствиями. Скорее всего, политическая ситуация в стране была бы гораздо менее стабильной, если бы сегодня Президент находился в ситуации «хромой утки»; если бы он вовремя не «снял» лишние вопросы относительно транзита власти, инициировав поправки к основному закону.

Однако сегодня, в разгар эпидемии, политическая ситуация в России выглядит достаточно стабильной. Вопросы, связанные с транзитом власти 2024 г., фактически ушли с повестки; общество высоко оценивает эффективность мер, предпринимаемых Президентом и Правительством по защите населения,

По данным ВЦИОМ:

- ✓ более 60% россиян уверены в том, что «российские власти (эпидемиологические и медицинские службы) смогут защитить население России от распространения коронавируса» (противоположного мнения придерживается 32% населения)²³.
- ✓ 60% граждан считают, что российские власти предпринимают «достаточные» меры для предотвращения распространения коронавируса (противоположного мнения придерживается 26% россиян)²⁴;
- ✓ 80% россиян за последние две недели перестали или стали реже выходить на улицу, гулять;
- ✓ 84% — ограничили свои контакты с друзьями, 69% — с родственниками пожилого возраста;
- ✓ 76% — перестали выходить из дома в магазин, аптеку²⁵;
- ✓ 81% людей, оценивая поведение своих друзей, родственников, знакомых, говорят о том, что «большая часть из них соблюдает самоизоляцию»²⁶.

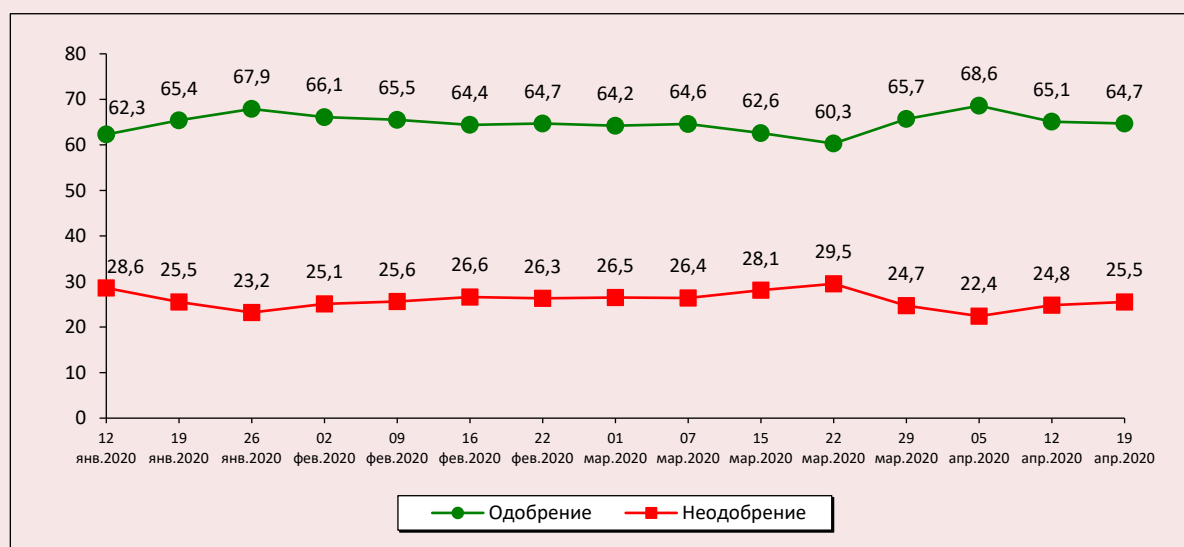
²³ И снова о коронавирусе: что думают россияне? / Опрос ВЦИОМ 13 марта.

²⁴ Россия в пандемии: оценка эффективности противоэпидемических мер / Опрос ВЦИОМ 2 апреля.

²⁵ Коронавирус меняет повседневные практики россиян / Опрос ВЦИОМ 2 апреля.

²⁶ Защититься от коронавируса? Реально! / Опрос ВЦИОМ 2 апреля.

Еженедельная динамика оценки деятельности Президента РФ (данные ВЦИОМ), % от числа опрошенных

и достаточно организованно соблюдает карантинные предписания властей. Даже несмотря на тяжелые времена, которые ощущает сегодня большинство россиян, поддержка главы государства продолжает оставаться стабильной, а с момента беспрецедентных мер по введению общероссийского карантина²⁷ — увеличиваться (рисунки).

Люди видят, что все звенья системы государственного управления работают динамично; Государственной Думой, Советом Федерации оперативно принимаются решения, при необходимости на законодательном уровне вносятся изменения, которые начинают действовать сразу с момента их принятия; что вся эта работа мобилизована лично Президентом, фактиче-

ски ежедневно²⁸ проводящим различного рода совещания с членами кабинета министров, губернаторами, экспертами. После таких совещаний в течение нескольких дней принимаются конкретные решения и оказывается реальная помощь населению, бизнесу, системе здравоохранения, экономике в целом.

Еще одним шагом «на опережение» стала поправка в Конституцию РФ, предложенная депутатом Государственной Думы РФ В.В. Терешковой.

Не секрет, что единственным гарантом и самой Конституции, и всего курса развития, ориентированного на суверенитет и приоритет национальных интересов, является сам В. Путин, который должен был сложить пре-

²⁷ Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней: Указ Президента РФ от 25.03.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63065>

²⁸ Напомним, что первое совещание по борьбе с распространением коронавируса проведено Президентом РФ 29 января 2020 г., то есть за два дня до того, как первые случаи заражения инфекцией были зафиксированы на территории Российской Федерации.

15 марта Распоряжением Президента РФ организована рабочая группа Госсовета по противодействию распространению коронавируса.

С этого момента (фактически за месяц, с 15 марта по 18 апреля 2020 г.) В. Путин провел более 25 различных совещаний, посвященных вопросам профилактики эпидемии, поддержки экономики и различных отраслей. Он лично проверял работу Центра по мониторингу ситуации с коронавирусом (17 марта) и посещал специализированную больницу в Коммунарке (24 марта); трижды обращался с обращениями к гражданам.

С середины марта до середины апреля принято около 50 постановлений Правительства и указов Президента, посвященных мерам поддержки экономики и бизнеса, населения, системы здравоохранения, а также организации эпидемиологических (карантинных) мероприятий.

зидентские полномочия в 2024 г., согласно Конституции РФ 1993 г. Однако поправка об «обнулении» президентских сроков, предложенная 10 марта 2020 г., полностью изменила ситуацию, гарантировав возможность реализации национально ориентированного курса развития, осуществляемого Президентом. И, даже несмотря на рефлекторную протестную реакцию несистемной оппозиции по поводу того, что вокруг «поправки Терешковой» не было организовано широких общественных дискуссий, сама логика напряженных событий, происходящих в мире, способствовала тому, чтобы эта поправка вошла в общий Закон «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»²⁹, подписанный Президентом РФ 14 марта 2020 г., и была одобрена Конституционным судом РФ (16 марта 2020 г.³⁰). Идея об «обнулении» президентских сроков В. Путина оказалась поддержана широкими слоями российского общества: по данным ВЦИОМ, знали об этой инициативе 73% россиян, при этом 64% заявили о том, что будут голосовать за поправки в Конституцию³¹.

Сама вероятность нового президентского срока В. Путина — уже сейчас гарантированная возможность и сигнал элитам о продолжении реализации национально ориентированного политического курса в том случае, «если что-то

«Политические силы, мечтающие вернуться в девяностые, уже давно не делают погоды на российском политическом Олимпе, но **они никуда не исчезли**. «Бенефициары девяностых» совсем не сводятся к «несистемной оппозиции», о пользе которой для «системы» совсем недавно напомнил президент. Это часть экономических и политических элит, которая мечтает пережить правление Путина и все вернуть»³².

пойдет не так». Абстрактная формулировка «что-то не так» относится не только к проблемам в экономике или международных отношениях, но и к возможным попыткам либеральных сил воспользоваться ситуацией транзита власти и наклонить чашу весов государственного управления в свою сторону.

В то же время нельзя не отметить, что, как минимум, еще два потенциальных президентских срока В. Путина не являются «панацеей» от глубоко внутренних проблем, которые укоренились в российской системе государственного управления за последние 30 лет.

За предыдущие годы президентских сроков В. Путину удалось сделать многое. В частности, говорить сегодня о разделении «центров тяжести» в системе государственного управления и о более высокой роли общества в принятии решений и контроле деятельности государственных структур было бы невозможно без политического и гражданского созревания социума до определенного уровня, позволяющего Президенту вносить подобные предложения. Неслучайно в политическом пространстве страны появился новый термин — «система публичной власти», которая «превращается в общий знаменатель для всех органов власти» и «при первом приближении означает власть, открытая для общества и подотчетная обществу»³³.

²⁹ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/62988>

³⁰ Заключение Конституционного суда РФ о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision459904.pdf>

³¹ Данные ВЦИОМ на 11 марта 2020 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10196>

³² Скоробогатый П. Путин создает в России «глубинное государство» (материалы интервью с политологом, преподавателем МГИМО МИД РФ А. Зудиным) // Эксперт. 23.03.2020. № 13. С. 42.

³³ Там же. С. 43.

«В целом можно говорить об изменении «центра тяжести» политической системы. Формируется «расширенная» версия «центра тяжести», повышаются связность системы, способность различных звеньев работать друг с другом»³⁴.

Однако вопрос о том, как станет функционировать система государственного управления без своего главного действующего лица, не будет снят с «повестки дня» до тех пор, пока главе государства не удастся решить, пожалуй, главную задачу – национализации элит. Без этого невозможны коренные изменения в вопросах персональной ответственности, профессионализма стратегического планирования, в нравственном отношении правящих элит к управлению страной и жизнью людей и, в конечном итоге, – невозможно дальнейшее строительство российской государственности, основанной на принципах приоритета национальных интересов, социаль-

ной справедливости и суверенитета. Без указанных составляющих нельзя осуществить прорыв в решении самых острых проблем, волнующих население.

В частности, как отмечают ученые, «по официальным данным бедных в России около 20 миллионов. На самом деле – 57 (если смотреть только по доходам) и 120 млн (то есть более 85% населения), если смотреть по доходам и жилищным условиям... То есть 3 миллиона “богатых” против 57 миллионов “бедных”. И это только по доходам, без учета накопленного имущества и активов у так называемых “олигархов”. Огромный разрыв»³⁵ (табл. 2).

Не меньше проблем накопилось и в самой системе государственного управления. Несмотря на то что на смену либеральному Правительству Д. Медведева пришла команда профессионалов, «заточенных» под решение конкретных, функциональных проблем, далеко не все эксперты склонны с оптимизмом смотреть на перспективы кабинета министров, возглавляемого М.В. Мишустиним.

Таблица 2. Распределение населения России по уровню доходов

Группа	Численность		Уровень доходов	
	млн чел.*	% от общей численности населения	кол-во прожиточных минимумов	руб.
Нищие	19,09	13	< 1	< 10328
Низкообеспеченные (бедные)	41,11	28	≤ 2	≤ 20656
Промежуточный слой	33,77	23	2 – 3	20656 – 30984
Среднеобеспеченные	46,99	32	3 – 11	30984 – 113608
Высокообеспеченные	2,94	2	> 11	> 120000

* Численность постоянного населения России в среднем за 2018 г. составила 146830576 чел. (Источник: База данных Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/folder/12781>)
Составлено по: Экзорцист Голикова изгонит бедных из страны. Материалы интервью с зав. лабораторией проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН проф. В.Н. Бобковым // Аргументы недели. 07.02.2019. С. 3.

³⁴ Скоробогатый П. Путин создает в России «глубинное государство» (материалы интервью с политологом, преподавателем МГИМО МИД РФ А. Зудиным) // Эксперт. 23.03.2020. № 13. С. 45.

³⁵ Экзорцист Голикова изгонит бедных из страны. Материалы интервью с зав. лабораторией проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения РАН проф. В.Н. Бобковым // Аргументы недели. 07.02.2019. С. 3.

Эксперты о составе Правительства РФ, возглавляемого М.В. Мишустиным³⁶:

Мельниченко О.В. (член Совета Федерации от Пензенской области): **«Все новые члены правительства – люди, состоявшие в своих профессиях, имеют за плечами опыт работы в регионах, вузах, крупных предприятиях. Люди, реально ходившие по земле и знающие свои отрасли. Это обнадеживает».**

Данилин П.В. (директор Центра политического анализа): **«Обновление кабинета министров отвечает кадровой политике президента, который дает ответ на запрос на перемены, которые существуют в обществе. Конечно же, новое правительство с новыми силами будет заниматься реализацией как майских указов, так и нацпроектов».**

Бадковский Д.В. (руководитель фонда «Институт социально-экономических и политических исследований»): **«Правительство становится технологичным, чтобы добиться эффективности по реализации нацпроектов, в том числе за счет близкой премьеру темы цифровизации управления и социальной политики, а также обеспечить существенное повышение темпов роста экономики».**

Колесников А.В. (руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского центра Карнеги): **«У Мишустина технократический функционал. Он человек более-менее внеклановый, без особо выраженных политических ценностей, имеющий опыт наладки большой организации и цифровизации. Такой технологизированный персонаж, который не вызывает отторжения у разных кланов. И это хорошо для Путина».**

Мартынов А.А. (политолог, публицист, правозащитник): **«Что касается в целом состава нового правительства, мне представляется, что это кабинет профессионалов, технократов, заточенный на реализацию тех задач, которые сформулированы президентом в послании. Причем реализацию быструю, энергичную. Многие вещи, которые озвучены в послании, действуют уже с января, можно сказать, «вчера». Вот ровно под это, мне кажется, собирали этих людей по такому принципу и компетенциям, умению эффективно работать в таких непростых, динамичных условиях, которые мы сегодня имеем».**

Матвейчев О.А. (профессор НИУ ВШЭ): **«Новый состав правительства оцениваю очень положительно. С точки зрения кадрового подбора оно выглядит более профессионально, чем прежде, и на правильном месте держат определенных людей».**

Делягин М.Г. (д.э.н., экономист, публицист): **«Новый кабинет министров будет продолжать социально-экономическую политику правительства Дмитрия Медведева. Поручкой тому – госпожа Набиуллина как глава Банка России, поручкой тому сохранение в правительстве таких знаковых фигур, как министр финансов Антон Силуанов и вице-премьер Татьяна Голикова»³⁷.**

Становая Т. (политолог, руководитель аналитической компании R.Politik, эксперт Московского центра Карнеги): **«Правительство действительно будет технократическим, но в узком бюрократическом смысле, в логике «малых дел»... это потолок задач – никаких структурных реформ назначения не предполагают»³⁸.**

³⁶ Источники: Политики и эксперты оценили новый состав Правительства // Риа-новости. 21.01.2020. URL: <https://ria.ru/20200121/1563696035.html>; Мухаметшина Е., Никольский А. «Правительство становится технологичным». Эксперты о новом составе кабинета министров // Ведомости. 22.01.2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/01/22/821231-pravitelstvo-stanovitsya-tehnologichnim>; Опрошенные «Реальным временем» политологи оценили новый состав российского кабмина // Реальное время. 21.01.2020. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/163815-politologi-о-novom-sostave-pravitelstva-rossii>

³⁷ Делягин М.Г. Без иллюзий // Официальный сайт Изборского клуба. 20.01.2020. URL: <https://izborsk-club.ru/18710>

³⁸ Становая Т. Универсальность и молодость. Чего ждать от обновленного правительства // Московский центр Карнеги. 22.01.2020. URL: <https://carnegie.ru/commentary/80860>

Путин В.В.: «Дайте мне 20 лет, и я верну вам сильную Россию»³⁹.

Таким образом, в стране по-прежнему сохраняется значительное количество острых проблем, в частности потому, что за все время президентских сроков В. Путина в России так и не было необходимого периода для спокойного внутреннего развития⁴⁰. Решение этих проблем, во многом, будет зависеть от развития ситуации на международной арене (особенно на фоне политических и экономических последствий пандемии); от того, насколько экономические последствия эпидемии коронавируса внутри страны затормозят реализацию национальных проектов и насколько эффективными окажутся решения власти по поддержке широких слоев населения. Не менее важным фактором станет способность системы государственного управления эффективно функционировать в новых политических условиях, которые будут введены в действие после общероссийского голосования по поправкам в Конституцию в случае их поддержки большинством населения страны.

Реальным инструментом повышения эффективности государственного управления на всех уровнях может стать новая Стратегия национальной безопасности. Она должна быть разработана уже в следующем году⁴¹ и, напомним, осуществляется под личным контролем главы государства⁴².

³⁹ Чжан М., Гуэнь С. Политэкономика Владимира Путина / СПбГУ. 2018. С. 28.

⁴⁰ Напомним, что за последние 20 лет Россия прошла через чеченскую войну (2000 г.), грузино-южноосетинский конфликт (2008 г.), мировой финансовый кризис (2008 г.), украинский кризис (2013 г.), войну в Сирии (2015 г.). Кроме этих событий постепенное восстановление геополитического статуса России сталкивалось со всё более агрессивным противодействием многих стран Запада в виде антироссийских санкций США и Евросоюза, целенаправленного распространения русофобских настроений и т. д.

⁴¹ Напомним, что в соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (№ 172-ФЗ от 28 июня 2014 г.) Стратегия национальной безопасности должна обновляться каждые 6 лет, при этом действующая Стратегия была подписана В. Путиным в декабре 2015 г.

⁴² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Российская газета. 31.12.2015. URL: <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>

Ключевые отличия действующей Стратегии национальной безопасности, подписанной В. Путиным в 2015 г., от Стратегии национальной безопасности 2009 г., подписанной Д. Медведевым, мы приводили в предыдущей статье, отметив, что фактически каждый из ее пунктов приобрел «совершенно новое содержание, и общее резюме этих новшеств – нацеленность на развитие уровня и качества жизни «простых» россиян, а также обеспечение суверенного, независимого развития самой страны»⁴³. Здесь же скажем, что в унисон с новой (точнее, обновленной) Конституцией РФ Стратегия национальной безопасности – 2021 должна будет дать государственную гарантию и возможность реального обеспечения всех взятых на себя государством социальных, политических и культурно-ценностных обязательств по отношению к российскому обществу.

Это означает не только сохранение основных положений Стратегии 2015 г., касающихся защиты национальных интересов на международном и внутрироссийском уровнях, но и их развитие с учетом изменившихся за прошедшие 6 лет условий, а также новых (прежде всего социальных) обязательств, которые берет на себя государство в соответствии с новой редакцией Конституции. Среди них «обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи», формирование «системы пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности», «индексация пенсий не реже одного раза в год», «гарантированный минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения»⁴⁴. Другими словами, тех обязательств, реализация которых должна быть ощутимой для каждого конкретного гражданина нашей страны. Это предполагает формирование нового поколения элит, нацеленных на приоритеты национального развития и способных обеспечить динамичное развитие уровня и качества жизни широких слоев населения.

⁴³ Ильин В.А., Морев М.В. Ещё один шаг к «долгому государству» В. Путина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 16.

⁴⁴ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: ФЗ № 1 от 14.03.2020. URL: <http://duma.gov.ru/news/48045/>

Ближайшее десятилетие, таким образом, — лишь время, за которое В. Путину, как Президенту, национальному лидеру и гаранту Конституции, предстоит выстроить эффективную и устойчивую систему вертикали публичной власти, способную функционировать без него, без «ручного» управления, и делать это, ориентируясь на национальные интересы России, включая обеспечение независимости и конкурентоспособности на международной арене.

Пожалуй, определяющим фактором в дальнейшем развитии российской государственности являются решения самого Президента, которые для многих экспертов остаются непредсказуемыми. В. Путин всегда осознавал свою историческую ответственность перед страной и никогда не избегал ее. Избиратель видит, что Президент берет на себя ответственность за все, что происходит в стране, и за то, как она выглядит на международной арене.

Напомним, что в своей первой официальной речи в должности Президента РФ В. Путин особо подчеркнул, что обращается именно к «гражданам России». И начал он ее со слов,

А. Хазин: «Я не берусь прогнозировать действия Путина. Он в этом смысле – гроссмейстер, и его ходы, как правило, настолько же неожиданны, насколько и эффективны. Поэтому я склонен считать, что у него еще много резервов, и они будут пущены в дело. Мы их пока не знаем. Но одно я могу сказать: любой человек, который понимает, что надо возвращаться к консервативным ценностям, должен сегодня Путина поддерживать»⁴⁵.

которыми, по большому счету, можно охарактеризовать все его дальнейшие действия на протяжении последующих президентских сроков, в том числе и сегодня, спустя 20 лет:

«Я понимаю, что взял на себя огромную ответственность, и знаю, в России глава государства всегда был и будет человеком, который отвечает за все, что происходит в стране»⁴⁶.

Двадцать лет президентства В. Путина дают основание полагать, что с такой идеологией ответственности высшего должностного лица будет пройдена проверка на прочность и в 2020 г., и в последующие его президентские сроки.

Литература

1. Ивантер А., Кудияров С., Обухова Е. Кризис, к которому мы готовы // Эксперт. 2020. № 12. С. 13–21.
2. *World Economic Outlook Reports*. World Economic Outlook, April 2020: Chapter 1. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020>
3. Мау В.А. Экономика и политика 2019–2020: глобальные вызовы и национальные ответы // Вопросы экономики. 2020. № 3. С. 5–27.
4. Скоробогатый П. Путин создает в России «глубинное государство» (материалы интервью с политологом, преподавателем МГИМО МИД РФ А. Зудиным) // Эксперт. 23.03.2020. № 13. С. 42–46.
5. Мэн Чжан, Сюэлин Гуэнь. Политэкономия Владимира Путина / СПбГУ. 2018. 330 с.
6. Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Российская газета. 1999. 30 дек.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель организации, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

⁴⁵ Хазин А. Либерализм мертв // Завтра. 06.04.2020. URL: http://zavtra.ru/blogs/liberalizm_myortv

⁴⁶ Путин В.В. Речь на инаугурации 7 мая 2000 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21410>

Ilyin V.A., Morev M.V.

Efficiency of the State's "Manual" Management. Challenges of 2020

Abstract. The following materials logically continue the chief editor's article «Another Step toward V. Putin's "Long State"», which was published in the previous issue of the journal "Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast" (no.1, 2020). Basics of a new Russian statehood, which the President has been building for the last 20 years, are tested by epidemiological and socio-economic crises, caused by COVID-19 pandemic, and the drop of oil prices. Efficiency of the state's "manual" management, which V. Putin has been implementing during all his presidential terms, is also going through challenges. The author's position on the development of the political situation in the country, based on the analysis of facts, statistical data, results of population's sociological surveys, and experts' assessments, proceeds from the fact that, in a current difficult situation, the President personally (publicly, attracting expert community and general population) get "ahead of the curve" to maintain stability and provide conditions for the long-term implementation of the prospective political course of the country's development. Such actions include timely initiation of the large-scale discussion and the adoption of the respective law on amending the Constitution of the Russian Federation and the provision of the ensured opportunity to continue national-oriented development course for the next 15 years at least. Thus, despite force majeure global circumstances and complicated domestic situation, the President takes steps aimed at the preservation and strengthening of the Russian statehood in the future. It once again shows the historical role of V. Putin and allows us to expect with cautious optimism the Russia's "withdrawal" from the current situation without, at least, losses for national security and competitiveness while keeping prospects for further sustainable development.

Key words: efficiency of the state's management, "deep state", pandemic, Constitution of the Russian Federation, National security strategy.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Deputy Head of Department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

Промышленная политика: новые реалии, проблемы формирования и реализации*

**Ольга Александровна
РОМАНОВА**

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
E-mail: econ@uran.ru
ORCID: 0000-0002-6647-9961; ResearcherID: K-3318-2018

**Алена Олеговна
ПОНОМАРЕВА**

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
E-mail: k511-a@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4296-3521; ResearcherID: AAC-5795-2019

Аннотация. В статье проведен компаративный анализ изменения целевых ориентиров для формирования промышленной политики в экономике развитых стран и России. Обосновано, что цели промышленной политики должны не только быть привлекательными для государства и бизнеса, но и способствовать формированию благоприятной бизнес-среды, а также росту общественного благосостояния. Установлено, что в условиях «общества травмы» могут быть реализованы только краткосрочные приоритеты промышленной политики. Выявлены новые реалии, оказывающие принципиальное влияние на приоритеты промышленной политики. Обоснована целесообразность встраивания промышленной политики в общий вектор стратегических

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-010-00719 «Моделирование процессов кросс-индустриальной сетизации в промышленном комплексе на основе гибридных технологий».

Для цитирования: Романова О.А., Пономарева А.О. Промышленная политика: новые реалии, проблемы формирования и реализации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 25–40. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.2

For citation: Romanova O.A., Ponomareva A.O. Industrial policy: new realities, formation and implementation issues. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 25–40. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.2

документов России. Предложена разработка региональной промышленной политики в рамках Уральского федерального округа как одного из 12 макрорегионов страны, выделенных в «Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года». Анализ «Обновленной стратегии промышленной политики ЕС» и многочисленных исследований в области формирования циркулярной экономики позволил обосновать необходимость стимулирования мерами промышленной политики перехода к циркулярной экономике с включением основных принципов такого перехода в стратегические документы развития России и ее регионов. Подчеркнута неразрывная связь формирования циркулярной экономики с цифровизацией. Показано, что в трактовке зарубежных авторов, в отличие от отечественных, цифровая трансформация, как и промышленная политика, имеют конечной целью положительные качественные изменения общественно значимых результатов. Структурированы приоритеты в области цифровизации отечественной промышленности для их поддержки инструментами промышленной политики. Подчеркнуто происходящее в процессе цифровизации экономики ускорение внедрения технологических решений, основанных на информационных системах с искусственным интеллектом. Выделены приоритетные направления для поддержки развития искусственного интеллекта промышленной политикой. Установлено, что новейшие технологии влияют на смену приоритетов промышленной политики, трансформируют экономическую роль государства и современные бизнес-модели. Взаимодействие новых субъектов и объектов промышленной политики является базисом формирования качественно новой сетевой промышленной политики.

Ключевые слова: промышленная политика, эволюция понятий промышленной политики, новые технологические тренды, стратегии и приоритеты развития, циркулярная экономика, цифровая трансформация, сетевая промышленная политика.

Введение

Одним из наиболее востребованных инструментов в сфере формирования структурно сбалансированной, конкурентоспособной экономики, в рамках которой реализуются самые современные технологические и институциональные тренды, является промышленная политика. Широко известно выражение классика в области промышленной политики Д. Родрика: «В развивающихся странах трудно найти преуспевающую индустрию, которая бы не была результатом проведения промышленной политики» [1].

Возникновение разнообразных технологических, экологических и социально-экономических трендов в развитии мировой экономики предопределило корректировку целевых ориентиров для формирования и реализации промышленной политики. Если целью промышленной политики в период с XIX века до первых десятилетий XX века являлось создание мощной промышленной индустрии, то уже с первых десятилетий до 60-х годов XX века она корректируется с учетом базовых социальных гарантий как обязательного условия для реализации любых технологических решений. С начала XXI века практически все развитые страны уже

на ранних этапах формирования и реализации промышленной политики отдают приоритет решению социальных, экологических, этических проблем в качестве предварительных оснований для принятия окончательного вердикта по поводу возможности реализации любых новых технологических изменений. В современной отечественной и зарубежной литературе содержатся итоги многочисленных исследований, касающихся сущности промышленной политики, особенностей ее понимания и применения в разных странах [1–10]. Целью настоящей статьи стал анализ новых реалий экономического развития, предопределяющих значительную корректировку приоритетов отечественной промышленной политики.

Для достижения поставленной цели необходимо проанализировать эволюцию понятия «промышленная политика» в России; выявить новые реалии, принципиально влияющие на приоритеты промышленной политики; систематизировать их в области новейших технологических трендов; установить изменение приоритетов отечественной промышленной политики, поддерживаемых Фондом развития промышленности.

Понятие промышленной политики

Несмотря на то что промышленная политика широко используется в практике мировой экономики уже не первое столетие, дискуссии по поводу самого понятия «промышленная политика», трактовки ее экономического содержания, целевой направленности, возможных механизмов реализации продолжают до настоящего времени. Относительное единство мнений достигнуто по поводу правомерности рассмотрения промышленной политики как горизонтальной политики, реализующей систему мер для создания благоприятного делового климата для всех хозяйствующих субъектов, и понимания ее как вертикальной, поддерживающей селективно выбранные производства.

В последние годы, когда все активнее говорится о формировании сетевой экономики, появилась трактовка промышленной политики как сетевой политики, осуществляемой так называемым цифровым государством (Е-государством). Распространено и ее толкование как политики в широком (направленной на изменение структуры экономики в целом) и узком (когда речь идет об отдельном секторе экономики) смысле слова (рис. 1). При этом

в качестве секторов рассматриваются различные индустрии, такие как промышленность, сельское хозяйство, индустрия туризма и т. д. Наиболее широкое распространение в нашей стране получило понятие промышленной политики в узком смысле слова, применяемое к промышленному сектору экономики.

Проследив эволюцию понятий промышленной политики, предложенных рядом институциональных акторов, в России в период с 1998 года, то есть года начала кардинальных изменений в экономической и политической жизни страны, до 2014 года, когда был утвержден Федеральный закон «О промышленной политике в РФ», можно сделать вывод о том, что объект ее регулирования последовательно сжимается от структурных пропорций экономики страны в целом до только лишь промышленного сектора. Кроме того, если в первоначальных трактовках внимание акцентировалось на развитии человеческого потенциала, социально-экономическом развитии страны, то в законе «О промышленной политике в РФ» полностью отсутствуют какие-либо аспекты в области развития личностного потенциала и общественного благосостояния (рис. 2).

Рис. 1. Виды промышленной политики

Источник: составлено авторами на основе [4; 8; 10; 11; 12; 13].

Рис. 2. Эволюция понятия «промышленная политика» (1998–2014 гг.)

Анализ публикаций [4; 8; 9; 10; 12] позволяет выделить наиболее полную, интегрирующую разнообразие дефиниции трактовку понятия «промышленная политика», соответствующую понятию, предложенному ЮНИДО и ОЭСР.

«Промышленная политика – это государственная политика, направленная на улучшение бизнес-среды или структуры экономической активности по секторам и технологиям, которые обеспечат более благоприятные перспективы для экономического роста и общественного благосостояния по сравнению с отсутствием такого вмешательства» [10]. Достоинством данного определения является, по нашему мнению, понимание промышленной политики не просто как комплекса правовых, экономических, организационных и иных мер, направленных на развитие промышленного потенциала страны. Здесь подчеркивается, что промышленная политика – это государственная политика, а значит, как любая политика, она отражает систему отношений между государством, бизнесом, институтами гражданского

общества по поводу достижения согласованных целей. В качестве таких целей в данном определении отмечается как совершенствование бизнес-среды, так и улучшение структуры экономической активности по секторам. Это позволяет сблизить позиции исследователей, поддерживающих и горизонтальную, и вертикальную промышленную политику. Кроме того, важен акцент на необходимости обеспечения роста общественного благосостояния, что в полной мере соответствует эволюции понятия «промышленная политика» в мировой экономике в течение последних двух столетий.

Понимание промышленной политики как системы отношений между государством и разнообразными акторами его экономической и общественной жизни актуализирует проблему выбора приоритетов промышленной политики любого государства. В общем случае этот выбор определяется уровнем цивилизационного, социально-экономического и технологического развития общества, особенностями менталитета населения.

Среди условий важную роль играет состояние общества, в котором оно находится. В период эволюционного развития государства возможны формирование и реализация долгосрочных приоритетов промышленной политики, революционное развитие обычно предполагает коренную ломку ранее сформулированных направлений с последующей выработкой краткосрочных приоритетов. Особый подход к выбору приоритетов промышленной политики требуется в государствах, характеризующихся существованием так называемого «общества травмы» [14]. Для него характерны длительное состояние неопределенности трансформации общественных отношений; серьезная деформация экономических, социальных, политических и духовно-культурных процессов; несогласованность действий политических и экономических акторов, которые достаточно часто олицетворяют корпоративные или групповые эгоистические интересы; переход властных ресурсов в капитал и взаимный переход капитала во властные ресурсы; резкое увеличение социального неравенства и т. д. В связи с этим возникает гипотеза: в «обществе травмы», основные черты которого можно наблюдать в современной России, отсутствуют необходимые условия для выработки долгосрочных приоритетов промышленной политики. Такое положение дел во многом объясняет частую смену декларируемых государством приоритетов развития.

Постановка вопроса о приоритетах развития неизбежно приводит и к корректировке целей промышленной политики. В ее рамках становится обязательным решение задач не только экономического, но и социо-эколого-гуманитарного характера, что в полной мере соответствует приведенному выше понятию промышленной политики, сформулированному ЮНИДО и ОЭСР. При этом очень важно, чтобы цели были не только привлекательны для бизнеса, государства, общества, но и чтобы их достижение приводило к значимому результату с позиции формирования благоприятной бизнес-среды для экономического, в том числе промышленного, развития и для роста общественного благосостояния [15].

Новые реалии, оказывающие принципиальное влияние на приоритеты промышленной политики

Резко меняющаяся политическая и экономическая ситуация в мире, появление новых технологических трендов, характерных для четвертой промышленной революции, которые не только трансформируют макроэкономические структурные пропорции, но могут привести и к непредсказуемым изменениям в области социально-этических отношений, свидетельствуют о необходимости принципиально иного подхода к принятию управленческих решений, прежде всего в области промышленной политики. Она должна встраиваться в общий вектор стратегических документов. Кроме того, корректировка приоритетов промышленной политики предопределяется тем, что возрастает значимость учета новейших направлений развития, формирующих так называемую «новую реальность» — это акцент на пространственное развитие экономики; формирование циркулярной экономики; цифровая трансформация; развитие технологий искусственного интеллекта.

Встраивание промышленной политики в общий вектор стратегических документов. Неоднозначная оценка перспективности и последствий реализации некоторых из вышеприведенных направлений предопределяет достаточно высокую вероятность появления разнообразных рисков. Наиболее значимые из них отмечены в ежегодном докладе Всемирного экономического форума (Давос-2020). Здесь выделены пять глобальных рисков: замедляющаяся экономика и социальная напряженность, изменение климата, сокращение биоразнообразия видов, проблемы с кибербезопасностью, новые трудности в здравоохранении¹. Как видно, три из пяти глобальных рисков непосредственно связаны с экологией, один — с нарастающей социальной напряженностью. Это подтверждает обязательность требований к новым принципам формирования промышленной политики, связанным с системностью мер регулирования экономического, технологического, социального и экологического развития.

¹ The Global Risks Report 2020. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risk_Report_2020.pdf (дата обращения 30.01.2020).

В таких условиях вектор формирования промышленной политики не может рассматриваться как предпочтительное направление развития промышленности (в соответствии с Федеральным законом «О промышленной политике в РФ») без учета социального и экологического факторов. Он должен быть встроен в общую систему стратегических документов, определяющих будущее страны, поэтому возникает задача формирования промышленной политики новой конфигурации (многомерной политики). Она является следствием высоких рисков от выделения секторальных приоритетов, возможности определения ошибочных технологических приоритетов и вероятности недостоверных оценок в области ожидаемой эффективности от их реализации. Для нивелирования вероятных рисков целесообразно формировать так называемые «пилоты» промышленной (то есть структурной) политики [16]. В некоторых исследованиях промышленная и структурная политика рассматриваются в качестве синонимичных понятий [5; 16; 17].

Встраивание промышленной политики в общий вектор стратегических документов, формирующих будущее государства, делает необходимыми определенные комментарии к важнейшим, недавно принятым стратегическим документам развития России, формирующим «новую реальность». Речь идет о таких стратегиях и программах, как «Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 г.», «Стратегия экологической безопасности РФ на период до 2025 года», Национальная программа «Цифровая экономика РФ», «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». Наиболее важные положения этих документов стали значимой составляющей национальных проектов.

Пространственное развитие экономики.

В федеральном законе «О промышленной политике в РФ» пространственный аспект экономического развития фактически не затронут, хотя для России, одной из крупнейших стран мира по занимаемой территории, это очень важное направление, которое подлежит обязательному регулированию со стороны государства. Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 г. призвана

во многом решить эту проблему. По нашему мнению, настоящая Стратегия должна рассматриваться не только как инструмент распределения ограниченных ресурсов, необходимых для реализации выявленных приоритетов, но и, главным образом, как основа предпочтительного будущего страны, выраженного во взаимосвязи пространственного и индустриального развития. Кроме того, очевидно, что в ней должны быть предложены управленческие решения, необходимые для достижения этого будущего, в том числе в области промышленной политики. В Стратегии пространственного развития России выделены 12 макрорегионов, как новый механизм развития территорий отмечено создание инвестиционных площадок. Особенность Стратегии – приоритет поддержки инвестиционных проектов, которые носят межрегиональный характер.

В то же время нужно сказать о поверхностном уровне обоснования сформулированных в Стратегии приоритетов для выделенных макрорегионов; недостаточной проработке вопросов в области экономического и институционального обеспечения для реализации федеральных и региональных приоритетов; отсутствии информации об инвестициях и других ресурсах, необходимых для реализации стратегических приоритетов. Она не содержит каких-либо предложений по формированию институциональных новаций, связанных со статусом макрорегионов. Слабый момент, на наш взгляд, заключается в том, что отсутствует обоснованная возможность сделать изменения более предсказуемыми для всех участников разработки и реализации Стратегии, нет четкой системы координации действий всех сторон.

Расплывчатость, нечеткость, вернее, полное отсутствие обоснования предложенных в Стратегии приоритетов, заставляют более внимательно проанализировать имеющийся зарубежный опыт разработки разнообразных стратегических документов, определяющих государственные приоритеты развития. Особый интерес с этих позиций представляет концепция «умной специализации» для выбора приоритетов развития в странах ЕС. Важнейшей институциональной новацией ЕС в области выбора приоритетов развития является формиро-

вание *платформы умной специализации* (Smart Specialization Platform, S3 Platform)². Ее основное назначение:

- информационная, методологическая и экспертная поддержка региональных органов власти в выборе приоритетов развития;
- содействие взаимному обучению и межрегиональной кооперации;
- создание банка приоритетов, систематизированных по отдельным рубрикам для уточнения регионами своей специализации;
- систематизация инструментов промышленной политики, позволяющих поддерживать конкурентные преимущества территорий при разработке стратегий их развития.

Таким образом, промышленная политика, стимулирующая реализацию приоритетных конкурентных преимуществ территорий, является отличительной особенностью стратегий умной специализации стран ЕС. Важно подчеркнуть, что в таких стратегиях поддерживаются те направления развития, которые в полной мере сочетаются с потребностями бизнеса.

Российскими исследователями Высшей школы экономики проведен сравнительный анализ соответствия восьми стратегий инновационного развития субъектов РФ критериям стратегий умной специализации [18], позволивший выявить элементы умной специализации, которых нет в отечественных стратегиях инновационного развития регионов. Основные из них связаны с недостаточной аналитической проработкой, отсутствием межрегиональных сопоставлений и четкого выделения государственных приоритетов, глобальных технологических трендов. Инновации рассматриваются без должной увязки с социально-экономическим контекстом. Но главное отличие заключается в том, что российские регионы при создании соответствующих стратегий не формируют видения будущего региона. Основным выводом проведенного исследования, который должен быть взят на вооружение при разработке отечественных региональных стратегий инновационного развития, заключается в следующем: сформированная на уровне отдельного региона стратегия не может быть успешной, ибо

² How can regions and countries join the S3 Platform? Available at: <https://s3platform.jrc.ec.europa.eu/registration> (дата обращения 27.01.2020).

необходимы глубокое внешнее знание и общие правила выбора и синхронизации приоритетов.

Как было отмечено, в «Стратегии пространственного развития России на период до 2030 года» не определен институциональный статус 12 макрорегионов, что затрудняет практическую реализацию предложенных территориями межрегиональных инвестиционных проектов. В то же время один из макрорегионов, а именно Уральско-Сибирский, по составу входящих в него субъектов РФ полностью соответствует структуре Уральского федерального округа. Это может явиться основанием для разработки региональной промышленной политики не только отдельных субъектов Федерации, но и Уральского федерального округа в целом, ибо в таком случае возникает конкретный субъект промышленной политики. Промышленная политика макрорегиона как инструмент реализации межрегиональных инвестиционных проектов позволит:

- обеспечить согласованность действий субъектов хозяйствования в рамках каждого субъекта макрорегиона с интересами макрорегиона в целом;
- развивать межрегиональные кооперационные цепочки;
- активизировать в рамках макрорегиона взаимодействие крупного бизнеса с малым и средним;
- обеспечить согласованное развитие промышленности, региональной науки, системы высшего и среднего профессионального образования между субъектами, входящими в Уральско-Сибирский макрорегион.

Однако успешность его промышленной политики может быть достигнута лишь при учете должным образом приоритетов федеральной промышленной политики и особенностей промышленной политики регионов, формирующих Уральско-Сибирский макрорегион.

Формирование циркулярной экономики. Среди новых реалий, оказывающих принципиальное воздействие на выявление приоритетов промышленной политики, особое место занимает формирование циркулярной экономики или экономики замкнутого цикла. Ее концепция находится на первоначальном этапе становления. В то же время в ЕС еще в 2015 году был принят план действий, стимулирующий

переход Европы к циркулярной экономике. В 2017 году принята «Обновленная стратегия промышленной политики ЕС», цель которой сформулирована как «укрепление лидерства Европы в циркулярной и низкоуглеродной экономике». Во всех документах стратегического характера в странах Европы обязательно присутствуют положения, связанные с циркулярной экономикой.

Актуализация повышения экологической безопасности, становления экономики замкнутого цикла предопределила разработку в России «Стратегии экологической безопасности РФ на период до 2025 года», «Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 года», утвержденных соответственно в 2017 и 2018 гг. В настоящее время формируются «Основные направления стратегии долгосрочного развития экономики РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года». Особую роль в становлении экономики замкнутого цикла должен сыграть национальный проект (НП) «Экология», реализуемый в период с 2018 по 2024 год. Предусмотренные в нем 11 федеральных проектов направлены на ликвидацию негативного техногенного влияния на окружающую среду, снижение загрязнения природных ресурсов, эффективную утилизацию отходов производства и потребления. Большую опасность в достижении целей, заложенных в НП «Экология», представляет, по нашему мнению, сомнительная возможность привлечения внебюджетных средств, доля которых составляет почти 80% от общего объема финансового обеспечения этого НП³.

Особая роль промышленной политики в реализации данного НП связана с выполнением одного из 11 федеральных проектов, а именно проекта «Внедрение наилучших доступных технологий». В качестве основного показателя, характеризующего достижение цели федерального проекта, принято количество выдан-

ных комплексных экологических разрешений. Однако разрешения касаются только объектов, относящихся к первой категории. В то же время законодательство в области промышленной политики не корректируется должным образом с позиции достижения целей НП «Экология», а также требований циркулярной экономики. В настоящее время Фонд развития промышленности является основным инструментом промышленной политики, который может быть использован для поощрения модернизации промышленных предприятий с целью достижения параметров их работы, соответствующих требованиям наилучших доступных технологий (НДТ). Именно на реализацию этого федерального проекта, заложенного в НП «Экология», предусмотрено более 60% всех инвестиций бюджета данного НП. Достижение целей указанного федерального проекта могло бы позволить гармонизировать процесс внедрения НДТ в России с нормами международного права.

Таким образом, инструменты промышленной политики должны все больше перенастраиваться на применение мер, обеспечивающих реализацию целей НП «Экология» и стимулирующих переход к циркулярной экономике. Основные принципы такого перехода необходимо включать в стратегические документы развития России и ее регионов.

Цифровая трансформация. Формирование циркулярной экономики неразрывно связано с цифровизацией. Развитие цифровых технологий является одной из важнейших задач промышленной политики ЕС. Промышленная политика в нем поддерживает формирование единого цифрового рынка и благоприятной институциональной среды, реализацию технологий Индустрии 4.0, подготовку квалифицированной рабочей силы, ориентированной на деятельность в цифровой экономике и рост производительности труда. В России развитию цифровых технологий будет способствовать выполнение национальной программы «Цифровая экономика РФ», утвержденной в 2017 году, а также Национального проекта «Цифровая экономика», утвержденного в 2018 году со сроками реализации с 2018 по 2024 год. В рамках НП предусмотрено шесть федеральных проектов, связанных с развитием информационной цифровой среды.

³ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг хода реализации мероприятий национального проекта „Экология“, в том числе своевременности их финансового обеспечения, достижения целей и задач, контрольных точек, а также качества управления». URL: <http://www.audit.gov.ru/upload/iblock/697/6974665033576448bae98baa0e9626e4.pdf> (дата обращения 20.02.2020).

Одним из важнейших федеральных проектов представляется проект, связанный с развитием цифровых технологий, которые будут оказывать серьезное влияние не только на все сферы экономики, но и на жизнь общества в целом. Среди таких «сквозных» цифровых технологий можно отметить искусственный интеллект, big data, виртуальную и дополненную реальность, новые производственные технологии, промышленный интернет и т. д. Именно на стимулирование развития данных технологий целесообразно направить инструменты промышленной политики. Несмотря на бесспорную значимость цифровизации производства, исполнение бюджета по НП «Цифровая экономика» оказалось самым низким из всех 13 национальных проектов. По состоянию на конец декабря 2019 года исполнение расходов на реализацию данного проекта составило лишь 53,6%⁴.

Разработка Национального проекта «Цифровая экономика» во многом была предопределена становлением цифровой трансформации в качестве общемирового ключевого тренда⁵ [19–21]. Все более активно, но с разной степенью эффективности во всем мире происходит цифровая трансформация государственного управления [22]. Этот аспект представляется особо значимым с точки зрения формирования промышленной политики в условиях новой реальности. Известно, что государство является одним из ведущих субъектов как формирования, так и реализации промышленной политики. Но об успешной цифровой трансформации в данном контексте можно говорить, по нашему мнению, только тогда, когда цифровые технологии будут использоваться не столько для поддержки процессов взаимодействия между властными структурами, сколько для достижения значимых результатов реализации промышленной политики. Такие результаты должны характеризоваться прогрессивными структурными преобразованиями, созданием благоприятного делового климата, получени-

⁴ Реализация нацпроектов: первые результаты. URL: <http://www.audit.gov.ru/audit-national/9508> (дата обращения 20.02.2020).

⁵ Bondar K. What is in reality Industry 4.0? // In Industry 4.0. – 9 November, 2017 / Available at: <http://innovacima.com/en/2017/11/09/what-is-industry-4-0> (дата обращения 30.01.2020).

ем дополнительной общественной ценности (public value) как итогами реализации государственных инициатив в области цифровизации [23].

В соответствии с ранее принятыми рекомендациями ОЭСР основой цифрового правительства является экосистема, включающая в себя не только органы государственного управления, но и бизнес-структуры, институты и ассоциации гражданского общества. Такое правительство рассматривает использование цифровых технологий в качестве «неотъемлемой части стратегий по модернизации государственного управления с целью улучшения предоставления общественных благ»⁶. Таким образом, в трактовке зарубежных авторов как цифровая трансформация, так и промышленная политика имеют конечной целью положительные качественные изменения общественно значимых результатов. Однако в отличие от такого подхода в понятии промышленной политики, закрепленном в Федеральном законе «О промышленной политике в РФ», отсутствует даже упоминание о получении общественно значимых результатов. Аналогичная ситуация характерна и для отечественного понимания цифровой трансформации. Ее трактовка, предложенная Центром стратегических разработок, во главу угла ставит лишь оптимизацию процессов, появление принципиально новых их свойств, экономию используемых ресурсов. Здесь также речь не идет о получении каких-либо результатов, значимых с позиции общественной ценности.

В целом для поддержания цифровой трансформации в России Федеральный закон «О промышленной политике в РФ» предусматривает увеличение программ финансирования Фондом развития промышленности – основным инструментом реализации приоритетов промышленной политики – за счет включения в их состав программы «цифровизация промышленности». Ее участники могут получить сумму займа от 20 до 50 млн руб. при процентной ставке от 1 до 5% и сроке займа до 5 лет. Новые приоритеты в области цифровизации

⁶ OECD Recommendation of the Council on Digital Government Strategies. 2014. Available at: <http://www.oecd.org/gov/digital-government/Recommendation-digital-government-strategies.pdf> (дата обращения 03.02.2020).

промышленности, реализация которых финансируется Фондом развития промышленности, могут быть структурированы следующим образом:

- формирование механизма перенастройки инструмента субсидирования пилотных партий оборудования со смещением акцентов на задачи цифровизации;
- уточнение перечня программного обеспечения, приобретение которого субсидируется Минпромторгом РФ;
- расширение мер поддержки программных продуктов, необходимых для технологий индустриального интернета;
- включение высокотехнологичного сектора экономики в число получателей скидок крупных компаний;
- формирование нормативной базы регулирования процессов цифровой экономики;
- переориентация инженерных и технологических систем на экологически дружелюбные.

Необходимо особо подчеркнуть, что наибольший эффект от цифровизации будет достигнут в такой экономике, где не только развиты традиционные производства и сфера услуг, сформированы кооперационные связи между ними, но и подготовлены кадры, обладающие соответствующими компетенциями. Эта проблема может быть решена при согласованной реализации федерального проекта «Кадры для цифровой экономики», включенного в НП «Цифровая экономика», и одного из трех федеральных проектов в рамках НП «Наука» («Развитие кадрового потенциала в сфере исследований и разработок»). Выполнение последнего позволит не только создать 50 центров ускоренной подготовки специалистов, 5 международных научно-методических центров на базе вузов, но и организовать работу 15 вузов-спутников для проведения исследований, подготовки, переподготовки и стажировки продвинутых кадров цифровой экономики⁷.

Искусственный интеллект. В процессе цифровизации экономики ускоряется внедрение технологических решений, разработанных на основе информационных систем и

⁷ Паспорт национального проекта «Наука». URL: <https://rulaws.ru/acts/Pasport-natsionalnogo-proekta-Nauka/> (дата обращения 21.02.2020).

искусственного интеллекта (ИИ). Объем мирового рынка технологий ИИ непрерывно возрастает. Если в 2013 году он составлял 0,7 млрд долл., в 2017 — 13,4 млрд долл., то к 2022 году объем этого рынка возрастет до 52,5 млрд долл.⁸. В мире наблюдается резкий рост числа стран, принявших национальные стратегии в области развития ИИ: в 2017 году — 5, а в 2018–2019 гг. — 30. В 2019 году в России также была принята «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»⁹.

Цель Стратегии — сделать Россию к 2030 году одним из международных лидеров в развитии и использовании технологий ИИ. Можно отметить, что цель Стратегии развития ИИ в США — сохранить к 2030 году лидерство в этой области, в Китае — стать к 2030 году лидером в области искусственного интеллекта¹⁰. Для того чтобы Россия смогла стать одним из международных лидеров в области ИИ, требуются не только технологические, кадровые, институциональные, но и значительные финансовые ресурсы. Затраты на реализацию Стратегии в России определены в сумме 90 млрд руб. в течение 6 лет [24] и не сопоставимы с затратами на реализацию аналогичных целей во всех вышеупомянутых 30 странах мира, где финансовое обеспечение стратегий, определяемое ежегодными инвестициями из Госбюджета, составляет сумму не менее 1 млрд долл. в год, а в развитых странах — от 5 до 10 млрд долл. в год¹¹. Объем инвестиций в сфере ИИ в ряде развитых стран приведен в *таблице*.

Таблица свидетельствует о том, что наибольшая сумма инвестиций, направляемых на развитие технологий ИИ, зафиксирована в США, однако максимальная величина инвестиций на одну сделку наблюдается в Китае. Она превышает аналогичный показатель США в семь

⁸ Искусственный интеллект (мировой рынок). URL: <http://www.tadviser.ru/a/425392> (дата обращения 20.11.2019).

⁹ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003?index=2&rangeSize=1> (дата обращения 20.11.2019).

¹⁰ Искусственный интеллект (мировой рынок). URL: <http://www.tadviser.ru/a/425392> (дата обращения 20.11.2019).

¹¹ Там же.

Инвестиции в развитие технологий искусственного интеллекта, 2018 г.

Страна	Количество заключенных сделок, шт.	Сумма инвестиций, млн долл.	Инвестиции на одну сделку, млн долл.
США	429	6398,61	14,92
Китай	53	5505,22	103,87
Великобритания	124	569,49	4,59
Канада	34	285,17	8,39
Израиль	42	278,40	6,63

Составлено по: Искусственный интеллект (мировой рынок). URL: <http://www.tadviser.ru/a/425392> (дата обращения 20.11.2019).

раз. На Всемирном экономическом форуме (Давос, 2020 г.) была отмечена высокая вероятность того, что в настоящее время невозможно оценить как полный потенциал, так и риски искусственного интеллекта. Подчеркнуто, что по прогнозным оценкам в период до 2040 года глобальный разрыв между странами в инвестициях в цифровую инфраструктуру может составить 1 трлн долл. Это, конечно, окажет серьезное влияние на усиление социального и финансового неравенства, на рост экономической нестабильности¹². Кроме того, важно учитывать необходимое соответствие между применяемыми технологиями и уровнем культурного развития нации. Отсутствие такого соответствия, по замечанию К. Шваба, приводит к серьезным катастрофам. Он же отмечает, что самая прогрессивная технология имеет пределы своего применения, при переходе через которые может нанести ущерб, превышающий положительный эффект [25].

Систематизация аналитических материалов по развитию ИИ позволяет выделить следующие направления в этой области, поддержка которых инструментами промышленной политики, по нашему мнению, необходима:

- повышение доступности аппаратного обеспечения;
- разработка отечественных высокоскоростных и энергоэффективных процессоров;
- производство программно-аппаратных комплексов с использованием, главным образом, отечественной электронной компонентной базы;
- создание и развитие специальных центров коллективного пользования, нацеленных

¹² The Global Risks Report 2020. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risk_Report_2020.pdf (дата обращения 30.01.2020).

на разработку прототипов перспективных элементов электронной компонентной базы;

- формирование высокопроизводительных центров обработки данных.

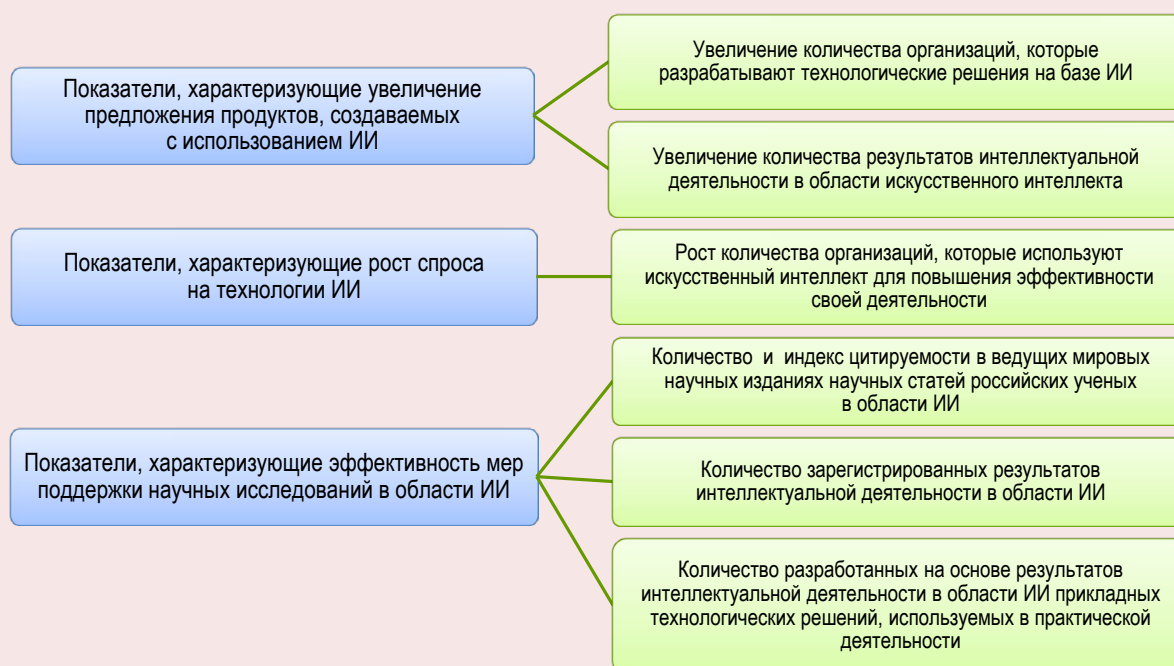
Однако эффективная промышленная политика может быть реализована только при условии своевременного институционального обеспечения разработки и использования ИИ. Основные направления такого обеспечения могут быть структурированы следующим образом¹³:

- формирование институциональной структуры, анализирующей изменения систем управления под влиянием технологий ИИ;
- создание Технического комитета по стандартизации ИИ;
- создание экспериментальных площадок по отработке технологий ИИ и организации взаимосвязи бизнеса, органов власти, науки и вузов;
- появление центров компетенций по ИИ;
- внедрение новой образовательной платформы в области ИИ (создание 100 региональных университетов);
- формирование широкого консорциума в области разработки технологий ИИ;
- привлечение крупного бизнеса к разработке и применению технологий ИИ на принципах ГЧП.

Успешность реализации «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» оценивается по ряду показателей, которые могут быть объединены в три группы (рис. 3).

¹³ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003?index=2&rangeSize=1> (дата обращения 20.11.2019).

Рис. 3. Показатели, отражающие успешность реализации национальной стратегии развития искусственного интеллекта

Составлено по: Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003?index=2&rangeSize=1> (дата обращения 20.11.2019).

Как следует из рисунка, все показатели относятся к так называемой целевой эффективности или результативности. Полностью отсутствуют показатели, характеризующие экономичность разработки и применения технологий ИИ. Можно отметить, что даже на высокотехнологических предприятиях цель цифровизации чаще всего формулируется как создание цифровых технологий, значительно реже — как их серийное внедрение, но практически нет показателей, которые отражали бы эффективность внедрения цифровых технологий для потребителя. Такая ситуация является лишь одной из проблем неэффективной в целом системы стратегического планирования в России. Счетная палата констатирует рост показателей, освещающих промежуточные результаты работы федеральных органов исполнительной власти, при снижении показателей, характеризующих конечные результаты их деятельности¹⁴.

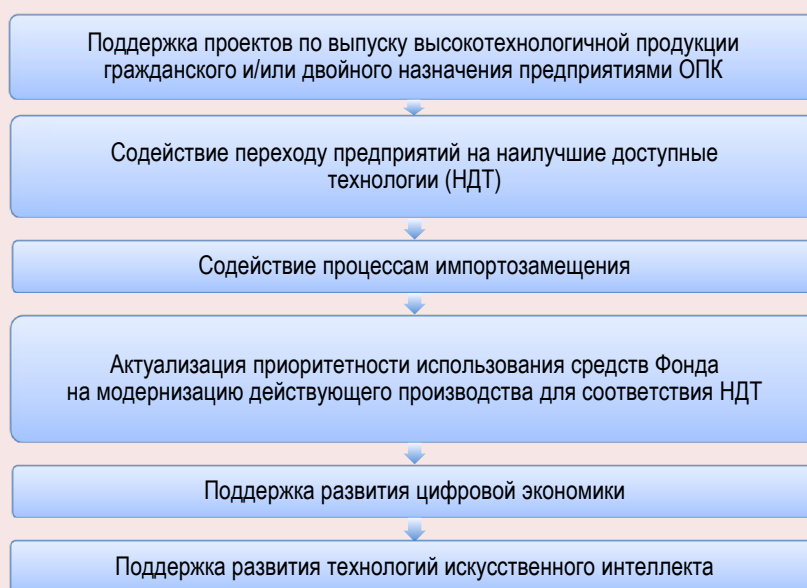
¹⁴ Сапожков О. Почти все шло не по плану // Коммерсант. 06.02.2020. № 21. С. 1–2.

Представляется целесообразным по мере реализации Стратегии развития ИИ уточнять перечень показателей эффективности этих процессов с дополнением его показателями, характеризующими экономичность новейших технологий. При всей актуальности данной задачи ее решение довольно проблематично. До настоящего времени не выработано четких критериев, для того чтобы определить целесообразность внедрения конкретных цифровых технологий как в практику оценки различных видов государственной политики, так и в реальный сектор экономики.

Систематизация и анализ новейших стратегических документов развития России, формирующих «новую реальность», позволяют выявить частую смену приоритетов, поддерживаемых промышленной политикой (рис. 4).

За период с 2014 (принятие Федерального закона «О промышленной политике в РФ») по 2019 год включительно приоритеты развития, поддерживаемые промышленной полити-

Рис. 4. Изменение приоритетов промышленной политики, поддерживаемых Фондом развития промышленности¹⁵

кой, менялись шесть раз. С одной стороны, это подтверждает высказанную ранее гипотезу о том, что в «обществе травмы» не могут выработаться долгосрочные приоритеты промышленной политики. С другой стороны, беспрецедентно высокие темпы мирового технологического развития определяют необходимость своевременной корректировки направлений, поддерживаемых промышленной политикой.

Стратегический вектор таких приоритетов сместился с поддержки проектов по выпуску высокотехнологичной продукции гражданского и/или двойного назначения предприятиями ОПК и перехода предприятий на наилучшие доступные технологии (2014–2015 гг.) на поддержку Фондом развития промышленности цифровой экономики и технологий ИИ (2017–2019 гг.).

Заключение

Проведенные исследования позволяют сделать следующий вывод: новейшие технологии

не только влияют на смену приоритетов промышленной политики, они оказывают трансформирующее воздействие на экономическую роль государства, на реализуемые бизнесом новейшие управленческие технологии. Это приводит к появлению новых объектов промышленной политики, возникающих на базе интеграции информационных технологий и собственно технологий обработки сырья и полуфабрикатов. Такая ситуация предопределяет реконфигурацию производственных цепочек, которые становятся новым объектом промышленной политики. Возможность формирования так называемого цифрового государства принципиально влияет на субъект промышленной политики. Политика приобретает многосубъектный характер, включая в себя, помимо государства, бизнес и разнообразные институты гражданского общества. Меняющийся характер взаимодействия субъектов и объектов промышленной политики является основой качественно новой, так на-

¹⁵ Специальный инвестиционный контракт – важнейший инструмент промышленной политики – не рассматривается в связи с изменением условий его заключения в соответствии с Проектом Федерального закона «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (подготовлен Минфином России) (по состоянию на 26.10.2018). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=PRJ&dst=&n=177555&req=doc#06504714466027548> (дата обращения 30.01.2020).

зываемой сетевой промышленной политики. Дальнейшее направление наших исследований определяется необходимостью уточнить экономическое содержание, сущность и принципы разработок сетевой промышленной политики. Это потребует скоординированных междисциплинарных усилий специалистов в области экономико-технологического, социально-экологического, гуманитарного и этического развития.

Литература

1. Rodrik D. *Industrial Policy for the Twenty-First Century*. Harvard University, 2004. 57 p.
2. Pack H., Saggi K. Is There a Case for Industrial Policy? A Critical Survey. *World Bank Research Observer*, 2006, vol. 21 (2).
3. Putna M. New Industrial Policy. *International Journal of Business and Management Studies*, 2012, № 1 (2), pp. 463–467.
4. Романова О.А., Пономарева А.О. Теоретические, институциональные и этические основания реализации современной промышленной политики. Ч. 1 // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 1. С. 13–28
5. Романова О.А. Приоритеты промышленной политики России в контексте вызовов четвертой промышленной революции. Ч. 1 // Экономика региона. 2018. Т. 14. № 2. С. 420–432. DOI 10.17059/2018-2-7
6. Beath J. UK Industrial Policy: Old Tunes on New Instruments? *Oxford Review of Economic Policy*, 2002, vol. 18, no. 2, pp. 221–239.
7. Warwick K. Beyond Industrial Policy: Emerging Issues and New Trends. *OECD Science, Technology and Industry Policy Papers*. Paris: OECD Publishing, 2013, no. 2.
8. Тамбовцев В.Л. Промышленная политика: к новому пониманию // Известия УрГЭУ. 2017. № 5(73). С. 54–67.
9. Романова О.А., Бухвалов Н.Ю. Формирование теоретической платформы как системной основы промышленной политики в условиях новой индустриализации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 32. С. 58–67.
10. Новая промышленная политика России в контексте обеспечения технологической независимости / отв. ред. Е.Б. Ленчук. СПб.: Алетейя, 2016. 336 с.
11. Толкачев С.А. Сетевая промышленная политика в эпоху новой индустриальной революции // Журнал НЭА. 2018. № 3 (39). С. 155–162.
12. Кузнецов Б.В., Симачев Ю.В. Эволюция государственной промышленной политики в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2014. № 2 (22). С. 152–179.
13. Родрик Д. Экономика решает: сила и слабость «мрачной науки»: пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 256 с.
14. Макаров Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (круглый стол) // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250005477-7
15. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 592 с.
16. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка: тез. докл. на XIX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 10–13 апр. 2018 г. / Ю.В. Симачев [и др.]; науч. рук. Е. Г. Ясин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 32 с.
17. Romanova O.A. Evolution of institutions for new industrial policy implementation. *Upravlenets – The Manager*, 2019, vol. 10, no. 3, pp. 14–24. DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-3-2
18. Куценко Е., Исланкина Е., Киндрась А. Можно ли быть умным в одиночестве? Исследование инновационных стратегий российских регионов в контексте умной специализации // Форсайт. 2018. Т. 12. № 1. С. 25–45.
19. Gray J., Rumpel B. Models for the digital transformation. *Software & Systems Modeling*, 2017, vol. 16, no. 2, pp. 307–308.

20. Соловьева Ю.Н., Фейгин Г.Ф. Развитие информационных и коммуникационных технологий как индикатор глобализации: мировые тенденции и российская специфика // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 2 (98). С. 17–30.
21. Толкачев С. Киберфизическая цифровизация в контексте неоиндустриального развития // Экономист. 2019. № 5. С. 20–28.
22. Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е.И. Добролюбова [и др.]. М.: Издательский дом «Дело», 2019. 114 с.
23. Lindgren I., Veenstra A. F. van Digital government transformation: a case illustrating public e-service development as part of public sector transformation. *Proceedings of the 19th Annual International Conference on Digital Government Research*. 2018. Available at: <https://doi.org/10.1145/3209281.3209302>
24. Мандыч И.А., Быкова А.В. Тренды инновационно-инвестиционного развития высокотехнологичных предприятий // Российский технологический журнал. 2019. № 7 (5). С. 79–92.
25. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 208 с.

Сведения об авторах

Ольга Александровна Романова – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: econ@uran.ru)

Алена Олеговна Пономарева – младший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: k511-a@mail.ru)

Romanova O.A., Ponomareva A.O.

Industrial Policy: New Realities, Formation and Implementation Issues

Abstract. The article presents the conducted comparative analysis of changing target points for the industrial policy formation in the economies of developed countries and in Russia. The authors have justified that the goals of industrial policy should not be just attractive to the state and business, but also contribute to the formation of a favorable business environment, as well as to the growth of public welfare. It has been established that in conditions of “the trauma society”, only short-term priorities of the industrial policy can be implemented. New realities fundamentally influencing the industrial policy priorities have been revealed. The researchers have justified the expediency of integrating the industrial policy into the general vector of Russia’s strategic documents. The authors have proposed to elaborate the regional industrial policy within the framework of the Ural Federal District as one of the 12 macroregions in the country marked in the Strategy for spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025. Analyzing “the Updated Strategy of the EU Industrial Policy” and numerous studies in the field of circular economy formation has allowed to justify the need for industrial policy measures to stimulate the transition to the circular economy with including the basic principles of such transition in the strategic documents regarding the development of Russia and its regions. The authors have stressed the inextricable link between the circular economy formation and digitalization. It has been shown that in the interpretation of foreign researchers in comparison to national authors the digital transformation, as well as the industrial policy, has positive qualitative changes of socially significant results as the ultimate goal. The priorities in the field of the national industry’s digitalization for their support by the industrial policy instruments have been structured. The researchers have emphasized the acceleration of implementing technological solutions happening in the process of digitalization, which are based on the information systems having artificial intelligence. The authors have revealed the priority areas aimed at supporting the development of artificial intelligence by the industrial policy. It has been established that the latest technologies have an impact on changing the industrial policy priorities, and transform the

state's economic role and modern business models. The interaction between the new subjects and objects of the industrial policy is the basis for the formation of the qualitatively new network industrial policy.

Key words: industrial policy, evolution of industrial policy notions, new technological trends, development strategies and priorities, circular economy, digital transformation, network industrial policy.

Information about the Authors

Ol'ga A. Romanova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: econ@uran.ru)

Alena O. Ponomareva – Junior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: k511-a@mail.ru)

Статья поступила 12.02.2020.

Методологические аспекты оценки инвестиционно-инновационного потенциала региона*

**Елена Сергеевна
ГУБАНОВА**

Вологодский государственный университет
Вологда, Российская Федерация, 160000, ул. Ленина, д. 15
E-mail: gubanova_elen@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8498-5630; ResearcherID: S-4888-2019

**Ольга Серапионовна
МОСКВИНА**

Вологодский государственный университет
Вологда, Российская Федерация, 160002, ул. Гагарина, д. 81
E-mail: osm250606@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1487-0424

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что для перехода экономики страны на инновационный путь развития необходимым условием является повышение инвестиционной активности, которая на протяжении последних лет остается невысокой. Это приводит к сохранению технологической отсталости, консервирующей структуру экономики с низкой долей наукоемкого сектора. Взаимобусловленность и взаимосвязанность инвестиционного и инновационного процессов позволяют считать основой их развития инвестиционно-инновационный потенциал. В процессе рассмотрения научных работ было установлено, что вопросы содержа-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Правительства Вологодской области в рамках государственного научного гранта «Управление пространственным развитием региона в условиях перехода к новому технологическому укладу: методология исследования и механизм реализации».

Для цитирования: Губанова Е.С., Москвина О.С. Методологические аспекты оценки инвестиционно-инновационного потенциала региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 41–55. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.3

For citation: Gubanova E.S., Moskvina O.S. Methodological aspects of the assessment of the investment and innovation potential of a region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 41–55. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.3

ния, структуры и оценки указанного потенциала носят дискуссионный характер и требуют дальнейшего осмысления. Цель настоящей статьи заключается в развитии методологических положений, касающихся оценки инвестиционно-инновационного потенциала региона. Авторами статьи исследованы подходы к определению и методы оценки инновационного и инвестиционного потенциалов, уточнено содержание инвестиционно-инновационного потенциала, определены его структурные элементы и предложен методический подход к его оценке, позволяющий установить взаимосвязь между используемыми инвестиционными ресурсами и полученными результатами инновационной деятельности. Проведена оценка инвестиционно-инновационного потенциала российских регионов, выявлены проблемы его формирования и использования и тенденции, понимание которых делает возможным определение ориентиров для развития инвестиционных и инновационных процессов. Методологической основой исследования стали методы системного анализа и синтеза, сравнения, обобщения, группировки и статистические методы. Результаты работы могут представлять практический интерес для региональных органов власти и управления с целью повышения результативности их деятельности в сфере инвестиционных и инновационных процессов. Теоретические обобщения, содержащиеся в статье, могут быть использованы в качестве материалов к обсуждению в научной дискуссии.

Ключевые слова: инвестиционный процесс, инновационный процесс, инвестиционно-инновационный потенциал, методика оценки, российские регионы.

Введение

На фоне стремительных технологических изменений в мировой экономике, усиления глобальных и локальных кризисов, внешних и внутренних вызовов у России нет альтернативы инновационному пути развития. Мировой опыт показывает, что достижение высоких конкурентных преимуществ и результатов при реализации процессов модернизации во многом зависит от эффективности управления инвестиционными и инновационными процессами. Об этом также упомянуто в коллективной монографии ведущих отечественных экономистов: «инновационный и инвестиционный сектора российской экономики нуждаются в «реанимации», о чем свидетельствует низкий уровень инновационной активности, недостаточность инвестиций в структурную перестройку и отсутствие взаимодействия разработчиков новых технологических решений и потенциальных инвесторов» [1, с. 4–5]. Взаимообусловленность инвестиционного и инновационного процессов определяется тем, что основным ресурсом и необходимым условием инновационной деятельности выступает инвестиционный потенциал территории. Следовательно, российской экономике сегодня необходимы инвестиции инновационного типа, способные обеспечить новое качество экономического роста. В связи с этим считаем

справедливым мнение ученых [2] о том, что основой и предпосылкой развития инвестиционных и инновационных процессов служит инвестиционно-инновационный потенциал, который оказывает заметное влияние на сбалансированное и устойчивое развитие страны в целом и ее отдельных регионов.

Основой принятия решений в управлении указанными процессами должна стать оценка инвестиционно-инновационного потенциала территорий. Это служит подтверждением актуальности темы исследования и определяет цель настоящей статьи, заключающуюся в развитии методологических положений относительно оценки инвестиционно-инновационного потенциала региона. На достижение цели направлено решение следующих задач: проведение сравнительного анализа подходов к определению сущности понятия «потенциал», уточнение содержания понятия «инвестиционно-инновационный потенциал» и его структуры, обоснование методологических положений его оценки, предполагающее поэтапную оценку инвестиционного (ресурсного) и инновационного (результативного) потенциалов, апробация методического подхода к оценке инвестиционно-инновационного потенциала на материалах РФ и интерпретация полученных результатов.

Теоретические основы исследования

Становление понятийного аппарата, используемого при исследовании инвестиционно-инновационного развития, происходило постепенно по мере вхождения в теорию и практику экономической науки новых категорий и понятий. Однако заметим, что слово «инвестиция» появилось еще с момента возникновения товарно-денежных отношений и в переводе с латинского (*invest*) первоначально имело значение «облачать», лишь позже – «вкладывать что-либо». Понятие «инновация» впервые использовал Й. Шумпетер, один из основоположников теории инноваций [3]. Эти два ключевых понятия стали основой формирования терминов, отражающих всю совокупность особенностей инвестиционного и инновационного процессов. Одним из первых понятие «инновационный потенциал» употребил К. Фримен [4], а его практический смысл раскрыл один из классиков теории менеджмента П. Друкер, указав на то, что «инновации начинаются с анализа имеющегося потенциала с целью его эффективного использования» [5]. Понятие «инвестиционный потенциал» появилось в России в первой половине 1990-х гг., когда наряду со словосочетанием «капитальные вложения» в лексикон экономистов вошел термин «инвестиции». Обзор научных работ позволил выделить следующие подходы, использование которых дало возможность авторам аргументировать свои позиции относительно содержания и структуры изучаемых потенциалов: ресурсный, затратный, ресурсно-целевой, структурно-институциональный, результативный, ресурсно-результативный, процессный и функциональный. Обращает на себя внимание тот факт, что большинство авторов рассматривает понятие «потенциал» (как инвестиционный, так и инновационный) с позиций трех основных подходов, представленных ниже.

Ресурсный подход, как показал теоретический обзор, является наиболее распространенным, что связано с сущностью самого понятия «потенциал». В этом случае инвестиционный потенциал рассматривается в качестве упорядоченной совокупности ресурсов, капитала и

других факторов, обеспечивающих осуществление субъектом рынка инвестиционной деятельности [6–8]. Инновационный потенциал описывается как взаимосвязанная совокупность привлекаемых ресурсов, комплексное использование которых обеспечивает эффективное инновационное развитие хозяйствующих субъектов территории [9–11].

Использование ресурсного подхода имеет свои достоинства, так как, во-первых, существует возможность оценить текущую ситуацию в сфере развития инвестиционных и инновационных процессов (выделить сильные и слабые стороны). Во-вторых, увязывая основные ресурсные составляющие потенциалов с их характеристиками и целевыми ориентирами, можно определить направления активизации инвестиционных и инновационных процессов в перспективе. Однако заметим, что ресурсный подход ориентируется больше на экстенсивные факторы в развитии территории.

Результативный подход позволяет отразить и оценить суммарный результат от использования совокупности вовлеченных в процесс ресурсов соответствующего вида деятельности. Инвестиционный потенциал в этом случае определяется как суммарный доход (результат), получаемый от привлечения инвестиционных ресурсов и реализации инвестиционного проекта (проектов) [12–14], а инновационный потенциал – как эффект (результат) от инновационной деятельности субъектов хозяйствования в результате использования собственных и привлекаемых ресурсов территории [15–17]. При этом отметим, что приведенные толкования инновационного потенциала близки по содержанию к определению «инновация», представленному в «Руководстве Фраскати»¹.

Несомненным достоинством такого подхода является возможность оценить конечные результаты инвестиционной и инновационной деятельности. Вместе с тем он имеет некоторые недостатки. Во-первых, оценка результата без совокупности использованных ресурсов не позволяет сопоставлять территории друг с другом.

¹ Oslo Manual: Guidelines for Collecting and Interpreting Innovation Data / OECD. 3rd edition. 2005.

Во-вторых, при таком подходе затруднительно определить путь развития территории (экстенсивный или интенсивный).

Ресурсно-результативный подход увязывает ресурсную и результативную характеристики потенциала и отражает способность (готовность) территории (в данном контексте имеется в виду социально-экономическая система региона или муниципалитета) осуществлять эффективную инвестиционную и инновационную деятельность. Речь здесь идет об использованных и неиспользованных (скрытых) ресурсных возможностях, которые могут быть приведены в действие для достижения конечных целей участников данных процессов. С этой точки зрения в территориальном аспекте инвестиционный потенциал – это способность региональной инвестиционной системы реализовать возможности, содержащиеся в ее инвестиционных ресурсах, в целях достижения положительного максимального результата (эффекта) [18–20]; инновационный потенциал – это совокупность возможностей, обеспечивающих максимальную способность региона самостоятельно создавать, тиражировать и использовать инновации [21–23].

Каждый из представленных подходов связан с решением определенных задач, но, как видится, ресурсно-результативный подход, позволяющий оценить не только ресурсную компоненту, но и полученный результат, открывает возможности, для того чтобы определить направления и методы активизации изучаемых процессов путем установления взаимосвязи между ресурсной и результативной составляющими.

В настоящее время опыт ряда российских регионов и зарубежных стран убедительно показал, что основой устойчивого сбалансированного социально-экономического развития территорий являются инновации, внедрение и распространение которых невозможно без опоры на инвестиционные ресурсы. Утверждение о том, что инвестиции – необходимое условие и главный источник инновационной деятельности, на протяжении многих десятилетий остается лейтмотивом научных исследований отечественных и зарубежных ученых. Так, в начале

XX века Й. Шумпетер [3] сделал вывод о том, что инвестиции являются необходимым фактором экономического развития, а в начале XXI века Ю.В. Яковец, подчеркивая «органическое единство двух экономических категорий», указал, что «инвестиции без инноваций – почти полная потеря конкурентоспособности товаров и рынков» [24].

Такая взаимообусловленность отразилась в использовании в научной литературе термина «инвестиционно-инновационное развитие». Это позволяет предположить, что его основой является инвестиционно-инновационный потенциал – понятие, появившееся в начале XXI века, показывающее объективно существующую связь между инвестиционным и инновационным потенциалами, что и предопределяет их синтез. Как было отмечено выше, существуют разные подходы к определению инвестиционного и инновационного потенциалов, однако понятие «инвестиционно-инновационный потенциал», его составляющие и методы оценки требуют дальнейшего осмысления.

В ходе теоретического анализа установлено, что инвестиционно-инновационный потенциал является предметом обсуждения в научных работах отечественных исследователей [2; 25–29 и др.], однако не все авторы предпринимают попытку определить его сущность. При этом важно отметить, что в трудах ученых представлено обоснование структуры изучаемого понятия и совокупности показателей его оценки.

В связи с этим вызывают интерес работы, в которых присутствует точка зрения по вопросу о содержании понятия «инвестиционно-инновационный потенциал». Так, он определяется как «совокупный потенциал социально-экономической системы региона, обеспечивающий перспективное развитие инновационной и инвестиционной деятельности, образуемый системным использованием всех видов ресурсов» [26]. Предложены показатели оценки потенциала, которые, как нам видится, не в полной мере учитывают инвестиционные ресурсы, необходимые для активизации инновационной деятельности. Авторы статьи [2] указывают на то, что инвестиционно-

инновационный потенциал – это «совокупная возможность социально-экономической системы региона обеспечивать развитие инновационной и инвестиционной сфер в целях и масштабах, определенных экономической политикой, определяемая ресурсной компонентой». Здесь внимание акцентируется на факторах, влияющих на составляющие потенциала, однако показатели для его оценки не предложены. Несколько иное содержание изучаемого понятия представлено в работе [27], где «инвестиционно-инновационный потенциал – это совокупность приоритетных направлений развития в области создания и использования инновационных товаров и услуг, произведенных в регионе за определенный период времени, а также выявленные сектора экономики с наибольшими возможностями привлечения инвестиций и инноваций, которые создают благоприятный инвестиционный климат». Автор рекомендует определять наиболее эффективные потенциальные объекты инвестирования, что, по нашему мнению, более соответствует оценке инвестиционной привлекательности.

Обращает на себя внимание тот факт, что исследователи [2; 26], рассматривая содержание инвестиционно-инновационного потенциала, опираются на ресурсно-результативный подход. Полагаем, что он позволяет не только выявить взаимосвязь инновационного и инвестиционного процессов, но и определить структуру потенциала, отражающую ресурсную составляющую и результативность ее использования. В связи с этим хотелось бы уточнить содержание понятия «инвестиционно-инновационный потенциал», еще раз обратившись к трактовкам дефиниции «потенциал». Принимая во внимание многоаспектность понятия, мы установили, что в научных работах отечественных исследователей акцентируется внимание на следующих моментах:

✓ потенциал – совокупность ресурсов, необходимых для реализации определенных процессов (Г.И. Жиц, Ф.С. Тумусов, К.П. Янковский и др.);

✓ потенциал – способность системы обеспечить наилучший результат (Д.С. Андрианов, О.В. Васюхин, А.И. Николаев, Е.А. Монастырный, О.П. Федоткина и др.);

✓ потенциал – мера готовности осуществлять поставленные цели (В.П. Баранчеев, А.Г. Поршнева, А.А. Румянцев, В.Н. Фридлянов и др.).

Сказанное выше позволило авторам статьи предложить свое видение содержания понятия «инвестиционно-инновационный потенциал» и уточнить его формулировку – способность региональной системы реализовать возможности, определяемые наличием инвестиционных ресурсов, в целях достижения максимального положительного результата инновационной и инвестиционной деятельности.

Понимание сущности инвестиционно-инновационного потенциала обуславливает подход к его измерению и оценке, результаты которой могут стать информационной основой для принятия решений, направленных на активизацию инвестиционных и инновационных процессов.

Методические основы исследования

Полагаем, что методология оценки инвестиционно-инновационного потенциала должна базироваться на поэтапном измерении инвестиционного и инновационного потенциалов, сопоставление которых позволит оценить уровень способности региона реализовать возможности, определяемые инвестиционными ресурсами, обеспечивающие достижение результатов инвестиционных и инновационных процессов, соответствующих целям развития. В основу оценки положены принципы детерминированности, доступности и достоверности информации, соответствия и комплексности.

В ходе анализа научной литературы было установлено, что существует широкий спектр мнений по вопросу о структуре инвестиционного и инновационного потенциалов (табл. 1, 2). Они являются предметом дискуссий в научном сообществе.

Обращаясь к содержанию таблиц, отметим, что авторские подходы различаются, главным образом:

– степенью детализации выделенных потенциалов;

– количеством частных потенциалов, их содержательными характеристиками и применяемыми показателями для их оценки;

– источниками используемой информации.

Таблица 1. Структура инвестиционного потенциала региона (в разрезе частных потенциалов)

Авторы	Виды частных потенциалов
Асаул А.Н., Пасяда Н.И.	Природно-географический, трудовой, производственный, инновационный, институциональный, инфраструктурный, финансовый, потребительский
Березнев С.В., Шевелева О.Б., Начева М.К.	Природно-ресурсный, производственный, финансовый, трудовой, инновационный, инфраструктурный, институциональный, потребительский
Голайдо И.М.	Ресурсно-сырьевой, финансовый, производственный, экспортный, инновационный, политический, потребительский, экологический, интеллектуальный, социальный, инфраструктурный
Гришина И.В.	Природно-географический, производственно-финансовый, социальный
Шевелева О.Б., Начева М.К.	Природно-географический, производственный, финансовый, инновационный, инфраструктурный, социальный
Цало И.М., Савельева И.П.	Финансовый, экономический, социальный
Составлено по [18; 30].	

Таблица 2. Структура инновационного потенциала региона (в разрезе частных потенциалов)

Авторы	Виды частных потенциалов
Касатая И.Л.	Кадровый, организационный, материально-технический, информационный, управленческий, финансовый, научно-технический
Кокурин Д.И.	Ресурсный, результативный, внутренний
Лисин Б.К., Фридлянов В.Н.	Задел научно-технических (технологических) собственных и приобретенных разработок и изобретений; состояние инфраструктурных возможностей предприятий; внешние и внутренние факторы; уровень инновационной культуры
Матвейкин В.Г.	Материально-технический, информационный, финансовый, человеческий, потенциал государственной поддержки, инфраструктурный
Трифилова А.А.	Инновационно ориентированные подразделения; профессиональный кадровый состав; финансовые ресурсы; материально-техническое оснащение; интеллектуальная собственность
Шевченко И.В.	Достигнутый уровень научно-технического развития; институциональная составляющая; инновационная инфраструктура; кадровая составляющая; условия внутренней и внешней среды
Составлено по [31].	

С опорой на исследования отечественных ученых, проводимые в разные периоды, и указанные выше принципы определены структура инвестиционного и инновационного потенциалов (в разрезе частных потенциалов) и перечень базовых показателей (табл. 3, 4). При обосновании частных потенциалов авторы исходили из следующих положений:

1) в структуре инвестиционного потенциала выделены важнейшие инвестиционные ресурсы, в значительной степени определяющие инвестиционную активность региона;

2) в структуре инновационного потенциала указаны ключевые результаты инновационной деятельности, являющиеся ориентирами инновационного развития в соответствующих стратегических документах;

3) количество частных потенциалов с учетом включенных в них показателей позволяет не только дать комплексную оценку изучаемому процессу на основе использования данных государственной статистики, но и сделать доступными получение и интерпретацию результатов.

Важное место при оценке инвестиционно-инновационного потенциала в территориальном аспекте отводится выбору методических подходов. Проведенный в работе обзор методик российских и зарубежных авторов показал, что определение инвестиционного и инновационного потенциалов региона осуществляется в рамках одного из шести основных подходов, использующих свои специфические приемы и методы: оценка универсального показателя, рейтинговый, интегральный, факторный, кластерный и матричный подходы [32–48].

Таблица 3. Показатели для оценки инвестиционного потенциала региона (ресурсная составляющая)

Частный потенциал	Показатели	Характеристика частного потенциала
Трудовой потенциал	<ul style="list-style-type: none"> – Доля численности работников, занятых в регионе, в общей численности работников, занятых в стране, % – уровень участия в рабочей силе населения в возрасте 15–72 лет, % – доля занятого населения с высшим и средним профессиональным образованием, % 	Характеризует потенциальные возможности территории в привлечении трудовых ресурсов, в том числе высококвалифицированных, для участия в производственном процессе
Производственный потенциал	<ul style="list-style-type: none"> – Объем промышленной продукции на душу населения, тыс. руб. – объем продукции сельского хозяйства на душу населения, тыс. руб. – объем строительных работ на душу населения, тыс. руб. 	Характеризует потенциальные возможности хозяйственной деятельности предпринимательских структур и населения территории как основы инвестиционного процесса
Материально-технический потенциал	<ul style="list-style-type: none"> – Доля основных фондов организаций региона к общей стоимости основных фондов в стране, % – фондообеспеченность организаций региона, тыс. руб. / чел. – коэффициент износа основных фондов в организациях региона, % 	Характеризует потенциальные возможности материально-технической базы организаций региона для реализации инвестиционной и инновационной деятельности
Финансовый потенциал	<ul style="list-style-type: none"> – Сумма сальдированного финансового результата на душу населения, тыс. руб. – доходы консолидированного бюджета региона на душу населения, тыс. руб. – среднедушевые доходы населения региона, тыс. руб. 	Характеризует потенциальные возможности региона по привлечению финансовых ресурсов, которые могут быть включены в инвестиционно-инновационный процесс
Источник: составлено авторами.		

Таблица 4. Показатели для оценки инновационного потенциала региона (результативная составляющая)

Частный потенциал	Показатели	Характеристика частного потенциала
Образовательный потенциал	<ul style="list-style-type: none"> – Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, на 10 тыс. человек населения; – численность исследователей с учеными степенями, на 10 тыс. человек населения; – численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 тыс. человек населения 	Характеризует результат, отражающий количество высококвалифицированных специалистов, для активизации инновационной деятельности
Научно-технический потенциал	<ul style="list-style-type: none"> – Доля объема инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %; – инновационная активность организаций, %; – разработанные передовые производственные технологии, на 10 тыс. человек населения 	Характеризует результат, выраженный в создании инновационных продуктов и технологий, обеспечивающий развитие региона
Информационно-коммуникационный потенциал	<ul style="list-style-type: none"> – Использование информационных и коммуникационных технологий в организациях, %; – удельный вес организаций, использовавших специальные программные средства, в общем числе обследованных организаций (наука, проектирование, обучение), %; – удельный вес домохозяйств, имевших широкополосный доступ к сети Интернет, % 	Характеризует результат, показывающий формирование информационно-коммуникационной среды
Финансовый потенциал	<ul style="list-style-type: none"> – Внутренние затраты на научные исследования и разработки к ВРП, %; – затраты на информационные и коммуникационные технологии к ВРП, %; – затраты на технологические инновации, % от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг 	Характеризует результат, отражающий финансовые возможности для активизации инновационной деятельности
Источник: составлено авторами.		

Принимая во внимание их достоинства и недостатки, предлагаем для оценки инвестиционно-инновационного потенциала регионов применять подход, сочетающий преимущества интегрального и матричного подходов. Их комбинация позволяет:

- ✓ путем агрегирования частных потенциалов сформировать интегральные показатели инвестиционного и инновационного потенциалов;
- ✓ оценить потенциал инвестиционного и инновационного развития территории (наличие инвестиционных ресурсов и результаты инновационной деятельности);
- ✓ посредством составления матрицы с координатами «уровень инвестиционного потенциала – уровень инновационного потенциала» определить позицию каждого региона, показывающую взаимосвязь между инвестиционными ресурсами и результатами инновационной деятельности;
- ✓ провести типологизацию регионов с целью выявления проблем инвестиционно-инновационного развития территорий и обоснования ключевых направлений его активизации.

Предлагаемый подход отличает универсальный, допускающий возможность его использования для любых типов территорий, комплексный характер, предполагающий решение совокупности взаимосвязанных задач.

Алгоритм оценки инвестиционно-инновационного потенциала на основе предлагаемого подхода базируется на последовательном измерении инвестиционного и инновационного потенциалов территорий и построении итоговой матрицы, увязывающей ресурсную и результативную компоненты. Он включает в себя три этапа: подготовительный, аналитический и заключительный.

1. Главная цель *подготовительного этапа* – сформировать информационную базу для оценки инвестиционного и инновационного потенциалов. Для этого осуществляется выбор и обоснование показателей для оценки соответствующих частных потенциалов, далее по каждому показателю определяется максимальное значение, которое принимается за эталон и приравнивается к единице. Остальные показатели пересчитываются в долях от единицы

путем деления на эталонный, таким образом, формируется матрица стандартизированных коэффициентов:

$$Y_{ij} = \frac{x_{ij}}{x_{maxj}}, \quad (1)$$

где Y_{ij} – стандартизированный коэффициент j -го частного потенциала по i -му региону;

x_{ij} – значение показателя j -го частного потенциала по i -му региону;

x_{maxj} – максимальное значение показателя j -го частного потенциала по всей совокупности регионов.

Затем формируется база исходной информации в виде стандартизированных показателей (от 0 до 1) для измерения инвестиционного и инновационного потенциалов каждого региона (в разрезе показателей частных потенциалов).

2. На *втором (аналитическом) этапе* осуществляются оценка и анализ уровня инвестиционного и инновационного потенциалов регионов (на основе частных потенциалов) в соответствии с информационной базой исследования. Для этого необходимо выявить уровень частных потенциалов для каждого региона. Для определения интегрального показателя частного потенциала (I_{ij}) все элементы матрицы стандартизированных коэффициентов возводятся в квадрат. Полученные значения умножаются на весовые коэффициенты показателей, после чего результаты складываются по строкам, из полученной суммы извлекается квадратный корень:

$$I_{ij} = \sqrt{\sum Y_{ij} \times k_{ij}}, \quad (2)$$

где k_{ij} – весовой коэффициент j -го частного потенциала по i -му региону. При формировании I_{ij} весовые коэффициенты для каждого показателя приравнялись к единице.

Затем для определения инвестиционного потенциала ($I_{инвест.}$) значения частных потенциалов суммируются по каждому региону:

$$I_{инвест.} = \sum I_{ij} \times k_j, \quad (3)$$

где k_j – весовой коэффициент j -го частного потенциала. При формировании $I_{инвест.}$ весовые коэффициенты для каждого показателя приравнялись к 1.

По такой же процедуре определяется и уровень инновационного потенциала:

$$I_{иннов.} = \sum I_{ij} \times k_j, \quad (4)$$

где k_j – весовой коэффициент j -го частного потенциала. При формировании $I_{иннов.}$ весовые коэффициенты для каждого показателя приравнялись к 1.

3. На заключительном этапе составляется группировка регионов по уровню инвестиционного и инновационного потенциалов. В соответствии с полученными значениями $I_{инвест.}$ и $I_{иннов.}$ регионы разделяются на группы: с высоким, средним и низким уровнем потенциала. Величина интервала (Int) для группировки регионов определяется по формуле:

$$Int = \frac{I_{инвест. max} - I_{инвест. min}}{n}, \quad (5)$$

$$Int = \frac{I_{иннов. max} - I_{иннов. min}}{n},$$

где $I_{инвест. max}$ – максимальное значение инвестиционного потенциала по совокупности анализируемых регионов;

$I_{инвест. min}$ – минимальное значение инвестиционного потенциала по совокупности анализируемых регионов;

$I_{иннов. max}$ – максимальное значение инновационного потенциала по совокупности анализируемых регионов;

$I_{иннов. min}$ – минимальное значение инновационного потенциала по совокупности анализируемых регионов;

n – число формируемых по уровню потенциала групп.

Далее создается матрица, в которой каждый регион занимает определенную позицию, отражающую уровни инвестиционно-инновационного потенциала (табл. 5).

Как видно из представленной матрицы, могут быть выделены следующие группы регионов.

Группы 1, 2, 4 («Лидеры») – регионы с высоким и (или) средним инвестиционным и инно-

вационным потенциалами. Эти территории обладают необходимыми инвестиционными ресурсами, эффективное использование которых позволяет достичь определенных результатов в инновационной деятельности.

Группа 5 («Середняки») – регионы со средним инвестиционным и инновационным потенциалами. Эти территории в целом обладают хорошими возможностями, однако недостаточный уровень отдельных частных потенциалов может приводить к ухудшению определенных результатов в инновационном процессе.

Группы 3, 6, 7, 8 («Проблемные») – регионы (группы 7 и 8) с низким инвестиционным потенциалом, недостаточность которого в будущем может служить причиной снижения инновационной активности и потери конкурентных позиций; регионы (группа 3, 6) с низким инновационным потенциалом, неэффективно использующие имеющиеся инвестиционные ресурсы, изымая их из инновационного сектора экономики.

Группа 9 («Кризисные») – регионы с низким уровнем как инвестиционного, так и инновационного потенциалов, что значительно ограничивает возможности территорий для активизации инвестиционных и инновационных процессов.

Типологизация регионов в координатах «уровень инвестиционного потенциала – уровень инновационного потенциала» позволяет выявить взаимосвязь указанных потенциалов и на этой основе определить главные направления региональных стратегий инвестиционно-инновационного развития с учетом территориальных и отраслевых аспектов.

Результаты исследования

В соответствии с предложенным алгоритмом была проведена оценка инвестиционно-инновационного потенциала российских регионов. Информационной базой для нее послужили официальные данные Федерального государственного статистического агентства

Таблица 5. Матрица инвестиционно-инновационного потенциала регионов

Уровень инновационного потенциала	Уровень инвестиционного потенциала			
	Высокий	Средний	Низкий	
Высокий	Группа 1	Группа 4	Группа 7	
Средний	Группа 2	Группа 5	Группа 8	
Низкий	Группа 3	Группа 6	Группа 9	

РФ. Период наблюдения – 2013–2017 гг., число регионов – 80 (в выборке не рассматривались г. Севастополь и Республика Крым в связи с отсутствием данных по ним за 2012–2014 гг.).

В ходе измерения инвестиционного потенциала и его оценки выявлены следующие тенденции:

- ✓ в территориальной структуре инвестиционного потенциала за исследуемый период не отмечено кардинальных изменений, инвестиционная активность в большинстве российских регионов остается низкой;

- ✓ среди частных потенциалов, входящих в инвестиционный потенциал, финансовый потенциал отличает ярко выраженный асимметричный характер, что свидетельствует о крайне недостаточной финансовой основе для технологического обновления экономик большинства регионов;

- ✓ значительное влияние на формирование инвестиционного потенциала оказывают следующие факторы: наличие месторождений топливных и рудных ресурсов, степень диверсификации экономики, уровень развития

социальной и транспортной инфраструктуры.

Оценка инновационного потенциала показала следующее:

- ✓ более половины российских регионов отличается низкой результативностью инновационной деятельности, главными причинами которой являются недостаточность инвестиционных ресурсов и невысокая эффективность участия государства в регулировании инвестиционно-инновационных процессов;

- ✓ среди факторов, определяющих территориальные особенности инновационного потенциала, следует указать уровень развития сети образовательных и научных учреждений, наличие в регионе научных школ, спрос на инновационную продукцию среди отечественных производителей, уровень коммерциализации разработок, степень развития инновационной инфраструктуры, финансовые ресурсы и государственную политику.

На заключительном этапе была проведена обобщающая оценка инвестиционно-инновационного потенциала российских регионов (табл. 6, 7).

Таблица 6. Матрица инвестиционно-инновационного потенциала регионов РФ (за 2013 год)

		Уровень инвестиционного потенциала		
		Высокий	Средний	Низкий
Уровень инновационного потенциала	Высокий	г. Москва (группа 1)	г. Санкт-Петербург (группа 4)	Нижегородская область (группа 7)
	Средний	Чукотский автономный округ (группа 2)	Магаданская область Камчатский край Краснодарский край Московская область Республика Татарстан (группа 5)	Томская область; Калужская область; Ленинградская область; Хабаровский край; Новосибирская область; Ярославская область; Ульяновская область; Челябинская область; Чувашская Республика; Самарская область; Красноярский край; Свердловская область; Пензенская область; Республика Мордовия; Пермский край; Воронежская область; Мурманская область; Республика Башкортостан; Приморский край; Архангельская область (группа 8)
	Низкий	Тюменская область Сахалинская область (группа 3)	Белгородская область Республика Саха (Якутия) Амурская область Республика Коми (группа 6)	Омская область; Ростовская область; Липецкая область; Ставропольский край; Курская область; Удмуртская Республика; Рязанская область; Иркутская область; Владимирская область; Тульская область; Волгоградская область; Астраханская область; Республика Карелия; Оренбургская область; Тверская область; Республика Алтай; Саратовская область; Смоленская область; Ивановская область; Новгородская область; Орловская область; Кировская область; Республика Адыгея; Республика Дагестан; Республика Бурятия; Курганская область; Алтайский край; Республика Северная Осетия – Алания; Еврейская автономная область; Республика Марий Эл; Калининградская область; Тамбовская область; Брянская область; Кабардино-Балкарская Республика; Республика Хакасия; Вологодская область ; Кемеровская область; Костромская область; Псковская область; Забайкальский край; Республика Калмыкия; Карачаево-Черкесская Республика; Республика Тыва; Чеченская Республика; Республика Ингушетия (группа 9)
Источник: составлено авторами.				

Таблица 7. Матрица инвестиционно-инновационного потенциала регионов РФ (за 2017 год)

		Уровень инвестиционного потенциала		
		Высокий	Средний	Низкий
Уровень инновационного потенциала	Высокий	г. Москва (группа 1)	г. Санкт-Петербург Республика Татарстан Московская область (группа 4)	Нижегородская область Томская область (группа 7)
	Средний	— (группа 2)	Белгородская область Липецкая область Краснодарский край Курская область (группа 5)	Пензенская область; Чувашская Республика; Калужская область; Республика Калмыкия; Ульяновская область; Хабаровский край; Новосибирская область; Воронежская область; Свердловская область; Челябинская область; Ярославская область; Омская область; Тамбовская область; Ростовская область; Тульская область; Республика Мордовия; Пермский край; Самарская область; Рязанская область (группа 8)
	Низкий	— (группа 3)	Камчатский край Ленинградская область Красноярский край Калининградская область Республика Саха (Якутия) Амурская область Мурманская область Республика Коми Магаданская область Вологодская область (группа 6)	Новгородская область; Владимирская область; Республика Башкортостан; Оренбургская область; Тверская область; Ставропольский край; Кировская область; Орловская область; Удмуртская Республика; Астраханская область Алтайский край; Приморский край; Республика Марий Эл; Иркутская область; Смоленская область; Республика Адыгея; Саратовская область; Республика Карелия; Республика Северная Осетия – Алания; Брянская область; Ивановская область; Республика Бурятия; Волгоградская область; Карачаево-Черкесская Республика; Республика Алтай; Архангельская область; Кемеровская область; Псковская область; Костромская область; Кабардино-Балкарская Республика; Забайкальский край; Еврейская автономная область; Республика Хакасия; Курганская область; Республика Тыва; Республика Ингушетия; Республика Дагестан; Чеченская Республика (группа 9)
Источник: составлено авторами.				

Анализ представленных в матрицах данных позволил выявить ряд тенденций, отражающих изменения за исследуемый период в территориальной структуре инвестиционно-инновационного потенциала:

1) Положительным следует признать факт уменьшения численности групп кризисных и проблемных регионов, но в совокупности они остаются довольно значительными.

2) Между группами регионов имели место некоторые перемещения, связанные как с улучшением, так и ухудшением позиций. Отметим, что в 12 субъектах РФ повысились показатели инновационной активности, в ряде регионов – ухудшились (это территории с высокой долей в экономике добывающих отраслей и отраслей первых переделов). Но основная часть регионов сохранила свое положение в тех или иных группах.

3) Важно отметить, что между группами сохраняются значительные различия по параметрам инвестиционно-инновационного развития, что является серьезным препятствием на пути к формированию нового технологического уклада.

Опираясь на результаты группировки субъектов РФ, представленной в матрице (см. табл. 6, 7), определим главные ориентиры инвестиционно-инновационного развития для каждой из указанных групп.

1. Группы 1, 2, 4 («Лидеры»). Наличие необходимых инвестиционных ресурсов и достаточно высокая результативность инновационного процесса детерминируют положение этих регионов как полюсов роста в национальной экономике, определяющих вектор инвестиционно-инновационного развития субъектов РФ. Выполнение этой функции должно быть сопряжено с расширением взаимодействия между субъектами страны путем более широкого использования институтов развития. Это, безусловно, будет способствовать не только диффузии инноваций, но и усилению целостности социально-экономического пространства.

2. Группа 5 («Середняки»). Регионы этой группы отличают высокий уровень диверсификации экономики, комфортные условия жизни населения, что является хорошей предпосылкой для укрепления и расширения инвестиционных ресурсов и повышения эффективности

их использования при активизации инновационных процессов. Для этого необходимо акцентировать внимание на развитии материально-технического потенциала, что поможет упрочить позиции производственного и финансового потенциалов и создаст необходимые предпосылки для повышения результативности инновационного процесса.

3. Группы 7, 8 («Проблемные»). Это инновационно активные территории, большинство из них являются ведущими научно-исследовательскими центрами РФ. Отраслями специализации в них выступают машиностроение, металлообработка и нефтехимическая промышленность, которые, как показывает мировой опыт, ориентируются на применение продуктовых и процессных инноваций. Для улучшения позиций в инновационном процессе необходимо наращивать инвестиционные ресурсы по всем частным потенциалам посредством расширения практики государственно-частного партнерства, проектного финансирования, укрепления взаимодействия между бизнесом и научными и образовательными организациями.

4. Группы 3, 6 («Проблемные»). В них находятся территории с ярко выраженной сырьевой составляющей в структуре экономики и регионы с более диверсифицированной структурой хозяйства. При этом большинство из них отличаются определенной инвестиционной привлекательностью, поэтому необходимо более эффективно использовать этот фактор. Государству нужно активно поддерживать вложения в инновационные технологии через содействие развитию малых предприятий в инновационной сфере и в отраслях социальной инфраструктуры, а также формированию кластеров с участием научных учреждений и вузов.

5. Группа 9 («Кризисные»). Это самая многочисленная и разнородная по многим социально-экономическим характеристикам группа регионов. Для того чтобы субъекты этой группы улучшили свои позиции, им необходима поддержка государства, в первую очередь в направлении развития объектов социальной и производственной инфраструктуры. Это позволит укрепить частные инвестиционные потенциалы, повысит их инвестиционную привлекательность, что будет способствовать более активному распространению инноваций.

Полемика и выводы

В заключение отметим, что в условиях жесткой конкурентной борьбы на многих мировых рынках удержать сильные позиции возможно путем достижения высоких результатов в инновационной сфере, развитие которой требует значительных инвестиционных ресурсов. Это стало основанием для участия авторов статьи в научной дискуссии по вопросам содержания, структуры и оценки понятия, все чаще появляющегося в исследованиях ученых – инвестиционно-инновационный потенциал.

С целью развития методологических положений оценки инвестиционно-инновационного потенциала авторы обосновали актуальность использования понятия, уточнили его содержание и изложили свою точку зрения относительно его структуры. Эти идеи были положены в основу разработки методического подхода к оценке инвестиционно-инновационного потенциала, отличительной особенностью которого является возможность оценить не только инвестиционные ресурсы территории, но и полученный от их использования результат инновационного процесса. Кроме того, результаты оценки позволяют провести типологическую группировку территорий и их ранжирование, наблюдать за изменением позиций регионов в динамике, обосновать ключевые направления активизации изучаемых процессов. Апробация методического подхода на примере российских регионов показала ограниченные инвестиционные возможности многих субъектов РФ в достижении высоких инновационных результатов.

В ходе исследования авторы аргументировали значение инвестиционно-инновационного потенциала регионов в качестве объективной основы для формирования стратегических решений по обеспечению устойчивого социально-экономического развития территорий. Результаты работы вносят вклад в теоретическую науку, заключающийся в совершенствовании методологии исследования инвестиционно-инновационного потенциала. Практическая значимость обусловлена возможностью использовать предложенный подход в деятельности органов власти и управления региона для решения проблемы повышения инвестиционной и инновационной активности.

Литература

1. О стратегии развития экономики России: препринт/ С.Ю. Глазьев [и др.]; под ред. С.Ю. Глазьева. М.: ООИ РАН, 2011. 48 с.
2. Плаголев С.Н., Дорошенко Ю.А., Манин А.В. Инвестиционно-инновационный потенциал региона: сущность, значение, импакт-факторы и способы оптимизации // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2014. № 2. С. 127–131.
3. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 455 с.
4. Freeman, C. The Economics of Technical Change. *Cambridge Journal of Economics*, 1994, vol. 18, pp. 463–514.
5. Друкер П. Бизнес и инновации. М.: Вильямс, 2007. 432 с.
6. Прокопьев А.В., Прокопьева Т.В. Подходы к определению инвестиционного потенциала // Теория и практика общественного развития. 2016. № 12. С. 256–260.
7. Русавская А.В. Инвестиции и инвестиционный потенциал региона // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2012. № 1. С. 1–20.
8. Тумусов Ф.С. Стратегия формирования и реализации инвестиционного потенциала региона. М.: РАГС, 1995. 272 с.
9. Жиц Г.И. Способности и возможности: рассуждения о некоторых аспектах методологии оценки влияния инновационного потенциала на развитие социально-экономических систем различного уровня сложности // Инновации. 2011. № 11. С. 3–8.
10. Касатая И.Л. Экономическое содержание и особенности инновационного потенциала // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 2 (140). Экономика. Вып. 18. С. 5–13.
11. Фатхуллина Л.З., Шабалтина Л.В. Факторы роста инновационного потенциала региона // Вестник ВЭГУ. 2011. № 2 (52). С. 61–68.
12. Катасонов В.Ю. Инвестиционный потенциал экономики: механизмы формирования и использования. М.: Анкил, 2005. 325 с.
13. Климова Н.И. Инвестиционный потенциал региона. Екатеринбург: Ин-т экон. УрО РАН, 2003. 280 с.
14. Скопина И.В., Бакланова Ю.О., Агаев А.А. Инвестиционный климат территорий: мировой и национальный взгляд // Менеджмент в России и за рубежом. 2006. № 2. С. 34–40.
15. Бакланова Ю.О. Инновационный потенциал региона и его открытость по отношению к внешней среде // Управление экономическими системами: электронный экономический журнал. 2010. № 1 (21). С. 35–40.
16. Мингалева Ж.А. Современные подходы в исследовании инновационного потенциала // Инновационное развитие регионов: методы оценки и поддержка исследований: межвуз. сб. науч. статей. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. С. 4–16.
17. Чекулина Т.А., Тамахина Е.А. Инновационный потенциал региона: содержательные особенности и теоретические аспекты исследования // Вестник ТГУ. 2011. № 2 (94). С. 65–70.
18. Голайдо И.М. Инвестиционный потенциал региона // Региональная экономика: теория и практика. 2008. Т. 6. № 17. С. 59–68.
19. Губанова Е.С. Формирование и реализация региональной инвестиционной политики. Вологда: Легия, 2007. 298 с.
20. Лахметкина Н.И. Инвестиционный потенциал – фундаментальное понятие инвестиционного процесса // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 4. С. 17–20.
21. Егорова С.Е., Кузнецова Н.Т. Инновационный потенциал региона: сущность, содержание, методы оценки // Вестник ПсковГУ. 2014. С. 54–67.
22. Монастырный Е.А. Термины и определения в инновационной сфере // Инновации. 2011. № 2. С. 113.
23. Ултургашева О.Г., Лавренко А.В., Профатилов Д.А. Экономическая сущность и структура инвестиционного потенциала региона // Проблемы современной экономики. 2013. № 1. С. 227–229.
24. Яковец Ю.В. Эпохальные инновации XXI века. М.: Экономика, 2004. 444 с.
25. Доничев О.А., Никанорова С.А. Приоритеты эффективного использования инновационно-инвестиционного потенциала регионов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. № 10 (43). С. 9–17.

26. Гладиллин А.В., Коломыц О.Н. Формирование системы показателей для оценки уровня инновационно-инвестиционного развития региональных социально-экономических систем. Available at: <http://id-yug.com/images/id-yug/SET/2015/4/Gladilin-Kolomyts-156-159.pdf>
27. Павликова О.В. Методика оценки устойчивого развития инновационно-инвестиционного потенциала региона // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2016. № 1. С. 300–311.
28. Евлаш А.И., Кевра Г.И. Обоснование элементов структуры инвестиционно-инновационного потенциала // Труды Белорусского государственного технического университета. 2015. № 7. С. 19–23.
29. Кулагина М.Е. Модель оценки потенциала инновационно-инвестиционного развития региона // Сибирская финансовая школа. 2012. № 3 (92). С. 167–171.
30. Цало И.М., Савельева И.П. Методика оценки инвестиционного потенциала и инновационной привлекательности субъектов РФ // Вестник ЮУрГУ. Серия: экономика и менеджмент. 2014. № 8. С. 25–30.
31. Прокофьев К.Ю. Инновационный потенциал региона: сущность, структура // Региональная экономика. 2013. № 30. С. 12–19.
32. Ерохина Е.В. Инновационный потенциал федеральных округов и регионов России: анализ и оценка // Инновации и инвестиции. 2013. № 26. С. 15–22.
33. Кабир Л.С. Проблема формирования методологических и методических подходов к оценке инвестиционного потенциала российской экономики // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2012. № 12. С. 2–10.
34. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 3 / под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2015. 248 с.
35. Hollanders H., Tarantola S., Loschky A. *Regional Innovation Scoreboard (RIS) 2009*. Pro Inno Europe, 2009. 250 p.
36. Iking B. *Regional Innovation Scoreboard 2003. Results for North-Rhine Westphalia, Bavaria and BadenWuerttemberg*, 2004. 54 p.
37. Locke W., Davis Ch. and others. *Indicators for benchmarking innovation in Atlantic Canada*. Montreal. 2004. 90 p.
38. Fraas M. *Oslo innovation scoreboard 2004. Revealed regional summary innovation index for the Oslo Region*. Oslo. Norway, 2004. 97 p.
39. Bramanti A., Tarantola S., *Regional Innovation Index Regional champions within national Innovation Systems*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2012. 170 p.
40. Тобиян М.А., Тобиян А.О. Методика оценки инновационного потенциала региона // Инновации и инвестиции. 2014. № 3. С. 16–24.
41. Zabala-Iturriagoitia J-M., Voigt P., Gutiérrez-Gracia, F.Jiménez-Sáez A. Regional Innovation Systems: How to Assess Performance. *Regional Studies*, 2007, no. 41 (05), pp. 661–672.
42. Chen D.H.C., Dahlman C.J. *The Knowledge Economy, the KAM Methodology and World Bank Operations*. Washington, D.C.: World Bank Institute, 2006. 42 p.
43. Касимова Т.М. Оценка инновационного потенциала регионов методами математического моделирования // Фундаментальные исследования. 2018. № 3. С. 40–45.
44. Kasa R. Approximating innovation potential with neurofuzzy robust model. *Investigaciones Europeas de Dirección y Economía de la Empresa*, 2015, no. 21, pp. 35–46.
45. Резанов К.В., Катин А.В. Кластерный анализ как инструмент управления инвестиционной привлекательностью объектов // Российское предпринимательство. 2015. Т. 16. № 6. С. 833–852.
46. Asheim B.T., Coenen L. Knowledge bases and regional innovation systems: Comparing Nordic clusters. *Research Policy*, 2005, vol. 34, is. 8, pp. 1173–1190.
47. Александров Г.А., Вякина И.В., Скворцова Г.Г. Инвестиционный климат и инвестиционные риски: методика взаимосвязи и оценки // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 22. С. 12–21.
48. Lesáková L. The Process of Forming the Regional Innovation Strategy. *Acta Polytechnica Hungarica*, 2011, vol. 8, no. 1, pp. 5–22.

Сведения об авторах

Елена Сергеевна Губанова – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, Вологодский государственный университет (160000, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: gubanova_elena@mail.ru)

Ольга Серапионовна Москвина – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Вологодский государственный университет (160002, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Гагарина, д. 81, оф. 406; e-mail: osm250606@yandex.ru)

Gubanova E.S., Moskvina O.S.

Methodological Aspects of the Assessment of the Investment and Innovation Potential of a Region

Abstract. The relevance of the study is caused by the fact that the increase of the investment activity, which has remained low over the last few years, is a necessary condition for the transition of the country's economy to an innovative development path. It leads to the preservation of technological backwardness which conserves the structure of the economy with a low share of the knowledge-intensive sector. The interdependence and interconnectedness of investment and innovation processes allows us to review the investment and innovation potential as the basis of their development. While studying scientific papers, it was revealed that issues of content, structure, and the evaluation of this potential are debatable, and they require further comprehension. The purpose of this article is to develop methodological provisions for assessing the investment and innovation potential of the region. In the course of studying the works of domestic and foreign scientists, the authors of the article investigated approaches to determining innovation and investment potentials and methods of their assessment, clarified the content of investment and innovation potential, identified its structural elements, and proposed a methodological approach to its assessment, which allows establishing the relationship between used investment resources and the results of the innovation activity. During the study, we assessed the investment and innovation potential of Russian regions, identified problems of its formation and the usage, as well as trends that make it possible to determine the guidelines for the development of investment and innovation processes. The methodological basis of the research are the methods of system analysis and synthesis, comparison, generalization, grouping and statistical methods. The results of the study may be of practical interest for regional authorities' activities and the management in order to improve the effectiveness of investment and innovation processes. Theoretical generalizations, contained in the article, might be used as materials for the discussion in a scientific discourse.

Key words: investment and innovation processes, investment and innovation potential, assessment methodology, Russian regions.

Information about the Authors

Elena S. Gubanova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Department, Vologda State University (15, Lenina Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: gubanova_elena@mail.ru)

Ol'ga S. Moskvina – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Associate Professor of Department, Vologda State University (office 406, 81, Gagarina Street, Vologda, 160002, Russian Federation; e-mail: osm250606@yandex.ru)

Статья поступила 05.11.2019.

Эконометрическая оценка влияния социальных индикаторов на динамику регионального экономического роста (на примере субъектов Приволжского федерального округа)*

Елена Валерьевна

БАЗУЕВА

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Пермь, Российская Федерация, 614990, ул. Букирева, д. 15

E-mail: bazueva.l@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0945-3597; Researcher ID: E-1233-2017

Марина Владимировна

РАДИОНОВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Пермь, Российская Федерация, 614990, ул. Студенческая, д. 38

E-mail: mradionova@hse.ru

ORCID: 0000-0002-8339-3326; ResearcherID: L-9851-2015

Аннотация. Предметом современных исследований все чаще становятся социальные факторы эндогенного экономического роста. Наиболее изученным является вклад отдельных параметров человеческого капитала и показателей неравенства доходов населения. Выполненные межстрановые исследования приводят к противоречивым выводам. Результаты российских исследований в целом однозначны, поскольку региональный уровень анализа имеет большее сходство по институциональным условиям и уровню социально-экономического развития. Однако в них не определен характер влияния ряда значимых социальных индикаторов на региональный эконо-

* Исследование подготовлено при финансовой поддержке гранта РГНФ «Особенности производственного цикла в системах различных уровней в экономике региона» № 18-410-590003.

Для цитирования: Базуева Е.В., Радионова М.В. Эконометрическая оценка влияния социальных индикаторов на динамику регионального экономического роста (на примере субъектов Приволжского федерального округа) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 56–70. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.4

For citation: Bazueva E.V., Radionova M.V. Econometric assessment of social indicators' influence on the regional economic growth dynamics (case study of the subjects of the Volga Federal District). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 56–70. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.4

мический рост. В связи с этим цель нашей работы – с помощью инструментария эконометрического моделирования установить характер влияния комплекса социальных индикаторов на динамику регионального экономического роста. Методическую основу составили гносеологический инструментарий, в частности системный, гипотезо-дедуктивный, диалектический подходы, а также методы контент-анализа и эконометрического моделирования. К наиболее существенным результатам, характеризующим научную новизну представленного исследования, можно отнести следующие: 1) определено, что влияние уровней рождаемости, смертности и заболеваемости населения на ВРП соответствует характеру зависимостей, выявленных для стран, переживших второй демографический переход; 2) установлено, что характер влияния показателей «ожидаемая продолжительность жизни», «численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры» и «количество занятых с высшим образованием в экономике региона» на ВРП не соответствует тенденциям развитых стран; 3) обосновано, что противоречивость полученных результатов является следствием недооценки человеческого капитала в качестве главного фактора развития российской экономики на современном этапе; 4) определены масштабы и последствия сдерживающего эффекта проанализированных социальных индикаторов на динамику регионального экономического роста. На основе результатов эконометрического моделирования выделены приоритеты региональной социально-экономической политики на среднесрочную перспективу в зависимости от уровня их отдачи. Перспективы будущих исследований авторы связывают с более глубоким изучением влияния факторов ожидаемой продолжительности жизни и смертности на региональный экономический рост, а также верификацией данной модели на всю совокупность регионов РФ.

Ключевые слова: социальные индикаторы, региональный экономический рост, человеческий капитал, капитал здоровья, капитал образования, рождаемость, смертность, ожидаемая продолжительность жизни, дифференциация доходов населения, эконометрическое моделирование.

Введение

В настоящее время существует спектр зарубежных и российских исследований, посвященных вопросам выявления связи между экономическим ростом и отдельными индикаторами развития национальных и региональных экономических систем. К примеру, S.N. Durlauf, P.A. Johnson, J.R.W. Temple выделили более 100 таких параметров [1]. Однако в большинстве работ акценты все чаще смещаются с измерения динамики размера экономики в каждой стране и уровня ее национального богатства на необходимость измерения динамики уровня благополучия каждого индивида в отдельности и общества в целом (см., например [2; 3]). Таким образом, подчеркивается важность социальных индикаторов развития современных социально-экономических систем. Среди них особая роль отводится качественным параметрам человеческого капитала как определяющим факторам современного экономического роста [4; 5]. При этом подчеркивается значимость двух элементов человеческого капитала: капитала образования и капитала здоровья [6–9]. Капитал образования позволяет обеспечить

соответствие человеческого капитала постоянно изменяющимся требованиям к его качеству в результате наукоемкого, технотронного обновления и преобразования производительных сил. Здоровье влияет на уровень и качество человеческого капитала, оказывает положительное действие на производительность и отдачу от его использования на всех уровнях экономики [10]. Кроме того, в последнее время акцентируется внимание на зависимостях между уровнем здоровья индивидов и их большими возможностями к генерированию новых идей, адаптации к новым технологиям и изменениям [11], являющимся одним из современных требований работодателей к качеству человеческого капитала сотрудников (т. н. *soft skills*)¹. Подчеркнем, что все чаще в исследованиях капитал здоровья и капитал образования рассматриваются во взаи-

¹ Напомним, что к этим требованиям также относят компетенции, связанные со способностью к самообразованию и умением обучаться, возможностью работать в команде, мотивацией к достижениям, высоким уровнем эмпатии, самосознания, конструктивной реакцией на критику.

мосвязи, поскольку с точки зрения индивида необходимым условием наращивания инвестиций в образование становится продолжительность использования человеческого капитала, т. к. только в этом случае инвестиции в капитал образования будут рентабельными [10; 12; 13].

Кроме того, в качестве одного из социальных параметров, оказывающих влияние на темпы современного экономического роста, создающих условия и определяющих возможности формирования и реализации человеческого капитала, ученые выделяют уровень неравенства доходов населения [3; 14; 15].

В последние годы с помощью инструментария экономико-математического моделирования подтверждается и количественно измеряется вклад данных социальных индикаторов в эффективность развития социально-экономических систем. Однако в отличие от теоретических исследований полученные зарубежными и российскими учеными эмпирические зависимости имеют разнонаправленные результаты.

Кроме того, в настоящее время на данных стран и российских регионов исследовано влияние взаимосвязи колебаний экономической динамики только отдельных социальных индикаторов развития, что, с одной стороны, ограничивает сферу исследования, а с другой стороны, приводит к противоречивым, а иногда даже недостоверным результатам. Представляется, что предложенная в статье эконометрическая модель позволит снять данные ограничения и комплексно определить значимость и вклад социальной составляющей в экономический рост. Обоснование выбора социальных индикаторов, позволяющих комплексно оценить их влияние на текущие колебания экономической динамики и формирующих потенциал для устойчивого развития информационно-инновационно-технологической составляющей региональных систем представлен в предыдущих работах авторов [16; 17].

Следуя логике нашей работы, остановимся подробнее на анализе результатов эмпирических исследований, посвященных оценке влияния показателей количественных и качественных изменений в воспроизводстве человеческого капитала, в уровне благосостояния и глубине социального неравенства на темпы экономического роста в регионах России.

Теоретико-методологические основы исследования

Начнем с анализа результатов исследований, измеряющих вклад человеческого капитала в современный экономический рост.

Так, M.S. Delgado, D.J. Henderson, C.F. Parmeter проанализировали 15 различных моделей, выявляющих значимость и характер влияния человеческого капитала на экономический рост, и продемонстрировали, что ученые приходят к совершенно разным выводам: от положительного значимого влияния до отрицательного. Используя традиционную модель Солоу, на данных 75 стран за период 1950–2005 гг. они обосновали, что статистически значимая зависимость между экономическим ростом и темпами накопления человеческого капитала, в качестве показателя измерения которого использовалось среднее число лет обучения, отсутствует [18].

В исследовании E.A. Hanushek, D.D. Kimko, напротив, выявлено значительное и надежное влияние качества человеческого капитала на темпы экономического роста [19].

Различаются и результаты эмпирических исследований, касающихся взаимосвязи между уровнем здоровья населения и ВВП. Так, например, D. Acemoglu и S. Johnson на панельных данных 47 стран за период 1940 по 1980 год установили, что увеличение продолжительности жизни положительно влияет на рост населения, но отрицательно – на ВВП на душу населения [20]. Этот результат, как подчеркивают M. Cervellati, U. Sunde [21] и K. Minamimura, D. Yasu [13], несколько удивителен, поскольку он оспаривает предшествующие теоретические и эмпирические исследования, где говорится о том, что снижение смертности и улучшение здоровья населения положительно влияют на экономический рост в стране.

Согласимся, что данные парадоксальные результаты зависят от ошибочности гипотезы, качества эмпирических данных (например, о низком качестве данных о человеческом капитале см. [18; 23; 24]), а также спецификации моделей [13; 18; 22]. К примеру, M. Cervellati, U. Sunde на основе классификационных критериев, используемых в демографической литературе, разделили выборку D. Acemoglu и S. Johnson между странами на две группы: страны до и страны после демографического

перехода². Результаты исследования показывают, что повышение ожидаемой продолжительности жизни негативно воздействует на ВВП на душу населения в странах, еще не переживших переходный период, но позитивно – в тех, где переход произошел [21].

Бесспорно, это обусловлено вкладом различных факторов в рост ВВП. Страны, пережившие демографический переход, в большей степени развиваются за счет человеческого капитала, инвестировать в который, как отмечалось нами ранее, выгодно только при увеличении продолжительности жизни. Кроме того, данная возможность, как подчеркивает классик демографической школы К. Дэвис, появилась только после детерминированного началом промышленной революции перехода от рсточительного типа воспроизводства (высокая рождаемость балансирует высокую смертность) к эффективному (низкая рождаемость при низкой смертности) [цит. по: 25, с. 7]. Последний высвободил огромное количество энергии из вечной цепи воспроизводства – энергии, которая может быть потрачена на другие аспекты жизни [цит. по: 26, с. 68–69]. Результат указанных процессов в терминах К. Дэвиса «представляет собой поразительный выигрыш в эффективности человека», поскольку количественное наращивание человеческого капитала было заменено ростом его качества (см. подробнее [26–29]).

Полученный вывод подтверждается результатами исследований К. Minamimura, D. Yasu. Они в своей модели учитывают влияние качества человеческого капитала населения и уровня смертности в стране на динамику ВВП на душу населения. В странах с высоким уровнем образования снижение уровня смертности приводит к увеличению ВВП на душу населения, тогда как в странах с низким уровнем образования (и меньшим количеством ресурсов), напротив, верны обратные зависимости [13].

² Напомним, что в рамках этой концепции объясняется смена типов воспроизводства населения, под которыми понимается свойственное данному этапу общественного развития единство интенсивности демографических процессов (смертности, брачности, рождаемости) и механизмов их социального регулирования. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Норинт. 2002. С. 341.

Кроме того, как подтверждает исследование А. Anori, Y. Psucharis на примере данных по 13 регионам Греции за период 1995–2012 гг., вклад различных уровней образования населения в ВВП дифференцирован. Наибольший положительный вклад в ВВП вносят среднее и высшее образование, тогда как начальное образование имеет отрицательное влияние на динамику ВВП. Данные различия были также характерны для регионов с высоким и низким уровнем ВВП. Причем в регионах с низким уровнем дохода наибольший эффект на формирование ВВП оказывает среднее образование, с высоким – высшее [30]. Безусловно, в этом случае важна структура экономики, в которой человеческий капитал реализуется. Не случайно все чаще в эмпирических исследованиях обращается внимание на выявление взаимосвязи между качеством человеческого капитала, способностью экономики создавать и воспроизводить инновации и экономическим ростом.

S. Barcenilla-Visu, C. Lopez-Pueyo на примере данных 28 стран ЕС за период 1950–2011 гг., используя модель Benhabib and Spiegel и учитывая временной лаг в отдаче человеческого капитала, подтвердили его влияние на темпы экономического роста в стране, с помощью постулатов моделей эндогенного экономического роста установили, что количественное наращивание человеческого капитала повышает производительность через имитацию инноваций, тогда как повышение качества человеческого капитала (рост доли высококвалифицированных работников) влияет на способность создавать инновации, обеспечивая технологическое преимущество национальной экономики [23].

Однако эмпирические оценки влияния изменений в технологической структуре экономики и связанных с ними изменений в качестве человеческого капитала на рост национальных и региональных экономических систем неоднозначны. К примеру, P.M. Gil, O. Afonso, P. Brito для выявления структурных взаимосвязей между экономическим ростом, структурой технологий (высокотехнологичная или низкотехнологичная) и структурой навыков работников (высококвалифицированные или низкоквалифицированные) использовали модифицированную модель эндогенного роста, учитывающую гибкую структуру технических

изменений. На основе межстрановых данных по Европе авторы приходят к выводу о статистически незначимой взаимосвязи между исследуемыми параметрами, за исключением существенной положительной связи между структурой навыков работников и структурой технологий. По мнению Р.М. Gil, О. Afonso, Р. Brito, это обусловлено высокими барьерами для входа в высокотехнологичный сектор, ограничивающими мобильность на межстрановом и национальных рынках труда. Они ослабляют влияние доли высококвалифицированной рабочей силы на темпы экономического роста национальной экономики, поскольку предприятия высокотехнологичного сектора экономики являются единственными работодателями для высококвалифицированных работников. Следовательно, улучшение структуры квалификации работников не приводит к автоматическому росту доли высокотехнологичного сектора вместе с увеличением темпов экономического роста, как указано в европейской стратегии развития «Европа 2020: стратегия разумного, устойчивого и всеобъемлющего роста», без политики, направленной на снижение барьеров для входа в данный сектор экономики [31].

Обратим внимание, что В.Е. Гимпельсон, анализируя проблемы и перспективы использования человеческого капитала в экономике России, также акцентирует внимание на необходимости изменений в экономической политике страны не только со стороны предложения рабочей силы, но и со стороны спроса. Во-первых, малоэффективные (убыточные) фирмы, которых на российском рынке действует достаточно большое количество, не в состоянии платить высококвалифицированным сотрудникам конкурентную заработную плату. Во-вторых, в условиях нестабильной внешней среды фирмам не выгодно повышать квалификацию своих сотрудников, т. е. «наращивать, в терминах Г. Беккера, уровень специальной подготовки и инвестировать в капитал здоровья своих работников» [12, с. 57]. В-третьих, действующая в России институциональная среда примитивизирует структуру российской экономики и не способствует развитию наукоемких и высокотехнологичных видов деятельности. Как следствие, в структуре спроса на труд в нашей

стране пока доминируют простые исполнители средней и низкой квалификации [32]. Данный вывод очень важен для нашего исследования, т. к. акцентирует внимание на том, что в России недооценивается вклад качества человеческого капитала в современный тип экономического роста.

Неоднозначны также и результаты эмпирических исследований, с применением различных спецификаций эконометрических моделей по разным группам стран в различные периоды времени, о характере влияния уровня неравенства населения по доходам на экономический рост (см., например [33; 34]). При этом важное значение, как показали G.A. Cornia и J. Court, имеет глубина дифференциации доходов населения. Ученые, используя данные по 73 странам за период 1960–1990 гг., пришли к выводу о том, что значение коэффициента Джини в диапазоне от 0,25 до 0,40 оказывает стимулирующее влияние на экономический рост, в то время как при значении, равном 0,45 и выше, увеличение неравенства в доходах сдерживает его. Кроме того, важно учитывать уровень развития страны в данный момент времени и начальный уровень неравенства доходов населения [35].

Заметим, что в продолжительной дискуссии экономистов, посвященной анализу взаимосвязи неравенства доходов населения и экономического роста, ученые все чаще придерживаются мнения о его негативном характере, в особенности для возможности экономического развития [3; 36].

Не останавливаясь далее на противоречивых зависимостях между различными социальными индикаторами экономического развития, отметим, что российские ученые также исследовали анализируемые нами параметры. Полученные ими результаты в целом однозначны, поскольку в отличие от межстрановых исследований региональный уровень анализа имеет большее сходство регионов по институциональным условиям и уровню социально-экономического развития.

Так, Р.М. Нижегородцев, М.Ю. Архипова с помощью различных модификаций эконометрических моделей оценили вклад труда, капитала и научно-технического прогресса (инфор-

мации) в формирование ВРП на выборке из 80 регионов за период 1996–2004 гг. Кластеризация полученных данных позволила авторам выявить, что в большинстве регионов РФ указанные факторы не значимы, что указывает на институциональную обусловленность регионального экономического роста в нашей стране [37]. Подчеркнем, что фактор «труд» оценивался по показателю совокупного объема заработной платы лиц, работающих по найму, т. е. качественные характеристики человеческого капитала не учитывались.

К.В. Криничанский, А.С. Лаврентьев применили модифицированную неоклассическую модель Р. Барро и Х. Сала-и-Мартина, представленную в ОЭСР [цит. по 38], для оценки приоритетов структурной политики регионов России отдельно по следующим направлениям: 1) сфера образования; 2) сфера здравоохранения; 3) сфера научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и малого бизнеса. В выборку были включены данные по 75 субъектам РФ за период 2002–2014 гг. Важные для нашей исследовательской задачи выводы, полученные К.В. Криничанским, А.С. Лаврентьевым, заключаются в оценке вклада образования в экономический рост регионов России. В моделях была получена значимая положительная связь влияния на ВРП таких показателей, как занятое население с различными уровнями профессионального образования и бюджетные расходы на образование. При этом параметры при переменных «инвестиции в образование» и «выход на рынок труда молодых специалистов с различными уровнями образования» оказались незначимыми. Последнее, как подчеркивают К.В. Криничанский, А.С. Лаврентьев, свидетельствует о несовершенстве рынка труда в регионах РФ [38]. Тем не менее следует отметить, что если сфера образования анализировалась авторами со стороны как предложения, так и формирования спроса на труд, то при оценке сферы здравоохранения индивидуальные показатели здоровья, позволяющие сделать вывод о влиянии капитала здоровья на ВРП, не оценивались.

О.В. Мичасова, применяя модели Солоу-Свена и Нельсона-Фелпса, на данных за 2003–2010 гг. установила, что уровень запаса челове-

ческого капитала является значимым фактором для развития регионов России. При этом результаты исследования показывают следующее: для субъектов РФ характерно существование условной конвергенции, т. е. нельзя предполагать, что отстающие регионы будут развиваться быстрее лидирующих. Кроме того, отсутствует эффект «быстрого старта» для экономики России, т. е. отставание регионов от Москвы и Санкт-Петербурга сокращается во времени незначительно [39]. Данные результаты позволяют сделать вывод об углублении межрегиональной дифференциации в развитии экономики России, которая сегодня выделяется в качестве одного из ограничений в темпах положительной экономической динамики.

На уровне регионов России был также проанализирован характер влияния уровня неравенства в доходах населения на региональный экономический рост. К примеру, И.П. Глазырина, Е.А. Клевакина, используя гипотезу С. Кузнеца³, на примере данных по регионам России за период 2000–2011 гг. установили, что для большинства российских регионов (72 из 82) характерно увеличение неравенства по доходам с ростом душевого ВРП. Статистически значимая связь между душевым ВРП и индексом Джини отсутствует в восьми регионах: Алтайском крае, Карачаево-Черкесской Республике, республиках Бурятия, Калмыкия и Марий Эл, Тюменской области, Чукотском и Ямало-Ненецком АО. Только в двух регионах – Москве и Ханты-Мансийском АО – при росте душевого ВРП неравенство снижается [40]. Положительная зависимость между уровнем социального неравенства и ВРП регионов России была также подтверждена результатами других исследований (см., например, [33; 41]).

Представленный обзор результатов зарубежных и российских ученых составляет теоретико-методологическую основу авторского исследования, касающегося значимости, характера и величины вклада социальной составляющей в экономический рост.

³ Напомним, данная гипотеза предполагает, что неравенство в распределении доходов в процессе экономического развития вначале возрастает, но затем, по мере увеличения доходов на душу населения, снижается.

Данные и результаты эконометрического моделирования влияния социальных процессов на региональный экономический рост

Анализ проводился на основе данных по 14 субъектам Приволжского федерального округа (ПФО) за период с 1995 по 2015 год⁴. Отметим, что стоимостные показатели были переведены в цены 2015 года, для того чтобы исключить влияние инфляции и обеспечить сопоставимость их динамики с динамикой других показателей, выраженных в натуральных измерителях. В качестве базового выбран 2015 год, поскольку последние данные, опубликованные органами статистики по показателю ВРП на душу населения, на момент проведения исследования были ограничены указанным временным периодом⁵.

Результативным признаком в модели является ВРП на душу населения, т. к. он позволяет не только количественно измерить экономику

региона, но и определить качество развития региональных социально-экономических систем, косвенно характеризуя уровень благополучия каждого индивида в отдельности.

Перечень объясняющих переменных и их обозначения представлены в *таблице 1*.

В настоящем исследовании будут рассматриваться данные, имеющие панельную структуру. Они представляют собой двумерные массивы, одна из размерностей которых обладает временной интерпретацией, а другая – пространственной. Выбор типа данных обусловлен целью исследования, а также наличием некоторых преимуществ при их использовании. Панельные данные, как отмечают В. Baltagi, А. Deaton: 1) способствуют увеличению количества наблюдений, следовательно, улучшают эффективность оценок; 2) позволяют проследить важные социально-экономические

Таблица 1. Переменные для моделирования

Фактор	Обозначение	Характеристика	Единицы измерения
Коэффициент рождаемости	fertility rate (FR)	Показывает отношение числа родившихся к среднегодовой численности населения в расчете на 1000 человек	промилле
Коэффициент смертности	mortality rate (MR)	Показывает отношение числа умерших к среднегодовой численности населения в расчете на 1000 человек	промилле
Ожидаемая продолжительность жизни	life expectancy (LE)	Число лет, которое в среднем предстояло бы прожить человеку из поколения родившихся при условии, что на протяжении всей жизни этого поколения повозрастная смертность останется на уровне того года, для которого вычислен показатель	лет
Коэффициент заболеваемости	incidence rate (IR)	Отношение числа больных с впервые в жизни установленным диагнозом к среднегодовой численности населения в расчете на 1000 человек	промилле
Коэффициент фондов	assets ratio (AR)	Соотношение средних доходов населения в десятой и первой децильных группах	раз
Численность студентов	number of students (St)	Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры в образовательных организациях высшего образования, рассчитанная на 10000 человек	на 10000 чел. населения
Среднедушевые денежные доходы населения	per capita income of the population (Income)	Соотношение объема денежных доходов населения в месяц к среднегодовой численности населения	рублей
Занятые с высшим образованием	employed with higher education (EHE)	Доля работников с высшим образованием в общей структуре занятого населения	%

⁴ Использованы данные: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. / Росстат. М., 2012. 990 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: стат. сб. / Росстат. М., 2007. 991 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002. 863 с.

⁵ Указанная методика и база данных были использованы ранее для выявления текущей фазы социального цикла на уровне региональных социально-экономических систем [16].

процессы и явления, которые не могут быть проанализированы временными рядами и кросс-секционными данными по отдельности; 3) нивелируют проблему смещения агрегированности; 4) позволяют проследить индивидуальные эффекты объектов во временном разрезе [42; 43].

В ходе работы были рассмотрены различные спецификации модели: 1) линейные модели с зависимой переменной ВРП на душу населения; 2) логарифмические модели с зависимой переменной «логарифм ВРП на душу населения» и логарифмами факторных признаков. Вторая спецификация оказалась наиболее приемлемой, поскольку использование логарифмической спецификации более оправдано в случае, когда переменные цензурированы нулем слева. Разные спецификации моделей сравнивались между собой по информационному критерию Шварца, наименьшее значение которого наблюдается у наилучшей модели.

Следующим этапом выступили сравнение моделей с фиксированными и случайными эффектами и выбор наиболее адекватной (табл. 2). Напомним, что модели со случайными эффектами используются, когда объекты выбираются случайным образом из большой генеральной совокупности элементов. Модель с фиксиро-

ванными эффектами предполагает, что индивидуальный эффект может быть коррелирован с переменными. В этом случае МНК-оценки будут не состоятельны [44]. Смысл эффекта в том, чтобы отразить влияние пропущенных или ненаблюдаемых переменных, характеризующих индивидуальные особенности исследуемых объектов, не меняющиеся со временем [45].

Для выбора между моделями с фиксированными и случайными эффектами принято использовать статистический критерий Хаусмана, нулевая гипотеза которого гласит, что индивидуальные эффекты могут быть случайными, то есть модель со случайными эффектами предпочтительнее [46]. Согласно таблице 2, нулевая гипотеза не принимается, поскольку модель с фиксированными эффектами лучше (prob. = 0,00001). Данный вывод представляется логичным, т. к. данные о регионах России нельзя считать результатом выборочного исследования и каждый объект наблюдения (регион) обладает своими индивидуальными особенностями, отличающими его от других субъектов РФ. Также рассмотрены модели с включенными «time fixed effect» («временными эффектами»), но по критерию Вальда гипотеза об отсутствии временных фиксированных эффектов не была отвергнута.

Таблица 2. Результаты моделирования для зависимой переменной – логарифма ВРП

Показатель	Модель с фиксированными эффектами		Модель со случайными эффектами	
	Коэффициенты	Робастные стандартные ошибки	Коэффициенты	Робастные стандартные ошибки
const	44,758***	10,427	52,966***	9,781
ln(FR)	-1,028***	0,164	-1,203***	0,239
ln(MR)	-2,939***	0,399	-3,188***	0,433
ln(LE)	-9,043***	2,371	-10,589***	2,144
ln(IR)	-0,844***	0,202	-0,846***	0,205
ln(St)	0,658*	0,381	0,766*	0,415
ln(Income)	2,305***	0,315	2,190***	0,286
ln(EHE)	-0,861*	0,512	-0,964*	0,542
ln(AR)	-0,291	0,345	-0,195	0,316
Критерий Шварца	223,213		311,264	
Коэффициент детерминации	0,818		Статистика теста Хаусмана (Hausman)	418,37
Within коэффициент детерминации	0,731		prob. Hausman	0,00001
***, **, * – значимость на 1, 5 и 10%-ном уровне соответственно.				

Таблица демонстрирует, что результаты влияния социальных индикаторов, отражающих развитие региональных социально-экономических систем, на рост ВРП неоднозначны.

Во-первых, для нашей страны, пережившей второй демографический переход, закономерны полученные обратные зависимости влияния уровней рождаемости, смертности и заболеваемости на динамику экономического развития регионов РФ.

Низкий уровень рождаемости позволяет расходовать все ресурсы региона на производство товаров, не инвестируя в воспитание детей, существенно не изменяется уровень участия женщин в процессе производства, не увеличивается иждивенческая нагрузка на работающее население, не сокращается уровень доходов семей. Как следствие, уровень потребления и нормы сбережений не снижаются [47; 48].

В условиях сокращения смертности населения, как отмечалось нами выше, экономический рост в развитых странах обеспечивается за счет большей отдачи от использования человеческого капитала.

Более низкий уровень заболеваемости снижает прямые затраты на оказание медицинской помощи и социальной помощи заболевшим в период частичной утраты трудоспособности, а также непрямую стоимость, выраженную в потерях ВРП, обусловленную потерей нетру-

доспособности в связи с болезнью, отсутствием людей на работе и (или) снижением производительности труда [49; 50]. К примеру, по расчетам А.В. Концевой, О.М. Драпкиной, Ю.А. Балановой, А.Э. Имаевой, Е.И. Суворовой, М.Б. Худякова, экономический ущерб только от сердечно-сосудистых заболеваний в России в 2016 году составил 2,7 трлн руб. (3,2% ВВП)⁶ [51]. При этом в структуре ущерба свыше 90% занимает непрямая стоимость.

Однако возникает вопрос, почему в таких условиях экономический рост регионов России сопровождается снижением ожидаемой продолжительности жизни населения, тогда как, согласно предшествующим исследованиям, для стран, переживших второй демографический переход, должна быть характерна обратная зависимость. На наш взгляд, объяснить данный парадокс можно с помощью такого явления, как «русский крест», который характеризует устойчивое превышение показателей смертности над рождаемостью в масштабах, с трудом компенсируемых (либо не компенсируемых) внешней миграцией⁷ [52]. Заметим, что подобные тренды не характерны для других стран. При этом, если значение коэффициента рождаемости в России находится на уровне развитых государств, то значение ожидаемой продолжительности жизни в большей мере соответствует показателям развивающихся стран (табл. 3).

Таблица 3. Сравнительный анализ основных демографических показателей в России и других странах мира

Показатель	Данные по РФ	Страны с близкими к РФ значениями показателей
Коэффициент рождаемости, промилле	12,8	Австралия (12,9); Ирландия (13,0); Новая Зеландия (12,6); Чили (12,5); Исландия (12,1)
Коэффициент смертности, промилле	12,7	Центральная Африканская Республика (12,4); Чад (12,2); Нигерия (12,0); Венгрия (12,5); Грузия (12,8)
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	72,29	Бангладеш (72,15); Венесуэла (72,13); Гренада (72,39); Ливия (72,70); Республика Кабо-Верде (72,70)
Составлено по: World Population Prospects 2019. Available at: https://population.un.org/wpp2019/Download/Standard (дата обращения 11.11.2019).		

⁶ В расчетах авторов учтена также преждевременная смертность лиц экономически активного населения в качестве одной из составляющих непрямого стоимости «национального груза болезней» населения России.

⁷ Заметим, что данное понятие стало использоваться и зарубежными учеными. Так, Д. Коумэн, Дж. Голдстейн употребляют термин «русский крест» в докладе «О влиянии демографических факторов на глобальную конфликтность в 2019–2035 гг.».

Разрыв в ожидаемой продолжительности жизни в России и в развитых странах обусловлен различиями в уровнях смертности населения, особенно в трудоспособном возрасте. Как отмечает А.Г. Аганбегян, при сопоставимой возрастной структуре смертность населения в России на 600 тыс. человек в год больше, чем в Европе. При этом показатели смертности в трудоспособном возрасте в РФ в 2,5 раза выше, чем в Западной Европе, что, по расчетам А.Г. Аганбегяна, составляет более 300 тыс. человек в год. Если учесть, «что один работающий производит в год ВВП на сумму более 50 тыс. долл. США по ППС (около 3 млн руб.) или по рыночному курсу он производит продукции почти на 1,5 млн руб.», то сокращение числа умерших в трудоспособном возрасте до показателей европейских стран может дать ежегодный прирост ВВП в размере 450 млрд руб. [53, с. 15]. Причем интенсификация показателей смертности в трудоспособном возрасте характерна в отношении мужчин. Так, по оценкам ООН, в России более 7 млн «потерянных мужчин»⁸. Если учесть, что стоимость человеческого капитала на одного человека в российских ценах равна примерно 12 млн руб. [53, с. 15], то потери российской экономики только от мужской сверхсмертности составили 84 трлн руб. Не случайно ВОЗ рассматривает здравоохранение как социальный институт, который может выступать в качестве социальной предпосылки экономического роста.

Исходя из полученных нами зависимостей влияния ожидаемой продолжительности жизни на динамику ВРП и представленного выше обзора результатов исследований, можно сделать вывод, что регионы России продолжают развиваться в большей степени за счет других факторов, вклад человеческого капитала в ВРП недооценивается. Подтверждением данного вывода является полученная нами обратная зависимость между количеством занятых с высшим образованием в экономике региона и ВРП.

⁸ Доклад о развитии человека 2007/2008. М.: Весь мир, 2007. URL: <http://www.on.org/russian/esa/hdr/2007> (дата обращения 16.11.2008).

Кроме того, обратим внимание, что такой фактор, как количество студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры в образовательных организациях высшего образования, в полученной нами модели оказался не значимым. Безусловно, это, с одной стороны, косвенно подтверждает, что система образования России содержательно не модернизируется, подготовка специалистов до сих пор не учитывает требования работодателей. В большей степени указанные тенденции характерны для системы высшего профессионального образования. Не случайно, как подчеркивает А. Зудина, среди безработных в возрасте 15–24 лет, находящихся в т.н. группе NEET (Not in Employment, Education or Training), большая часть имеет высшее профессиональное образование [54]. С другой стороны, это свидетельствует о несовершенстве российского рынка труда, когда выпускники образовательных учреждений не могут сразу же по их окончании найти работу и не востребованы по причине отсутствия опыта.

Закономерна полученная в модели прямая зависимость между динамикой среднедушевых денежных доходов населения и ВРП. Это третий по значимости параметр, оказывающий влияние на формирование ВРП. Увеличение среднедушевых доходов населения на 1% приводит к увеличению ВРП на 2,31%. Кроме того, известен мультипликационный эффект наращивания доходов населения, который приводит как к росту качества человеческого капитала индивидов за счет больших инвестиций в капитал здоровья и образования, возможности его восстановления, так и к последующему росту региональной экономики в целом по причине увеличивающегося потребления товаров и услуг.

На наш взгляд, необходимо рассмотреть причины отсутствия статистически значимого влияния, оказываемого уровнем неравенства доходов населения, на объясняемую переменную ВРП. Однако заметим, что обратная зависимость между этими двумя переменными, полученная нами, была подтверждена результатами других исследований.

В целом, если следовать логике наших предшествующих работ⁹ [16], получается, что наибольшие проблемы, исходя из результатов эконометрического моделирования, составляет группа результирующих показателей, формирующих потенциал последующего экономического развития региональных систем. В нее были включены коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность жизни, численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры. Характер влияния этих показателей на ВРП, согласно полученным в авторской модели параметрам, за исключением показателя рождаемости, не соответствует тенденциям развитых стран, следовательно, они могут стать существенными барьерами на пути прогрессивного развития экономики России в будущем.

Заключение

Комплексный анализ результатов эконометрического моделирования влияния социальных процессов на динамику ВРП на основе данных по 14 субъектам Приволжского федерального округа за период с 1995 по 2015 год позволил установить причины, масштабы и последствия недооценки человеческого капитала в качестве главного фактора развития российской экономики на современном этапе, несмотря на провозглашенные Президентом РФ еще в 2016 году стратегические приоритеты¹⁰.

Во-первых, значительные потери ВРП, обусловленные преждевременной смертностью населения, особенно в трудоспособном возрасте, нетрудоспособностью в связи с болезнью и (или) снижением производительности труда частично компенсируются за счет интенсификации использования других факторов производства.

Во-вторых, сложившаяся в регионах РФ структура экономики не основана на всеобщей

информатизации, инноватизации, капитализации трудовых ресурсов, услугизации производства, наукоёмком, технотронном обновлении и преобразовании производительных сил [55]. Как следствие, она не создает условия для востребованности высококвалифицированного человеческого капитала.

В-третьих, инертность системы образования и несовершенство рынка труда ограничивают своевременное обновление человеческого капитала на предприятиях за счет притока выпускников программ бакалавриата, специалитета, магистратуры. В результате человеческий капитал выпускников обесценивается, инвестиции в человеческий капитал не окупаются, создается дополнительная нагрузка на трудоспособное население, растет уровень безработицы. В конечном итоге все это будет приводить к сокращению ВРП регионов РФ и ВВП в целом.

Полученные зависимости, согласно результатам зарубежных исследований, не соответствуют тенденциям развития стран, переживших второй демографический переход и имеющих высокий уровень образования населения. В перспективе пролонгация данных установок в формировании и использовании человеческого капитала будет значительно ограничивать возможность перехода России к экономике знаний, о котором заявлено экспертным советом при Правительстве РФ в рамках определения приоритетов Стратегии социально-экономического развития России до 2030 года¹¹. Кроме того, в таких условиях, как было показано нами ранее, можно рассчитывать только на повышение производительности через имитацию инноваций, не обеспечивающих технологическое преимущество национальной экономики.

Предложенная эконометрическая модель оценки влияния социальных процессов на динамику экономического роста регионов РФ фактически позволила определить приоритеты региональной социально-экономической политики на среднесрочную перспективу в зависимости от уровня их отдачи: 1) сокращение смертности населения, особенно в трудоспособном возрасте; 2) наращивание среднедуше-

⁹ Согласно авторской методологии исследования представленные в таблице 1 социальные индикаторы современного экономического роста были разделены на группы: 1) показатели, обеспечивающие экономический рост на новой технологической структуре экономики; 2) показатели, характеризующие социальные процессы в обществе; 3) результирующие показатели, формирующие потенциал последующего экономического развития региональных систем.

¹⁰ Послание Президента Федеральному Собранию от 01.12.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения 25.11.2019).

¹¹ «Стратегия-2030»: определение целей и приоритетов. URL: <https://open.gov.ru/events/5514805/> (дата обращения 28.11.2019).

вых доходов населения; 3) реструктуризация экономики регионов в направлении развития наукоемких и высокотехнологичных видов деятельности, обеспечивающая формирование устойчивого спроса на высококвалифицированный человеческий капитал; 4) сокращение уровня заболеваемости населения; 5) совершенствование институциональной структуры региональных рынков труда для снижения уровня безработицы среди выпускников вузов.

Представляется, что полученные противоречивые зависимости между показателями смертности и ожидаемой продолжительности

жизни и ВРП на душу населения, а также отсутствие подобных исследований в разрезе всех субъектов РФ актуализируют дальнейшее изучение влияния данных факторов на региональный экономический рост. Необходимо учесть, что именно эти переменные имеют самые высокие коэффициенты эластичности, т. е. степень их влияния на ВРП более значительна по сравнению с другими социальными индикаторами.

Сдерживающие факторы регионального экономического роста не только составляют скрытый резерв развития экономики России и ее регионов, но и являются необходимым условием ее устойчивого развития в будущем.

Литература

1. Durlauf S.N., Johnson P.A., Temple J.R.W. Growth econometrics. *Handbook of Economic Growth*, 2005, vol. 1, pp. 555–677.
2. Стиглиц Дж., Фитусси Ж. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла?: доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / пер. с англ. И. Кушнарева. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2016. 216 с.
3. Deaton A., Case A. Consumption, Health, Gender and Poverty. Research Program in Development Studies. *Research Program in Development Studies*. Princeton University, 2002. Available at: https://www.princeton.edu/rpds/papers/pdfs/case_deaton_consumption_health_gender.pdf (дата обращения 22.10.2019).
4. Lucas R. On the Mechanics of Economic Development. *Journal of Monetary Economics*, Elsevier, 1988, no. 22 (1), pp. 3–42.
5. Romer P. Increasing returns to scale and the long-run growth. *Journal of Political Econ*, 1986, no. 94 (5), pp. 1002–1037.
6. Aghion P., Howitt P. *Endogenous Growth Theory*. Cambridge M.A.: MIT Press, 1998, 649 p.
7. Arrow K.J. The Economic Implications of Learning by Doing. *The Review of Economic Studies*, 1962, vol. 29, pp. 155–123. DOI: 10.2307/2295952
8. Barro R.J. Economic growth in a cross-section of countries. *The Quarterly Journal of Economics*, 1991, vol. 106, no. 2, pp. 407–443.
9. Nelson R., Phelps E. Investment in humans, technological diffusion, and economic growth. *American Economic Review: Papers and Proceedings*, 1966, vol. 51 (2), pp. 69–75.
10. Базуева Е.В. Экономика здоровья: необходимость внедрения в современной России // Проблемы современной экономики. 2009. № 1 (29). С. 381–386.
11. Howitt P. *Health, Human capital and economic growth: a Schumpeterian Perspective*. 2005. Available at: https://www.brown.edu/Departments/Economics/Faculty/Peter_Howitt/publication/PAHO.pdf (дата обращения 15.11.2019).
12. Базуева Е.В. Человеческий капитал Пермского края: гендерные особенности реализации // Экономика региона. 2010. № 2. С. 46–59.
13. Minamimura K., Yasui D. From Physical to Human Capital Accumulation: Effects of Mortality Changes. *Elsevier for the Society for Economic Dynamics*, 2019, vol. 34, pp. 103–120. DOI:10.1016/j.red.2019.03.005
14. Hausmann R., Tyson L., Zahidi S. The Global Gender Gap Report. *World Economic Forum*. Paris: OECD Publishing, 2009. 144 p. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GenderGap_Report_2011.pdf (дата обращения 25.04.2019).
15. Torben M. Human Capital, Inequality and Growth. *FELLOWSHIP INITIATIVE 2014–2015. Growth, integration and structural convergence revisited*, 2015. http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/eedp/pdf/dp007_en.pdf. (дата обращения 14.11.2019).

16. Базуева Е.В., Буторина О.В., Третьякова Е.А. Методический инструментарий анализа социального цикла на уровне региональных социально-экономических систем // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. 2018. Вып. 4 (38). С. 59–73.
17. Базуева Е.В. Социальный цикл как результат трансформации производственной структуры социально-экономической системы // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2018. № 4. С. 27–35.
18. Delgado M.S., Henderson D.J., Parmete C.F. Does Education Matter for Economic Growth? *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*, 2013, no. 76 (3), pp. 334–359. DOI: 10.1111/obes.12025
19. Hanushek E.A., Kimko D.D. Schooling, labor-force quality, and the growth of nations. *American Economic Review*, 2000, vol. 90, pp. 1184–1208.
20. Acemoglu D., Johnson S. Disease and Development: The Effect of Life Expectancy on Economic Growth. *Journal of Political Economy*, University of Chicago Press, 2007, vol. 115 (6), pp. 925–985.
21. Cervellati M., Sunde U. Life expectancy and economic growth: the role of the demographic transition. *Journal of Economic Growth*, 2011, no. 16 (2), pp. 133. Available at: <https://doi:10.1007/s10887-011-9065-2> (дата обращения 21.11.2019).
22. De la Fuente A., Doménech R. Human Capital in Growth Regressions: How Much Difference Does Data Quality Make? *Journal of the European Economic Association*, 2006, no. 4 (1), pp. 1–36. DOI: 10.1162/jeea.2006.4.1.1
23. Barcenilla-Visu S., López-Pueyo C. Inside Europe: human capital and economic growth revisited. *Empirica*, 2018, vol. 45, pp. 841–847. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10663-017-9394-2> (дата обращения 15.11.2019).
24. Cohen D., Soto M. Growth and human capital: good data, good results. *Journal of Economic Growth*, 2007, no. 12 (1), pp. 51–76.
25. Иванов С.Ф. Детерминанты демографического перехода на глобальном юге // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 2. С. 6–52.
26. Вишневыский А.Г. Демографический переход и гипотеза гиперболического роста населения // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 1. С. 64–105.
27. Базуева Е.В. Факторный анализ динамики воспроизводства человеческого капитала в современной России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2015. № 2 (38). С. 47–57.
28. Капица С.П. Демографическая революция и Россия // Век глобализации. 2008. № 1. С. 128–143.
29. Ткаченко А.А. Саймон Кузнец о демографических проблемах // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 1. С. 71–93.
30. Anori A., Psycharis Y. Exploring the Links Between Education and Income Inequality at the Municipal Level in Greece. *Applied Spatial Analysis and Policy*, 2019, vol. 12, iss. 1, pp. 101–126. Available at: <https://doi.org/10.1007/s12061-017-9234-6> (дата обращения 22.11.2019).
31. Gil P.M., Afonso O., Brito P. *Skill structure and technology structure: innovation and growth implications*. FEP Working Papers, 2012. 470 p.
32. Гимпельсон В.Е. Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 129–143. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0713/analit01.php> (дата обращения 22.08.2018).
33. Неравенство распределения дохода и экономический рост в регионах России в посткризисный период / Р.А. Григорьев [и др.] // Экономика региона. 2015. № 3. С. 102–113. DOI 10.17059/2015-3-9
34. Ray D., Linden M. Health, inequality and income: a global study using simultaneous model. *Journal of Economic Structures*, 2018, vol. 7 (1), pp. 1–28. DOI: 10.1186/s40008-018-0121-3
35. Cornia G.A. *Inequality Growth and Poverty in an Era of Liberalization and Globalization*. Published to Oxford Scholarship Online. 2004. Available at: <https://DOI:10.1093/0199271410.001.0001> (дата обращения 15.11.2019).
36. Предложения «Гражданской двадцатки» по обеспечению уверенного, устойчивого, сбалансированного и инклюзивного роста: доклад / науч. ред. М.В. Ларионова. М.: Логос, 2013. 72 с.
37. Нижегородцев Р.М., Архипова М.Ю. Факторы экономического роста российских регионов: регрессионно-кластерный анализ // Вестник УГТУ–УПИ. 2009. № 3. С. 94–110.

38. Криничанский К.В., Лаврентьев А.С. Анализ приоритетов структурной политики регионов с использованием оценок параметров Барро-регрессий // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15. № 7. С. 1233–1250. Available at: <https://doi.org/10.24891/re.15.7.1233C.1238> (дата обращения 05.11.2019).
39. Мичасова О.В. Эмпирический анализ экономического роста и человеческого капитала в регионах России // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 34 (220). С. 22–31.
40. Глазырина И.П., Клевакина И.А. Экономический рост и неравенство по доходам в регионах России // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2013. № 11. С. 113–128.
41. Ващелюк Н.В. Влияние динамики выпуска на степень дифференциации доходов в регионах России // Экономика региона. 2015. № 4. С. 132–144. DOI: 10.17059/2015-4-11
42. Deaton A. Panel Data from Series of Cross-Sections. *Journal of Econometrics*, 1985, vol. 30, pp. 109–126.
43. Baltagi B. *Econometric Analysis of Panel Data*. New York: John Wiley & Sons, 1995. 338 p.
44. Fuller W.A., Battese G.E. Estimation of Linear Models with Cross-Error Structure. *Journal of Econometrics*, 1974, vol. 2, pp. 128–134.
45. Wooldridge J. M. *Econometric Analysis of Cross Section and Panel Data*. 2nd edition, New York: John Wiley & Sons, 2007. 1097 p.
46. Ратникова Т.А. Введение в эконометрический анализ панельных данных // Экономический журнал ВШЭ. 2006. № 4. С. 638–669.
47. Barro R.J. *Determinants of Economic Growth: A Cross-Country Empirical Study*. National Bureau of Economic Research Working Paper 5698, 1996. 118 p. Available at: <https://www.nber.org/papers/w5698> (дата обращения 20.11.2019).
48. Brander J.A., Dowrick S. The Role of Fertility and Population in Economic Growth: Empirical Results from Aggregate Cross-National Data. *Journal of Population Economics, Springer; European Society for Population Economics*, 1994, vol. 7 (1), pp. 1–25.
49. Найговзина Н.Б. Реформирование здравоохранения – объективная реальность // Советник бухгалтера в здравоохранении. 2005. № 1. URL: <https://www.lawmix.ru/bux/105636> (дата обращения 01.10.2008).
50. Тихомиров А.В. Отправные начала идеологии реформирования здравоохранения // Главный врач: хозяйство и право. 2005. № 1. С. 3–8.
51. Экономический ущерб сердечно-сосудистых заболеваний в Российской Федерации в 2016 году / А.В. Концевая [и др.] // Рациональная фармакотерапия в кардиологии. 2018. № 14 (2). С. 156–166. DOI: 10.20996/1819-6446-2018-14-2-156-166
52. Ларина Е.А., Овчинский В.В. Русский крест, демографический переход и глобальная конфликтность 2019–2035. URL: http://zavtra.ru/blogs/russkij_krest_demograficheskij_perehod_i_global_naya_konfliktnost_2019_2035 (дата обращения 18.11.2019).
53. Аганбегян А.Г. Демографическая драма на пути перспективного развития России // Народонаселение. 2017. № 3. С. 4–23.
54. Зудина А.А. Дороги, ведущие молодежь в NEET: случай России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 22. № 2. С. 197–227.
55. Буторина О.В., Осипова М.Ю., Кутергина Г.В. Формирование современного макроэкономического цикла с позиций глобальных тенденций экономического развития // Вестник Пермского университета. Сер.: Экономика. 2017. Т. 12. № 4. С. 512–526. DOI: 10.17072/1994-9960-2017-4-512-526

Сведения об авторах

Елена Валерьевна Базуева – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры, Пермский государственный национальный исследовательский университет (614990, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15; e-mail: bazuева.l@mail.ru)

Марина Владимировна Радионова – кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (614990, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Студенческая, д. 38; e-mail: mradionova@hse.ru)

Bazueva E.V., Radionova M.V.

Econometric Assessment of Social Indicators' Influence on the Regional Economic Growth Dynamics (Case Study of the Subjects of the Volga Federal District)

Abstract. Social factors of endogenous economic growth are becoming the subject of modern research increasingly frequently. The contribution of human capital individual parameters and income inequality indicators are the most studied ones. Cross-country studies lead to conflicting conclusions. The results of Russian research are generally unambiguous, since the regional level of analysis is more similar in terms of institutional conditions and the level of socio-economic development. However, they do not define the nature of the impact of a number of significant social indicators on regional economic growth. In this regard, the purpose of the paper is to determine the nature of the influence of a set of social indicators on the regional economic growth dynamics by means of econometric modeling tools. The methodological basis is made up by the epistemological tools, in particular, system, hypothesis-deductive and dialectical approaches, as well as the methods of content analysis and econometric modeling. The most significant results characterizing the scientific novelty of the presented research include the following: 1) it is determined that the impact of the population's birth rate, mortality and morbidity on GRP corresponds to the nature of the dependencies identified for countries having experienced the second demographic transition; 2) it is established that the character of influence of the indicators of "life expectancy", and "the number of students studying in bachelor, specialist, master degree programs" and "the number of employees with higher education in the region's economy" on the GRP does not correspond to the trends in developed countries; 3) it is proved that the inconsistency of the obtained results is a consequence of the underestimation of human capital as the main factor in the development of the Russian economy at the present stage; 4) the extent and consequences of the restraining effect of the analyzed social indicators on the dynamics of regional economic growth are determined. Based on the results of econometric modeling, the priorities of regional socio-economic policy for the medium term are identified, depending on the level of their impact. The authors associate the prospects for future research with a deeper study of the impact of life expectancy and mortality factors on the regional economic growth, as well as the verification of this model for the entire set of regions of the Russian Federation.

Key words: social indicators, regional economic growth, human capital, health capital, education capital, birth rate, mortality, life expectancy, income differentiation, econometric modeling.

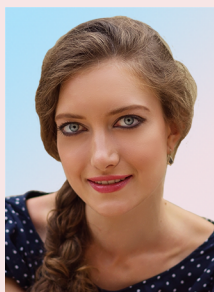
Information about the Authors

Elena V. Bazueva – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Professor at the Department, Perm State National Research University (15, Bukirev Street, Perm, 614990, Russian Federation; e-mail: bazueva.l@mail.ru)

Marina V. Radionova – Candidate Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, Associate Professor at the Department, National Research University Higher School of Economics (38, Studencheskaya Street, Perm, 614990, Russian Federation; e-mail: mradionova@hse.ru)

Статья поступила 02.12.2019.

Инструменты и принципы перераспределения бюджетных ресурсов в регионе*

Мария Александровна

ПЕЧЕНСКАЯ-ПОЛИЩУК

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: marileen@bk.ru

ORCID: 0000-0002-6067-2103; ResearcherID: I-6618-2016

Аннотация. Статья посвящена исследованию перераспределения бюджетных ресурсов на внутрирегиональном уровне. Выдвинута гипотеза о том, что существующие инструменты и принципы перераспределения бюджетных ресурсов в регионе тормозят эффективное использование потенциала местной бюджетной системы для развития бюджетного потенциала всего региона. Цель работы – обосновать ключевые принципы и инструменты современной государственной региональной политики в области внутрирегионального перераспределения бюджетных ресурсов для развития бюджетного потенциала региона. Объектом исследования, затронувшего период с 2005 по 2018 год, стали российские регионы. Для выявления статистических закономерностей использованы общенаучные методы на основе официальных данных Федерального казначейства России, Министерства финансов, Росстата, региональных органов власти и органов местного самоуправления. Теоретическую основу исследования составили труды ведущих российских и зарубежных ученых. В ходе работы выявлены тенденции бюджетного перераспределения в регионе, а также предложены направления повышения его эффективности, в числе которых комплекс инструментов укрепления доходной базы местных бюджетов и научно-методическое обоснование применения инструментов бюджетного перераспределения в регионе. Научной новизной результатов стало обоснование применения инструментов и принципов современной государственной региональной политики в области внутрирегионального

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МК-2003.2020.6 «Финансовые механизмы стимулирования муниципального развития в контексте обеспечения экономического роста государства».

Для цитирования: Печенская-Полищук М.А. Инструменты и принципы перераспределения бюджетных ресурсов в регионе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 71–88. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.5

For citation: Pechenskaya-Polishchuk M.A. Instruments and principles of reallocating budgetary resources in the region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 71–88. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.5

перераспределения бюджетных ресурсов, которые, в отличие от действующих, опираются на эффективное использование потенциала местной бюджетной системы для развития бюджетного потенциала всего региона. Материалы статьи могут быть использованы в образовательной сфере и деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Ключевые слова: муниципальное развитие, местное самоуправление, муниципальные образования, стимулирование, бюджетная обеспеченность, выравнивание, дифференциация, бюджетный потенциал, перераспределение.

Введение в проблематику. Развитие бюджетного потенциала регионов по принципу синергетического мультипликативного эффекта в значительной мере зависит от использования потенциала муниципальных образований. Действительно, в развитых странах устойчивый муниципальный рост, к условиям которого относится повышение эффективности использования потенциала территорий, в том числе бюджетного, признан в качестве важнейшего драйвера экономического роста [1–4], позволяющего комплексно подходить к решению важных тактических и стратегических задач.

Высокая актуальность развития местной экономики и муниципальных финансов в беспрецедентную эпоху стремительной урбанизации была подчеркнута в новой Программе развития городов Генеральной Ассамблеи ООН до 2030 года [5]. О необходимости решения вопросов экономического роста России за счет муниципального развития напомнил Президент В.В. Путин в послании Федеральному Собранию в 2018 году. Академик РАН А.Д. Некипелов отмечал, что подтолкнуть развитие экономики необходимо при помощи перестройки всех механизмов ее функционирования как на макро-, так и на микроуровне [6]. В исследованиях многих отечественных и зарубежных ученых [7–10] роль микроуровня отводится муниципальным образованиям как фундаментальному звену административно-территориальной системы государства. Это обусловлено тем, что местное самоуправление, во-первых, выступает своего рода способом адаптации населения к меняющимся политическим, экономическим, социальным и иным условиям жизни, а, во-вторых, согласно принципу subsidiarity, позволяет учитывать ресурсы, условия, специфику территорий, потребности и интересы людей для наиболее эффективного и оптимального решения государственных задач.

Не случайно муниципальный уровень ответственен за создание и поддержание условий, способствующих воспроизводству человеческого капитала, о чем свидетельствует сосредоточение в местных бюджетах свыше 60% расходов на социальную сферу (дошкольное и общее образование, физическая культура и массовый спорт, социальное обеспечение населения).

Вполне очевидно, что муниципальное развитие должно основываться на росте финансовых ресурсов, прежде всего бюджетных. С помощью межбюджетной федеральной и региональной политики ставятся приоритеты муниципального развития, определяются оптимальные инструменты стимулирования и поддержки. В условиях бюджетного федерализма решение подавляющего числа социально-экономических задач региона, в особенности стратегического характера, возможно лишь при объединении усилий различных уровней управления. Как свидетельствует опыт развитых государств, в стабильной рыночной экономике межбюджетные отношения способствуют формированию достаточно самостоятельных региональных и местных бюджетов, учитывающих территориальные потребности [11]. Особая важность влияния параметров распределения бюджетных доходов по вертикали управления на бюджетный потенциал определила *актуальность* работы. В исследовании выдвинута *гипотеза* о том, что существующие принципы перераспределения бюджетных ресурсов в регионе тормозят эффективное использование потенциала местной бюджетной системы для развития бюджетного потенциала всего региона. В связи с этим обоснование инструментов и принципов современной государственной региональной политики в области внутрирегионального перераспределения бюджетных ресурсов для развития бюджетного потенциала региона определено как *цель* исследования. Для

ее достижения необходимо выявить тенденции и предложить направления для повышения эффективности бюджетного перераспределения в регионе.

Теоретические аспекты перераспределения бюджетных ресурсов на региональном уровне.

Стоимость, созданная в экономике, проходит стадию первичного распределения по законам материального производства и объективным рыночным потребностям. Впоследствии к процессу распределения созданной стоимости добавляется императивное государственное воздействие, которое более четко очерчивает возникающее вторичное перераспределение, именуемое как бюджетное. Как справедливо отмечает Н.А. Истомина [12], в отличие от первичного бюджетное распределение может характеризоваться не только планированием, прогнозированием и контролем поступлений, но и установлением целей и направлений распределения, размером перераспределяемых средств и т. д. Большинство исследователей сходятся во мнении, что бюджетное перераспределение следует рассматривать с позиции использования бюджетного потенциала в соответствии с государственными потребностями, приоритетами, законодательно установленными функциями и полномочиями. В свою очередь, это указывает на то, что неэффективное перераспределение бюджетных ресурсов между регионом и муниципальными образованиями негативным образом сказывается на мультипликативном расширении бюджетного потенциала всего региона.

В научной литературе исследуются различные аспекты внутрирегионального бюджетного перераспределения. Некоторые работы (например, труды А.В. Стародубцева, В. Нордхауса, И. Маркеса, Е. Назруллаевой, А. Яковлева, С. Ансолабехере, Дж. М. Снайдера, М. Вайшнава, Н. Сиркара [13–17]) посвящены влиянию электоральных циклов и политических приоритетов на распределение бюджетных средств. В других [18–20] внимание уделено управлению территориальным развитием с помощью инструментов бюджетного перераспределения, включая бюджетные инвестиции, финансовую помощь и собственные (налоговые и неналоговые) доходные источники. Статистические оценки свидетельствуют о том,

что бюджетные инвестиции составляют только 1–5% местных бюджетных расходов, тогда как межбюджетные трансферты формируют зачастую свыше 60% местных бюджетных доходов, размер которых напрямую зависит от объема собственных доходов. Данное обстоятельство повышает актуальность исследования именно последнего инструмента бюджетного перераспределения.

Стоит отметить, что в большинстве развитых государств муниципальные образования формировались преимущественно под влиянием рыночных сил, следовательно, бюджетное перераспределение служило удовлетворению возрастающих потребностей общества и производства. В командно-административной экономике СССР становление муниципалитетов происходило в условиях ограничений производственного строительства согласно генеральной схеме расселения, которая в целом ряде случаев привела к инерционности развития промышленности и снижению возможности ее прогрессивной трансформации [21].

Начав меняться после распада СССР, бюджетное перераспределение на внутрирегиональном уровне в России оставалось неформализованным вплоть до сентября 1997 года¹. Необходимость стимулирования не только регионального, но и муниципального развития оказалась законодательно подтверждена в 2001 году с принятием Программы развития бюджетного федерализма до 2005 года. Современные основы функционирования местной бюджетной системы были заложены с 2009 года (в ряде пилотных регионов – с 2006 г.) после вступления в силу Федерального закона № 126 от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». И только с 2019 года начали реализовываться основные направления Стратегии пространственного развития РФ до 2025 г.

Основные результаты и их пояснение. Поскольку, как уже было отмечено, действующая ныне местная бюджетная система с учетом разных типов муниципальных образований берет начало отсчета с 2006 года, этот год станет на-

¹ До принятия федерального закона «О финансовых основах местного самоуправления в Российской Федерации» № 126-ФЗ от 25.09.1997.

чальной точкой исследования. Он ознаменован целым рядом инструментальных корректировок в бюджетном перераспределении внутри регионов, которые предполагали изменение количества наименований местных налогов (с 5 до 2), сокращение нормативов отчислений по некоторым федеральным и региональным налогам. Так, из бюджетных источников разных типов муниципальных образований в вышестоящие бюджеты были переведены платежи за пользование недрами и природными ресурсами, отчисления по налогу на прибыль, а также часть нормативов по налогу на доходы физических лиц (табл. 1).

В переходный период муниципальной реформы (2003–2009 гг.) такая мера представляется нам вполне целесообразной с точки зрения сглаживания дифференциации бюджетно-

го потенциала муниципальных образований, крайне неравномерных по размещению производительных сил и уровню экономического развития. Однако дальнейшее усиление процесса централизации, особенно в отношении нормативов отчислений от бюджетообразующего налога на доходы физических лиц, только снизило финансовую устойчивость местных бюджетов в условиях слабой диверсификации налоговой структуры (табл. 2). К сожалению, значительные изменения в бюджетно-налоговом законодательстве, статистических методах расчетов и бюджетной классификации не дают возможности точно оценить структурные сдвиги межбюджетного распределения доходов. Но даже приблизительные оценки позволяют делать однозначные выводы о наличии тенденции централизации.

Таблица 1. Изменения в перечне налоговых источников местных бюджетов РФ после муниципальной реформы, %

Налоговые доходы	До реформы	После реформы		
		Муниципальные районы	Поселения	Городские округа
Налог на прибыль (ставка)	7	0		
Налог на доходы физических лиц	50–70	20	10	30
Налог на игорный бизнес	50	0		
Акцизы на водку	35	0		
Налог на имущество организаций	50	0		
Налог на имущество физических лиц	100	100	100	100
Земельный налог	100	100	100	100
Платежи за пользование природными ресурсами	65–80	0		
Единый налог на вмененный доход	45–75	90	-	90
Плата за негативное воздействие на окружающую среду	54	40	-	40

Составлено по: законы о федеральном бюджете на 2003–2007 гг.

Таблица 2. Динамика структуры налоговых источников местных бюджетов РФ, %

Налог	2004 г.	2015 г.	2018 г.
Налог на доходы физических лиц	39,89	62,28	64,07
Налоги на имущество	12,43	19,02	17,70
Налоги на совокупный доход	5,11	12,07	12,64
Акцизы	2,17	2,81	3,00
Налог на прибыль	32,83	0,93	0,73
Государственная пошлина	0,65	1,82	1,67
Водный налог / Налоги и сборы за пользование природными ресурсами	0,36	-	0,18
Налог с продаж (по расчетам за 2003 год)	0,37	-	-
Налог на игорный бизнес	0,35	-	-
Налог на дарение	0,16	-	-

Рассчитано по: данные Федерального казначейства России.

Таблица 3. Распределение собственных и налоговых доходов между уровнями бюджетной системы на примере Вологодской области

Год	Распределение собственных доходов, % к валовому региональному продукту		Распределение налоговых доходов, % к консолидированному бюджету	
	Областной бюджет	Местные бюджеты	Областной бюджет	Местные бюджеты
2004	9,4	4,9	34	66
2005	7,9	4,2	67	33
2006	10,7	3,0	82	18
2007	10,9	3,8	78	22
2008	11,7	3,9	79	21
2009	8,9	4,2	72	28
2010	9,8	3,8	71	29
2011	9,1	3,6	76	24
2012	9,2	3,3	80	20
2013	9,2	3,1	79	21
2014	9,0	2,9	79	21
2015	9,0	2,8	79	21
2016	8,9	2,8	80	20
2017	8,8	2,8	82	18
2018	8,8	2,8	82	18

Рассчитано по: данные Федерального казначейства России и Вологдастата.

Сопоставление собственных доходов местных бюджетов с величиной ВРП показало, что муниципальным образованиям остается наименьшая часть валового прироста. Так, доля собственных доходов муниципальных образований по отношению к ВРП в Вологодской области снизилась с 4,9 до 2,8%, а доля налоговых местных доходов в структуре консолидированного бюджета региона – с 66 до 18% (табл. 3).

Следствием сокращения налоговых источников местных бюджетов стал двукратный рост трансфертных платежей. Если, по данным Федерального казначейства РФ, в 2003 году их доля не превышала 26%, то в переходный период реформы (2006–2009 гг.) она выросла до 56%, а с 2009 года стабильно составляет свыше 60%.

Следует отметить, что финансовая база поселенческого уровня формируется в большей степени путем перераспределения части доходных источников из муниципальных районов. В результате существенно изменились бюджетные показатели муниципальных районов. Отходя от усредненных страновых значений, приведем конкретный пример одного из пилотных регионов, перешедших к реали-

зации новых муниципальных принципов не с 2009, а с 2006 года.

Собственные доходы всех муниципальных районов Вологодской области снизились в три раза по сравнению с подготовительным годом, а бюджетная обеспеченность населения собственными доходами сократилась на 65% (табл. 4). Если в 2005 году показатель бюджетной обеспеченности районов Вологодской области на одного жителя складывался преимущественно из собственных поступлений, то по итогам 2006 года, напротив, он во многом стал зависеть от величины межбюджетных трансфертов.

Впоследствии практика перераспределения бюджетных источников между типами муниципалитетов неоднократно повторялась. Впрочем, предпосылками для внутрирегиональных бюджетных перераспределений в дальнейшем чаще всего становилась возрастающая потребность в выравнивании бюджетной обеспеченности в условиях бюджетных кризисов.

Поскольку свыше 60–70% налоговых доходов местных бюджетов традиционно концентрировалось в казне городов, механизм перераспределения именно их бюджетных источ-

Таблица 4. Бюджетная ситуация в муниципальных районах до и после реформы

Наименование	Собственные доходы на одного жителя, руб.			Доля собственных поступлений в доходах, %		
	2005 г.	2006 г.	2006 г. к 2005 г., %	2005 г.	2006 г.	2006 г. к 2005 г., %
Муниципальные районы РФ	5689	1903	33	62,3	17,1	27
Муниципальные районы Вологодской области, в т. ч.:	5444	1885	35	67,6	16,0	24
Усть-Кубинский	3777	3298	87	42,3	20,0	47
Сокольский	5655	2499	44	66,0	26,5	40
Междуреченский	5069	1504	30	55,8	21,5	39
Кирилловский	5180	2569	50	64,3	20,7	32
Бабаевский	7719	2616	34	78,5	21,5	27
Белозерский	6235	2877	46	81,0	21,7	27
Чагодощенский	6527	2363	36	64,1	16,9	26
Харовский	4239	1743	41	60,8	15,1	25
Грязовецкий	6806	2264	33	93,7	22,7	24
Шекснинский	5182	2034	39	83,5	20,0	24
Сямженский	3916	1632	42	52,6	11,9	23
Кич-Городецкий	2924	1176	40	46,5	10,5	23
Тарногский	3152	1212	38	42,5	9,3	22
Великоустюгский	6647	2009	30	81,5	17,7	22
Верховажский	3227	1168	36	49,1	10,6	22
Вологодский	4875	1619	33	78,5	16,4	21
Никольский	2587	1002	39	46,1	9,4	20
Череповецкий	7646	2001	26	100,0	20,2	20
Вожегодский	3668	1302	35	49,8	9,9	20
Кадуйский	12183	2570	21	100,0	19,8	20
Тотемский	7531	2133	28	87,7	16,5	19
Вашкинский	4134	1328	32	47,0	8,8	19
Устюженский	3148	1256	40	50,3	9,1	18
Вытегорский	8487	1744	21	100,0	17,2	17
Нюксенский	7650	1932	25	78,4	13,1	17
Бабушкинский	3367	1148	34	58,1	9,7	17

Рассчитано по: данные Федерального казначейства России и Росстата.

ников был подвергнут новым антикризисным корректировкам². В 2012 году минимальные нормативы отчислений налога на доходы физических лиц в бюджеты городских округов были снижены с 30 до 20%, в 2014 году – уже до 15%. Вследствие того что не все региональные власти установили минимальный норматив для городских округов, в территориальном разрезе даже по одному Северо-Западному федеральному округу наблюдался значительный разрыв в динамике поступлений налога (табл. 5).

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ: Федеральный закон от 30.11.2011 № 361-ФЗ (ред. от 29.12.2017); О внесении изменений в Бюджетный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ: Федеральный закон от 23.07.2013 № 252-ФЗ.

Роль НДФЛ в формировании собственных ресурсов бюджета городских округов России снизилась с 64 до 58%, несмотря на то что индикаторы социально-экономического развития демонстрировали стабильный рост. Так, например, размер средней заработной платы в г. Вологде вырос на 45%, но доля налога в доходах снизилась на 18%. Межбюджетные корректировки привели к тому, что из 5,6 млрд рублей, собранных с работников предприятий и организаций Вологды, в городском бюджете осталось только 900 млн рублей. Всего за период 2011–2016 гг. аналогичные потери городской казны составили почти 4 млрд рублей, что эквивалентно 34% налоговых поступлений. В целях решения вопросов местного значения город-

Таблица 5. Динамика поступления НДФЛ в бюджеты городских округов, % к предыдущему году

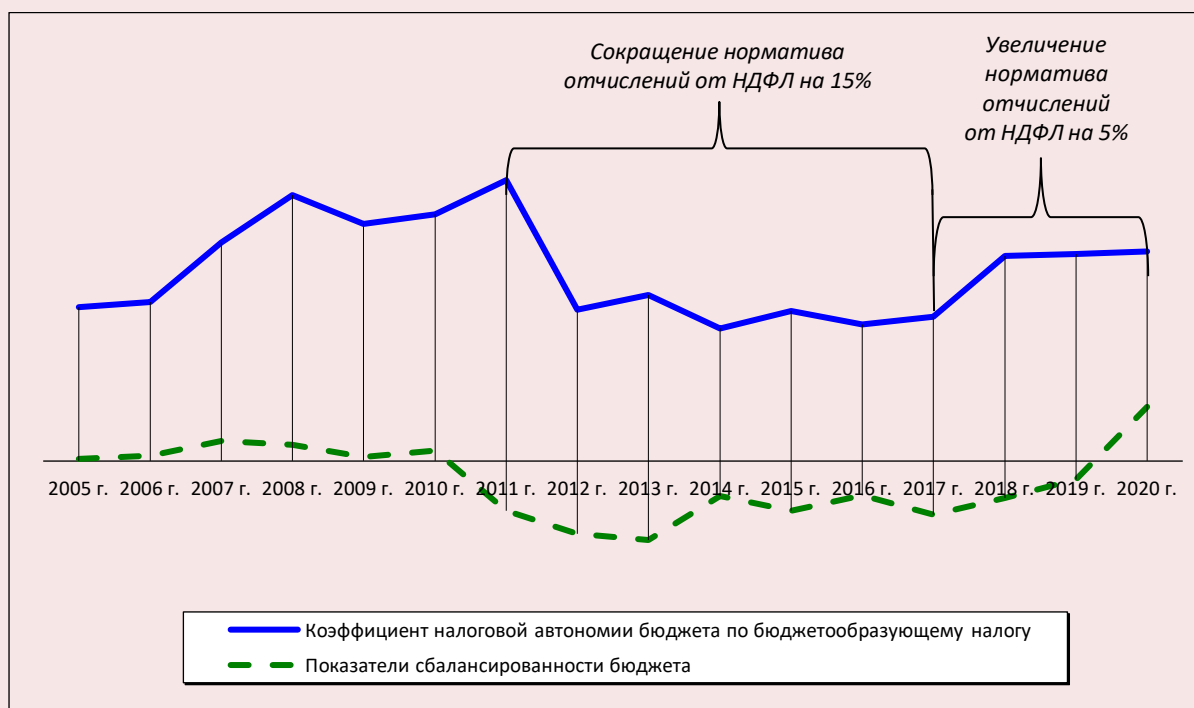
Территория	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Российская Федерация	104,1	111,5	80,2	100,5	104,3	106,2	117,5
СЗФО, в т. ч.:	95,6	105,5	86,1	104,3	98,0	109,5	113,8
Мурманск	105,5	109,9	80,2	108,0	108,4	108,0	113,1
Калининград	113,3	91,8	100,9	99,5	107,0	105,0	112,6
Псков	103,6	98,2	100,2	97,6	104,8	108,4	106,8
Архангельск	97,0	108,3	92,6	101,4	85,3	126,4	107,2
Сыктывкар	114,8	112,2	71,8	100,9	89,9	105,1	113,7
Петрозаводск	83,6	111,8	76,5	97,5	104,7	102,2	115,8
Вологда	53,9	109,5	79,9	113,2	91,1	109,1	149,5
Великий Новгород	75,5	111,5	77,7	96,4	105,5	102,5	107,7

Рассчитано по: данные отчетности Федерального казначейства России; отчеты об исполнении бюджетов городских округов; данные Росстата; ФНС России.

ские власти были вынуждены нарастить долговую нагрузку с 13 до 74% и направить 618 млн рублей на обслуживание банковских кредитов. Анализ трендов налоговой автономии бюджета по бюджетообразующему налогу и сбалансированности бюджета города подтверждает взаимосвязь данных показателей (рис. 1).

Последствиями бюджетного перераспределения ключевого налога для городских округов стали снижение трети реальных³ бюджетных расходов, преломление с 2014 года тренда превышения собственных доходов над финансовой помощью, сокращение показателя сбалансированности (табл. б).

Рис. 1. Соотношение коэффициентов, характеризующих поступление НДФЛ в бюджет, и размер дефицита/профицита бюджета г. Вологды в 2005–2020 гг.

³ Рассчитано автором по данным отчетов об исполнении бюджетов городских округов с учетом инфляции.

Таблица 6. Соотношение собственных доходов и расходов местных бюджетов РФ

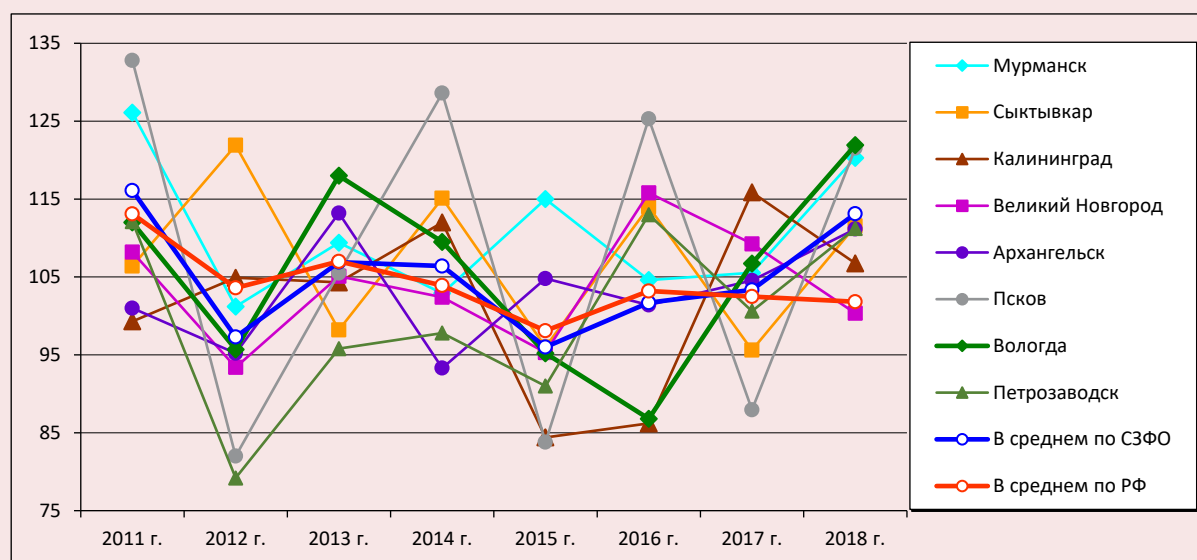
Год	Соотношение собственных доходов и расходов, млрд руб.	Соотношение собственных доходов и расходов, %
2004	-2,2	75,4
2005	-2,3	77,6
2006	-4,2	65,8
2007	-7,2	45,8
2008	-8,0	53,7
2009	-7,7	59,5
2010	-6,5	57,5
2011	-8,1	55,6
2012	-9,9	53,5
2013	-7,0	63,5
2014	-7,9	64,1
2015	-8,6	65,7
2016	-8,4	63,2
2017	-7,7	61,2
2018	-7,9	62,9

Рассчитано по: данные Федерального казначейства России.

В конечном итоге это повлияло на возможности городских властей использовать бюджетный потенциал в качестве инструмента для повышения уровня и качества жизни населения. Исследования [22–24] подтверждают, что возможности проведе-

ния модернизации экономики и социальной сферы растут при укреплении бюджетной обеспеченности территорий, однако ее крайне нестабильный уровень, показанный на рисунке 2, пока не может способствовать решению данных задач.

Рис. 2. Динамика доходной бюджетной обеспеченности городских округов РФ на душу населения, % к предыдущему году

Рассчитано по: данные отчетности Федерального казначейства России; отчеты об исполнении бюджетов городских округов; данные Росстата.

Что касается ситуации в поселениях, то статистические данные до сих пор свидетельствуют о формальном функционировании бюджетов большинства из них. Дефицит собственных доходных источников для выполнения расходных полномочий компенсируется системой межбюджетных трансфертов (в ряде регионов РФ свыше 95%).

Отечественный опыт перераспределения бюджетных ресурсов внутри региона свидетельствует о том, что эволюция межбюджетных отношений на местном уровне соответствовала принципам доходной централизации, расходной децентрализации и приоритету выравнивания бюджетной обеспеченности над стимулированием к развитию локальных территорий. Следование данным принципам не позволило региональным властям за весь период наблюдений существенно снизить нагрузку региональных бюджетов, связанную с необходимостью оказания безвозмездной финансовой помощи муниципальным образованиям. При этом большая доля трансфертов передавалась на исполнение не собственных, а делегированных полномочий, росла доля вопросов местной бюджетной сбалансированности, решенных за счет банковского сектора (табл. 7).

Главный вывод, который следует из обозначенных выше проблем бюджетного перераспределения в регионах РФ, заключается в несоответствии применяемых инструментов текущему состоянию местной бюджетной системы. Несмотря на ее ухудшение, констатируется наличие целого ряда тенденций перераспределения бюджетных средств внутри региона, перманентно поддерживаемых инструментами государственного управления.

1. Инструменты бюджетного перераспределения в регионе базируются по принципу выравнивания «от имущих к неимущим» без выстраивания механизмов компенсации выпадающих доходных источников. Подобная практика применялась в 2005–2009 гг. в отношении муниципальных районов и используется с 2012 года по настоящее время в отношении городских округов.

2. Стратегические приоритеты пространственного развития России до 2025 года и основные направления бюджетно-налоговой политики до 2022 года (например, в отношении городов, получивших необходимость стратегического развития без сопутствующих этому бюджетных инструментов) слабо коррелированы.

Таблица 7. Объем межбюджетных трансфертов муниципальным образованиям в РФ, %

Год	Доля межбюджетных трансфертов в расходах консолидированного бюджета региона	в том числе на исполнение расходных полномочий вышестоящих уровней, % к межбюджетным трансфертам	Доля банковских кредитов в собственных доходах местных бюджетов
2004	33,0	42,8	1,5
2005	35,9	58,5	1,4
2006	41,0	50,1	1,3
2007	42,1	51,1	1,9
2008	37,5	49,1	1,9
2009	36,3	48,7	3,6
2010	41,3	52,9	9,5
2011	40,1	54,5	18,4
2012	38,4	49,5	26,2
2013	36,3	63,6	30,3
2014	39,5	67,9	40,5
2015	40,0	65,4	41,1
2016	31,8	60,2	48,7
2017	30,2	61,9	47,4
2018	30,9	62,0	43,8

Рассчитано по: данные Федерального казначейства России.

3. Сохраняется подход к бюджетному перераспределению, при котором предполагаемые объективные преимущества развития определенных типов муниципальных образований (например, административный фактор, концентрация экономических, трудовых и иных ресурсов) стали поводом не только к сужению инструментария для привлечения бюджетных ресурсов на безвозмездной основе, но и доходных источников для осуществления функции выравнивания не в дополнение к функции стимулирования территориального развития, а в противовес ей.

Все вышеуказанное дает основания заключить, что современной государственной бюджетной политике в области перераспределения бюджетных ресурсов внутри региона присущи фрагментарность инструментов бюджетного перераспределения, рассогласованность нормативно-правовой базы и действий разных управленческих уровней, а также недостаточно полный учет бюджетных тенденций муниципальных образований и их бюджетного потенциала. В свою очередь, это не инициирует проявление мультипликативного эффекта развития бюджетного потенциала региона с использованием потенциала местной бюджетной системы. При этом дестимулирующий эффект бюджетного перераспределения внутри региона создает серьезные барьеры для развития бюджетного потенциала российских территорий. Неупорядоченные краткосрочно-целевые процессы перетекания бюджетных средств из одних типов муниципальных образований в другие только усугубляют всеобщую негативную тенденцию.

Принимая во внимание указанное обстоятельство и полученные результаты исследования, считаем, что существенным условием повышения эффективности бюджетного перераспределения внутри региона должно стать принятие следующих мер:

1. С одной стороны, необходимо предложить инструменты укрепления доходной базы местных бюджетов (в отношении налога на доходы физических лиц, налоговых доходов от имущественного комплекса, налогообложения малого бизнеса).

2. С другой стороны, нужно усилить научно-методическое обоснование применения пе-

рераспределительных бюджетных инструментов (в отношении регулярного учета динамики сопоставления центра и периферии).

Инструменты в отношении налога на доходы физических лиц

Порядка 50% собственных доходов местных бюджетов составляет налог на доходы физических лиц. По налоговому законодательству это федеральный налог, но полномочия по его перераспределению переданы региональным органам управления. Как показали выявленные тенденции, его межбюджетное распределение стало самым нестабильным в налоговой системе. Крайне высокая зависимость от волатильности данного источника подрывает платежеспособность, устойчивость, а следовательно, и безопасность местной бюджетной системы.

Согласно Европейской хартии о местном самоуправлении, ратифицированной Российской Федерацией в 1998 году, финансовые ресурсы органов местного самоуправления должны быть соразмерны полномочиям, предоставленным им Конституцией и законом. Нельзя отрицать, что муниципалитеты районного и поселенческого уровней не смогут «выжить» без стабильных доходных источников. В то же время практика отчисления НДФЛ, перманентно перераспределяемого от одних типов муниципальных образований к другим, порождает проблемы сбалансированности, долговые, социальные проблемы и т. д. Вопрос стоит в том, какую часть собранных доходов следует забирать в муниципальных образованиях для перечисления в региональный бюджет.

Нельзя не отметить все еще актуальную проблему территориального зачисления налога на доходы физических лиц. Зарубежные страны уже давно провели налоговую реформу по перераспределению НДФЛ с места работы в место проживания налогоплательщика. Очевидными аргументами в пользу данного инструмента являются недополучение финансовых ресурсов для развития инфраструктуры и предоставления населению социальных услуг, гарантированных по месту проживания, выпадение налоговых доходов из-за предоставления налоговых вычетов для тех налогоплательщиков, у которых место проживания не совпадает с местом работы.

Опыт Германии свидетельствует о возможности последующего перераспределения налоговых платежей в бюджет места проживания после его изначальной уплаты по месту работы [25]. В России для этого отсутствует правовое поле, однако организационное поле с наличием идентификационных номеров налогоплательщиков (ИНН) и полномочиями Пенсионного фонда контролировать отчисления с заработной платы от каждого работающего содействует реализации такого инструмента укрепления доходной базы периферийных муниципальных образований.

Инструменты в отношении налоговых доходов от имущественного комплекса

Местные налоги (налог на имущество физических лиц и земельный налог) вносят незначительный вклад в муниципальную казну – менее 17% собственных доходов. Если обратиться к зарубежным сопоставлениям, то налог на недвижимое имущество существует приблизительно в 130 странах мира. В местных бюджетах некоторых федеративных государств он является основной статьей налоговых доходов: в США – порядка 70–75%, в Канаде – до 80%, в некоторых штатах Австралии – более 90%. Потенциал имущественных налогов, особую ценность которым придает их независимость от внешнеэкономической конъюнктуры, используется в России крайне слабо. Это связано как с проблемами их межбюджетного распределения, так и с проблемами учета налогооблагаемой базы, что сокращает уровень собираемости. При этом собираемость налогов оказывает непосредственное влияние на ликвидность бюджетной системы и минимизацию риска недостатка свободных денежных средств для своевременных выплат по обслуживанию и погашению долга. По данным ФНС, задолженность по уплате местных налогов в бюджеты муниципальных образований РФ на 01.01.2019 г. составила почти 92 млрд рублей, или 44% от поступившего объема.

Весьма сложным для исполнения и малозначимым источником местных доходов в РФ остается земельный налог. В Налоговом кодексе даны его предельные ставки, в рамках которых органы муниципальных образований могут дифференцировать размер налога в зависимости от категорий земель или разрешенного

использования земельного участка (от 0,3 до 1,5%). Однако не определено минимальное ограничение, что говорит о возможности установления налоговой ставки в 0%. В результате депутаты представительных органов местного самоуправления, пытающиеся максимально «защитить» интересы налогоплательщиков путем уменьшения ставок, снижают наполняемость доходной части местных бюджетов. Это не лучшим образом сказывается на муниципальном развитии, поскольку значительно осложняет финансирование социально-культурной сферы, жилищно-коммунального хозяйства, содержания и строительства дорог и других расходов, которые в соответствии со статьей 16 ФЗ № 131 должны осуществляться органами местного самоуправления. В подобной ситуации соблюсти баланс интересов налогоплательщиков и местного бюджета сложно, поэтому применение инструмента закрепления как максимальных, так и минимальных предельных ставок земельного налога должно базироваться на взвешенном, экономически обоснованном подходе, зафиксированном в высшем налоговом документе государства. Установление нулевых ставок должно подчиняться принципам социальной и экономической эффективности.

Относительно местного налога на имущество физических лиц целесообразно закрепление в Федеральном законе № 122-ФЗ предельных сроков, в течение которых вновь построенные здания, сооружения и другие строения должны быть зарегистрированы. Особенно актуальна эта проблема в случае, когда появляется пристройка или на месте старого строения возведено новое, т. е. произошло увеличение стоимости объекта и, следовательно, налогооблагаемой базы, а оформлять его собственник не спешит. Упрощение порядка прохождения и снижение стоимости регистрационных процедур по оформлению документов, установление механизма привлечения физических лиц к ответственности за уклонение от регистрации имущественных прав на объекты недвижимости как важные меры повышения потенциала налога на имущество физических лиц вполне реализуемы в российском нормативно-правовом поле.

В условиях повышения уровня собираемости местных налогов многие исследователи отмечают реальные перспективы развития имущественного обложения в РФ. В связи со сказанным как преждевременная и неоправданная мера расценивается отмена доли налога на имущество организаций, поступающей в местные бюджеты. Между тем в пользу закрепления данного налога говорят и такие факторы, как стабильность его поступлений, низкая мобильность налоговой базы и экономическая эффективность. Поскольку организации используют местную инфраструктуру (в частности дороги и коммунальные услуги), то логично было бы закрепить налоги, поступающие от их имущества, за местными бюджетами. По предварительной оценке передача на местный уровень 25% доходов от налога на имущество организаций увеличила бы налоговые доходы местных бюджетов на 35%.

Научным сообществом неоднократно высказывались предложения о придании статуса местных всем имущественным налогам, так как за местными бюджетами целесообразно закреплять все те налоги и сборы, на формирование налоговой базы которых способны влиять муниципальные органы и которые они могут эффективно администрировать.

Инструменты в отношении налогообложения малого бизнеса

Малые предприятия и индивидуальные предприниматели, как основные арендаторы муниципального имущества и земельных участков и плательщики специальных налоговых режимов, зачисляемых по нормативам в местные бюджеты, добавляют в среднем 7% к объему их собственных доходов. В силу различных нормативов отчислений от специальных налоговых режимов вклад малого бизнеса в местную бюд-

жетную систему дифференцирован по типам муниципальных образований: городские округа вносят порядка 7% собственных доходов, муниципальные районы – 13% (табл. 8).

Финансовые инструменты местных органов самоуправления ограничиваются двумя ключевыми видами стимулирования развития малого бизнеса, в отношении которых целесообразно дальнейшее совершенствование.

1) Бюджетное субсидирование малых предприятий.

В соответствии с ФЗ № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» поддержка бизнеса местными властями может осуществляться посредством предоставления субсидий, бюджетных инвестиций и муниципальных гарантий по обязательствам субъектов бизнеса. Однако далеко не все российские муниципалитеты имеют финансовые ресурсы для оказания помощи малому и среднему бизнесу, поэтому целесообразно рассмотреть вопрос сопоставления индикаторов развития малого бизнеса, в т. ч. повышения вклада в бюджеты, с уровнем стабильного софинансирования расходов на поддержку малого бизнеса из вышестоящих бюджетов.

2) Оптимизация налоговой нагрузки малых предприятий.

Согласимся с мнением [26–27], что налоговое бремя не должно быть губительно для бизнеса, в то же время муниципальным властям не стоит пренебрегать интересами местных бюджетов. В связи с этим целесообразно проводить мониторинг влияния решений местных органов самоуправления по установлению величины коэффициента, корректирующего базовую доходность при взимании единого налога на вмененный доход (ЕНВД) с предпринимателей и организаций, на налоговую нагрузку.

Таблица 8. Вклад малых предприятий в местные бюджеты РФ, % от собственных доходов бюджетов

Год	Доля доходов от малых предприятий в собственных доходах бюджетов		
	муниципальных образований	городских округов	муниципальных районов
2006	5,3	5,7	8,9
2009	4,7	5,0	7,0
2012	6,4	6,9	9,0
2014	6,8	6,2	10,4
2018	7,2	7,0	13,2

Рассчитано по: отчетность Федерального казначейства России и Росстата.

Результаты такого мониторинга покажут динамику налога и рейтинг по уровню налоговой нагрузки, что, в свою очередь, выявит обоснованность корректирующих коэффициентов по ЕНВД на предмет их соответствия экономическому положению территорий с учетом достижения баланса интересов малого бизнеса и местных бюджетов.

Кроме того, к компетенции местного уровня власти целесообразно отнести установление некоторых элементов налогообложения при применении их микро- и малыми предприятиями⁴ в рамках Налогового кодекса. В частности, следует рассмотреть вопрос о предоставлении права определять размер потенциально возможного годового дохода индивидуального предпринимателя, а также перечень видов предпринимательской деятельности, по которому разрешается применение патентной системы налогообложения. В данном вопросе муниципальные органы смогут более эффективно учитывать особенности и специфику ведения предпринимательской деятельности на территории своего муниципалитета. При этом возможно предусмотреть установление рамочных критериев размера дохода на федеральном уровне.

Усиление обоснованности применения инструментов бюджетного перераспределения

Известно, что в современных отечественных и зарубежных исследованиях отмечаются различные точки зрения в отношении необходимости стимулировать развитие тех или иных типов муниципальных образований, а следовательно, приоритета бюджетного перераспределения в их пользу. Так, ряд исследований свидетельствует о таком приоритете в пользу городов как точек роста. Например, в работе [28] показано значительное положительное влияние агломерационных эффектов на макропоказатели регионов. М. Fujita, P. Krugman и F.J. Venables [29] утверждали, что роль центров развития и модернизации принадлежит именно городам, но в разной степени и с разным качеством ро-

ста. Однако, как показывает практика, не все города в современных рыночных условиях готовы к конкуренции за трудовые и экономические ресурсы, а потому не могут нарастить ни человеческий, ни экономический, ни бюджетный потенциалы [30]. Как отметила Н.В. Зубаревич [31], уравнительный подход к развитию пространства, подразумевающий необходимость городов делиться с периферией, препятствует проведению политики, направленной на системную поддержку модернизации экономики и человеческого капитала российских городов. С другой стороны, теория агломераций объясняет сдерживание развития периферии из-за концентрации экономической активности в региональном центре, а теория кумулятивного роста указывает на двойственный эффект от развития центральных городов, в том числе и генерацию импульсов развития. Более того, по мере усиления актуальности пространственной составляющей территориального развития в научной и управленческой среде все больше внимания стало уделяться полярным вопросам: сохранению уникальности малых и средних городов, развитию крупных городов и агломераций, неравномерности «центр — периферия».

В исследовании [32] обосновано, что процессы концентрации экономической активности совместно с межрегиональной дивергенцией формируют положительный тренд пространственного развития России. Однако проводимая бюджетная политика нацелена, напротив, на конвергенцию показателей регионального развития, что подразумевает соответствие характеристик ключевых бюджетных инструментов (формализованных методик распределения дотаций, нормативов отчислений от налогов и т. д.) этой цели. Мы приходим к выводу о том, что одним из недостатков при обосновании инструментов бюджетного перераспределения является отсутствие регулярно учета динамики соразвития центра и периферии региона.

Обращаясь к научной литературе, заметим, что она содержит целый ряд детальных и интересных исследований дифференциации, асимметрии и поляризации внутрорегионального пространства [33–40] с точки зрения разно-

⁴ К микропредприятиям относятся организации, имеющие годовую выручку до 60 млн рублей и число сотрудников не больше 15 человек; к малым предприятиям — организации с годовой выручкой до 400 млн рублей и количеством сотрудников от 16 до 100 человек.

образия подходов, анализа динамики и выявленных способов измерения уровня неравномерности. Вместе с тем существующие в различных научных трудах инструментарии (коэффициент вариации, индекс Джини, индекс Тейла, интегральная оценка, матрица перехода, цепи Маркова, наличие β - и σ -конвергенции и др.) в большинстве случаев применяются для показателей социально-экономического развития городских округов и муниципальных районов, вскользь касаясь бюджетных показателей. Кроме того, в отличие от перечисленных инструментариев, с точки зрения влияния бюджетного перераспределения на бюджетный потенциал региона значимым становится исследование именно относительной длины разности между векторами уровня подушевой бюджетной обеспеченности центра и периферии. Современная методология не содержит методического инструментария для проведения подобного рода измерений. Вместе с тем этот методологический пробел искажает возможности развития бюджетного потенциала региона, в том числе прямым образом влияя на бюджетное перераспределение и возможности реализации стимулирующей функции системы межбюджетных трансфертов.

Расширяя инструментарий, отражающий обоснованность принятия мер бюджетного перераспределения по линии «центр – периферия», в исследовании разработан так называемый индекс центrorегionalной дифференциации по уровню бюджетной обеспеченности (Centrorregional Budget Provision Differentiation Index). Обозначим, что центrorегionalная дифференциация выражает различия подушевых объемов собственных доходов между региональным центром и периферийными муниципальными образованиями одного региона. В основу индекса положены два экономических индекса: Herfindahl-Hirschman index (индекс для оценки степени монополизации отрасли, 1945 г.) и Theil index (индекс для измерения социального неравенства, 1967 г.). Разработанный индекс ($ICRD_{BP}$) учитывает абсолютные среднелушевые показатели и темпы роста уровня бюджетной обеспеченности, что повышает точность расчетов, так как города с наименьшими среднелушевыми показателями могут характе-

ризоваться более высокими показателями прироста. Расчет $ICRD_{BP}$ предполагается проводить по формуле:

$$ICRD_{BP} = \sqrt{\frac{\sum_i [(BP_{it}^{RC} - BP_{jit}^P)^2 + (\frac{BP_{it}^{RC}}{BP_{i(t-1)}^{RC}} - \frac{BP_{jit}^P}{BP_{ji(t-1)}^P})^2]}{\sum_i [(BP_{jit}^P)^2 + (\frac{BP_{jit}^P}{BP_{ji(t-1)}^P})^2]}}$$

где BP_{it}^{RC} – среднелушевой уровень бюджетной обеспеченности населения регионального центра i собственными доходами в году t ;

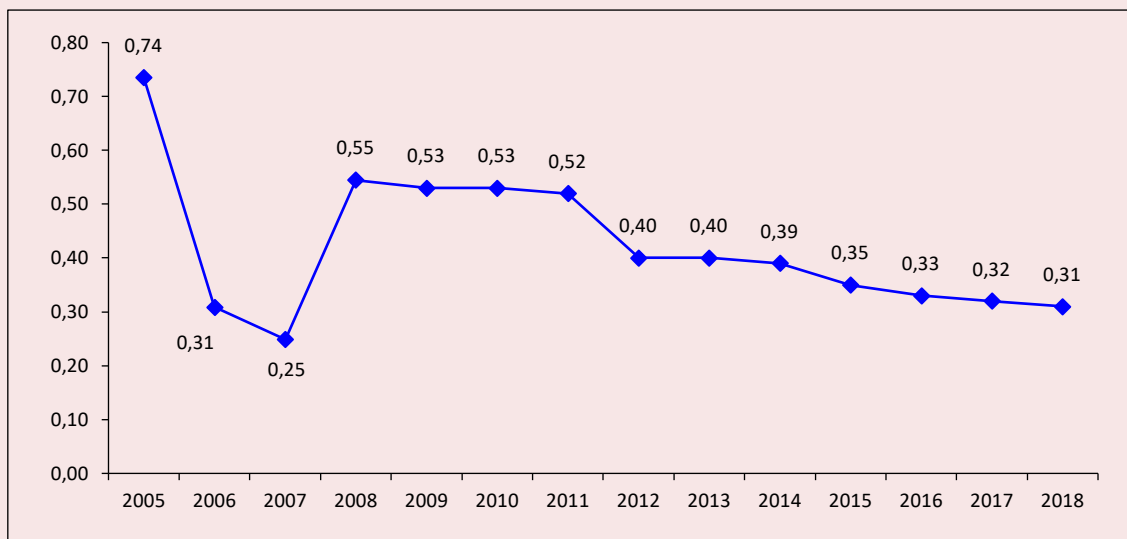
BP_{it}^P – среднелушевой уровень бюджетной обеспеченности населения региона j без регионального центра i собственными доходами в году t ;

$BP_{i(t-1)}^{RC}$ – среднелушевой уровень бюджетной обеспеченности населения регионального центра i собственными доходами в году $t-1$;

$BP_{i(t-1)}^P$ – среднелушевой уровень бюджетной обеспеченности населения региона j без регионального центра i собственными доходами в году $t-1$.

Интерпретация значений индекса в динамическом ряду означает усиление центrorегionalной дифференциации при его росте и ослабление центrorегionalной дифференциации при снижении. Графическая расшифровка индекса представляет собой кривую, приближение которой к оси абсцисс X свидетельствует о конвергенционном процессе и выравнивании уровней бюджетных потенциалов в ущерб стимулированию его развития. Мониторинг индекса позволит органам управления количественно очертить пределы и динамику центrorегionalной дифференциации. Предполагается, что важным шагом при обосновании применения инструментов бюджетного перераспределения должно стать разделение пределов центrorегionalной дифференциации на интервалы соответствия тем или иным стратегическим приоритетам. Кроме того, проведение измерений на всех российских регионах (за исключением в силу специфики Москвы, Санкт-Петербурга, Севастополя, Ленинградской и Московской областей, Ненецкого автономного округа) позволит провести их типологизацию. Данный вопрос требует дополнительных изысканий и расчетов, поэтому станет предметом наших будущих исследований.

Рис. 3. Кривая индекса центрорегиональной дифференциации по уровню бюджетной обеспеченности (на примере Вологодской области)

Источник: расчеты автора.

В рамках текущего этапа работы проведена апробация разработанного методического инструментария измерения центрорегиональной дифференциации по уровню бюджетной обеспеченности на примере Вологодской области как типичного региона Российской Федерации по большинству индикаторов социально-экономического развития. Вологодская область, как уже отмечалось, в числе пилотных регионов в 2006 году перешла к реализации реформы местного самоуправления. Расчет значений индекса выявил заметную тенденцию к падению его кривой, что указывает на сближение уровней бюджетной обеспеченности регионального центра и периферии (рис. 3).

Исследование эмпирических данных на рисунке демонстрирует резкое падение кривой индекса в 2006 году, когда Вологодская область в числе других пилотных регионов приступила к реализации организационной и финансовой реформы основ местного самоуправления. Детальные оценки данного процесса, а также его сравнительные расчеты на других российских регионах будут осуществлены на следующих этапах работы.

Выводы. Из результатов проведенного исследования вытекает, что современная государственная региональная политика в области вну-

трирегионального перераспределения бюджетных ресурсов с точки зрения развития бюджетного потенциала всего региона должна соответствовать следующим ключевым принципам.

Во-первых, принципу возмещения, который проявляется в том, что принятие бюджетных норм для одних типов муниципальных образований не должно существенно снижать бюджетный потенциал в других путем применения соответствующих механизмов компенсации.

Во-вторых, принципу дифференциального укрепления доходной базы, который учитывает особенности, тенденции, исторические традиции хозяйствования различных типов локальных территорий. Например, в муниципальных образованиях с крупным имущественным комплексом основной акцент должен быть установлен на стабильности закрепления за органами местного самоуправления имущественных налогов (земельный налог, налог на имущество организаций, налог на имущество физических лиц). В муниципалитетах со слабым производственным потенциалом нет экономического смысла наполнять бюджет минимальными объемами от доходных источников с предприятий, тогда как важным становится стимулирование развития малого бизнеса.

В-третьих, принципу обоснованности, который свидетельствует о подкреплении тех или иных бюджетных перераспределений научно-методическим инструментарием.

Результаты представленного исследования вносят вклад в развитие теоретических аспектов перераспределения бюджетных ресурсов в регионе, что нашло отражение в разработке научно-методического обоснования применения инструментов бюджетного перераспределения, а также в аргументации принципов

современной государственной политики в сфере внутрирегионального перераспределения бюджетных ресурсов, соблюдение которых будет способствовать развитию бюджетного потенциала региона. Практическая значимость исследования обусловлена возможностью применения обозначенных позиций в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления при решении проблем перераспределения бюджетных ресурсов в регионе.

Литература

1. Azoulay A., Côté J.-G. *Les clés du développement économique local Analyse des stratégies de six villes nord-américaines*. Note de Recherche, 2017. URL: institutduquebec.ca/docs/default-source/recherche/8842_les-cles-du-developpement_idq_br_fr.pdf?sfvrsn=2
2. Krätke S. Die globale Vernetzung von Medienzentren. Zur Diversity von Geographien der Globalisierung. *Geographische Zeitschrift*, 2002, no. 90, pp. 103–123.
3. Lockner A.O. *Steps to Local Government Reform: A Guide to Tailoring Local Government Reforms to Fit Regional Governance Communities in Democracies*. USA, Bloomington: iUniverse, 2013. 621 p.
4. Silem A., Fontanel J., Pecqueur B., Bensahel-Perrin L. *L'économie territoriale en questions*. Paris: l'Harmattan, 2014.
5. *The New Urban Agenda. United Nations. 2017*. Available at: <http://habitat3.org/wp-content/uploads/NUA-English.pdf>
6. Некипелов А.Д. Кризис в России: логика развития и варианты экономической политики // Общество и экономика. 2009. № 8–9. С. 5–21.
7. Татаркин А.И., Гершанок Г.А. Методология оценки устойчивого развития локальных территорий на основе измерения социально-экономической и экологической емкости // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2006. Т. 6. № 1. С. 40–48.
8. Одинцова А.В. Пространственная экономика в работах представителей французской школы регуляции // Пространственная экономика. 2011. № 3. С. 56–70.
9. Friederich P., Kaltschütz A., Nam C.W. *Recent Development of Municipal Finance in Selected European Countries*. The 44th Congress of the European Regional Science Association (ERSA) Oporto, August 25–29, 2004. 53 p.
10. Slack E. *Guide of municipal finance*. Nairobi: UN-НАБИТАТ, 2009. 81p.
11. Одинцова А.В. Местное самоуправление как институт развития // Федерализм. 2015. № 2 (78). С. 87–100.
12. Истомина Н.А. О бюджетном перераспределении и его роли в социально-экономическом развитии регионов // Финансы и кредит. 2013. № 11 (539). С. 12–19.
13. Стародубцев А.В. Политическая лояльность или экономическая эффективность? Политические и социально-экономические факторы распределения межбюджетных трансфертов в России. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. 28 с.
14. Nordhaus W. The Political Business Cycle. *Review of Economic Studies*, 1975, vol. 42 (2), pp. 169–190.
15. Marques II I., Nazrullaeva E., Yakovlev A.A. *From Competition to Dominance: Political Determinations of Federal Transfers in Russian Federation*. NRU Higher School of Economics. Series EC «Economics». 2011, no. 12, 49 p.
16. Ansolabehere S., Snyder J.M. Party control of state government and the distribution of public expenditures. *Scandinavian Journal of Economics*, 2006, vol. 108 (4), pp. 547–569.
17. Vaishnav M., Sircar N. Core or swing? The role of electoral context in shaping pork barrel. *Working Paper*, 2012. Available at: https://nsircar.files.wordpress.com/2013/02/vaishnav_sircar_03-12-12.pdf
18. Исаев А.Г. Распределение финансовых ресурсов в бюджетной системе РФ и экономический рост российских регионов // Пространственная экономика. 2016. № 4. С. 61–74.

19. Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы эффективности государственного управления. Бюджетный кризис регионов: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 128 с.
20. Бухвальд Е.М., Печенская М.А. О бюджетных ограничениях муниципального стратегического планирования // Самоуправление. 2016. № 9 (102). С. 16–19.
21. Печенская М.А. Бюджеты региональных центров Северо-Запада: инструменты модернизации или выживания? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 77–90.
22. Печенская М.А. Региональное развитие: цели и возможности // Финансы. 2014. № 10. С. 22–26.
23. Дядик В.В. О проблемах стратегического планирования на муниципальном уровне: российские реалии и скандинавский опыт // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 6. С. 53–62.
24. Печенская М.А. Развитие межбюджетных отношений в России в 2000–2015 гг. // Проблемы прогнозирования. 2017. № 2. С. 117–130.
25. Кузнецова О. Межбюджетные отношения: параллели между Россией и Германией // Казанский федералист. 2006. № 3 (19). С. 56–67.
26. Осипова А.А., Сидоренко О.В. Стимулирование развития малого предпринимательства в регионе // Пространственная экономика. 2007. № 2. С. 61–77.
27. Теребова С.В. Малый бизнес как фактор повышения уровня занятости и доходов населения региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 5 (29). С. 112–122.
28. Михеева Н.Н. Факторы роста российских регионов: адаптация к новым условиям // Регион: экономика и социология. 2017. № 4. С. 151–176.
29. Fujita M., Krugman P., Venables F.J. *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade*. Cambridge (Mass.), 2000.
30. Зубаревич Н.В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 5–19.
31. Зубаревич Н.В. Российские города как центры роста // Управленческое консультирование. 2006. № 2 (22). С. 113–118.
32. Коломак Е. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 132–150.
33. Ворошилов Н.В., Губанова Е.С. Внутрирегиональная социально-экономическая дифференциация. Вологда, 2019. 187 с.
34. Евченко А.В., Столбов А.Г. Управление экономическим и социальным развитием субъекта Федерации с учетом внутрирегиональной асимметрии: теория и практика. Апатиты: КНЦ РАН, 2006. 245 с.
35. Александрова А., Гришина Е. Неравномерность развития муниципальных образований // Вопросы экономики. 2005. № 8. С. 97–105.
36. Тургель И.Д., Победин А.А. Территориальная дифференциация социально-экономического развития муниципальных образований в субъекте Российской Федерации: опыт вариационного анализа (на примере Свердловской области) // Региональная экономика: теория и практика. 2007. № 12. С. 12–23.
37. Губанова Е.С., Клещ В.С. Методологические аспекты анализа уровня неравномерности социально-экономического развития регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 1. С. 58–75.
38. Попов П.А. Дефиниции социально-экономической асимметрии муниципальных организаций региона // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 5. С. 85–88.
39. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Сильные и слабые города России // Полюса и центры роста в региональном развитии. М., 1998.
40. Буфетова А.Н. Неравномерность пространственного развития: региональные центры и региональная периферия // Регион: экономика и социология. 2009. № 4. С. 55–68.

Сведения об авторе

Мария Александровна Печенская-Полищук – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: marileen@bk.ru)

Pechenskaya-Polishchuk M.A.

Instruments and Principles of Reallocating Budgetary Resources in the Region

Abstract. The article is devoted to studying the reallocation of budgetary resources at the intraregional level. The author has made a hypothesis that the existing instruments and principles of reallocating budgetary resources in the region hinder the effective use of the local budgetary system's capacity for developing the fiscal capacity of the entire region. The work is aimed at justifying the key principles and instruments of the modern public regional policy in the field of the intraregional reallocation of budgetary resources for developing the region's fiscal capacity. The Russian regions have become the object of the study covering the period from 2005 to 2018. In order to reveal statistical regularities, the researcher has used general scientific methods based on the official data from the Federal Treasury, the Ministry of Finance, Rosstat, regional authorities and local government bodies. The works of leading Russian and foreign scientists have composed the theoretical basis of the study. In the course of the research the author has identified the trends of budgetary reallocation in the region, as well as proposed the directions of improving its efficiency, including the set of instruments for strengthening the income basis of local budgets and the research and methodological justification for using the budgetary reallocation instruments in the region. The scientific novelty of the results includes the justification of applying the instruments and principles of the modern public regional policy in the field of the intraregional reallocation of budgetary resources, which, unlike the existing ones, rely on the effective use of the local budgetary system's capacity for developing the fiscal capacity of the entire region. The materials of the present article can be used in the educational sphere, as well as in the activities of public authorities and local government bodies.

Key words: municipal development, local government, municipal units, stimulation, fiscal federalism, equalization, differentiation, fiscal capacity, reallocation.

Information about the Author

Mariya A. Pechenskaya-Polishchuk – Candidate of Sciences (Economics), Head of Laboratory, Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: marileen@bk.ru)

Статья поступила 02.03.2020.

DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.6
УДК 332.14+336.14, ББК 65.04+62.261.3
© Коломак Е.А., Сумская Т.В.

Оценка роли федеральных трансфертов в субнациональной бюджетной системе Российской Федерации*

**Евгения Анатольевна
КОЛОМАК**

Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН
Новосибирск, Российская Федерация, 630090, пр. Академика Лаврентьева, д. 17
E-mail: ekolomak@academ.org
ORCID: 0000-0002-2230-852X

**Татьяна Владимировна
СУМСКАЯ**

Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН
Новосибирск, Российская Федерация, 630090, пр. Академика Лаврентьева, д. 17
E-mail: t.v.sumskaya@ngs.ru
ORCID: 0000-0001-9758-8223

Аннотация. Финансовая самостоятельность субфедеральных органов власти является важнейшим условием их эффективного функционирования. В настоящее время в России порядок межбюджетного регулирования чрезмерно централизован, высок удельный вес трансфертов в структуре региональных доходов. В то же время субфедеральные бюджеты являются базовым уровнем бюджетной системы, концентрирующим основную часть социально значимых расходов. В связи с этим разработка комплексного инструментария для эмпирического анализа налоговых доходов и эффективности межбюджетных трансфертов, предпринятая в исследовании, представляется актуальной. Цель исследования — выработать экономико-статистический

* Статья выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН в рамках приоритетного направления XI.171 (проект XI.171.1.2).

Для цитирования: Коломак Е.А., Сумская Т.В. Оценка роли федеральных трансфертов в субнациональной бюджетной системе Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 89–105. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.6

For citation: Kolomak E.A., Sumskaya T.V. Assessing federal transfers' role in the subnational budget system of the Russian Federation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 89–105. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.6

аппарат для оценки результатов перечисления межбюджетных трансфертов из федерального бюджета субъектам Федерации. Для достижения поставленной цели потребовалось: рассмотреть особенности структуры бюджетных доходов регионов; определить масштаб неоднородности бюджетных доходов территорий, дать ее количественную оценку; выявить направления трансфертной политики федерального центра; выяснить характер влияния безвозмездных перечислений на бюджеты регионов. Новизна представленной работы заключается в создании экономико-статистического аппарата к исследованию влияния федеральной бюджетной политики на общественные финансы региона. Это позволило дать характеристику безвозмездным перечислениям из федерального бюджета регионам и определить существование либо отсутствие мотивации к наращиванию налоговых доходов у субъектов РФ. Сделан вывод о том, что совершенствование межбюджетных отношений должно предусматривать меры по укреплению собственного налогового потенциала регионов России, что невозможно, если не обеспечивается стабильность закрепления налоговых доходов. Необходимы меры, не допускающие прямой зависимости между фактическими и прогнозируемыми доходами и расходами бюджета и объемом получаемых из федерального бюджета трансфертов на выравнивание бюджетной обеспеченности. Результаты проведенного исследования могут быть использованы при изучении возможностей совершенствования бюджетной политики в направлении выравнивания и стимулирования регионов к укреплению собственной доходной базы.

Ключевые слова: трансферты, полученные доходы, располагаемые доходы, неоднородность, эмпирический анализ, региональный бюджет, межбюджетные отношения.

Введение

Инструменты вертикальных межбюджетных перераспределений и трансферты бюджетам нижестоящего уровня используют все государства с федеративной формой управления. То, что аккумулированные средства центрального правительства превышают их прямые расходы, имеет две основные причины. Во-первых, смещение доходов в пользу центрального правительства поддерживается самими принципами распределения доходных и расходных полномочий между уровнями власти, которые рассматриваются в теории общественных финансов [1–4]. Многоуровневая система бюджетных услуг позволяет учитывать характеристики различных типов общественных благ. Государственные услуги должны быть предоставлены центральным правительством, если 1) общественные блага национального масштаба более эффективно предоставлять централизованным образом; 2) государственные услуги создают положительные эффекты и распространяются на другие территории, в этом случае нижний уровень власти недооценивает их эффективность и предоставляет в размерах меньше общественно оптимальных; 3) мобильность важных производственных факторов создает для правительств нижнего уровня возможность

экспортировать локальные проблемы или импортировать преимущества других территорий; 4) необходимо обеспечить всеобщее равенство в предоставлении государственной услуги. В пользу децентрализованного предоставления государственных услуг говорят три аргумента. Первый связан с неоднородностью населения и различием предпочтений в отношении количества и соотношения предоставляемых благ [5; 6]. Вторым аргументом является близость местных правительств к населению, как следствие, более низкие информационные барьеры и лучшее понимание предпочтений и нужд населения конкретной территории [7]. Третий аргумент состоит в возможности снижать издержки политического экспериментирования, отдельные территории рассматриваются как лаборатории по адаптации новых методов или подходов к государственному регулированию [8].

Распределение между уровнями власти налоговых инструментов государственного регулирования осуществляется с учетом того, что налоговая политика правительств нижнего уровня может создавать внешние эффекты, среди которых выделяется три основных категории: экспорт налогов, нездоровая налоговая конкуренция за мобильную налоговую базу и

чрезмерное или недостаточное налогообложение деятельности, порождающей внешние эффекты. Для предотвращения экспорта налогов местные налоги должны быть привязаны к территории – месту проживания или производственной деятельности [9; 10]. Налоговая конкуренция между территориями не получает развития, если налоговая база нижнего уровня власти является немобильной [11; 12]. Наконец, местные налоги не должны распространяться на те сферы деятельности, где издержки пространственно локализованы, в то время как выгоды распространяются за пределы данной территории, либо, наоборот, издержки географически распределены, а выгоды концентрируются на одной территории.

Таким образом, пространственное разнообразие, снижение издержек управления и экспериментирование смещают расходные полномочия к нижнему уровню управления. В то же время рост мобильности факторов и результатов развития влечет расширение сферы внешних эффектов и усиление пространственной конкуренции, что работает в сторону сокращения налоговых полномочий нижнего уровня и их увеличения у центрального правительства. Возникающий разрыв между расходными обязательствами и доходными источниками финансируется через систему трансфертов, мандатов и грантов центрального правительства.

Второй основной причиной вертикальных трансфертов являются бюджетное неравенство субъектов Федерации и необходимость финансирования гарантированных государством бюджетных благ и услуг. В федерациях проблема межрегиональных различий из-за угрозы сепаратизма стоит более остро, чем в унитарных государствах, качество и количество бюджетных услуг населению не может сильно различаться по территориям. Но, имея сопоставимые расходные обязательства, регионы располагают сильно различающимися доходными потенциалами. Эти разрывы частично компенсируются с помощью трансфертов центрального правительства. Неоднородность России по всем параметрам экономического и социального положения отмечается во многих исследованиях, посвященных пространственным аспектам развития страны. Необходимость сокращения межрегиональной дифференциации, наряду с

примерами неудачных экспериментов субфедеральных властей в начале рыночных реформ, выступает основным аргументом, приводимым для оправдания высокой централизации государственных финансов и масштабных межбюджетных перераспределений в стране.

Тема политики в отношении субфедеральных бюджетов и горизонтальных трансфертов постоянно присутствует в зарубежной и отечественной научных дискуссиях. Вопрос обоснованности распределения доходных полномочий, расходных обязательств и трансфертов не имеет формального решения, так как находится под влиянием не только экономических, но и политических приоритетов [13]. Федеративные государства существенно различаются по уровню централизации бюджетных доходов и расходов, по механизмам и принципам распределения трансфертов [14–16]. Молодые федерации, развивающиеся страны и переходные экономики демонстрируют относительно высокий уровень централизации доходов бюджета и более активное использование вертикальных трансфертов.

Обсуждение различных аспектов проблемы межбюджетных перераспределений в отечественной литературе идет с начала политических и экономических реформ в стране. Рассматриваются вопросы теории федеративных отношений и их реализации в условиях России [17–22]. Некоторые предложения, высказанные авторами, нашли применение в практике горизонтальных финансовых отношений, принцип сочетания выравнивающей и стимулирующей функции трансфертов регионам, выделение в них целевой и нецелевой составляющей зафиксированы в Бюджетном кодексе РФ. Но дискуссии в литературе продолжаются, их темами являются налоговые и расходные полномочия разного уровня [23–25], распределение обязательств между уровнями власти в Российской Федерации [26–28], типы и размеры межбюджетных перераспределений [29], правовые и методические проблемы выделения трансфертов [30–34]. Реформирование межбюджетных отношений рассматривается через призму эффективности [35–38], структурной региональной политики и стимулирования экономического роста [39–40]. Анализируется воздействие механизмов финансовой поддержки на управ-

ленческие решения и институциональные реформы в регионах [41]. При этом в публикациях в качестве обоснования редко приводится развернутый эмпирический анализ бюджетной статистики. В нашей работе показаны различные приемы анализа субфедеральной бюджетной обеспеченности и вклада трансфертов, при этом демонстрируется зависимость получаемых выводов от методов работы с выборкой.

Мы предлагаем развернутый эмпирический анализ обеспеченности субфедеральных бюджетов до и после трансфертов из федерального центра, при этом оценивается результат горизонтальных перераспределений. Получаемые выводы могут зависеть от методов анализа. Примененный подход был использован в анализе муниципальных бюджетов [42]. Информационной основой исследования являлись отчеты об исполнении бюджетов субъектов Российской Федерации, представленные на сайте Казначейства России, за 2012–2018 гг. Для анализа взят указанный семилетний период, т. к. представляется интересным рассмотреть динамику бюджетной обеспеченности регионов РФ, проследить изменения, связанные с кризисом и введенными в 2014–2015 гг. санкциями.

Роль межбюджетных трансфертов в региональной бюджетной системе

Главными доходными статьями субфедеральных бюджетов являются налоговые доходы, неналоговые доходы и безвозмездные поступления, большую часть которых составляют трансферты из федерального бюджета. Уровень самостоятельности субфедеральных бюджетов

может быть охарактеризован с помощью доли налоговых и неналоговых доходов в совокупном бюджетном доходе субъектов Федерации. Их принято называть полученными доходами. Распределение регионов Российской Федерации по доле налоговых и неналоговых доходов в совокупных доходах их бюджетов показано в *таблице 1*.

Доля полученных доходов для большей части регионов находится в пределах 60–90%, при модальном интервале – 80–90%. В качестве положительных изменений за рассматриваемый период можно отметить, во-первых, сокращение числа регионов с долей полученных доходов меньше 60% общих бюджетных средств: в 2012 году их было 23, в 2018 году – 19. Во-вторых, увеличивается количество субъектов Федерации с уровнем бюджетной самостоятельности больше 80% – с 29 в 2012 году до 40 в 2016–2017 гг., при уменьшении (до 34) в 2018 году. Наконец, наблюдается некоторое сокращение межрегиональных различий: размах вариации в 2012–2016 гг. составлял свыше 80%, в 2018 году разность между максимальным и минимальным значениями сократилась до 77%.

К негативным явлениям следует отнести отсутствие субъектов Федерации, чьи бюджеты не зависят от безвозмездных перечислений, и сохранение большого числа регионов, которые не располагают устойчивой собственной доходной бюджетной базой. В результате на значительной территории страны какие-либо долгосрочные планы региональных правительств по социально-экономическому развитию оказываются без гарантированного ресурсного обеспечения.

Таблица 1. Распределение регионов по удельному весу полученных доходов

Интервал удельного веса доходов, %	Количество регионов в группах						
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
10–20	2	2	3	2	1	2	0
20–30	4	2	4	2	3	1	3
30–40	1	4	2	5	3	6	8
40–50	6	5	4	2	4	3	2
50–60	10	10	11	10	7	5	6
60–70	13	9	11	14	12	16	16
70–80	18	19	17	14	15	12	16
80–90	26	29	28	26	29	29	23
90–100	3	3	5	10	11	11	11

Источник: расчеты авторов.

Таблица 2. Распределение регионов по удельному весу безвозмездных перечислений из федерального бюджета

Интервал удельного веса перечислений, %	Количество регионов в группах						
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
0–10	5	6	7	11	14	13	11
10–20	25	26	26	25	29	29	23
20–30	18	20	18	17	14	13	18
30–40	15	8	12	12	13	13	15
40–50	9	12	9	9	4	6	6
50–60	5	4	4	2	4	3	3
60–70	2	2	2	5	4	5	6
70–80	3	3	4	2	2	1	2
80–90	2	2	3	2	1	2	1

Источник: расчеты авторов.

В этих условиях важным ресурсом субфедеральных финансов выступают трансферты из федерального бюджета. Зависимость регионов от безвозмездных перечислений существенно различается. Распределение доли трансфертов в общих доходах бюджетов субъектов Федерации представлено в *таблице 2*.

Доля безвозмездных перечислений из федерального бюджета для большинства регионов находится в интервале от 10 до 40%, модальным в течение всего рассматриваемого периода является интервал 10–20%. Следует отметить, что с каждым годом увеличивается количество регионов, в бюджетах которых удельный вес трансфертов сокращается. Если в 2012 году в тридцати субъектах Федерации удельный вес трансфертов в совокупных бюджетных доходах составлял менее 20%, то в 2017 году таких регионов было уже 42.

Но имеются территории, в бюджетных доходах которых финансовые поступления из федерального центра играют существенную роль. Так, в 2014 году в 13 регионах доля трансфертов из федерального центра составляла свыше 50%, в остальные годы рассматриваемого периода таких регионов было 11.

Ситуацию, когда трансферты центрального правительства играют решающую роль в бюджете субъектов Федерации, нельзя назвать нормальной для государства, декларирующего принцип бюджетного федерализма. Это свидетельствует о завышенной степени централизации финансовых ресурсов в России. Такое положение пытаются оправдать реше-

нием важных национальных и геополитических задач, требующих концентрации ресурсов. Приводятся аргументы о необходимости сглаживать существенные межрегиональные различия для сохранения единства государства. Однако даже с учетом действительно большой внутренней неоднородности страны трудно найти объяснение тому, что все субъекты Российской Федерации получают поддержку из федерального центра, при том что формирование федерального бюджета осуществляется за счет экономической деятельности тех же самых регионов.

Методы оценки результатов трансфертной политики федерального центра в Российской Федерации

Концентрация финансовых ресурсов в центре и масштабные горизонтальные трансферты объясняются необходимостью выравнивания бюджетной обеспеченности и социально-экономического развития субъектов Федерации. Для того чтобы оценить степень реализации этой цели, представляет интерес сравнение характеристик разброса и неоднородности до и после поступления безвозмездных перечислений из федерального бюджета.

Для выявления масштаба гетерогенности применяется целый ряд статистических характеристик, к числу которых относятся размах асимметрии, стандартное отклонение и коэффициент вариации. Свойства этих показателей различаются, поэтому используется несколько индикаторов для подтверждения устойчивости выводов.

Размах асимметрии (W) оценивает неравенство через отношение максимального к минимальному значению показателя, т. е.

$$W = \frac{x_{max}}{x_{min}}. \quad (1)$$

Стандартное отклонение (M) является одной из самых популярных характеристик разброса, его расчет проводится по формуле:

$$M = \sqrt{\sum_{i=1}^N (X_i - \bar{X})^2}, \quad (2)$$

где X_i – значение показателя i -го региона, \bar{X} – среднее значение показателя по всем регионам.

Значение стандартного отклонения зависит от абсолютных уровней показателей, и переход к другим единицам измерения или к другому уровню значений (например, в результате инфляции) влияет на количественные оценки неоднородности. Коэффициент вариации (V) вычисляется путем деления стандартного отклонения на среднее значение, результат умножается на 100%. Он позволяет сопоставлять гетерогенность в выборках с разными измерителями и масштабами показателей:

$$V = \frac{M}{\bar{X}_a} \cdot 100\%. \quad (3)$$

С ростом однородности в выборке показатели разброса должны уменьшаться.

Показатели разброса дают агрегированную оценку степени неоднородности. Для ответа на вопрос, какие группы регионов выступали получателями безвозмездных перечислений, необходимо сравнить распределение бюджетных доходов регионов до и после получения трансфертов из федерального бюджета. Если трансферты получает большинство субъектов РФ, тогда имеет смысл рассчитать аналогичное распределение централизованных значений полученных и располагаемых бюджетных доходов. Для визуализации изменения (увеличения или уменьшения) межтерриториальной дифференциации по рассматриваемым показателям целесообразно использовать кривые Лоренца.

Количественную оценку уровня дифференциации по доходам дают индекс Джини и коэффициент фондов. Индекс Джини оценивает площадь между прямой абсолютного равенства и кривой Лоренца и характеризует распреде-

ление доходов по всем группам регионов. Он показывает направленность работы механизма распределения федеральной финансовой помощи: либо распределение бюджетных доходов является в определенной степени равномерным среди субъектов Российской Федерации, либо больший объем перечислений из федерального бюджета получает небольшое количество регионов. Чем выше значение индекса Джини, тем существеннее дифференциация между регионами. Коэффициент фондов используется для изучения неравенства между полярными группами регионов. Вычисляется он путем расчета отношения суммарных доходов, которые получают 10% субъектов Федерации с самыми высокими доходами бюджетов, к доходам 10% регионов, имеющих наименьшие бюджетные доходы.

Для того чтобы понять, насколько действующая система межбюджетных отношений обоснована и эффективна, привлекаются также методы корреляционного и регрессионного анализа. Очевидно, что нормальная система межбюджетного регулирования не должна допускать резких изменений в сравнительных позициях территорий, такая политика не может вызывать поддержку в обществе. Для тестирования разумности размеров и потоков межбюджетных перераспределений рассчитываются коэффициенты ранговой корреляции Спирмена или Кендалла. Проводится ранжирование регионов сначала по уровню полученных доходов, затем по уровню располагаемых бюджетных доходов, после этого оценивается корреляция полученных рядов рангов. При неизменности упорядоченных позиций регионов коэффициент корреляции между рангами по показателю полученных доходов и рангами по показателю располагаемых доходов должен быть равен 1.

Для расчета коэффициента ранговой корреляции Спирмена каждому значению двух исследуемых рядов данных присваивается ранг, затем определяются разности рангов d . Коэффициент Спирмена вычисляется следующим образом:

$$\rho = 1 - \frac{6 \sum d^2}{n(n^2 - 1)}, \quad (4)$$

где $\sum d^2$ – значение суммы квадратов разностей рангов, n – количество парных наблюдений.

Коэффициент ранговой корреляции Кендалла рекомендуется использовать при наличии выбросов. Значения первого показателя (X) сортируют по возрастанию, далее каждому значению присваивается определенный ранг. Затем аналогичным образом упорядочиваются и нумеруются значения второго показателя (Y), в результате коэффициент корреляции рассчитывается следующим образом:

$$\tau = \frac{2S}{n(n-1)}, \quad (5)$$

где $S = P - Q$, P – общее количество наблюдений, находящихся за текущими наблюдениями с большим значением рангов Y ;

Q – общее количество наблюдений, находящихся за текущими наблюдениями с меньшим значением рангов Y .

Роль целей сглаживания межрегиональной дифференциации по бюджетной обеспеченности в трансфертной политике можно оценить средствами регрессионного анализа. Для проверки данного утверждения представляет интерес оценка зависимости среднедушевых безвозмездных перечислений, направляемых в региональные бюджеты из федерального, от налоговых и неналоговых доходов бюджетов субъектов Федерации на душу населения. Если политика распределения федеральных трансфертов нацелена на выравнивание доходов региональных бюджетов на душу населения, то должна присутствовать статистически значимая отрицательная взаимосвязь. Если трансферты не зависят от текущего значения доходов региональных бюджетов на душу населения, то взаимосвязь будет статистически незначимой. Если трансферты получают относительно благополучные регионы, то связь должна быть положительной. В данном аспекте предлагается оценить следующее уравнение:

$$\ln T_i = \alpha + \beta \cdot \ln R_i + \varepsilon_i, \quad (6)$$

где T_i – перечисления из федерального бюджета i -му субъекту Федерации в расчете на душу населения, скорректированные на коэффициент региональных удорожаний¹;

¹ В качестве коэффициента региональных удорожаний использовался средний районный коэффициент к заработной плате в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, устанавливаемый Правительством РФ.

R_i – сумма налоговых и неналоговых доходов на душу населения i -го субъекта Федерации, скорректированная на коэффициент региональных удорожаний.

В литературе неоднократно поднимался вопрос о дестимулирующем влиянии масштабных межрегиональных перераспределений. Высказывалось мнение, что значительное федеральное вмешательство порождает у регионов-реципиентов иждивенческие настроения, а у регионов-доноров снижается мотивация к развитию налоговой базы территории. Наличие и направление работы стимулов к развитию экономического потенциала региона можно оценить по предельному эффекту от увеличения полученных доходов субъекта Федерации. Причем есть смысл ограничиться рассмотрением только налоговых поступлений в бюджеты регионов, так как они в большей степени отражают экономическую деятельность. Таким образом, представляет интерес оценка зависимости изменения располагаемых доходов, которые включают трансферты, от изменения налоговых поступлений в бюджет региона:

$$(Y_{it} - Y_{it-1}) = \gamma + \lambda (X_{it} - X_{it-1}) + \varepsilon_{it}, \quad (7)$$

где Y_{it} – располагаемые доходы i -го субъекта Федерации в году t ;

X_{it} – налоговые доходы i -го субъекта Федерации в году t .

Оценка изменений характеризует работу институционального механизма и формируемых стимулов. Если изменения доходов бюджетов определяются, главным образом, трансфертами, то налоговые поступления не являются значимым фактором региональной политики, и стимулы развивать экономическую активность на территории не формируются. Таким образом, при отсутствии вышеуказанных стимулов угловой коэффициент λ в регрессионном уравнении должен быть незначимым. Статистическая значимость и положительность данного коэффициента будет свидетельствовать о том, что регионы РФ не теряют стимулы к развитию экономи-

² Из-за того что встречаются отрицательные значения переменных, переход к логарифмам переменных и к трактовкам коэффициентов в терминах эластичностей оказался невозможен.

ческого потенциала территории и, как следствие, к росту аккумулируемых на территории региона налоговых доходов.

В уравнении регрессии оценивался предельный эффект не всех налогов, зачисляемых в бюджеты субъектов Федерации, учитывались только основные – налог на прибыль организаций, налог на доходы физических лиц и имущественные налоги. В среднем по стране указанные налоговые доходы обеспечивают примерно 80% совокупных поступлений в бюджеты регионов от всех видов налогов.

Эффективность межбюджетных трансфертов является комплексным понятием. Сюда относится, во-первых, направленность трансфертов на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ. Во-вторых, трансфертная политика должна не лишать регионы стимулов к наращиванию собственного налогового потенциала. И, в-третьих, система межбюджетного регулирования не должна допускать резких изменений в сравнительных позициях территорий до и после перечисления им трансфертов.

Оценка достижения целей по снижению межрегиональных различий

Для изучения успешности межбюджетных перераспределений с точки зрения выравнивания бюджетной обеспеченности регионов сравнивались показатели разброса для полученных и располагаемых доходов субъектов РФ на душу населения, т. е. для бюджетных доходов регионов до и после получения ими трансфертов (табл. 3).

Из приведенных данных видно, что размах асимметрии между субъектами РФ после перечисления средств из федерального бюджета

сокращается в 2–3,4 раза. Самое существенное сокращение размаха асимметрии отмечено в 2012–2014 гг. Следовательно, благодаря трансфертам разрывы между самыми бедными и самыми богатыми регионами значительно уменьшаются.

Стандартное отклонение бюджетной обеспеченности регионов по располагаемым доходам превышает аналогичный показатель по полученным доходам. Однако это происходит в значительной мере из-за роста абсолютных значений доходов бюджета благодаря трансфертам. Самое существенное увеличение стандартного отклонения произошло в 2016 и 2018 гг. (на 40%). Менее всего стандартное отклонение возросло в 2015 году (всего на 3%). Увеличение стандартного отклонения происходит в результате роста значений всех элементов выборки.

Коэффициент вариации отчасти решает проблему влияния разных уровней значений в выборке, он рассчитывается как отношение стандартного отклонения к среднему значению. Это позволяет исключить влияние разного абсолютного уровня доходов бюджета до и после трансфертов. Расчеты показывают, что в 2012–2015, 2017 и 2018 гг. неоднородность доходов субфедеральных бюджетов в Российской Федерации после передачи им трансфертов из федерального бюджета сократилась, о чем свидетельствует меньшее значение коэффициента вариации для показателя совокупных (располагаемых) доходов по сравнению со значением данного коэффициента для полученных (налоговых и неналоговых) доходов. Однако в 2016 году коэффициент вариации бюджетной обеспеченности после перечисления трансфертов

Таблица 3. Показатели неоднородности уровня бюджетных доходов на душу населения

Показатель	Полученные доходы						
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Размах асимметрии	45,3	44,3	48,1	56,4	40,0	47,5	47,9
Стандартное отклонение	46,5	48,7	57,1	73,5	62,3	66,1	76,5
Коэффициент вариации, %	104,6	105,4	113,8	131,3	108,3	108,6	110,0
	Располагаемые доходы						
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Размах асимметрии	13,3	13,1	14,8	18,7	20,5	18,1	18,8
Стандартное отклонение	59,1	62,6	75,2	75,6	87,0	89,1	106,8
Коэффициент вариации, %	93,2	95,4	104,5	116,6	110,9	106,6	109,1

Источник: расчеты авторов.

регионам увеличился, соответственно, достигнуть даже относительного выравнивания в этот год не удалось. Также отметим очень незначительное сокращение коэффициента вариации в последние два года рассматриваемого периода.

Для выявления групп регионов, которые выступали основными получателями безвозмездных перечислений, представляется целесообразным сравнить бюджетные доходы территорий до и после получения трансфертов из федерального бюджета. Распределение субъектов РФ по величине налоговых и неналоговых (полученных) доходов, а также по величине совокупных (располагаемых) доходов приведено в *таблице 4*.

Из таблицы следует, что безвозмездные поступления из федерального бюджета в существенной мере увеличивают бюджетную обеспеченность субъектов РФ с низкими доходами. Так, после перечисления регионам трансфертов в 2012 и 2013 гг. значительно сократилось количество, а в 2014–2018 гг. вообще не осталось регионов с душевыми бюджетными доходами ниже 30 тыс. руб. До поступления средств из федерального бюджета субъектам Федерации модальным интервалом для доходов на душу населения был интервал от 20 до 30 тыс. руб. в 2012–2014 гг., от 30 до 40 тыс. руб. – в 2015–2016 гг. и от 40 до 50 тыс. руб. – в 2017 и 2018 гг. После перечисления регионам транс-

фертов из федерального бюджета для 2012 года модальным стал интервал от 30 до 40 тыс. руб., в 2013–2017 гг. – от 40 до 50 тыс. руб., в 2018 году – от 50 до 60 тыс. руб. В 2017 году модальный интервал не изменился после поступления в региональные бюджеты безвозмездных перечислений, однако существенно возросло число регионов, в которых располагаемые доходы на душу населения превышали 50 тыс. руб.

В целом за рассмотренный период для большинства регионов доходы на душу населения до осуществления безвозмездных перечислений находились в интервале от 20 до 50 тыс. руб., после поступления трансфертов в региональные бюджеты – в пределах 30–70 тыс. руб. Таким образом, можно говорить о существенном увеличении абсолютного и относительного размера средств в доходах регионов, поступающих в результате бюджетного регулирования.

Для того чтобы исключить воздействие роста среднего значения доходов региональных бюджетов после перечисления им трансфертов из федерального бюджета, полезно оценить распределение налоговых и неналоговых (полученных) доходов и совокупных (располагаемых) доходов бюджетов субъектов Российской Федерации, нормированных относительно их среднего уровня (НПД и НРД) (*табл. 5*).

Учитывая тот факт, что трансферты из федерального бюджета направляются практиче-

Таблица 4. Распределение регионов по величине полученных и располагаемых доходов

Доход на душу населения, тыс. руб.	Количество регионов, попавших в группу													
	2012		2013		2014		2015		2016		2017		2018	
	ПД	РД	ПД	РД	ПД	РД	ПД	РД	ПД	РД	ПД	РД	ПД	РД
0–10	3	0	3	0	3	0	3	0	1	0	1	0	0	0
10–20	9	0	7	0	6	0	7	0	7	0	4	0	5	0
20–30	29	2	23	1	24	0	18	0	15	0	14	0	9	0
30–40	18	32	22	27	22	22	24	16	21	10	19	4	16	1
40–50	8	19	12	28	12	27	13	28	18	27	20	26	16	10
50–60	4	11	3	6	3	11	4	17	5	19	9	20	13	28
60–70	3	7	3	4	4	9	3	7	3	8	3	10	7	12
70–80	0	2	1	4	2	4	2	5	3	7	2	6	3	6
80–90	1	0	2	2	0	1	2	2	2	2	1	5	3	8
90–100	1	0	1	2	0	1	1	0	2	3	3	3	1	6
100–150	4	4	2	2	5	2	3	2	3	1	3	3	4	4
150–200	0	3	1	4	0	4	1	3	1	1	2	1	4	3
Свыше 200	3	3	3	3	4	4	4	5	4	7	4	7	4	7

ПД – полученные доходы; РД – располагаемые доходы.
 Источник: расчеты авторов.

Таблица 5. Распределение регионов по величине нормированных относительно среднего значения показателей полученных и располагаемых доходов

Доход на душу населения, тыс. руб.	Количество регионов, попавших в группу													
	2012		2013		2014		2015		2016		2017		2018	
	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД	НПД	НРД
Менее -30	7	10	7	9	9	29	21	31	18	33	22	37	30	49
-30 – -20	17	28	18	37	24	25	22	28	22	21	18	18	16	8
-20 – -10	24	21	27	16	22	6	20	6	20	9	18	7	13	5
-10 – 0	17	6	13	3	12	9	6	6	7	7	9	7	7	9
0–10	5	6	4	4	3	4	2	2	2	3	3	2	3	0
10–20	2	2	4	3	4	1	2	2	4	3	2	3	3	3
20–30	2	0	1	2	2	1	3	1	2	0	2	2	1	1
30–40	0	0	2	0	0	0	0	0	2	0	2	0	3	0
40–50	1	0	0	0	0	1	1	0	0	0	1	0	0	0
50–60	1	0	1	2	3	1	0	0	0	0	0	1	0	1
60–70	4	3	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0
70–80	1	0	2	0	1	0	2	0	1	2	1	0	1	0
80–90	1	1	0	0	0	1	0	0	2	0	1	1	0	0
90–100	1	1	0	1	1	0	0	1	0	0	1	0	0	2
100–150	0	2	1	3	0	3	1	3	1	2	1	1	4	0
150–200	2	1	1	1	2	0	1	1	0	1	1	3	0	3
Свыше 200	1	2	2	2	2	4	3	3	4	4	3	3	4	4

НПД – нормированные относительно среднего значения полученные доходы; НРД – нормированные относительно среднего значения располагаемые доходы.
Источник: расчеты авторов.

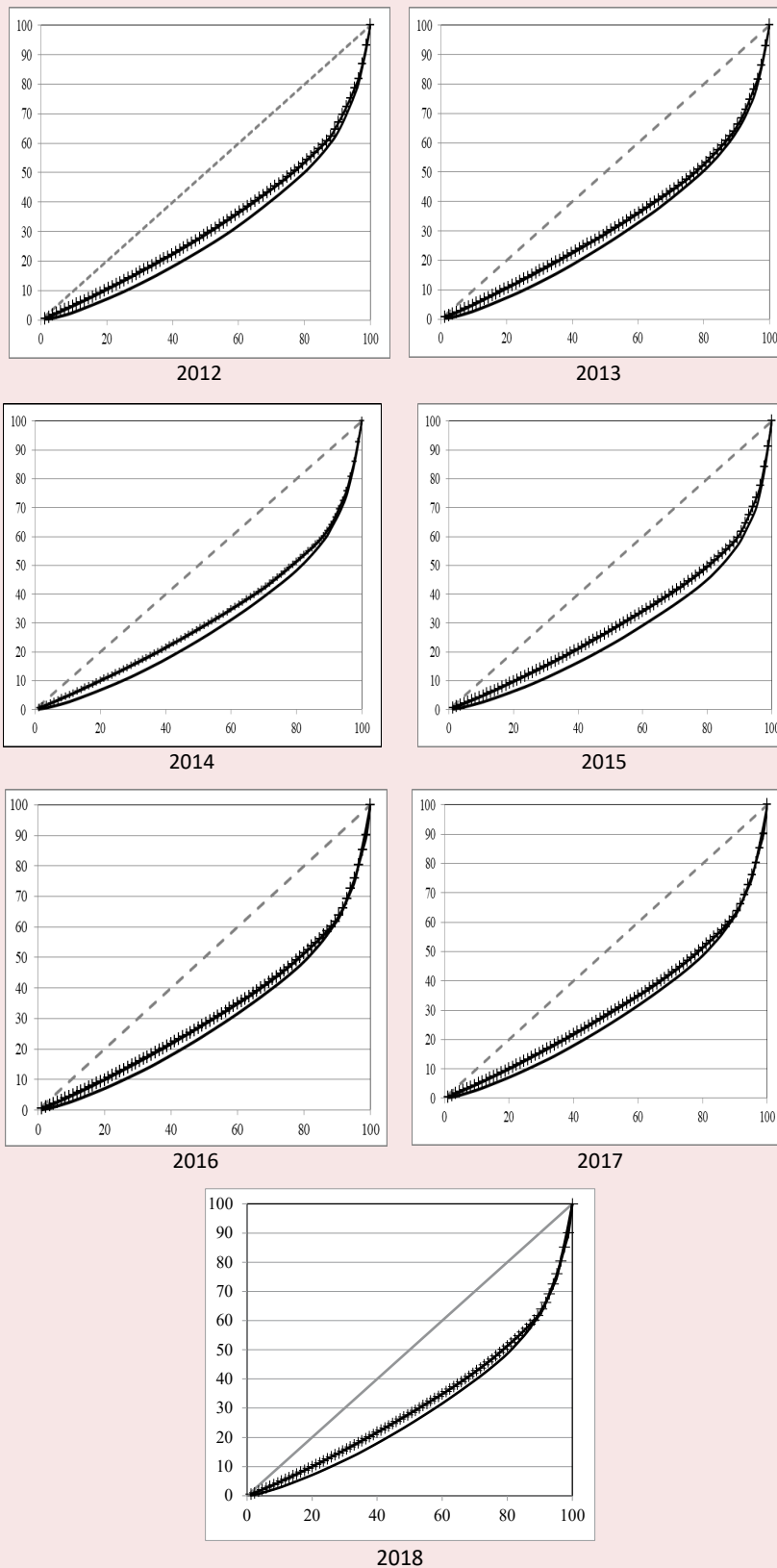
ски всем субъектам Федерации, следствием чего является увеличение бюджетной обеспеченности регионов, результаты трансфертных перечислений из центра представляются менее целесообразными. Как следует из данных таблицы, в течение всего рассмотренного периода увеличивается как количество регионов с доходами существенно выше среднего значения, так и количество регионов с самыми низкими бюджетными доходами. Особо обратим внимание на распределение нормированных относительно среднего уровня значений располагаемых доходов, т. е. доходов субъектов Федерации после перечисления средств из федерального бюджета. Группа регионов с нормированным располагаемым доходом от 20 до 70 тыс. руб. на душу населения оказалась самой малочисленной, по сравнению с высокодоходной и низкодоходной группами.

Изменение распределения бюджетных доходов в результате горизонтальных трансфертов

можно показать с помощью кривых Лоренца, сравнив графики полученных и располагаемых бюджетных доходов (*рисунок*). Кривая распределения бюджетных доходов до трансфертов находится дальше от прямой абсолютного равенства, чем график распределения доходов после трансфертов. Следовательно, межрегиональная дифференциация в результате безвозмездных перечислений сокращалась на протяжении всех лет рассматриваемого периода. Однако, если учесть масштабы межбюджетных перераспределений в стране, то достигаемое снижение дифференциации можно оценить как очень скромное.

Для количественной оценки уровня дифференциации по доходам бюджетов регионов были рассчитаны индекс Джини и коэффициент фондов. Значения данных показателей вычислены для налоговых и неналоговых (полученных) и совокупных (располагаемых) доходов бюджетов субъектов Российской Федерации (*табл. 6*).

Кривые Лоренца для межрегионального распределения бюджетных доходов на душу населения до (-) и после безвозмездных перечислений (+)

Источник: расчеты авторов.

Таблица 6. Коэффициент фондов и индекс Джини для бюджетных доходов субъектов Российской Федерации

Год	Коэффициент фондов			Индекс Джини		
	Полученные доходы	Располагаемые доходы	Разность	Полученные доходы	Располагаемые доходы	Разность
2012	14,37	6,99	7,38	40,85	34,31	6,54
2013	13,73	7,11	6,62	40,23	34,74	5,49
2014	14,38	7,55	6,83	42,70	36,88	5,82
2015	16,12	8,31	7,81	45,98	38,53	7,45
2016	12,90	7,68	5,22	41,75	36,81	4,94
2017	12,74	7,56	5,18	41,34	36,64	4,70
2018	13,31	7,90	5,41	42,31	37,78	4,53

Источник: расчеты авторов.

Оба коэффициента снижаются после распределения трансфертов, что говорит о сокращении межрегиональных различий. Однако выравнивающий эффект снизился в целом за период, разность между значениями коэффициентов для полученных и располагаемых доходов существенно уменьшилась. Акцент на сглаживание дифференциации был усилен в 2015 году, затем произошло ее значительное сокращение.

Оценка объективности и эффективности трансфертной политики

Результаты расчета коэффициентов ранговой корреляции Спирмена и Кендалла для налоговых и неналоговых (полученных) и совокупных (располагаемых) доходов бюджетов регионов на душу населения представлены в *таблице 7*. Нередко после получения регионами безвозмездных перечислений их относительные позиции (ранги) меняются. Коэффициенты корреляции рангов достаточно далеки от единицы, хотя положительная связь рангов доминировала, у регионов с более высоким уровнем полученных бюджетных доходов чаще и располагаемые доходы выше.

Для ответа на вопрос, служат ли финансовые средства, передаваемые из федерального бюджета субъектам Российской Федерации, целям выравнивания их бюджетной обеспеченности, оценим зависимость среднедушевых безвозмездных перечислений, направляемых в региональные бюджеты из федерального, от налоговых и неналоговых доходов бюджетов субъектов Федерации на душу населения.

Следует обратить внимание, что учет влияния региональных удорожаний очень важен, так как кардинально меняет регрессионные оценки и выводы. Без корректировки на более высокие затраты на жизнеобеспечение отдельных территорий угловой коэффициент (β) оказывается положительным и статистически значимым для всех лет, из чего следует вывод о том, что средства получают более обеспеченные регионы. Положительная корреляция нескорректированных значений объясняется тем, что северные и восточные регионы имеют более высокие абсолютные уровни бюджетной обеспеченности и при этом являются получателями больших объемов трансфертов. Этот факт в значительной мере отражает высокую

Таблица 7. Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена и Кендалла для рядов полученных и располагаемых душевых доходов бюджетов регионов

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Коэффициент ранговой корреляции Спирмена	0,74	0,77	0,71	0,75	0,77	0,79	0,79
Коэффициент ранговой корреляции Кендалла	0,61	0,64	0,62	0,63	0,66	0,67	0,67

Источник: расчеты авторов.

Таблица 8. Оценка зависимости безвозмездных перечислений от полученных доходов субъектов Федерации

Коэффициент	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
A	3,596 (0,419)	3,822 (0,472)	3,870 (0,444)	4,049 (0,399)	4,076 (0,494)	4,576 (0,496)	4,284 (0,476)
B	-0,349 (0,123)	-0,424 (0,136)	-0,417 (0,126)	-0,468 (0,112)	-0,470 (0,135)	-0,579 (0,133)	-0,420 (0,124)
R ²	0,09	0,11	0,12	0,17	0,13	0,19	0,12

Источник: расчеты авторов.
В скобках указаны стандартные ошибки коэффициентов.

Таблица 9. Оценка зависимости изменения располагаемых доходов от изменения налоговых доходов субъектов Федерации

Коэффициент	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Г	-1543 (799)	-2541 (550)	-3317 (610)	-184 (542)	1522 (595)	3605 (653)
Л	1,043 (0,159)	1,102 (0,063)	1,218 (0,089)	1,016 (0,051)	0,959 (0,062)	1,028 (0,059)
R ²	0,35	0,79	0,70	0,83	0,75	0,79

Источник: расчеты авторов.
В скобках указаны стандартные ошибки коэффициентов.

стоимость оказания бюджетных услуг и высокие удельные затраты на создание и поддержание социальной инфраструктуры на севере и востоке страны. Результаты регрессионных оценок для скорректированных данных приведены в *таблице 8*.

Оценки уравнения свидетельствуют о наличии статистически значимой отрицательной зависимости между трансфертами и полученными доходами региональных бюджетов. Безвозмездные перечисления зависят от бюджетной обеспеченности, и существует тенденция направлять их в субъекты Федерации с наименьшими полученными доходами на душу населения. Однако обращает на себя внимание низкий коэффициент детерминации, самое большое его значение достигает 0,19. Это говорит о том, что более весомую роль в трансфертной политике играют факторы, не связанные со сглаживанием межрегиональных различий в бюджетных услугах и функциях.

Рассмотрим предельный эффект увеличения налоговых доходов, поступающих в бюджеты субъектов Российской Федерации, с целью выявить наличие стимулов регионов к увеличению налоговых доходов, аккумулируемых на соответствующих территориях. Так как

бюджетные доходы имеют денежные измерители, необходимо исключить влияние изменения цен, иначе результаты регрессии будут отражать корреляцию трендов и индексов цен, а не изучаемых переменных. Для приведения данных к сопоставимому виду использовались региональные индексы потребительских цен. Полученные оценки³ (*табл. 9*) подтверждают гипотезу о сохранении стимулов к развитию налоговой базы региона, несмотря на масштабные межрегиональные перераспределения. Зависимость изменения общих бюджетных доходов от налоговых доходов региона оказалась положительной и статистически значимой при 99%-ном уровне доверия для всех рассмотренных периодов. Причем коэффициент детерминации регрессии — достаточно высокий, собственный налоговый потенциал регионов Российской Федерации играет определяющую роль в формировании общественных финансов территории.

³ Анализ облака наблюдений выявил ряд выбросов, они относились к Москве за весь период наблюдений, к Тюменской области в 2013 и 2018 гг., к Сахалинской области и Республике Крым в 2015 г., к Ханты-Мансийскому АО в 2018 г. Эти наблюдения были исключены из выборки.

Заключение

Существующая в Российской Федерации система государственного управления отличается неравными отношениями между центром и регионами, имеет место жесткое доминирование вертикали власти. Одним из элементов высокой централизации является концентрация финансовых ресурсов и активная трансфертная деятельность.

В работе предложен подход, использующий статистический и эконометрический аппарат для изучения влияния бюджетной политики федерального центра на общественные финансы субфедерального уровня. На его основе дана характеристика направленности безвозмездных перечислений и протестировано сохранение мотивации у регионов Российской Федерации к увеличению собираемости доходов на территориях.

Проведенный эмпирический анализ результатов бюджетной субфедеральной политики показал, что предпринимаемые масштабные вертикальные перераспределения приводят к некоторому сокращению дифференциации в бюджетной обеспеченности, но получаемый эффект не соответствует объемам задействованных ресурсов. Оценки динамики подтверждают, что субфедеральная бюджетная политика не решила проблему значительного межрегионального неравенства в России, различия остаются достаточно высокими и тенденции к их снижению не наблюдаются. Через трансферты идет возвращение финансовых средств в регионы с вкладом влияния переговоров с федеральным центром.

Структура источников доходов региональных бюджетов очень сильно различается, имеется большое число субъектов Федерации, чья доходная база является неустойчивой и зависит от трансфертов из федерального центра. Это затрудняет разработку региональными властями долговременных программ развития, так как бюджетные ресурсы для их реализации оказываются неопределенными. В результате распределение трансфертов служит не столько цели выравнивания бюджетной обеспеченности регионов, сколько в значительной мере с их помощью происходит возвращение финансовых средств в субъекты Федерации, на которое накладывается влияние переговоров с федеральными властями и приоритетов центрального правительства.

Несмотря на активные межбюджетные перераспределения, стимулы у субъектов Федерации к расширению налоговой базы территорий сохраняются. Однако ускорение темпов роста экономики и развитие на новой технологической основе требуют создания условий для активной генерации инноваций и их быстрого распространения. Излишняя же централизация государственного управления, узкие полномочия региональных властей и, как следствие, отсутствие базы для конкуренции в институциональном дизайне между субфедеральными правительствами препятствуют развитию инициативы. Большая зависимость региональных финансов от федерального центра ограничивает горизонты перспективных планов территории, ставя под сомнение их обеспеченность ресурсами и реализуемость.

Литература

1. Масгрейв Р.А., Масгрейв П.Б. Государственные финансы: теория и практика. М.: Бизнес Атлас, 2009. 708 с.
2. Oates W. An essay on fiscal federalism. *Journal of Economic Literature*, 1999, vol. 37, no. 3, pp. 1120–1149.
3. Oates W.E. On the evolution of fiscal federalism: Theory and institutions. *National Tax Journal*, 2008, vol. LXI, no. 2, pp. 313–334.
4. Shah A., Boadway R. *Fiscal federalism: Principles and practices of multi-order governance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 628 p.
5. Tiebout C.M. A pure theory of local expenditures. *Journal of Political Economy*, 1956, vol. 64, no. 5, pp. 416–424.
6. Kollman K., Miller J.H., Page S.E. Political Institutions and Sorting in a Tiebout Model. *The American Economic Review*, 1997, vol. 87, no. 5, pp. 977–992.
7. Levaggi R. Decentralized Budgeting Procedures for Public Expenditure. *Public Finance Review*, 2002, vol. 30, no. 4, pp. 273–295.

8. McLure C.E. Administrative Considerations in the Design of Regional Tax Incentives. *National Tax Journal*, 1980, vol. 33, no. 2, pp. 248–256.
9. Bahl R., Puryear D. Regional Tax Base Sharing: Possibilities and Implications. *National Tax Journal*, 1976, vol. 29, no. 3, pp. 328–335.
10. Oates W., Schwab M. The Allocative and Distributive Implications of Local Fiscal Competition. *Competition Among States and Local Governments*. Ed. Kenyon D.A., Kincaid J. Washington: The Urban Institute Press, 1991, pp. 127–145.
11. Wilson J. D. A Theory of Interregional Tax Competition. *Journal of Urban Economics*, 1986, vol. 19, pp. 296–345.
12. Wildasin D. Interjurisdictional Capital Mobility: Fiscal Externalities and a Corrective Subsidy. *Journal of Urban Economics*, 1989, vol. 25, pp. 193–212.
13. Peterson P.E. *The Price of Federalism*. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1995. 239 p.
14. Wallack J., Spinivasan T.N. *Federalism and economic reform. International perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 516 p.
15. Hueglin T., Fenna A. *Comparative federalism: a systematic inquiry*. Quebec city: Broadview press, 2006. 390 p.
16. Nemes J., Wright G. *Public Finance. Theory and practice in Central European transition*. Bratislava: NISPAcee, 1997. 458 p.
17. Zhuravskaya E. Federalism in Russia. *Russia after the global economic crisis*. Washington, D.C.: Peterson Institute for International Economics, 2010, pp. 59–77.
18. Климанов В.В., Коротких А.М. Распределение межбюджетных трансфертов: теоретические предпосылки и российская практика // *Финансовый журнал*. 2016. № 5. С. 7–15.
19. Климанов В.В., Лавров А.М. Межбюджетные отношения в России на современном этапе // *Вопросы экономики*. 2004. № 11. С. 111–125.
20. Лавров А.М. Бюджетная реформа в России. От управления затратами к управлению результатами. М.: КомКнига, 2005. 555 с.
21. Пчелинцев О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. М.: Наука, 2004. 258 с.
22. Христенко В.Б. Межбюджетные отношения и управление региональными финансами: опыт, проблемы, перспективы. М.: Дело, 2002. 606 с.
23. Голованова Н.В., Домбровский Е.А. Федеральный центр и регионы: изменение разграничения полномочий в 2005–2015 годах // *Финансовый журнал*. 2016. № 2. С. 41–51.
24. Горлова О.С. Бюджетная политика Российской Федерации в области доходов бюджетов: совершенствование механизма реализации // *Экономика и предпринимательство*. 2015. № 10-2 (63). С. 431–435.
25. Чернявский А. Проблемы сбалансированности региональных бюджетов // *Финансы*. 2015. № 8. С. 15–21.
26. Акиндинова Н., Чернявский А., Чепель А. Региональные бюджеты в условиях кризиса: можно ли достичь сбалансированности? // *Вопросы экономики*. 2016. № 10. С. 31–48.
27. Арлашкин И.Ю., Дерюгин А.Н., Прока К.А. Разграничение полномочий между уровнями власти в Российской Федерации: бюджетные аспекты // *Финансовый журнал*. 2015. № 4. С. 85–93.
28. Домбровский Е.А. Десять шагов к сбалансированности бюджетов субъектов Российской Федерации // *Финансы и кредит*. 2015. № 37. С. 52–64.
29. Ерошкина Л.А. Развитие межбюджетных отношений и форм межбюджетных трансфертов в Российской Федерации // *Казанский экономический вестник*. 2015. № 4. С. 79–86.
30. Дерюгин А.Н., Назаров В.С., Мамедов А.А. Формирование консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации в среднесрочной перспективе: проблемы и решения // *Финансовый журнал*. 2014. № 3. С. 5–19.
31. Ерошкина Л.А. Стратегические направления развития межбюджетных отношений в Российской Федерации // *Финансы*. 2016. № 7. С. 7–15.
32. Климанов В.В., Михайлова А.А. Межбюджетные отношения: последние тенденции и перспективы развития // *Государственный аудит. Право. Экономика*. 2016. № 4. С. 31–34.
33. Хугаева М. Совершенствование межбюджетных отношений в России // *Экономическая политика*. 2014. № 4. С. 146–152.

34. Чернышова Н.А. Тенденции и региональные приоритеты в предоставлении межбюджетных трансфертов в последнее десятилетие // *Общественные финансы*. 2016. № 2. С. 48–72.
35. Бухарский В. В., Лавров А.М. Оценка выравнивающего и стимулирующего эффектов межбюджетных трансфертов субъектам РФ // *Финансовый журнал*. 2017. № 1. С. 9–21.
36. Проблемы межбюджетных отношений в России / А.А. Мамедов [и др.]. М.: Институт Гайдара, 2012. 188 с.
37. Силуанов А.Г. Межбюджетные отношения в условиях развития федерализма в России. М.: Дело, 2011. 296 с.
38. Силуанов А.Г., Стародубровская И.В., Назаров В.С. Методологические подходы к оценке эффективности межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации // *Экономическая политика*. 2011. № 1. С. 5–22.
39. Валиева Д.Г., Боговиз А.В. Региональное неравенство в Российской Федерации и механизмы его сглаживания // *Известия Алтайского государственного университета*. 2011. № 2-2 (70). С. 350–354.
40. Михайлова А.А., Климанов В.В., Сафина А.И. Влияние межбюджетных трансфертов на экономический рост и структуру региональной экономики // *Вопросы экономики*. 2018. № 1. С. 91–103.
41. Мониторинг качества управления субнациональными общественными финансами / А.С. Бараховский [и др.]. М.: Ленанд, 2005. 112 с.
42. Сумская Т.В. Основные направления субфедеральной бюджетной политики // *Регион: экономика и социология*. 2014. № 3. С. 58–74.

Сведения об авторах

Евгения Анатольевна Коломак – доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук (630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17; e-mail: ekolomak@academ.org)

Татьяна Владимировна Сумская – кандидат экономических наук, доцент, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук (630090, Российская Федерация, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17; e-mail: t.v.sumskaya@ngs.ru)

Kolomak E.A., Sumskaya T.V.

Assessing Federal Transfers' Role in the Subnational Budget System of the Russian Federation

Abstract. Subfederal authorities' financial independence is an essential condition for their effective functioning. Currently, in Russia, the procedure of inter-budgetary regulation is excessively centralized, and the share of transfers in the structure of regional revenues is high. At the same time, subfederal budgets are the basic level of the budget system, which concentrates the main part of socially significant expenditures. In this regard, the development of a comprehensive tool for the empirical analysis of tax revenues and the effectiveness of inter-budget transfers, undertaken in the study, seems relevant. The purpose of the research is to develop an economic and statistical apparatus for assessing the results of transferring inter-budget transfers from the federal budget to the constituent entities of the Federation. Achieving this goal required to: consider the features of the structure of budget revenues in the regions; determine the scale of the territories' budget revenues heterogeneity, and give its quantitative assessment; identify the directions of the federal center's transfer policy; find out the nature of gratuitous transfers impact on the regional budgets. The novelty of the presented work is the creation of an economic and statistical apparatus for the study of the impact of federal budget policy on the region's public finance. This allowed us to characterize gratuitous transfers from the federal budget to the regions and determine whether there is a motivation

to increase tax revenues in the Russian Federation's subjects or not. It is concluded that improving inter-budgetary relations should include measures to strengthen the Russian regions' tax potential, which is impossible if the stability of securing tax revenues is not ensured. Authorities need measures to prevent a direct correlation between actual and projected budget revenues and expenditures and the volume of transfers received from the federal budget to equalize budget security. The results of the research can be used to study the possibilities of improving budget policy in the direction of equalizing and stimulating the regions to strengthen their own revenue base.

Key words: transfers, income received, disposable income, heterogeneity, empirical analysis, regional budget, inter-budgetary relations.

Information about the Authors

Evgeniya A. Kolomak – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Department, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrent'ev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: ekolomak@academ.org)

Tat'yana V. Sumsкая – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrent'ev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: t.v.sumsкая@ngs.ru)

Статья поступила 03.10.2019.

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.7

УДК 630:330.4, ББК 65.34+65.053

© Дианов С.В., Антонов М.Б., Ригин В.А.

Модели формирования институциональной среды лесопользования на уровне региона Российской Федерации*

Сергей Владимирович

ДИАНОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: Dianov.sv@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8297-8077; ResearcherID: P-9737-2017

Михаил Борисович

АНТОНОВ

ООО «ЛанЭкс»

Вологда, Российская Федерация, 160012, Советский пр., 62-5

E-mail: mbantonov@mail.ru

Василий Александрович

РИГИН

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: riginva@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6359-1192

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 17-06-00514 А).

Для цитирования: Дианов С.В., Антонов М.Б., Ригин В.А. Модели формирования институциональной среды лесопользования на уровне региона Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 106–124. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.7

For citation: Dianov S.V., Antonov M.B., Rigin V.A. Models of Forest Management Institutional Environment Formation at the Regional Level of the Russian Federation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 106–124. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.7

Аннотация. Опыт эффективного лесопользования наиболее развитых лесных государств показывает важную роль в этом процессе институциональной среды. Необходимым условием ее формирования является учет территориальной специфики. В Российской Федерации на протяжении длительного периода ведется полемика о неэффективности существующей институциональной среды лесопользования. В первую очередь это относится к определенному в Лесном кодексе институту аренды лесных участков. Как правило, в дискуссиях оперируют общими показателями развития лесного хозяйства, что снижает объективность оценки отдельных элементов. В связи с этим особую актуальность приобретает задача создания методологии и инструментов, позволяющих получать оценки, касающиеся развития отдельных элементов институциональной среды лесопользования, в частности элементов системы аренды лесных участков. Основная цель исследования – разработать общие подходы к анализу динамики формирования элементов среды, связанной с арендой лесных участков, в регионе Российской Федерации и получить с их помощью соответствующие модели. Для достижения поставленной цели была изучена система аренды лесных участков в Вологодской области и сформированы модели развития ее основных элементов. Использовались методы системного подхода, анализа и синтеза, обобщения и сравнения, классификации и систематизации, математической статистики. Научная новизна исследования заключается в разработке подходов к созданию моделей, которые описывают динамику развития элементов, составляющих систему аренды лесных участков в Российской Федерации, с использованием линейной аппроксимации временных рядов их параметров. Теоретическая значимость заключается в развитии методологии для изучения динамики формирования институциональной среды, связанной с системой аренды лесных участков, в регионе Российской Федерации. В практическом аспекте полученные результаты позволят на более качественном уровне определять основные тенденции развития системы аренды лесных участков для последующего всестороннего анализа, а также строить краткосрочные и среднесрочные прогнозы.

Ключевые слова: лесной комплекс, институциональная среда, моделирование, аренда лесных участков.

1. Введение

На территории России находится более 20% всех лесов планеты, что гораздо больше, чем в ведущих лесопромышленных странах мира: США, Канаде, Китае, Швеции, Финляндии. При этом доля РФ на мировом лесопромышленном рынке составляет лишь около 3%. Вклад отрасли в ВВП страны оценивается на уровне чуть выше 1%¹. Отчасти это связано с тем, что большая часть российских лесов не подходит для организации интенсивного устойчивого лесного хозяйства вследствие низкой продуктивности [1]. Кроме этого, среди основных причин такого положения называются высокая зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры; высокая степень физического

износа оборудования; низкий уровень переработки древесного сырья, а значит, меньшая производительность и высокий объем отходов; отставание в развитии передовых технологических укладов; недостаточная обеспеченность высококвалифицированными кадрами; пробелы в законодательной базе; высокий уровень незаконного оборота древесины; истощение ресурсной базы на наиболее доступных территориях; слаборазвитая лесная инфраструктура; несовершенная и перманентно изменяемая институциональная среда; в целом достаточно низкая инвестиционная привлекательность отрасли [2]. Многие авторы пришли к выводу, что основные проблемы лесного сектора связаны с несоответствием институциональной среды особенностям рыночного регулирования в России [3; 4; 5].

Основой управления лесопользованием в условиях государственной собственности на

¹ Перспективы лесного комплекса в современной экономике: инновационное развитие // ПроДерево. URL: <https://proderevo.net/analytics/main-analytics/perspektivy-lesnogo-kompleksa-v-sovremennoj-ekonomike-innovatsionnoe-razvitiye.html> (дата обращения 19.12.2019).

лесной фонд является распределение прав и обязанностей между государством и частным лесопромышленным бизнесом [6; 7]. Уход государства от выполнения производственных функций лесопользования связан с развитием долгосрочного пользования на базе концессионных соглашений и договоров аренды. Формирование рациональной лесной политики, направленной на повышение эффективности российского лесного комплекса, предполагает создание соответствующих институциональных форм. Выбор наиболее оптимальной конфигурации институциональной среды осложняется разнообразием территорий Российской Федерации, а также переходом к интенсивной модели лесопользования. На сегодняшний день ведется широкая дискуссия о необходимости внесения изменений в Лесной кодекс. Происходят постоянные трансформации законодательства в сфере отношений лесопользования. Это свидетельствует о неустоявшейся системе институциональных отношений. В контексте задач, которые необходимо решить, крайне важно оценить эффективность действующих институтов, определить их соответствие современным реалиям и выработать основные направления изменения институциональной среды с учетом сложившейся мировой практики и ее продуманной адаптации к российским условиям [3; 8]. Все это в конечном итоге требует создать адекватные модели, позволяющие эффективно и всесторонне провести такую работу. Качество моделей в первую очередь зависит от адекватности отображения процессов микроуровня. Однако на сегодняшний день отсутствует аппарат формального их описания, пригодный для использования при создании имитационных моделей. В Российской Федерации такое положение дел в полной мере характерно для системы аренды лесных участков, формируемой в основном на региональном уровне. В связи с этим возникла новая научная задача — изучить и разработать адекватные модели развития элементов институциональной среды, связанной с арендой лесных участков, на уровне региона Российской Федерации.

Основными целями исследования являлись общая оценка перспектив развития существующей институциональной среды лесопользова-

ния в Российской Федерации и разработка подходов к анализу динамики процессов формирования элементов среды, включающей аренду лесных участков, в регионе Российской Федерации для получения с их помощью соответствующих моделей.

2. Международный опыт лесопользования и ведения лесного хозяйства

Формирование институциональной среды лесного комплекса на государственном уровне — задача многоаспектная. При ее решении необходимо учитывать характеристики лесных ресурсов и условия их формирования, существующее административное устройство, принятую государственную стратегию развития лесной отрасли, социальную структуру, менталитет населения и другие факторы. Основным критерием является нахождение оптимального соотношения между развитием экономической функции и сохранением экологических и социальных функций лесов.

Федеративное государственное устройство требует перераспределения зон ответственности между центром и территориями. Здесь возможны различные варианты, но в целом выделяют два подхода: распределение государственных лесных земель по видам собственности (федеральные леса — под юрисдикцией федерального центра, региональные леса — под юрисдикцией региональных органов государственной власти); распределение функций государственного управления лесами и лесным сектором по вертикали и горизонтали, то есть с участием федеральных, региональных и муниципальных органов власти. Примерами государств, в которых реализован первый подход, являются США и Канада [9–13], второй — Индия и Бразилия [14; 15; 16]. Опыт таких больших стран, как США и Канада, показывает, что одной из адекватных стратегий при наличии соответствующей правовой и институциональной базы на национальном уровне становится децентрализация в управлении лесами. Проблемы развития лесного хозяйства лучше всего решаются на местном уровне. Преобразования, направленные на децентрализацию, должны осуществляться в сочетании с установлением сильных ориентиров на региональном уровне (например, в

рамках региональных программ развития лесного хозяйства), созданием эффективной системы мониторинга и контроля в целях предупреждения неконтролируемого использования лесов ради краткосрочных политических интересов.

Институциональные методы включают спецификацию прав собственности, создание рынка прав пользования и конкуренции, налогообложение, кредитование, сертификацию, аудит, страхование, сервитуты, формирование общественного мнения и ответственного экологического поведения.

Отношения собственности составляют фундамент всей экономической системы общества и определяют эффективность ее функционирования, создавая тем самым институциональную основу социально-экономических и хозяйственных процессов [17]. В большинстве стран законодательно закреплены различные виды собственности на лесные земли. Как правило, это государственная, частная и коммунальная (общественная) собственность на леса и лесные земли. Независимо от вида собственности лесное законодательство является обязательным для всех собственников, и государство оставляет за собой право контроля состояния, использования, охраны, защиты лесов и лесовосстановления. Государственное управление лесным хозяйством при преобладании того или иного вида собственности имеет свою специфику [18]. В каждой стране ведутся поиски «золотой середины» в данном вопросе, т. е. соотношения видов собственности исходя из существующих социальных, экономических и природных особенностей. Частная собственность преобладает в США, Финляндии, Швеции, Германии [19; 20; 21], государственная – в Канаде [22; 23], Польше [24]. Меняя режимы собственности, можно воздействовать на поведение людей, поскольку альтернативные режимы порождают различную структуру стимулов. Однако нельзя выбирать в качестве эталона для сравнения один из режимов собственности. При принятии решений о развитии частной собственности на леса следует более детально изучить особенности институциональной среды в стране и постараться провести многометодный междисциплинарный анализ возможных последствий.

Некоторые ученые (см., например [25]) проверили гипотезу о том, что постепенная приватизация лесов может способствовать решению многих проблем отрасли в стране и переходу к стадии ее интенсивного развития за счет создания экономических стимулов к ведению устойчивого лесопользования. Полученные выводы свидетельствуют, что статистических оснований для отклонения гипотезы о положительном влиянии доли частной собственности на лесные земли на удельные запасы древостоя не наблюдается, но выявленная связь носит достаточно слабый характер, указывая на необходимость более детально изучать особенности институциональной среды конкретной страны при принятии решений о развитии частной собственности на леса.

Определенный опыт перехода от государственной к частной собственности на лес был получен бывшими социалистическими государствами, такими как Румыния, страны Прибалтики, Чехия и Словакия [26; 27]. Он показывает, что успешные институциональные реформы обнаруживают некоторые общие элементы [28]:

1) Национальная лесная политика и стратегия должны составлять основу институциональных преобразований, а не наоборот.

2) Прямые связи (административные, финансовые) между структурами, отвечающими за осуществление государственных функций и ведение хозяйства в государственных лесах, устраняются, с тем чтобы избежать потенциальных конфликтов интересов, обеспечить независимость, прозрачность и нейтральность государственного органа управления лесами.

3) Рынки могут быть самой лучшей движущей силой для обеспечения устойчивого лесопользования, но без необходимых защитных механизмов они могут стать причиной истощения ресурсов.

4) Устойчивое лесопользование обеспечивает необходимую базу для анализа вариантов политики. Принятие решений по вариантам политики должно предваряться количественной и качественной оценкой их воздействия.

5) Участие заинтересованных сторон и прозрачность имеют крайне важное значение для оценки вариантов политики и осуществления институциональных преобразований.

Очевидно, что в чистом виде опыт других стран применять нельзя — необходимо его переосмысление с учетом специфики социально-экономических условий России. Лесное законодательство должно быть пересмотрено таким образом, чтобы создать четкую институциональную базу для хозяйствующих субъектов и обеспечить достижение долгосрочных стратегических целей, связанных с устойчивым лесопользованием, принимая во внимание существующий собственный опыт.

3. Проблемы формирования институциональной системы лесопользования и ведения лесного хозяйства в Российской Федерации

Существующая в Российской Федерации в настоящее время модель лесного хозяйства была закреплена в Лесном кодексе от 2006 года. В его содержание заложены две основные идеи: перераспределение властных полномочий по вертикали и привлечение частного бизнеса к лесопользованию. Это должно было обеспечить соответственно эффективность управления (на местах виднее, как лучше) и использования (присутствие экономически заинтересованного хозяина). Таким образом, ряд полномочий государства в области лесных отношений передавался органам государственной власти субъектов Федерации, а основной формой лесопользования стала долгосрочная аренда лесных участков.

Нужно отметить, что в данном случае механизм был запущен практически «вслепую». По сути, он явился неким «спусковым крючком» по реализации имеющих рациональную основу, но не проработанных всесторонне идей. Вследствие этого возникли проблемы, причем требующие неотложного решения, поскольку они встречались уже в реальных процессах. В текущем режиме они «как-то решались», а в долгосрочной перспективе доводились до соответствующего уровня принятия решений. В конечном итоге правила игры корректировались. Иногда одной корректировки оказывалось недостаточно. Все это продолжается до сих пор, естественно, вызывая негативное отношение со стороны профессионального сообщества. Причем высказывания бывают достаточно резкими, например: «В этом кодексе была нарушена преемственность

со всем предшествующим в истории этапом развития лесной науки и практики» [8].

Среди основных проблем выделяют следующие [8; 29]: проблема собственности на леса, в частности не разработано право владения лесными ресурсами; отсутствие четкого разграничения прав управления между субъектами лесных отношений (Российской Федерацией, регионами и лесопользователями); не сформирована прозрачная процедура предоставления прав пользования лесными участками; сложившаяся институциональная среда не создает условия для участия населения в процессе управления лесами; лоббирование интересов крупного капитала способствует удалению с арены лесных отношений среднего и малого лесного бизнеса, что влечет за собой неблагоприятные социальные последствия; не совершенен экономический механизм арендных отношений.

Как ни парадоксально, больше всего обсуждаются как раз идеи, которые легли в основу Лесного кодекса. Различные исследователи высказывают диаметрально противоположные точки зрения на тему централизации/децентрализации управления лесным хозяйством и введения института частной собственности на лес. Профессор Н.А. Моисеев настаивает, что «управление лесами важно вернуть с регионального уровня на федеральный» [8]. В то же время один из возможных сценариев, описанных в «Прогнозе развития лесного сектора Российской Федерации до 2030 года», предполагает передачу части земель лесного фонда в собственность субъектов Российской Федерации.

Еще больше споров вызывает вопрос передачи лесов в частную собственность. На сегодняшний день Россия является единственным государством из ведущих 10 стран — мировых лесозаготовителей, где нет частной собственности на лесные земли [25]. Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что страну готовят к ее появлению. Более того, некоторые из них уверены, что существующая система долгосрочной аренды уже становится своего рода частной собственностью [18]. Отчасти это подтверждает «Прогноз развития лесного сектора Российской Федерации до 2030 года». В нем в качестве возмож-

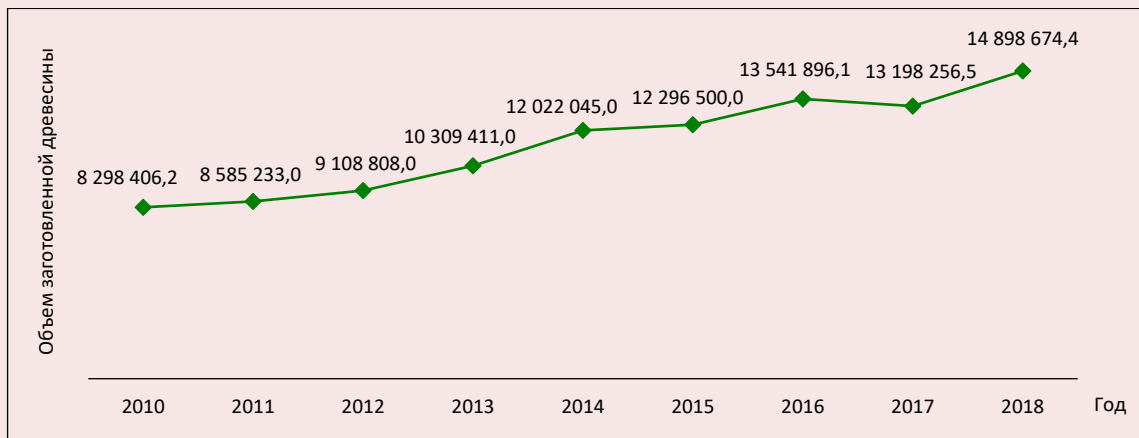
ного сценария для развития системы лесных отношений отмечена реализация положения статьи 9 Конституции Российской Федерации, предопределяющая приватизацию земель лесного фонда и появление частных лесов. Утверждается, что для этого уже подготовлена почва действующим Лесным кодексом, в котором лесной участок объявлен земельным. Это практически означает вхождение лесных отношений в систему земельных отношений, где частная собственность на землю уже признается в течение длительного времени; арендованные лесные участки проходят государственный кадастровый учет с межеванием границ; на арендованные лесные участки осуществляется государственная регистрация прав и сделок. Однако многие исследователи склоняются к тому, что введение института частной собственности на леса до сих пор является преждевременным шагом, так как, во-первых, вызывает значительный негатив среди населения, видящего в этом потенциальную возможность ущемления своих прав в части свободного посещения лесов и удовлетворения своих потребностей в лесных благах; во-вторых, нужно учитывать риск неэффективной, а иногда и губительной деятельности собственника по отношению к лесу, что может привести к серьезным последствиям [25]. Заместитель министра природных ресурсов и экологии Российской Федерации, руководитель Федерального агентства лесного хозяйства Сергей Аноприенко на форуме «ЛПК 360°: со всех точек зрения» заявил: «В современных реалиях частная собственность на лес не представляется целесообразной»². Всеобщий консенсус вызывает лишь следующее его высказывание: «Вернуться к этому вопросу можно только после тщательной проработки всех возможных угроз, с учетом мнений экологов, экспертного сообщества, руководства страны, а также когда будет достигнуто единое понимание о том, насколько эффективно это решит существующие проблемы лесной отрасли».

² Журнал «ЛесПромИнформ». URL: <https://lesprominform.ru/news.html?id=11802> (дата обращения 19.12.2019).

Наиболее разумное мнение, с нашей точки зрения, выражает Г.Б. Козырева: «Главное не в том, кто является собственником лесных ресурсов, а в том, как специфицированы его права» [29]. Необходимо понять, насколько всесторонне изучена существующая система лесовладения в России. По замыслу разработчиков действующего Лесного кодекса институциональная среда долгосрочной аренды лесных участков в условиях социально ориентированной рыночной экономики и государственной собственности на лесной фонд должна была обеспечить баланс интересов государства, бизнеса и общества в рамках устойчивого управления лесами. В связи с этим необходимо понять закономерности и связи, лежащие в основе развития системы аренды лесных участков. Именно это позволит моделировать ее динамику и определиться с ее перспективами.

Используемая на сегодняшний день система оценки института аренды оперирует лишь общими параметрами (объем лесозаготовки, площадь лесовосстановления и т. п.). Они характеризуют эффективность функционирования системы на определенный момент времени, но не могут дать ответ о причинах ее поведения. Однако именно показатели, характеризующие параметры развития отдельных элементов системы во времени, могут быть использованы, во-первых, для поиска различных зависимостей, а во-вторых, для формирования моделей. Проведенный нами анализ показал, что на сегодняшний день отсутствуют работы, посвященные данной тематике. В связи с этим авторы статьи исследовали динамику развития системы аренды лесных участков на территории Вологодской области, занимающей одно из ведущих мест среди субъектов России по наличию лесосырьевых ресурсов. Общая площадь ее лесов составляет 11,473 млн га (79% территории области). Запас древесины превышает 1,6 млрд куб. м. Расчетная лесосека – 29,729 млн куб. м, в том числе по хвойному хозяйству – 10,6 млн куб. м. В аренду лесопользователям передано 18,251 млн куб. м древесины. Заключен 1021 договор аренды лесных участков. Динамика заготовки древесины арендаторами, заключившими договор аренды для целей лесозаготовки, представлена на *рисунке 1*.

Рис. 1. Динамика заготовки древесины на территории Вологодской области арендаторами, заключившими договор аренды для целей лесозаготовки, за 2010–2018 гг., куб. м

Источник: составлено авторами на основании информации интернет-сайта Департамента лесного комплекса Вологодской области (<https://dlk.gov35.ru>); Портала открытых данных Вологодской области (<http://data.gov35.ru/>).

4. Анализ динамики формирования системы аренды лесных участков в Вологодской области

Анализу подверглись два основных элемента системы: лесные участки, переданные в аренду (договоры аренды), и арендаторы. Изучалось, как формируются параметры данных элементов, рассмотрена динамика их развития во времени. Кроме того, обращено внимание на возможность их использования при создании агент-ориентированных моделей развития регионального лесного комплекса. Авторы использовали общедоступные источники информации, содержащие в основном сведения Департамента лесного комплекса и Портала открытых данных Вологодской области³.

Вологодская область — достаточно крупный регион северо-запада европейской части Российской Федерации. На территории муниципальных районов области функционируют 26 лесничеств. Параметры каждого из них имеют свою специфику, которую необходимо учитывать. Оценивать характеристики множества объектов, а затем обеспечивать их формирование и поддержку в модели достаточно сложно, поэтому авторы предлагают подход, в соответствии с которым лесничества разделены на кла-

стеры. В его основе лежит принцип размещения их в пространстве «Площадь земель лесного фонда — Средний объем заготовленной древесины с гектара». Значения параметров по каждому из лесничеств представлены в *таблице 1*.

Размерности пространства были выбраны нами исходя из того, что данные показатели в своей совокупности могут характеризовать формирование лесных участков под аренду и арендаторов. Пространство было разбито на девять кластеров путем его равного деления по вертикали и горизонтали по параметрам значений площади земель лесного фонда и среднего объема заготовленной древесины с гектара (ниже среднего, среднее и выше среднего). Общие границы площади кластеров определены исходя из минимальных и максимальных значений данных показателей. В результате все лесничества оказались расположенными в шести кластерах (*рис. 2*).

Интерес представляет географическое отображение распределения лесничеств в пространстве «Площадь земель лесного фонда — Средний объем заготовленной древесины с гектара» на карте Вологодской области (*рис. 3*). Его более подробной интерпретации может быть посвящена отдельная работа, связанная с наложением на карту мест размещения различных инфраструктурных объектов, предпри-

³ Портал открытых данных Вологодской области. URL: <http://data.gov35.ru/>

Таблица 1. Общая площадь земель лесного фонда лесничеств Вологодской области и средний объем заготовленной на их территориях древесины с гектара в 2018 году

Районное лесничество	Общая площадь земель лесного фонда, га	Средний объем заготовленной древесины с гектара, куб. м / га
Бабаевское	835 548	1,233915945
Бабушкинское	691 366	1,387130261
Белозерское	452 463	1,543447752
Вашкинское	247 167	1,172021346
Великоустюгское	637 788	1,755426568
Верховажское	366 212	1,937440062
Вожегодское	501 442	0,968301419
Вологодское	225 126	0,507822286
Вытегорское	1 218 900	1,345413898
Грязовецкое	381 770	1,545564083
Кадуйское	257 466	0,807928037
Кирилловское	350 838	0,45501599
Кичменгско-Городецкое	606 129	1,366542436
Междуреченское	304 815	1,148946082
Никольское	644 844	1,67413514
Нюксенское	461 344	1,303179406
Сокольское	294 988	1,285174312
Сямженское	327 564	1,565391801
Тарногское	437 666	1,277743759
Тотемское	736 192	1,517003716
Усть-Кубинское	168 402	0,997612855
Устюженское	273 058	0,313541445
Харовское	281 715	1,670390288
Чагодощенское	200 834	0,705249111
Череповецкое	427 033	1,236391567
Шекснинское	141 835	0,514844714

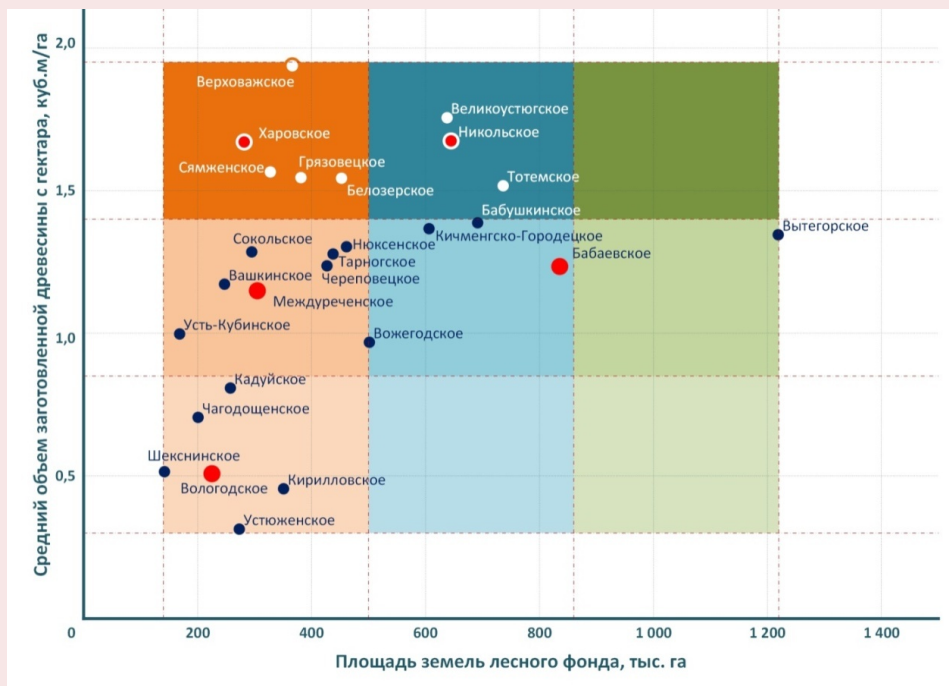
Составлено по: информация интернет-сайта Департамента лесного комплекса Вологодской области (<https://dlk.gov35.ru/>); информация Портала открытых данных Вологодской области (<http://data.gov35.ru/>); лесотехнические регламенты лесничеств Вологодской области.

ятий, рассмотрением отдельных характеристик территорий, таких как плотность населения, и других элементов. В рамках данного исследования мы лишь считаем, что представители одного кластера имеют сходные характеристики в динамике развития системы аренды лесных участков.

При идентификации кластеров будем использовать следующие обозначения: НП – ниже среднего показатель площади земель лесного фонда; СП – средний показатель площади земель лесного фонда; ВП – выше среднего показатель площади земель лесного фонда; НО – ниже среднего показатель среднего объема заготовленной древесины с гектара; СО – средний показатель среднего объема заготовленной древесины с гектара; ВО – выше среднего по-

казатель среднего объема заготовленной древесины с гектара. Таким образом, обозначение «ВП:СО» означает принадлежность территории к кластеру «Выше среднего показатель площади земель лесного фонда – Средний показатель среднего объема заготовленной древесины с гектара». Для дальнейшего анализа были выбраны по одному представителю из четырех кластеров: Вологодское (кластер НП:НО), Междуреченское (кластер НП:СО), Харовское (кластер НП:ВО) и Никольское (кластер СП:ВО) лесничества. В силу небольшого количества участников в оставшихся двух кластерах было решено отобрать одно из присутствующих в них лесничеств, наиболее близко расположенное к их общей границе – Бабаевское лесничество (кластеры СП:СО и ВП:СО).

Рис. 2. Графическое отображение лесничеств Вологодской области в пространстве «Площадь земель лесного фонда – Средний объем заготовленной древесины с гектара»

Источник: составлено авторами.

Рис. 3. Географическое отображение распределения лесничеств в пространстве «Площадь земель лесного фонда – Средний объем заготовленной древесины с гектара» на карте Вологодской области

Источник: составлено авторами.

Рис. 4. Распределение договоров аренды по видам пользования в Вологодской области

Вид аренды	Количество участков	Площадь участков, га
Заготовка пищевых лесных ресурсов и сбор лекарственных растений	1	44577
Осуществление видов деятельности в сфере охотничьего хозяйства	17	163056
Ведение сельского хозяйства	10	17,9434
Осуществление научно-исследовательской деятельности, образовательной деятельности	3	343,2
Осуществление рекреационной деятельности	72	135,9251
Выращивание посадочного материала лесных растений (саженцев, сеянцев)	3	16,5816
Выполнение работ по геологическому изучению недр, разработка месторождений полезных ископаемых	74	631,8932
Строительство и эксплуатация водохранилищ и иных искусственных водных объектов, а также гидротехнических сооружений, морских портов, морских терминалов, речных портов, причалов	63	245,2401
Строительство, реконструкция, эксплуатация линейных объектов	360	7101,9976
Осуществление религиозной деятельности	1	0,11
Выполнение изыскательских работ	4	0,6427
Лесозаготовка	504	6870027,14

Источник: составлено авторами на основании информации интернет-сайта Департамента лесного комплекса Вологодской области (<https://dlk.gov35.ru>); информации Портала открытых данных Вологодской области (<http://data.gov35.ru/>).

Общей целью анализа динамики договоров аренды являлось определение трендов развития количества и площади арендуемых участков, а также продолжительности аренды. Это позволит в дальнейшем осуществлять моделирование процессов изменения их общей структуры, поскольку в действительности они носят в основном случайный характер.

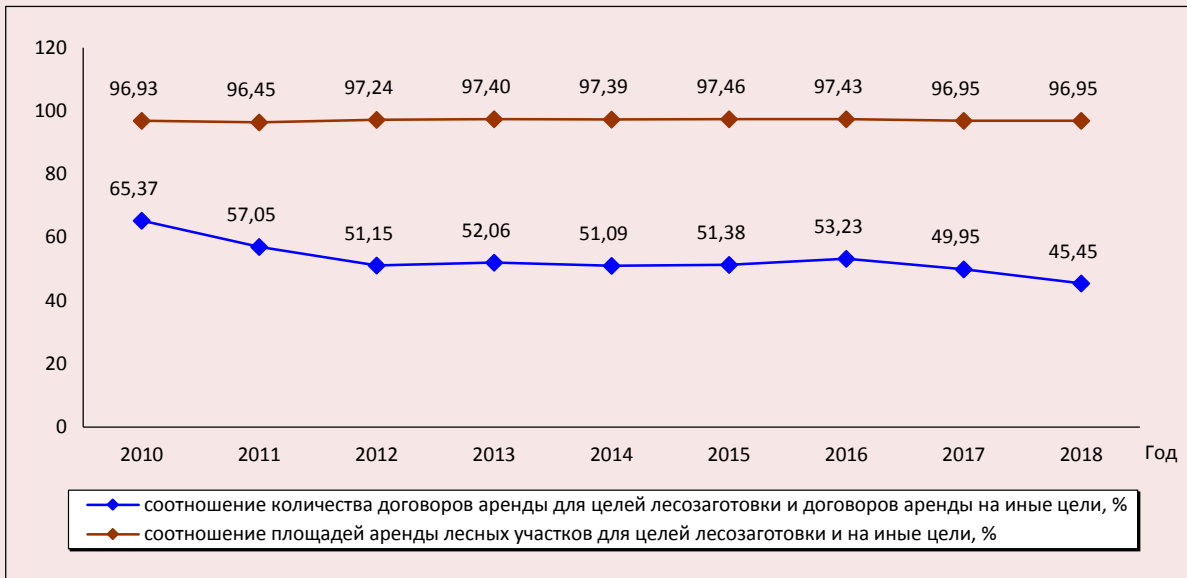
В соответствии с существующим законодательством возможна аренда лесных участков под различные цели. Текущее распределение договоров аренды по видам пользования в Вологодской области представлено на *рисунке 4*.

Если в количественном соотношении договоры аренды на лесозаготовку и иные цели примерно соответствуют друг другу, то применительно к арендуемой площади наибольшая доля приходится на лесозаготовку. Динамика временных рядов соотношения количества договоров аренды для целей лесозаготовки и договоров аренды на иные цели, а также обозначенных в них площадей (*рис. 5*) показывает, что на протяжении девяти лет (с 2010 по 2018

год) соотношение площадей остается практически неизменным — около 97% в пользу договоров аренды с целью лесозаготовки. При этом в плане количества замечен тренд на повышение доли договоров на иные цели.

Исходя из графического отображения зависимости, можно говорить о ее линейном характере. С использованием инструментария линейной аппроксимации программного обеспечения Microsoft Excel получена следующая функция изменения тренда в соотношении количества договоров аренды с целью лесозаготовки и договоров аренды на иные цели: $y = -0,0162x + 0,6109$, с величиной достоверности аппроксимации $R^2 = 0,6427$. Очевидно, что указанная функциональная зависимость имеет временные ограничения, но при этом вполне может быть использована для краткосрочных и среднесрочных прогнозов. К тому же при разработке интенциональной модели [30] можно изменять ее параметры при поступлении новых данных о текущем развитии моделируемой системы.

Рис. 5. Динамика соотношения количества договоров аренды для целей лесозаготовки и договоров аренды на иные цели, а также обозначенных в них площадей, в 2010–2018 гг.

Источник: составлено авторами на основании информации интернет-сайта Департамента лесного комплекса Вологодской области (<https://dlk.gov35.ru>); информации Портала открытых данных Вологодской области (<http://data.gov35.ru/>).

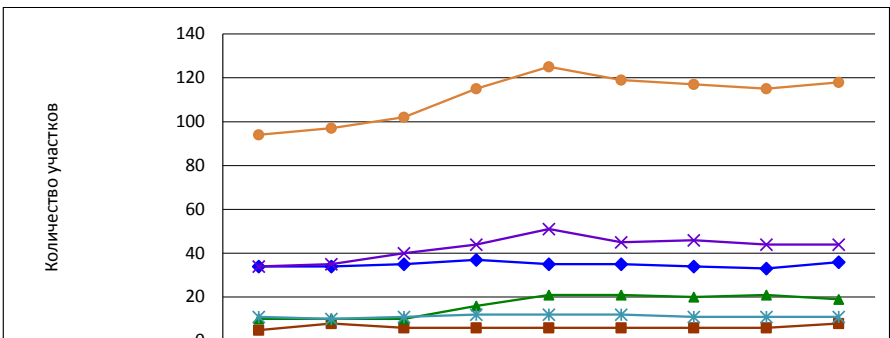
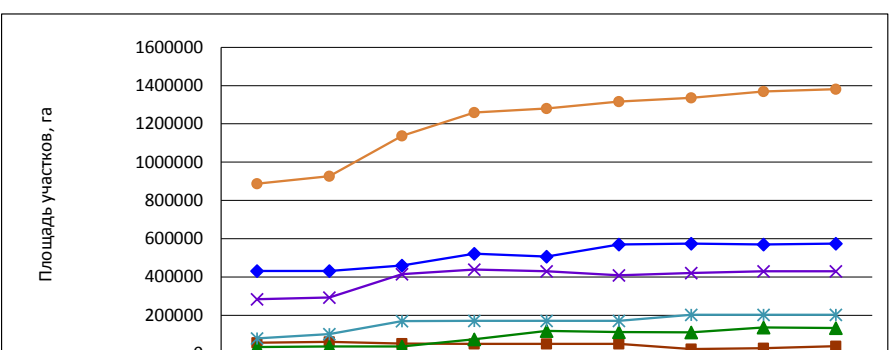
Аналогичные зависимости существуют во временных рядах количества договоров аренды в целях лесозаготовки и иных целях, а также обозначенных в них площадей арендуемых лесных участков. Соответствующие диаграммы и функциональные зависимости представлены в *табл. 2*.

Таблица 2. Диаграммы и функциональные зависимости во временных рядах количества договоров аренды в целях лесозаготовки и иных целях, а также обозначенных в них площадей арендуемых лесных участков

Диаграмма временного ряда	Уравнение зависимости, полученное путем линейной аппроксимации / величина достоверности аппроксимации																				
Изменение количества участков по договорам аренды на отличные от лесозаготовки цели (по области)																					
<table border="1"> <thead> <tr> <th>Год</th> <th>Количество участков</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>2010</td> <td>211</td> </tr> <tr> <td>2011</td> <td>302</td> </tr> <tr> <td>2012</td> <td>450</td> </tr> <tr> <td>2013</td> <td>468</td> </tr> <tr> <td>2014</td> <td>497</td> </tr> <tr> <td>2015</td> <td>476</td> </tr> <tr> <td>2016</td> <td>448</td> </tr> <tr> <td>2017</td> <td>504</td> </tr> <tr> <td>2018</td> <td>608</td> </tr> </tbody> </table>	Год	Количество участков	2010	211	2011	302	2012	450	2013	468	2014	497	2015	476	2016	448	2017	504	2018	608	$y = 36,633x + 257,28$ $R^2 = 0,7367$
Год	Количество участков																				
2010	211																				
2011	302																				
2012	450																				
2013	468																				
2014	497																				
2015	476																				
2016	448																				
2017	504																				
2018	608																				

Продолжение таблицы 2

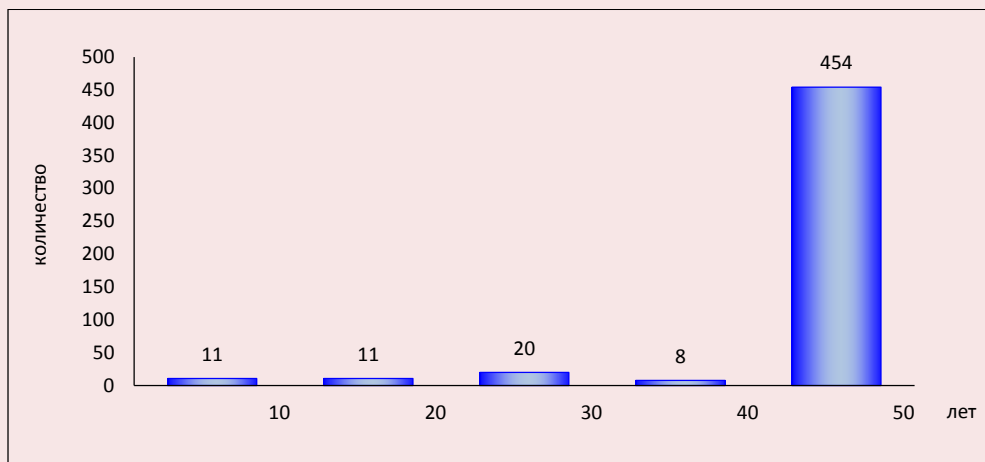
<p>Диаграмма временного ряда</p>	<p>Уравнение зависимости, полученное путем линейной аппроксимации / величина достоверности аппроксимации</p>																				
<p>Изменение площади участков по договорам аренды на отличные от лесозаготовки цели, га (по области)</p>																					
<table border="1"> <thead> <tr> <th>Год</th> <th>Площадь участков, га</th> </tr> </thead> <tbody> <tr><td>2010</td><td>161 652,49</td></tr> <tr><td>2011</td><td>165 775,56</td></tr> <tr><td>2012</td><td>171 462,18</td></tr> <tr><td>2013</td><td>178 158,38</td></tr> <tr><td>2014</td><td>182 669,56</td></tr> <tr><td>2015</td><td>172 933,77</td></tr> <tr><td>2016</td><td>170 022,58</td></tr> <tr><td>2017</td><td>215 227,86</td></tr> <tr><td>2018</td><td>216 126,53</td></tr> </tbody> </table>	Год	Площадь участков, га	2010	161 652,49	2011	165 775,56	2012	171 462,18	2013	178 158,38	2014	182 669,56	2015	172 933,77	2016	170 022,58	2017	215 227,86	2018	216 126,53	$y = 5969,2x + 151713$ $R^2 = 0,6486$
Год	Площадь участков, га																				
2010	161 652,49																				
2011	165 775,56																				
2012	171 462,18																				
2013	178 158,38																				
2014	182 669,56																				
2015	172 933,77																				
2016	170 022,58																				
2017	215 227,86																				
2018	216 126,53																				
<p>Изменение количества участков по договорам аренды на цели лесозаготовки (по области)</p>																					
<table border="1"> <thead> <tr> <th>Год</th> <th>Количество участков</th> </tr> </thead> <tbody> <tr><td>2010</td><td>421</td></tr> <tr><td>2011</td><td>433</td></tr> <tr><td>2012</td><td>469</td></tr> <tr><td>2013</td><td>506</td></tr> <tr><td>2014</td><td>517</td></tr> <tr><td>2015</td><td>501</td></tr> <tr><td>2016</td><td>502</td></tr> <tr><td>2017</td><td>500</td></tr> <tr><td>2018</td><td>504</td></tr> </tbody> </table>	Год	Количество участков	2010	421	2011	433	2012	469	2013	506	2014	517	2015	501	2016	502	2017	500	2018	504	$y = 9,9x + 434,17$ $R^2 = 0,6103$
Год	Количество участков																				
2010	421																				
2011	433																				
2012	469																				
2013	506																				
2014	517																				
2015	501																				
2016	502																				
2017	500																				
2018	504																				
<p>Изменение площади участков по договорам аренды на цели лесозаготовки, га (по области)</p>																					
<table border="1"> <thead> <tr> <th>Год</th> <th>Площадь участков, га</th> </tr> </thead> <tbody> <tr><td>2010</td><td>4945641,84</td></tr> <tr><td>2011</td><td>5293451,84</td></tr> <tr><td>2012</td><td>5858409,58</td></tr> <tr><td>2013</td><td>6241373,98</td></tr> <tr><td>2014</td><td>6286695,78</td></tr> <tr><td>2015</td><td>6431963,98</td></tr> <tr><td>2016</td><td>6443166,30</td></tr> <tr><td>2017</td><td>6824967,95</td></tr> <tr><td>2018</td><td>6870027,14</td></tr> </tbody> </table>	Год	Площадь участков, га	2010	4945641,84	2011	5293451,84	2012	5858409,58	2013	6241373,98	2014	6286695,78	2015	6431963,98	2016	6443166,30	2017	6824967,95	2018	6870027,14	$y = 227537x + 5E + 06$ $R^2 = 0,9048$
Год	Площадь участков, га																				
2010	4945641,84																				
2011	5293451,84																				
2012	5858409,58																				
2013	6241373,98																				
2014	6286695,78																				
2015	6431963,98																				
2016	6443166,30																				
2017	6824967,95																				
2018	6870027,14																				

<p>Диаграмма временного ряда</p>	<p>Уравнение зависимости, полученное путем линейной аппроксимации / величина достоверности аппроксимации</p>																																																																						
<p>Изменение количества участков по договорам аренды на цели лесозаготовки (по кластерам)</p>																																																																							
 <table border="1" data-bbox="183 806 1037 1019"> <thead> <tr> <th></th> <th>2010</th> <th>2011</th> <th>2012</th> <th>2013</th> <th>2014</th> <th>2015</th> <th>2016</th> <th>2017</th> <th>2018</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>Бабаевское</td> <td>34</td> <td>34</td> <td>35</td> <td>37</td> <td>35</td> <td>35</td> <td>34</td> <td>33</td> <td>36</td> </tr> <tr> <td>Вологодское</td> <td>5</td> <td>8</td> <td>6</td> <td>6</td> <td>6</td> <td>6</td> <td>6</td> <td>6</td> <td>8</td> </tr> <tr> <td>Междуреченское</td> <td>10</td> <td>10</td> <td>10</td> <td>16</td> <td>21</td> <td>21</td> <td>20</td> <td>21</td> <td>19</td> </tr> <tr> <td>Никольское</td> <td>34</td> <td>35</td> <td>40</td> <td>44</td> <td>51</td> <td>45</td> <td>46</td> <td>44</td> <td>44</td> </tr> <tr> <td>Харовское</td> <td>11</td> <td>10</td> <td>11</td> <td>12</td> <td>12</td> <td>12</td> <td>11</td> <td>11</td> <td>11</td> </tr> <tr> <td>Общее</td> <td>94</td> <td>97</td> <td>102</td> <td>115</td> <td>125</td> <td>119</td> <td>117</td> <td>115</td> <td>118</td> </tr> </tbody> </table>		2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Бабаевское	34	34	35	37	35	35	34	33	36	Вологодское	5	8	6	6	6	6	6	6	8	Междуреченское	10	10	10	16	21	21	20	21	19	Никольское	34	35	40	44	51	45	46	44	44	Харовское	11	10	11	12	12	12	11	11	11	Общее	94	97	102	115	125	119	117	115	118	<p>СП:СО и ВП:СО (Бабаевское) $y = 0,0167x + 34,694$ $R^2 = 0,0014$</p> <p>НП:НО (Вологодское) $y = 0,1x + 5,8333$ $R^2 = 0,075$</p> <p>НП:СО (Междуреченское) $y = 1,5667x + 8,6111$ $R^2 = 0,7141$</p> <p>СП:ВО (Никольское) $y = 1,3333x + 35,889$ $R^2 = 0,4593$</p> <p>НП:ВО (Харовское) $y = 0,05x + 10,972$ $R^2 = 0,0422$</p>
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018																																																														
Бабаевское	34	34	35	37	35	35	34	33	36																																																														
Вологодское	5	8	6	6	6	6	6	6	8																																																														
Междуреченское	10	10	10	16	21	21	20	21	19																																																														
Никольское	34	35	40	44	51	45	46	44	44																																																														
Харовское	11	10	11	12	12	12	11	11	11																																																														
Общее	94	97	102	115	125	119	117	115	118																																																														
<p>Изменение площади участков по договорам аренды на цели лесозаготовки, га (по кластерам)</p>																																																																							
 <table border="1" data-bbox="183 1456 1037 1668"> <thead> <tr> <th></th> <th>2010</th> <th>2011</th> <th>2012</th> <th>2013</th> <th>2014</th> <th>2015</th> <th>2016</th> <th>2017</th> <th>2018</th> </tr> </thead> <tbody> <tr> <td>Бабаевское</td> <td>431405</td> <td>431405</td> <td>461257</td> <td>521957</td> <td>507914</td> <td>570370</td> <td>574522</td> <td>569980</td> <td>574214,3</td> </tr> <tr> <td>Вологодское</td> <td>57483</td> <td>62121</td> <td>52418</td> <td>51135</td> <td>51135</td> <td>51135</td> <td>24568,8</td> <td>28801</td> <td>39491,52</td> </tr> <tr> <td>Междуреченское</td> <td>34397</td> <td>38398</td> <td>38398</td> <td>76060</td> <td>119255,2</td> <td>112597,4</td> <td>111742,4</td> <td>136951,4</td> <td>133923,4</td> </tr> <tr> <td>Никольское</td> <td>284491</td> <td>292825</td> <td>415225</td> <td>439045</td> <td>430842</td> <td>409979</td> <td>421947</td> <td>430113</td> <td>430113</td> </tr> <tr> <td>Харовское</td> <td>80437</td> <td>101876</td> <td>169605</td> <td>171742</td> <td>171742</td> <td>171742</td> <td>203395</td> <td>203395</td> <td>203395</td> </tr> <tr> <td>Общее</td> <td>888213</td> <td>926625</td> <td>1136903</td> <td>1259939</td> <td>1280888</td> <td>1315823</td> <td>1336175</td> <td>1369240</td> <td>1381137</td> </tr> </tbody> </table>		2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Бабаевское	431405	431405	461257	521957	507914	570370	574522	569980	574214,3	Вологодское	57483	62121	52418	51135	51135	51135	24568,8	28801	39491,52	Междуреченское	34397	38398	38398	76060	119255,2	112597,4	111742,4	136951,4	133923,4	Никольское	284491	292825	415225	439045	430842	409979	421947	430113	430113	Харовское	80437	101876	169605	171742	171742	171742	203395	203395	203395	Общее	888213	926625	1136903	1259939	1280888	1315823	1336175	1369240	1381137	<p>СП:СО и ВП:СО (Бабаевское) $y = 21032x + 410733$ $R^2 = 0,8819$</p> <p>НП:НО (Вологодское) $y = -3793,7x + 65445$ $R^2 = 0,6605$</p> <p>НП:СО (Междуреченское) $y = 14617x + 15998$ $R^2 = 0,8794$</p> <p>СП:ВО (Никольское) $y = 16312x + 313393$ $R^2 = 0,5375$</p> <p>НП:ВО (Харовское) $y = 14399x + 92150$ $R^2 = 0,7919$</p>
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018																																																														
Бабаевское	431405	431405	461257	521957	507914	570370	574522	569980	574214,3																																																														
Вологодское	57483	62121	52418	51135	51135	51135	24568,8	28801	39491,52																																																														
Междуреченское	34397	38398	38398	76060	119255,2	112597,4	111742,4	136951,4	133923,4																																																														
Никольское	284491	292825	415225	439045	430842	409979	421947	430113	430113																																																														
Харовское	80437	101876	169605	171742	171742	171742	203395	203395	203395																																																														
Общее	888213	926625	1136903	1259939	1280888	1315823	1336175	1369240	1381137																																																														
<p>Составлено по: информация интернет-сайта Департамента лесного комплекса Вологодской области (https://dlk.gov35.ru/); Портала открытых данных Вологодской области (http://data.gov35.ru/).</p>																																																																							

При построении прогнозов внутри кластеров с использованием полученных уравнений необходимо учитывать начальные значения параметров территорий, входящих в кластер.

Таким образом, расчет прогнозируемого показателя по определенной территории должен иметь следующий порядок: на первом шаге вычисляется значение уравнения по прогно-

Рис. 6. Гистограмма распределения продолжительности аренды лесных участков в Вологодской области

Источник: составлено авторами на основании информации интернет-сайта Департамента лесного комплекса Вологодской области (<https://dlk.gov35.ru>); информации Портала открытых данных Вологодской области (<http://data.gov35.ru/>).

зируемому показателю для кластера, к которому относится данная территория, а затем из него вычитается разность между начальными значениями прогнозируемого показателя территории, выбранной базовой для кластера, и прогнозируемого показателя территории, для которой осуществляется прогнозирование.

Гистограмма распределения продолжительности аренды представлена на *рисунке 6*.

Она показывает значительное преобладание договоров аренды с продолжительностью более сорока лет. В данном случае сложно подобрать закон распределения, поэтому для целей моделирования при формировании длительности аренды по договору целесообразно использовать дискретное распределение вероятности. При этом для определения интервалов и значений вероятностей используется представленная гистограмма с учетом того, что в действующем законодательстве диапазон возможного срока аренды лесного участка ограничен 10–49 годами.

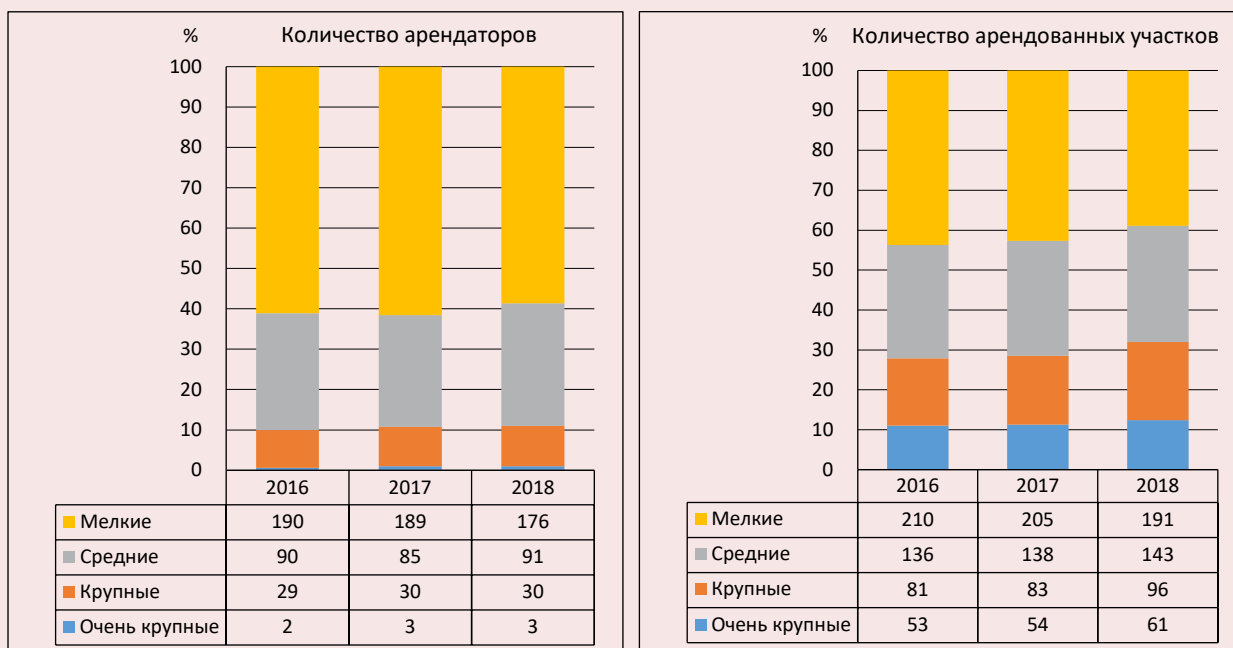
Общей целью анализа состава арендаторов лесных участков являлось определение динамики изменения их количественного состава с учетом производственных возможностей. Арендаторы с разными возможностями отличаются

моделями поведения, поэтому при проведении анализа арендаторы были разбиты на четыре группы в зависимости от ежегодного объема заготовки древесины⁴: очень крупные (более 500 тыс. куб. м); крупные (от 100 до 500 тыс. куб. м); средние (от 20 до 100 тыс. куб. м); мелкие (менее 20 тыс. куб. м). Можно предположить, что поведение каждого арендатора в определенных ситуациях будет схоже с поведением любого другого арендатора, принадлежащего к данной группе. Соотношение количества арендаторов и количества арендованных ими участков в разрезе групп в динамике (2016–2018 гг.) представлено на *рисунке 7*. Показательно, что при практически неизменном количественном составе очень крупных и крупных арендаторов растет количество арендуемых ими участков за счет уменьшения доли участков, арендуемых мелкими арендаторами.

Временные ряды количества арендаторов лесных участков в Вологодской области в разрезе групп за 2011–2018 гг. отражены на *рисунке 8*.

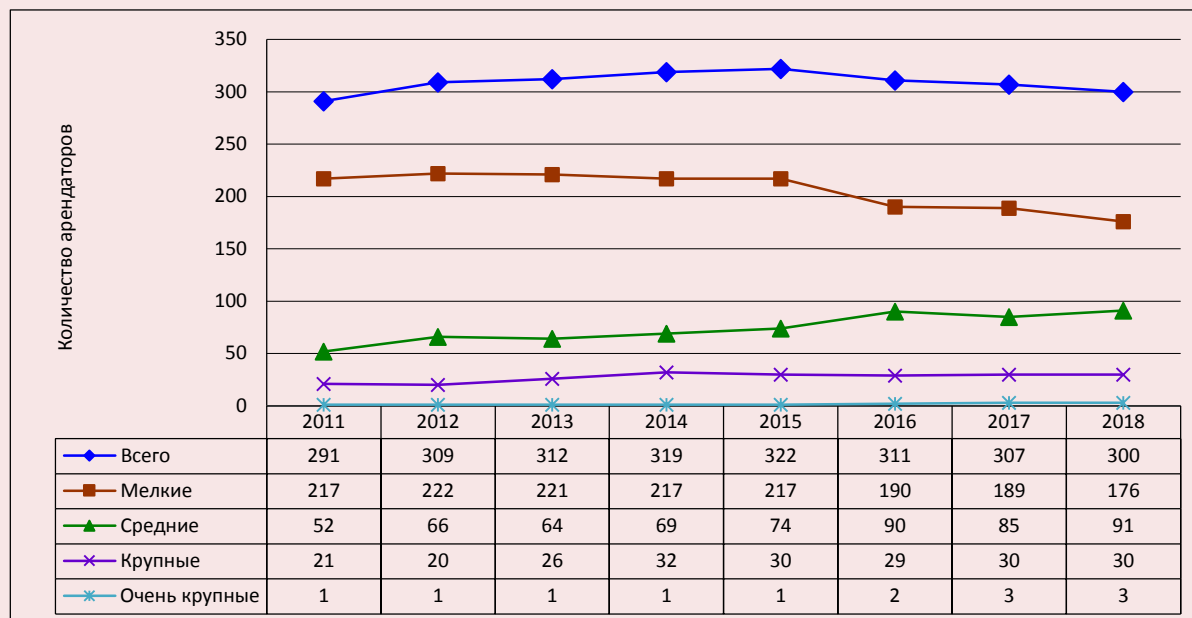
⁴ Лесозаготовка в России: состояние и целевое видение // ПроДерево. URL: <https://proderevo.net/industries/wooden-logging/lesozagotovka-v-rossii-sostoyanie-i-tselevoe-videnie.html> (дата обращения 19.12.2019).

Рис. 7. Соотношение количества арендаторов и количества арендованных ими участков в разрезе групп в 2016–2018 гг.

Источник: составлено авторами на основании информации интернет-сайта Департамента лесного комплекса Вологодской области (<https://dlk.gov35.ru>); информации Портала открытых данных Вологодской области (<http://data.gov35.ru/>).

Рис. 8. Временные ряды количества арендаторов лесных участков в Вологодской области в разрезе групп за 2011–2018 гг.

Источник: составлено авторами на основании информации интернет-сайта Департамента лесного комплекса Вологодской области (<https://dlk.gov35.ru>); информации Портала открытых данных Вологодской области (<http://data.gov35.ru/>).

Таблица 3. Функции тренда изменения временного ряда, отражающего количество арендаторов лесных участков в Вологодской области

Арендаторы	Уравнение зависимости, полученное путем линейной аппроксимации / величина достоверности аппроксимации
Очень крупные	$y = 0,3214x + 0,1786$ $R^2 = 0,7386$
Крупные	$y = 1,4286x + 20,821$ $R^2 = 0,6058$
Средние	$y = 5,369x + 49,714$ $R^2 = 0,9043$
Мелкие	$y = -6,4881x + 235,32$ $R^2 = 0,7724$
Все	$y = 0,631x + 306,04$ $R^2 = 0,0242$

Составлено по: информация интернет-сайта Департамента лесного комплекса Вологодской области (<https://dlk.gov35.ru>); информация Портала открытых данных Вологодской области (<http://data.gov35.ru/>).

С помощью инструментария линейной аппроксимации программного обеспечения Microsoft Excel для каждой группы были получены функции тренда относительно изменения временного ряда количества арендаторов (табл. 3).

5. Заключение

Динамика развития системы, включающей аренду лесных участков, зависит от множества различных факторов. Определение их полного перечня и характера воздействия на систему представляется сложной задачей, не имеющей решения на сегодняшний день. Подходы, отраженные в статье, позволяют дать количественную оценку тенденциям развития основных элементов, составляющих систему аренды, а также осуществить прогноз значений их параметров в будущих периодах и определить степень реакции системы на внешние воздействия (в том числе управляющие). Они основаны на моделях, получаемых путем линейной аппроксимации трендов в развитии параметров соответствующих элементов.

Подходы апробированы авторами на примере системы аренды лесных участков в Вологодской области. На основе имеющихся ретроспективных данных получены зависимости, при использовании которых в краткосрочной перспективе обеспечивается возможность прогнозировать изменение количества и площади арендуемых участков, количества арендаторов, срока аренды. Так, в соответствии с Лесным планом Вологодской области, утвержденным

распоряжением Губернатора Вологодской области от 30 ноября 2018 года № 4807-р, на период 2018–2027 гг. в Бабаевском лесничестве планируется предоставление трех участков общей площадью 6302 га для целей лесозаготовки. По прогнозам, полученным с использованием разработанных авторами моделей, в 2027 году по сравнению с 2017 годом количество арендуемых участков увеличится на 2, а их площадь – на 219329 га. В ходе дальнейших исследований авторы планируют произвести более подробную интерпретацию полученных моделей на примере лесного комплекса Вологодской области.

Выполненная работа вносит вклад в развитие теоретических подходов к разработке методологии для исследования динамики формирования институциональной среды, связанной с арендой лесных участков, в регионе Российской Федерации и прикладных аспектов ее моделирования. Практическая значимость заключается в обеспечении возможности определять основные тенденции развития элементов системы аренды лесных участков, строить прогнозы их развития, использовать результаты при построении различных моделей лесного комплекса.

На сегодняшний день авторами статьи разработан ряд агент-ориентированных моделей регионального лесного комплекса, включая модель лесовосстановления [31]. Она содержит три типа агентов: лесной участок, арендатор и орган государственного управления. Общая

структура лесных участков и арендаторов рассмотрена в статике, т. е. в модели создаются и функционируют только агенты, соответствующие ситуации на начало моделирования. С использованием разработанных подходов появляется возможность более адекватно описывать происходящие процессы за счет формирования динамики изменения элементов модели. Это в

полной мере может относиться и к другим моделям регионального лесного комплекса, так как рассматриваемые элементы являются базовыми в данной предметной области. Авторами проведен анализ развития системы аренды лесных участков в Вологодской области и получены модели формирования ее основных элементов.

Литература

1. Корчагов С.А., Конюшатов О.А. Нормативно-правовая база для интенсивного лесного хозяйства на федеральном и региональном уровне (на примере Вологодской области) // Интенсивное устойчивое лесное хозяйство: барьеры и перспективы развития: сб. ст. / под общ. ред. Н. Шматкова. М.: WWF России, 2013. С. 45–83.
2. Блам Ю.Ш., Машкина Л.В., Бабенко Т.И., Ермолаев О.В. Лесопромышленный комплекс России в контексте мирового сектора // ЭКО. 2013. № 11. С. 26–44.
3. Блам Ю.Ш., Бабенко Т.И., Машкина Л.В. Лесной комплекс в изменяющихся институциональных и экономических условиях // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2015. № 5. С. 197–204.
4. Ишмухаметов Н.С., Шестакович А.Г., Теляшева Э.А. Организационно-экономические условия лесопользования в регионах Севера России и Сибири // Вестник Башкирск. ун-та. 2016. № 4. С. 949–952.
5. Теляшева Э.А. Системные препятствия инновационного развития России // Инновационный Вестник Регион. 2010. № 2. С. 6–11.
6. Институциональные преобразования в управлении лесами. Опыт стран с переходной экономикой: проблемы и решения: матер. семинара (Москва, Россия. 25 февраля 2003 г.). М.: Алекс, 2003. 178 с.
7. Чернякевич Л.М. Структурные и экономические реформы системы государственного лесопользования и ведения лесного хозяйства. Йошкар-Ола: МарГТУ, 2004. 260 с.
8. Моисеев Н.А. О каком прорыве в лесных делах России может и должна бы идти речь? // Лесной вестник (Forestry Bulletin). 2019. Т. 23. № 5. С. 8–15. DOI: 10.18698/2542-1468-2019-5-8-15
9. Brown G., Reed P. Validation of a forest values typology for use in national forest planning. *Forest Science*, 2000, vol. 46, no. 2, pp. 240–247.
10. Brown G. Relationships between spatial and non-spatial preferences and place-based values in national forests. *Applied Geography*, vol. 44 (2013), pp. 1–11.
11. Roger Sedjo. *The Future of the Forest Service, Property and Environment Research Center*, 2017, vol. 36, no. 1.
12. Davis C. *Western Public Lands and Environmental Politics*. New York: Routledge, 2001. Available at: <https://doi.org/10.4324/9780429503139>
13. MacCleery D. 2008. Re-Inventing the United States Forest Service: Evolution from Custodial Management, to Production Forestry, to Ecosystem Management. Chapter 2. Durst P., Brown C., Broadhead J., Suzuki R., Leslie R., Inoguchi A. (Eds.) *Re-inventing forestry agencies: Experiences of institutional restructuring in Asia and the Pacific, Food and Agriculture Organization of the United Nations Regional Office for Asia and the Pacific*. Bangkok: RAP Publication, 2008/05. Available at: <http://www.fao.org/docrep/010/ai412e/AI412E00.htm>
14. Banerjee O., Macpherson A., Alavalapati J. Toward a Policy of Sustainable Forest Management in Brazil: A Historical Analysis. *The Journal of Environment & Development*, 2009, no. 18, pp. 130–153. Available at: <https://doi.org/10.1177/1070496509333567>
15. Sekher M. Organized participatory resource management: Insights from community forestry practices in India. *Forest Policy and Economics*, 2002, no. 3 (3-4), pp. 137–154.
16. Gregersen H., Contreras-Hermosilla A., White A., Phillips L. *Forest governance in federal systems: an overview of experiences and implications for decentralization: work in progress*. Bogor, Indonesia: CIFOR. Vii, 2004, 80 p.
17. Николайчук А.А. Право собственности на леса как основа экономических лесных отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2010. № 4. С. 122–132.

18. Филипчук А.Н. О мировом опыте собственности на леса // Лесохозяйственная информация. 2014. № 3. С. 75–80.
19. Lindahl K.B. et al. The Swedish forestry model: More of everything? *Forest Policy and Economics*, 2017, no. 77, pp. 44–55. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.forpol.2015.10.012>
20. Ficko A., Lidestav G., Dhubháin Áine Ní, Karppinen H., Zivojinovic I., Westin K., European private forest owner typologies: A review of methods and use. *Forest Policy and Economics*, 2019, vol. 99, pp. 21–31. ISSN 1389-9341. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.forpol.2017.09.010>
21. Liknes Greg C., Nelson Mark D., Butler Brett J. Public and private forest ownership in the conterminous United States. Chapter 6. *Eredics, Peter, ed. Mapping Forestry. Redlands, CA: ESRI Press, 2010, pp. 21–24.*
22. Tony Rotherham RPF (BC, ON ret), K.A. Armson O.C. RPF (ret). The Evolution of Forest Management in Canada: Management Paradigms and Forest Tenure Systems. *The forestry chronicle*, 2016, vol. 92, no. 4, pp. 388–393. Available at: <https://pubs.cif-ifc.org/doi/pdfplus/10.5558/tfc2016-071>
23. Halofsky J., Andrews Sh., Edwards J., Johnston M., Nelson H., Peterson D., Schmitt K., Swanston Ch., Williamson T. Adapting forest management to climate change: The state of science and applications in Canada and the United States. *Forest Ecology and Management*, 2018. 10.1016/j.foreco.2018.02.037. Available at: https://www.researchgate.net/publication/323908260_Adapting_forest_management_to_climate_change_The_state_of_science_and_applications_in_Canada_and_the_United_States
24. Lawrence A. Forestry in transition: imperial legacy and negotiated expertise in Romania and Poland. *Forest Policy Econ*, 2009, no. 11, pp. 429–436.
25. Пыжев А.И. Влияние режима собственности на леса на эффективность лесопользования: межстрановой анализ // *Journal of Institutional Studies*. 2019. № 11 (3). С. 182–193. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.3.182-193
26. Scriban R.E., Nichiforel L., Bouriaud L.G., Barnoaiea I., Cosofret V.C., Barbu C.O., Governance of the forest restitution process in Romania: An application of the DPSIR model. *Forest Policy and Economics*, Elsevier, 2019, vol. 99 (C), pp. 59–67. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.forpol.2017.10.018>
27. Bouriaud L., Nichiforel L., Weiss G., Bajraktari A., Curovic M., Dobšinská Z., Glavonjic P., Jarský V., Sarvasova Z., Teder M., Zalite Z. Governance of private forests in Eastern and Central Europe: An analysis of forest harvesting and management rights. *Annals of Forest Research*, 2013, no. 56, pp. 199–215. DOI: 10.15287/afr.2013.54
28. Симула М. Реформы в лесном секторе стран Восточной Европы: обзор и выводы // Институциональные преобразования в управлении лесами. Опыт стран с переходной экономикой: проблемы и решения: матер. семинара (Москва, Россия. 25 февраля 2003 г.). М.: Алекс, 2003. 178 с.
29. Козырева Г.Б. Институциональное развитие системы лесного хозяйства современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2008. № 3 (3). С. 56–66
30. Швецов А.Н., Дианов С.В. Методика разработки агент-ориентированных моделей сложных систем // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 1 (88). С. 48–58. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-1-88-5
31. Гулин К.А., Дианов С.В., Антонов М.Б. Агент-ориентированный подход к реализации модели лесовосстановления // Проблемы развития территории. 2018. № 1 (93). С. 83–97. DOI: 10.15838/ptd.2018.2.93.6

Сведения об авторах

Сергей Владимирович Дианов – кандидат технических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: Dianov.sv@mail.ru)

Михаил Борисович Антонов – директор, ООО «ЛанЭкс» (160012, Российская Федерация, г. Вологда, Советский пр., 62-5; e-mail: mbantonov@mail.ru)

Василий Александрович Ригин – заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: riginva@mail.ru)

Dianov S.V., Antonov M.B., Rigin V.A.

Models of Forest Management Institutional Environment Formation at the Regional Level of the Russian Federation

Abstract. The experience of effective forest management in the most developed forest countries proves the important role of the institutional environment in this process. Taking into account the territorial specifics is a necessary condition for its formation. In the Russian Federation, there has been a long-standing controversy about the ineffectiveness of the institutional environment existing in forest management. First of all, this applies to the institution of forest plots lease defined in the Forest code. As a rule, the discussions are based on the general indicators of forest development reducing the objectivity of individual elements evaluation. In this regard, one of the most important tasks at the moment is creating a methodology and tools allowing to obtain the estimates related to the development of individual elements of the forest management institutional environment, in particular, the elements of the forest lease system. The main purpose of the research is to develop the general approaches in order to analyze the dynamics of the environment elements formation associated with the lease of forest plots in the region of the Russian Federation and obtain the appropriate models on this basis. To achieve this goal, the system of forest lease in the Vologda region was studied and the models for the development of its main elements were formed. The methods of system approach, analysis and synthesis, generalization and comparison, classification and systematization, mathematical statistics were used. The scientific novelty of the research involves developing approaches to creating the models describing the dynamics of the forest lease system elements development in the Russian Federation using linear approximation of time series of their parameters. The theoretical significance lies in the development of a methodology for studying the dynamics of the institutional environment formation associated with the system of forest lease in the region of the Russian Federation. In practical terms, the research findings will allow to determine the main trends in the development of the forest lease system at a higher quality level for further comprehensive analysis, as well as to make short- and medium-term forecasts.

Key words: forest complex, institutional environment, modeling, forest plots lease.

Information about the Authors

Sergei V. Dianov – Candidate of Sciences (Engineering), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: Dianov.sv@mail.ru)

Mikhail B. Antonov – Director, OOO LanEks (62-5, Sovetsky Avenue, Vologda, 160012, Russian Federation; e-mail: mbantonov@mail.ru)

Vasilii A. Rigin – Head of Laboratory, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: riginva@mail.ru)

Статья поступила 20.12.2019.

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.8

УДК 330.15:502.335, ББК 65.28

© Дружинин П.В., Шкиперова Г.Т., Поташева О.В., Зимин Д.А.

Оценка влияния развития экономики на загрязнение воздушной среды*

**Павел Васильевич
ДРУЖИНИН**

Институт экономики Карельского научного центра РАН
Петрозаводск, Республика Карелия, Российская Федерация, 185530,
пр. А. Невского, д. 50
E-mail: pdruzhinin@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5303-0455; ResearcherID: F-4625-2010

**Галина Тимофеевна
ШКИПЕРОВА**

Институт экономики Карельского научного центра РАН
Петрозаводск, Республика Карелия, Российская Федерация, 185530,
пр. А. Невского, д. 50
E-mail: shkiperova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0500-9912; ResearcherID: J-6556-2018

**Ольга Вячеславовна
ПОТАШЕВА**

Институт экономики Карельского научного центра РАН
Петрозаводск, Республика Карелия, Российская Федерация, 185530,
пр. А. Невского, д. 50
E-mail: ovpotash79@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9599-6370; ResearcherID: AAC-5138-2019

**Дмитрий Александрович
ЗИМИН**

Карельский институт, Университет Восточной Финляндии
Йоэнсуу, Финляндия, 80101, PL 111, ул. Yliopistokatu, д. 2
E-mail: dmitry.zimin@uef.fi
ORCID: 0000-0001-5099-0602; ResearcherID: T-8958-2018

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-02-00449-ОГН «Исследование влияния развития экономики российских регионов на окружающую среду» (в части моделирования эколого-экономических процессов) и в рамках государственного задания КарНЦ РАН № 0218-2019-0089 (в части исследования эколого-экономических процессов в Финляндии).

Для цитирования: Оценка влияния развития экономики на загрязнение воздушной среды / П.В. Дружинин, Г.Т. Шкиперова, О.В. Поташева, Д.А. Зимин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 125–142. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.8

For citation: Druzhinin P.V., Shkiperova G.T., Potasheva O.V., Zimin D.A. The assessment of the impact of the economy's development on air pollution. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 125–142. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.8

Аннотация. Рост экономики отрицательно сказывается на окружающей среде, поэтому необходима разработка моделей, которые выявляли бы воздействие различных факторов на изменение её состояния. Для исследования эколого-экономических процессов был предложен новый подход и созданы специальные модели, позволяющие оценить влияние инвестиционной политики и природоохранной деятельности, что дает возможность связать изменение состояния окружающей среды с принимаемыми управленческими решениями. Цель статьи – выявить причины, вызывающие трансформации взаимосвязи экономических и экологических показателей, исследовать влияние изменения экологического законодательства и других внешних шоков на эколого-экономические процессы в РФ и ЕС на примере воздушной среды. Актуальность и значимость проведенной работы определяется изменением экологического законодательства в РФ, основанным в настоящее время на наилучших доступных технологиях (НДТ), необходимостью построения моделей, которые позволяли бы прогнозировать развитие эколого-экономических процессов при меняющихся взаимосвязях показателей в рамках формирующейся практики применения нового законодательства. Новизна исследования состоит в том, что на основе предложенного подхода были разработаны модели, позволяющие анализировать влияние внешних шоков на эколого-экономические процессы. Проводился эмпирический анализ данных и строились модели эколого-экономических процессов. Выяснилось, что изменение законодательства в ЕС не приводило к резким трансформациям сложившихся взаимосвязей между экономическими и экологическими показателями, которые были связаны с экономическими кризисами. Кризисы могут способствовать появлению новой тенденции или лишь на несколько лет вывести систему из равновесия, затем ее развитие будет снова описываться уравнениями, аналогичными докризисным. Проведенное исследование также позволило объяснить улучшение экологических показателей при росте экономики РФ и ЕС. Его результаты могут быть использованы при разработке стратегических документов развития регионов и страны. Дальнейшие исследования связаны с оценкой различных сценариев развития регионов Европейского Севера РФ.

Ключевые слова: экономическое развитие, природоохранные инвестиции, модернизация, структурные сдвиги, модель, выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, парниковые газы.

Введение. Развитие экономики влияет на состояние окружающей среды, но это влияние может быть разным. Расширение действующих производств и создание новых увеличивают воздействие на окружающую среду, способствуя ухудшению состояния атмосферного воздуха и воды, росту количества образуемых отходов. В то же время структурные сдвиги, связанные с появлением новых предприятий вместо закрывающихся с устаревшими технологиями, модернизация, репрофилирование организаций, переход к новым технологиям могут уменьшить отрицательное воздействие на окружающую среду.

Внимание к состоянию окружающей среды способствовало росту интереса к разработке моделей для выявления факторов, влияющих на экологические процессы, и оценке их воздействия на окружающую среду. Первоначально был использован подход на основе тождества IPAT, позволивший приблизительно оценить влияние динамики численности насе-

ления, уровня развития страны и технологического уровня [1; 2]. Позднее Т. Дитц и Е. Роза предложили стохастическую модель STIRPAT, помогающую более точно выявлять и оценивать влияние различных факторов [3; 4; 5]:

$$E_i(t) = A \times P_i^\alpha(t) \times Y_i^\beta(t) \times T_i^\gamma(t), \quad (1)$$

где $E(t)$ – исследуемый экологический показатель;

$Y(t)$ – показатель, характеризующий степень развития экономики;

$P(t)$ – численность населения;

$T(t)$ – технологический уровень;

i – страна (регион);

t – год;

α, β, γ – константы.

Технологический уровень обычно определялся через величину удельных выбросов. Степень развития экономики характеризовалась величиной валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения.

Предложенный подход развивался, уточнялось теоретическое обоснование модели, анализировались новые страны и регионы. Уравнение (1) позволяло увеличивать количество факторов, вводить другие условия, которые могут оказывать заметное влияние на экологическую ситуацию. В первую очередь исследовалось воздействие урбанизации и изменения структуры экономики – доли промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг и других отраслей.

Проблема заключалась в выборе показателя, отражающего научно-технический прогресс, рассматривались различные варианты, например энергоёмкость промышленности и доля потребления энергии, полученной из альтернативных источников [6]. На данных стран ЕС было показано, что инновационная активность влияет на уровень эмиссии углекислого газа (CO_2) [7].

Согласно многочисленным зарубежным исследованиям, зависимость объема загрязнений окружающей среды от ВВП может иметь разную форму и определяется главным образом уровнем технологического прогресса и активностью структурных сдвигов в экономике. В качестве значимых факторов в отдельных работах рассматривались влияние внешних шоков, разный уровень цен на топливо и энергию [8; 9].

Кроме уравнения (1) использовались и другие подходы. В рамках исследований экологической кривой Кузнеця (ЭКК) было показано, что рост урбанизации может уменьшить уровень выбросов CO_2 при высоком уровне ВВП на душу населения и большой доле отраслей сферы услуг в ВВП [10]. Близкие теоретические результаты были получены М. Маззанти и А. Монтини при изучении региональных данных по Италии [11]. Но наиболее заметный вклад в снижение выбросов CO_2 , как было показано Дж. Мюллер-Фурштенбергер и М. Вагнер на основе специальной аналитической модели [12], вносит научно-технический прогресс (переход к новым технологиям).

При исследовании ЭКК С.Н. Бобылев отметил связь между уровнем доходов и устойчивым развитием [13]. В соответствии с гипотезой ЭКК предполагается, что рост объемов производства сопровождается увеличением негатив-

ного воздействия на окружающую среду только до определенного порогового значения (в течение раннего периода), затем уровень загрязнений начинает снижаться, несмотря на продолжающийся экономический рост. Расчеты, выполненные по российским данным, показали, что взаимосвязь валового регионального продукта (ВРП) и выбросов загрязняющих веществ в атмосферу описывается ЭКК только примерно для двадцати регионов РФ. Основными факторами, способствующими снижению экологической нагрузки, стали активная модернизация производств и структурные изменения в экономике этих регионов [14].

В значительной степени снижение нагрузки на окружающую среду в российских субъектах в 2000-х гг. было вызвано быстрым ростом сферы услуг и сокращением доли промышленности, являющейся основным загрязнителем [15]. И.А. Забелина, исследуя приграничные с быстрорастущим Китаем регионы, выявила наличие эффекта декаплинга по негативному воздействию на атмосферный воздух в большинстве из них [16].

В связи с происходящими в последние десятилетия климатическими изменениями основное внимание уделяется выбросам парниковых газов, прежде всего CO_2 , реже анализируется динамика загрязнений атмосферного воздуха и воды другими веществами. Необходимо отметить, что результаты по разным загрязнителям существенно отличаются.

Большинство исследований парниковых газов выполнены на основе панельных данных по странам с различным уровнем развития, лишь часть из них охватывает государства одного континента или макрорегиона. Исследования для 214 стран мира показали, что степень влияния факторов зависит от уровня ВВП на душу населения, а для государств с высокими доходами кроме численности населения, доли промышленности в ВВП и энергоэффективности экономики значимо и подписание Киотского протокола [17]. В 45 странах Африки, экономика которых связана с добывающим сектором, кроме ВВП на душу населения важны энергоинтенсивность и в отдельных случаях – уровень индустриализации, уровень урбанизации и численность населения в трудоспособном возрасте [18].

Во многих работах влияние роста численности населения оказалось значительным. Рост численности населения на 1% приводит к увеличению выбросов больше чем на 1% [5; 19; 20; 21]. В то же время необходимо отметить, что полученные разными авторами значения параметров отличаются, что зависит от выбора исследуемых показателей. Например, Б. Лиддл [6] отмечает, что максимальные величины были получены, когда в качестве дополнительных показателей выступали демографические, а при использовании доли промышленности или энергоемкости экономики как характеристик технологического уровня значимость численности населения оказалась заметно меньше.

Существуют и другие отличия: для развитых стран доля населения в трудоспособном возрасте отрицательно влияет на общие выбросы CO_2 , а для других государств ее воздействие положительно [22]. Также неоднозначно влияние урбанизации. В обзоре П. Садорски отмечено, что в развивающихся странах ее рост вызывает увеличение выбросов, причем такое влияние статистически значимо [23].

Исследований по региональным данным существенно меньше, в большинстве работ рассматривались китайские регионы [24; 25; 26]. Было показано, что наиболее важным фактором для снижения выбросов CO_2 являлось изменение технологического уровня и структуры промышленности [27]. В некоторых работах регионы разделялись на группы в зависимости от их особенностей, например уровня ВРП на душу населения. В группе с наиболее высоким ВРП на душу населения определяющим стал фактор, связанный с энергетикой, в средней группе – факторы урбанизации, структура промышленности и внешняя торговля, в третьей группе – динамика населения и ВРП на душу населения [28].

Несколько иные результаты получены в работе В. Ланца и К. Фенга [9] при оценке данных по канадским регионам. Здесь зависимость эмиссии парниковых газов от ВРП отсутствует, наибольшее влияние оказывают численность населения, технологический уровень, доля экспорта и импорта, доля промышленности в структуре экономики региона, а также цена сырой нефти. Ситуация по странам и регионам различается даже относительно одного газа.

Исследований, касающихся динамики выбросов в атмосферу других газов, меньше. В них отражено, что значительно влияют на выбросы соединений серы и азота расходы на исследования и разработки и другие показатели, связанные с техническим прогрессом [10; 29]. Дж. Крамер установил зависимость динамики выбросов SO_2 , соединений азота и твердых веществ в штате Калифорния от численности населения [30].

Дж. Марин и М. Маззанти [31] на панельных данных показали, что в разных секторах итальянской экономики взаимосвязь антропогенного воздействия и экономического роста различается, возможен и эффект декаплинга, и рост выбросов в атмосферу при увеличении объемов производства. Ученые подтвердили гипотезу об увеличении нагрузки на окружающую среду по мере роста объемов производства обрабатывающей промышленности и выявили наиболее проблемные секторы экономики по уровню этой нагрузки.

Недостаточно исследований, в которых изучается влияние развития экономики на окружающую среду по временным рядам одной страны или региона. Например, для китайских регионов Гуандонг и Минханг наиболее значимыми факторами выступали уровень урбанизации и технологический уровень, увязанный с потреблением энергии на единицу ВРП, а также уровень индустриализации, доля услуг в ВРП, численность населения и ВРП на душу населения [25; 26].

Еще меньше работ затрагивают результативность экологической политики. Греческие исследователи Г. Халкос и Е. Паизанос на панельных данных 77 стран мира за 1980–2000 гг. показали прямое и косвенное влияние государственных расходов на защиту окружающей среды, причем эффективность расходов для различных видов загрязнений сильно отличается [32].

Из всех факторов менее изучено воздействие инвестиционной политики и природоохранной деятельности, лишь в нескольких работах рассматривается связь инвестиций в природоохранную деятельность и загрязнений [33; 34; 35]. При построении зависимостей обычно предполагалась их неизменность во времени, отсутствие внешних шоков – миро-

вых экономических кризисов, изменений законодательства и других. В некоторых странах ученые начинают рассматривать влияние изменений законодательства на эколого-экономические процессы (например, Р. Алмгрен в Швеции), но работы по его оценке на основе моделей пока отсутствуют [36].

Для исследования эколого-экономических процессов в РФ и ее регионах был предложен подход, в котором для анализа изменения зависимостей во времени выделяется три группы факторов: влияющие на окружающую среду отрицательно, положительно, и факторы, воздействие которых может быть и положительным, и отрицательным. Были построены специальные модели, позволившие связать структуру и динамику инвестиций с динамикой различных видов загрязнений по данным РФ и ее регионов, выявив влияние экономической политики и экономических кризисов на изменение эколого-экономических взаимозависимостей [37; 38]. Новизна предложенного подхода связана с тем, что изучение временных рядов на основе данных моделей дает возможность оценить влияние различных внешних шоков на изменение сложившихся тенденций и взаимосвязей.

Цель статьи – выявить причины изменения взаимосвязи экономических и экологических показателей, исследовать, как изменения экологического законодательства и других внешних шоков связаны с эколого-экономическими процессами в РФ и ЕС, на примере воздушной среды. Решались следующие задачи: сбор информации об эколого-экономических процессах в РФ и ЕС, включая изменение законодательства; разработка моделей для учета влияния внешних шоков, включая изменение законодательства и экономические кризисы; оценка на основе моделей влияния внешних шоков на взаимосвязь экономических и экологических показателей.

Актуальность и значимость проведенных исследований определяются изменением экологического законодательства в РФ, основным в настоящий момент на наилучших доступных технологиях (НДТ), необходимостью построения моделей, которые позволяли бы прогнозировать развитие эколого-экономических процессов при трансформирующихся вза-

имосвязях показателей в рамках применения нового законодательства. Предложенный подход помогает анализировать возможные экологические последствия развития экономики, на основе специальных моделей строить сценарные условия и сравнивать влияние различных вариантов экономической политики на состояние окружающей среды; строить более обоснованные прогнозы в ходе разработки стратегических документов, анализировать различные варианты инвестиционной политики и развития регионов.

Методика и данные. В дополнение к существующим моделям (1) были предложены функции загрязнения, которые позволяют исследовать различные варианты распределения инвестиций, оценивать влияние изменения структуры экономики и учитывать влияние экологической политики, рассматривая динамику инвестиций и затрат, связанных с охраной окружающей среды. При этом использовались специфические показатели российской статистической отчетности, позволяющие детально анализировать влияние структуры инвестиций на эколого-экономические процессы с адаптацией для международной отчетности.

Для расчетов по временным рядам применялись различные функции, иногда достаточно сложные, но чаще простая двухфакторная или трехфакторная мультипликативные функции, позволяющие учесть возможность компенсации одного фактора другим:

$$E(t) = A(t) \times X_1^{\mu}(t) \times X_2^{-\eta}(t), \quad (2)$$

$$E(t) = A(t) \times X_1^{\mu}(t) \times X_2^{-\eta}(t) \times X_3^{\nu}(t), \quad (3)$$

где $E(t)$ – исследуемый экологический показатель (выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, концентрация загрязняющих веществ, отношение выбросов в атмосферу к ВВП и другие показатели);

$X_1(t)$ – фактор, отражающий рост экономики и, как правило, отрицательно влияющий на окружающую среду (инвестиции в новое строительство, ВВП, ВРП, основные фонды и другие показатели);

$X_2(t)$ – фактор, отражающий природоохранную деятельность и положительно влияющий на окружающую среду (инвестиции в охрану атмо-

сферного воздуха, текущие затраты на охрану атмосферного воздуха, их сумма и другие показатели);

$X_3(t)$ – фактор, отражающий развитие экономики, который может влиять и положительно, и отрицательно на окружающую среду в зависимости от осуществляемой эколого-экономической политики (инвестиции в модернизацию экономики, индекс структурных сдвигов в экономике и другие показатели);

$A(t)$ – нейтральный экологический прогресс, обычно экспонента с параметром p (снижение уровня загрязнений за счет не учитываемых в уравнении факторов, прежде всего структурных сдвигов);

m, h, v – постоянные параметры (факторные эластичности);

t – год.

Расчеты проводились на основе стандартных пакетов методом наименьших квадратов.

Введение нейтрального экологического прогресса $A(t)$ требуется для более точного учета структурных сдвигов и модернизации в секторах при отсутствии детальной информации по секторам. При ее наличии несложно оценить темп нейтрального экологического прогресса p , выделив влияние модернизации в секторах и структурных сдвигов по выведенным ранее формулам [37; 38].

Различие собираемой статистической информации в РФ и ЕС привело к необходимости разработать отдельную методику для построения функций загрязнения для ЕС. В российской статистике есть показатели, отражающие инвестиции в модернизацию предприятий, в ЕС они отсутствуют. Поэтому для оценки влияния модернизации экономики использовался подход на основе изменения структуры инвестиций и динамики инвестиций в машины и оборудование. Технологический уровень увязывался с динамикой производительности труда и других показателей секторов, имеющих наибольший вклад в общий объем загрязнений. Для оценки воздействия структурных сдвигов был предложен подход на основе изменения соотношения секторов с наибольшим и наименьшим влиянием на окружающую среду или доли сектора с максимальным уровнем загрязнений.

Выбор вида зависимости определялся в ходе предварительного анализа данных и построения графиков, которые позволяли выявить существующие связи показателей или их характеристик, например темпов прироста. Анализировалось наличие лагов изменения показателей, изучались сглаженные данные. Выбор факторов также зависел от доступности данных, возможности получить достаточно длинные временные ряды. Для расчетов использовались кумулятивные инвестиции за 3–6 лет, что облегчает использование функций загрязнения для прогнозирования.

Построенные функции позволяют исследовать, как изменятся экологические показатели при различной экономической политике в процессе оценки динамики выпуска продукции на основе производственных функций при различных сценарных условиях. Также можно оценить влияние изменения экологической политики, задавая различную динамику природоохранных инвестиций и затрат на природоохранную деятельность. Динамику природоохранных затрат и инвестиций в модернизацию производства можно связать с изменениями экологического законодательства в РФ исходя из опыта тех стран, где законы на основе НДТ уже действуют. Для этого исследуются данные по ЕС и Финляндии.

Анализ эколого-экономических процессов показал, что сложившиеся тенденции иногда резко меняются под воздействием внешних шоков, связь загрязнений с некоторыми показателями остается стабильной, а с другими – сильно меняется. В таком случае целесообразно применять сплайн-функцию, непрерывную, но имеющую разрыв первой производной.

Использовались два подхода. В первом выделялся год изменения природоохранного законодательства и анализировались графики показателей и их взаимосвязей. Если в течение нескольких лет после изменения законодательства произошел перелом сложившихся тенденций или трансформировались взаимосвязи показателей, то выделялись два периода и проводились расчеты сплайн-функции. При втором подходе строились графики взаимосвязей показателей и динамики их соотношений,

в ходе их анализа выявлялся год, когда сложившиеся тенденции изменились, выделялись два периода и проводились расчеты сплайн-функции. Если полученные параметры за разные периоды различались незначительно, то вместо сплайн-функции (4) строилась функция (3).

Для расчетов рассматриваемые показатели разбивались на два ряда (в первом периоде значения второго ряда равны единице, во втором – значения первого ряда равны единице). При выделении двух периодов в каждом из них могут быть свои параметры, и вместо функции (3) расчеты проводились по следующей:

$$E(t) = A_1 \times A_2 \times X_{11}^{\mu_1}(t) \times X_{12}^{\mu_2}(t) \times X_{21}^{-\eta_1}(t) \times X_{22}^{-\eta_2}(t) \times X_{31}^{\nu_1}(t) \times X_{32}^{\nu_2}(t) \times X_4^\lambda(t) \quad (4)$$

где A_1 , $X_{11}(t)$, $X_{21}(t)$, $X_{31}(t)$ равны единице во втором периоде;

A_2 , $X_{12}(t)$, $X_{22}(t)$, $X_{32}(t)$ равны единице в первом периоде;

$X_4(t)$ – показатель, отражающий структурные сдвиги.

Часть расчетов проводилась по неполной формуле, например, показатель A_2 был равен единице всегда или полученные параметры по одному из показателей оказывались близкими, и для него рассматривалось не два ряда, а один общий, и соответственно получался один параметр.

Для расчетов собирались данные по РФ, ее регионам, ЕС и Финляндии за 1990–2017 гг., что позволило построить и проанализировать графики показателей и выявить их зависимости. Для того чтобы проанализировать изменения в состоянии окружающей среды, использовались данные по следующим основным показателям: выбросы парниковых газов, выбросы загрязняющих веществ в атмосферу в целом и по отдельным веществам, а также численность населения, уровень урбанизации, доля промышленности в ВВП (ВРП), доля услуг в ВВП (ВРП), уровень электропотребления, объем экспорта, динамика основных секторов экономики, инвестиции в машины и оборудование и др.

Данные для расчетов по РФ и регионам были взяты с сайта ФСГС¹, из статистических справочников², данные для расчетов по ЕС – с официального сайта Евростата³, по Финляндии – с сайта Статистического управления Финляндии⁴.

Поскольку собираемые в разных странах показатели различаются, то для сравнения по возможности выбирались экологические показатели, имеющиеся в международной статистике. Необходимо отметить, что методики меняются и сопоставимые ряды некоторых данных не приводятся в справочниках. В этом случае они пересчитывались на основе имеющейся на сайтах информации.

Были собраны сведения об изменении законодательства по экологическим вопросам в РФ, ЕС и Финляндии, анализировалась информация о природоохранной деятельности. На ее основе выделялись периоды, в которых должны были быть стабильны параметры функций (2) – (4), рассматривалось влияние экономических кризисов. В результате строились сплайн-функции, позволяющие учесть роль внешних шоков.

Результаты исследования и их анализ. Законодательство европейских стран в сфере экологии постоянно совершенствовалось и ужесточалось. В ЕС в 1975–1984 гг. были введены директивы по борьбе с загрязнением воздуха и водной среды, о порядке обращения с отходами. В дальнейшем они уточнялись и дополнялись. В 1996 году принята Директива Совета ЕС 96/61/ЕС о комплексном предотвращении и контроле загрязнений⁵. В отличие от первых директив, направленных на борьбу с загрязнениями, она вводилась уже для предупреждения загрязнений и регламентировала использование НДТ. Директива дополнялась в 2000 и 2004 гг.,

¹ ФСГС. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 11.01.2019).

² Охрана окружающей среды в России. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 125 с.

³ Евростат. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения 11.01.2019).

⁴ Сайт Статистического управления Финляндии. URL: info@tilastokeskus.fi (дата обращения 11.01.2019).

⁵ Council Directive 96/61/EC of 24 September 1996 concerning integrated pollution prevention and control. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/1996/61/oj>

а в 2010 году была заменена на новую Директиву 2010/75/ЕС Европейского парламента и Совета «О промышленных выбросах»⁶, которая также дополнялась и уточнялась в 2012 году. Законодательство стран-членов ЕС изменялось в соответствии с принимаемыми директивами, но с некоторым лагом.

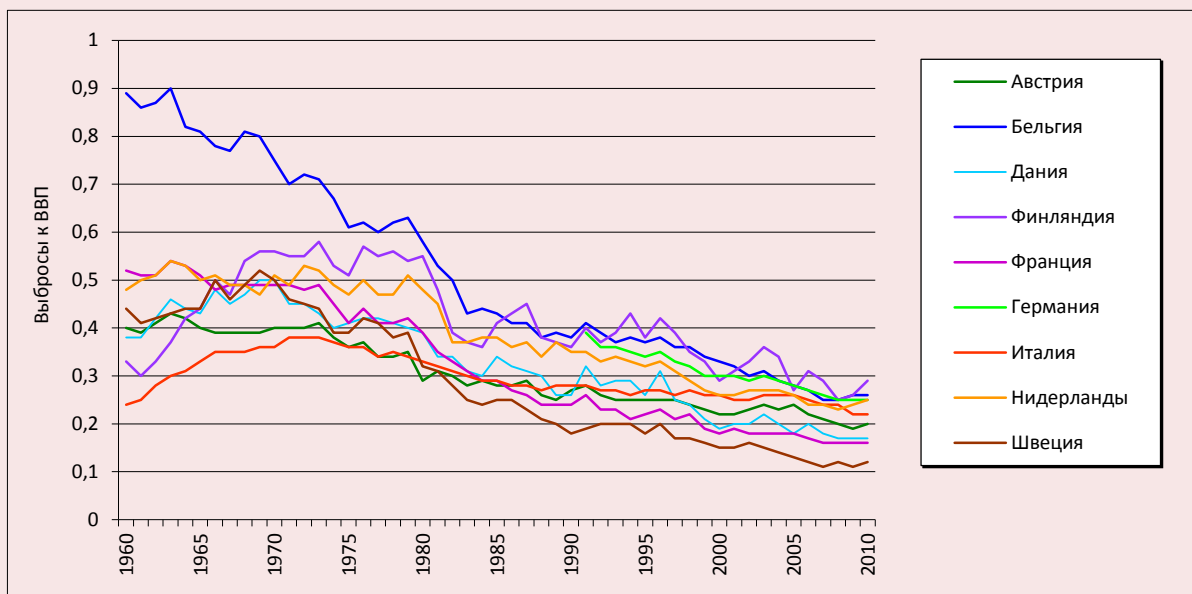
Первая Программа действий в области защиты окружающей среды принята в ЕС в 1973 году. В ней основное внимание уделялось охране и снижению степени загрязнения атмосферы. Впервые заявлена необходимость применения экологических налогов. С 1993 года действовала пятая программа, направленная на достижение целей устойчивого развития, в 2002 году была принята шестая, с 2013 года действует седьмая программа. Каждая из них ставила новые экологические задачи, определяла стратегические подходы к их решению и новые законодательные инициативы.

Уже в середине 1990-х годов доля экологических налогов в ВВП ЕС превысила 2%, а в северных странах была существенно выше: в Финляндии – 2,5%, Швеции – 3,2, Норвегии –

4,9%. В последние годы в ЕС экологические налоги составляют 2,5% от ВВП, в основном это налоги на энергию. В некоторых странах они снижаются за счет использования возобновляемых источников энергии.

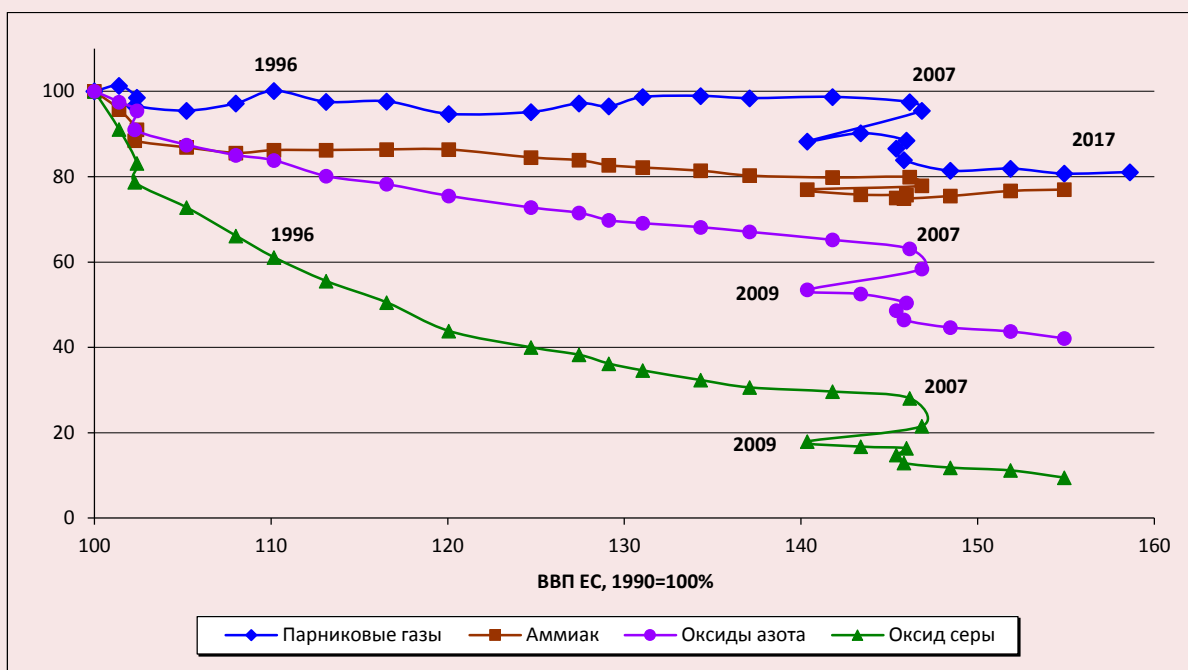
Если рассматривать период до 1990 года, то у большинства стран ЕС выбросы загрязняющих веществ увеличивались до середины 1970-х годов даже быстрее, чем росла экономика, затем их рост стал замедляться, и с 1980-х годов для отдельных видов загрязнений объем выбросов стал снижаться при росте экономики (рис. 1). Реализация первой программы в 1970-х годах привела к значительным изменениям природоохранной политики ЕС: были сформированы основы реальной политики, определены цели, принципы, приоритеты и меры, которые необходимо было реализовать. Фактически период 1960–1990 гг. для некоторых стран описывается ЭКК. Ужесточение экологической политики привело к смене технологий и способствовало активизации структурных сдвигов в экономике.

Рис. 1. Динамика отношения выбросов CO₂ к ВВП стран ЕС, млн т / млрд евро

⁶ Directive 2010/75/EU of the European Parliament and of the Council of 24 November 2010 on industrial emissions (integrated pollution prevention and control). URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/2010/75/oj>

Рис. 2. Зависимость выбросов в атмосферу загрязняющих веществ (1990 год – 100%) от динамики ВВП ЕС (1990 год – 100%)

Детальный анализ данных с 1990 года показывает, что практически по всем видам выбросов в атмосферу складываются положительные тенденции, то есть при росте экономики объем выбросов загрязняющих веществ уменьшался (рис. 2). После принятия определяющей директивы 1996 года зависимость выбросов от динамики ВВП практически не изменилась, тенденции сохранились до 2007 года, немного снизились лишь выбросы парниковых газов, затем выросшие до прежнего уровня. В 2008 году начался экономический кризис. Он нарушил сложившиеся тенденции, производство снизилось примерно на 5%, уменьшились и выбросы. В 2014 году ВВП ЕС превысил уровень 2007–2008 гг., а уровень загрязнений оказался заметно меньше. Производство за время кризиса стало более «зеленым». Нужно отметить, что с 2010 года фактически продолжились тенденции 1990–2007 гг., но при более низком уровне загрязнений. Исключение снова составляют парниковые газы: с 2010 года их выбросы заметно снизились. Значит, возможно построение сплайн-функций при использовании двух

параметров A для разных периодов без изменения остальных показателей.

Если рассмотреть динамику соотношения объема загрязнений и ВВП ЕС, то можно отметить, что после принятия директивы 1996 года не ускорились темпы его снижения, наоборот, с 2000 года происходит замедление положительных тенденций (рис. 3). Экономический кризис 2008–2009 гг. привел к незначительным изменениям сложившейся ситуации. Можно отметить некоторое снижение выбросов парниковых газов после принятия директив 1996 и 2010 гг. Анализ с использованием сплайн-функций не выявил существенного изменения параметров в 1996–2007 гг.

По данным ЕС были построены зависимости выбросов от указанных выше факторов по моделям (3) и (4). Достаточно хорошие статистические характеристики получены для всех трех подходов – расчетов в целом за 1993–2016 гг., расчетов сплайн-функций с выделением разных показателей A для двух периодов и приведенных в таблице 1 расчетов сплайн-функций с выделением двух периодов для всех

Рис. 3. Динамика отношения выбросов в атмосферу загрязняющих веществ к ВВП ЕС (1990 год – 100%)

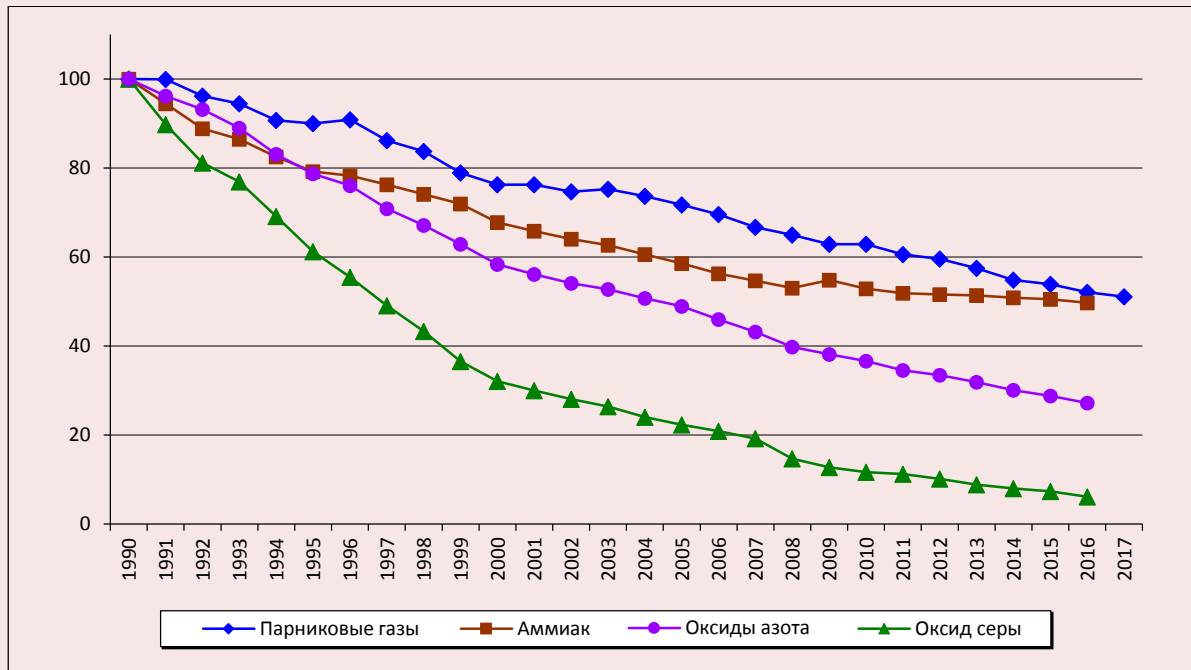

Таблица 1. Результаты расчетов параметров функций (4) для выбросов загрязняющих веществ в ЕС

Загрязнитель	m_1	m_2	h_1	h_2	v_1	v_2	λ	$\ln A$	R^2
Парниковые газы	1,28*	2,78*	0	0,86*	-0,93*	-2,12*	0,89*	2,96	0,988
Аммиак	0,19*		0,44*	0	0	0	0,51**	4,1	0,957
Оксиды серы	0	13,8*	0	4,34*	-1,69*	-11,1*	0	11,17	0,994
Оксиды азота	0	5,43*	0	1,85*	-0,57*	-4,13*	0	6,83	0,990

* $p < 0,01$, ** $p < 0,05$

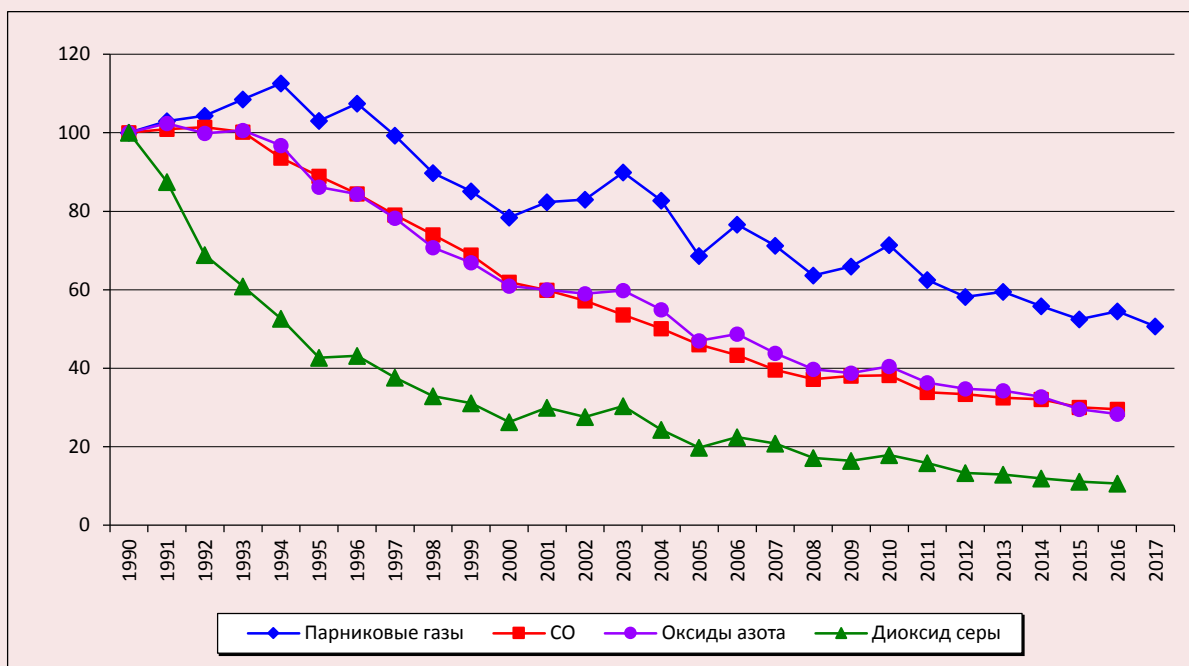
показателей. Все уравнения значимы, p меньше 0,000001. Их можно использовать для прогнозирования эколого-экономических процессов, однако более достоверные результаты получаются, когда в качестве зависимой переменной используется отношение выбросов к ВВП.

Для оксидов серы и азота кумулятивные инвестиции в экономику во втором периоде отражали отрицательное влияние роста экономики, кумулятивные инвестиции в машины и оборудование снижали выбросы в оба периода, общие расходы на охрану окружающей среды оказали значимое положительное воздействие во втором периоде. Отличие для парниковых газов состоит в том, что кумулятивные инвестиции в экономику оказывали значительное влияние и в первом периоде, также были значимы

и структурные сдвиги, которые отражает доля промышленности в ВВП. Для выбросов аммиака оказались значимы кумулятивные инвестиции в экономику, общие расходы на охрану окружающей среды в первом периоде и доля промышленности в ВВП. Расчеты показали отсутствие других моментов изменения сложившихся тенденций, кроме 2008 года, когда начался экономический кризис.

В Финляндии после вступления в ЕС в 1996 году был принят Закон об охране природы, вступивший в силу 1 января 1997 года и с изменениями действующий по настоящее время. На основе Директивы ЕС 1996 года в Финляндии в 2000 году приняты изменения в действующее законодательство. В 2014 году были внесены изменения в законодательство в соответствии

Рис. 4. Динамика отношения выбросов в атмосферу загрязняющих веществ к ВВП Финляндии (1990 год – 100%)

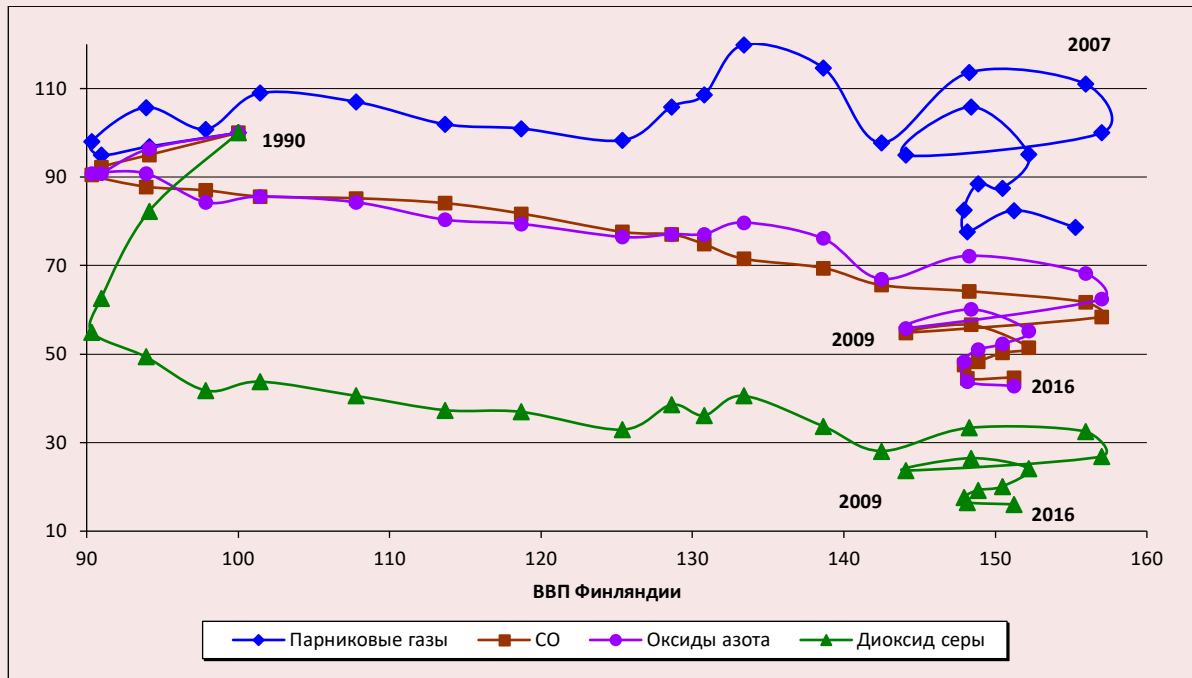
с Директивами ЕС 2008 и 2010 гг. Финляндия вступила в ЕС в 1995 году, когда в ЕС действовала пятая программа действий в области защиты окружающей среды «В направлении устойчивости», и ЕС взяла на вооружение концепцию устойчивого развития. Финляндия последовательно ужесточала экологические требования в соответствии с решениями ЕС [39].

После выхода Финляндии из кризиса 1991–1993 гг., вызванного потерей «восточного» рынка в связи с распадом СССР, выбросы загрязняющих веществ медленно снижались при росте ВВП, соотношение выбросов к ВВП непрерывно уменьшалось, за исключением начала 2000-х годов (рис. 4). Лишь объем выбросов парниковых газов заметно колебался, что связано с необъяснимыми скачками выбросов CO₂, например в 2005 году, причем в 2004 и 2006 гг. его уровни были почти равными. Нужно отметить, что период с 1994 года для большинства видов загрязнений хорошо описывается экспоненциальной функцией. На динамике отношения выбросов загрязняющих веществ к ВВП изменения в законодательстве слабо сказались, заметно-

го улучшения показателей не наблюдается, можно отметить их ухудшение в 2001–2003 гг. В то же время, несмотря на экономический кризис 2008–2009 гг., улучшение экологической ситуации продолжалось, соотношение выбросов и ВВП снижалось, продолжая сложившиеся тенденции.

Зависимость выбросов загрязняющих веществ от ВВП намного сложнее из-за экономического кризиса, начавшегося в 2008 году (рис. 5). С 1994 года выбросы незначительно снижаются при росте ВВП, но в 2001–2003 гг. рост экономики замедлился и объем большинства видов выбросов немного возрос. Возможно, возникли проблемы при переходе к НДТ в соответствии с Директивой ЕС 1996 года. Начавшийся в 2008 году кризис привел к длительному застою финской экономики, лишь в 2018 году был превышен докризисный уровень ВВП. В то же время структурные сдвиги и инвестиции в экономику способствовали продолжению снижения выбросов загрязняющих веществ. Фактически выделяются два периода – 1994–2008 и 2008–2017 гг. с заметно разными зависимостями.

Рис. 5. Зависимость выбросов в атмосферу загрязняющих веществ (1990 год – 100%) от динамики ВВП Финляндии (1990 год – 100%)

Проводились расчеты для выбросов основных загрязняющих веществ (в целом за 1994–2017 гг. и сплайн-функций) и для отношения выбросов к ВВП. Все полученные уравнения значимы, p меньше 0,000001. В таблице 2 приведены результаты расчетов для сплайн-функций (4). Расчеты по сплайн-функциям значительно улучшают статистические характеристики относительно функций (3). Нужно отметить, что если для ЕС и РФ часть параметров функций не менялась в двух периодах, то для Финляндии разница значительна, влияние природоохранных инвестиций в первом периоде оказалось незначимо, а во втором оно существенно повлияло на снижение всех видов выбросов.

Для парниковых газов в первом периоде значимо оказалось лишь влияние ВВП, а во втором – промышленности и природоохранных инвестиций. Для окиси углерода (угарного газа), оксидов серы и азота в первом периоде значимо влияние изменения доли промышленности в ВВП, для окиси углерода и оксидов азота положительное влияние оказал рост инвестиций в машины и оборудование, а во втором периоде динамика загрязнений определялась изменением промышленного производства и природоохранных инвестиций.

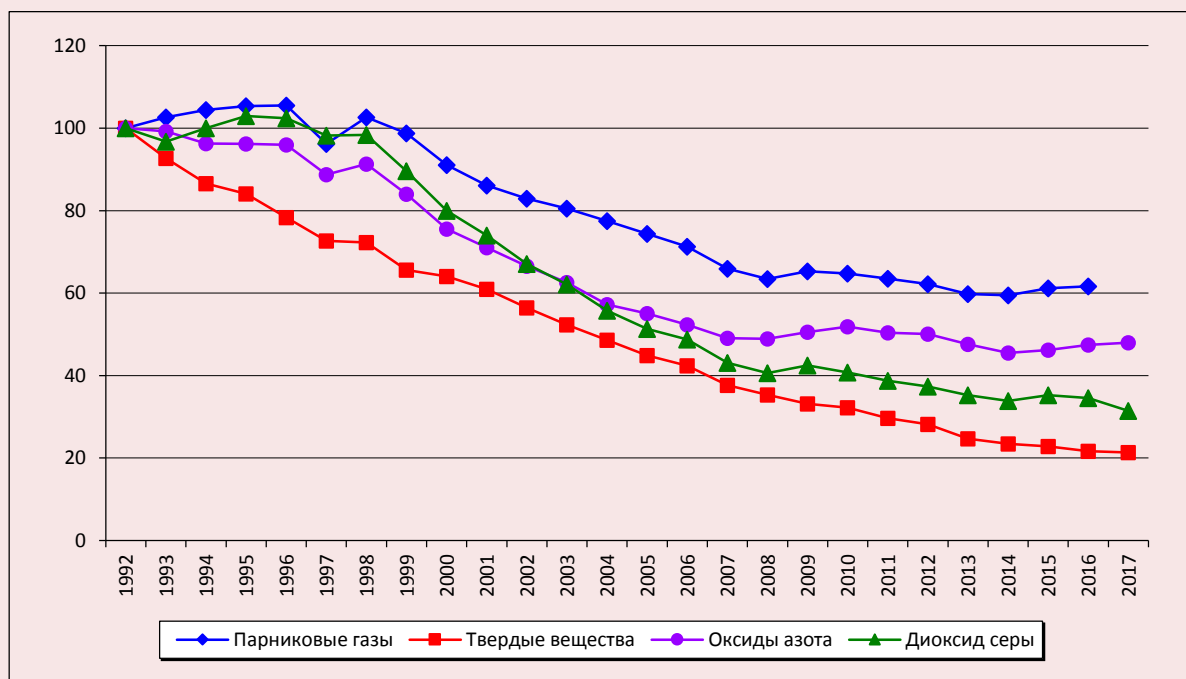
Закон «Об охране природы в РСФСР» был принят в 1960 году, действующее сейчас законодательство сформировалось в 1988–1991 гг. и уточнялось в дальнейшем. В 1994, 1996, 1997

Таблица 2. Результаты расчетов параметров функций (4) для выбросов загрязняющих веществ в Финляндии

Загрязнитель	m_1	m_2	h_1	h_2	v_1	v_2	$\ln A_1$	$\ln A_2$	R^2
Парниковые газы	0,124**	0,456*	0	0,463*	0	0	4,07		0,80
CO	1,518*	0,666*	0	0,481*	-0,810*	0	2,96		0,97
Оксиды серы	1,894*	0	0	1,342*	0	0	-2,64	9,18	0,93
Оксиды азота	0,979*	0,801*	0	0,536*	-0,185*	0	1,93		0,96

* $p < 0,01$, ** $p < 0,1$

Рис. 6. Динамика отношения выбросов в атмосферу загрязняющих веществ к ВВП РФ (1992 год – 100%)

и 2000 гг. появлялись Указы Президента РФ по отдельным направлениям экологической политики. В 1999 году был принят закон «Об охране атмосферного воздуха», в 2002 – «Об охране окружающей среды», носившие уточняющий характер.

В 1990-х годах действовали государственная программа по экологической безопасности и до 30 программ по решению отдельных экологических проблем. В 1998 году был принят Национальный план действий по охране окружающей среды РФ, в 2002 году одобрена «Экологическая доктрина РФ» и начала действовать федеральная целевая программа «Экология и природные ресурсы России на 2002–2010 гг.». Сейчас актуальна Государственная программа «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 годы.

Наиболее заметные изменения произошли в 2014 году, когда был принят закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты РФ», который определяет переход к введению системы мер экономического стимулирования для внедрения НДТ. Он может существенно повлиять на эколого-экономиче-

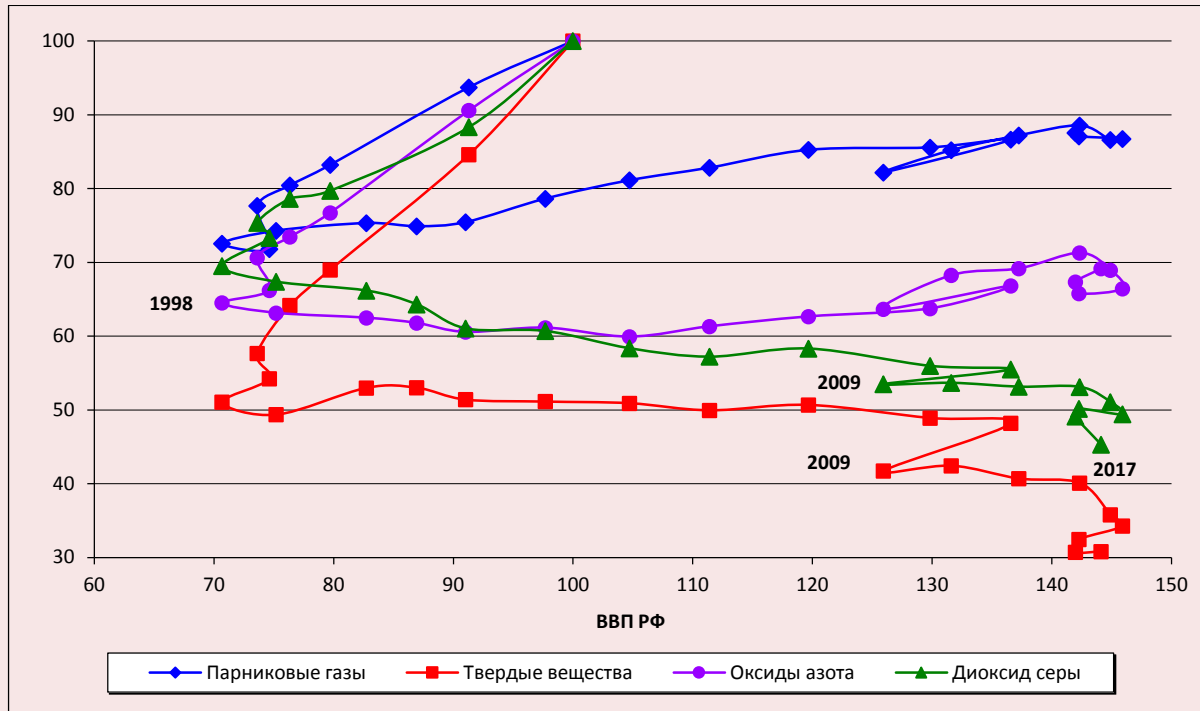
ские процессы в будущем, а пока с 2019 года по критериям НДТ будут отчитываться 300 предприятий, являющихся главными загрязнителями.

Анализ графиков показывает, что после спада в 1990-х годах с ростом экономики после 1999 года выбросы большинства загрязняющих веществ стали расти, хотя и медленнее, чем ВВП (рис. 6). Можно выделить три периода: до 1999 года, с 1999 по 2008 год, когда отношение загрязнений к ВВП РФ быстро снижалось, и с 2009 года. Они разделяются экономическими кризисами 1998 и 2008–2009 гг. Положительного влияния новых принятых законов и иных документов в 2002 и 2006 гг. не отмечено.

Зависимость выбросов от динамики ВВП РФ сложнее. Также необходимо отметить, что второй и третий периоды не сильно различаются (рис. 7).

Для РФ имеется дополнительная информация по инвестициям в модернизацию. Первый период не рассматривался, расчеты проводились по второму (1998–2007 гг.) и третьему (2008–2017 гг.) периодам и в целом за 1998–2017 гг. Расчеты по сплайн-функциям (4) значи-

Рис. 7. Зависимость выбросов в атмосферу загрязняющих веществ (1992 год – 100%) от динамики ВВП РФ (1992 год – 100%)

тельно улучшают статистические характеристики относительно функций (3), все полученные уравнения значимы, p меньше 0,000001 (табл. 3). Для РФ значимыми оказались изменения в экономической политике, что связано с началом экономического роста в 1999 году и кризисом 2008–2009 гг.

Для выбросов парниковых газов во втором периоде рост кумулятивных инвестиций в модернизацию и охрану атмосферного воздуха частично компенсировал влияние роста ВВП, а в третьем периоде влияние инвестиций в охрану атмосферного воздуха стало незначимо. Для выбросов в атмосферу твердых частиц во втором периоде наиболее значимым оказалось влияние инвестиций в модернизацию (их рост

в три раза стабилизировал выбросы), а в третьем рост инвестиций в охрану атмосферного воздуха способствовал резкому снижению выбросов. Для диоксида серы уменьшение объема выбросов во втором периоде связано с ростом вложений в машины и оборудование, а в третьем – с инвестициями в охрану атмосферного воздуха при значимом отрицательном влиянии инвестиций в новое строительство. Во втором периоде снижение выбросов оксидов азота постепенно переходит в рост, что связано с ростом инвестиций в новое строительство и колебаниями инвестиций в охрану воздуха. В третьем периоде рост выбросов некоторое время продолжался, пока при небольшом увеличении ВВП не стали расти инвестиции в охрану воздуха.

Таблица 3. Результаты расчетов параметров функций (4) для выбросов загрязняющих веществ в РФ

Загрязнитель	m_2	m_3	h_2	h_3	v_2	v_3	$\ln A_2$	$\ln A_3$	R^2
Парниковые газы	0,857*		0,162***	0	-0,239*	-0,108*	0,61	1,89	0,910
Твердые частицы	0,177***	0	0	0,869*	-0,172***	0	4,77	8,13	0,905
Диоксид серы	0	1,004*	0	0,51*	-0,144*	0	5,30	2,28	0,945
Оксиды азота	0,412*	0,524*	0,198*		-0,214**	0	5,03	2,89	0,911

* $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,1$

С конца 1990-х годов быстрыми темпами увеличиваются инвестиции в российскую экономику и доля инвестиций в модернизацию экономики. Новые предприятия строились на основе современных технологий, структура экономики смещалась в сторону сферы услуг, что способствовало снижению воздействия на окружающую среду.

Расчеты показали, что взаимосвязь экономических и экологических показателей существенно менялась во время экономических кризисов, что говорит о возможности использования полученных зависимостей только для краткосрочного прогнозирования. Более качественные результаты получаются тогда, когда в качестве зависимой переменной используется отношение выбросов к ВВП. Проведившиеся по данным Карелии и других регионов расчеты также говорят о том, что изменение взаимосвязи экономических и экологических показателей происходило во время экономических кризисов.

Заключение. Проведенное исследование позволило объяснить, почему улучшаются экологические показатели при росте экономики, выявить факторы, ведущие к улучшению состояния окружающей среды, и количественно оценить их влияние. Наиболее важными оказались инвестиции в модернизацию в РФ и рост вложений в машины и оборудование в странах ЕС, который также связан с активной модернизацией экономики. В РФ большое влияние оказали структурные сдвиги, так как развитие российской экономики в XXI веке осуществлялось на новой технологической основе, увеличилась доля новых секторов экономики. В результате быстрый рост экономики в 2000-х годах происходил при некотором уменьшении загрязнений окружающей среды, а спад экономики после 2010 года сопровождался еще большим снижением отдельных видов загрязнений, в частности оксида углерода и твердых веществ.

Также необходимо отметить, что динамика экологических показателей в РФ, ЕС и Финляндии близка, хотя уровень загрязнений на единицу ВВП сильно отличается. Факторы, определяющие динамику загрязнений, в большинстве случаев совпадают, но степень их влияния различна. Поскольку для ЕС наиболее важной проблемой считается глобальное потепление, то и изменения законодательства ЕС были направлены в первую очередь на снижение выбросов парниковых газов. Несмотря на то что выбросы парниковых газов снизились меньше, чем выбросы других веществ, удалось избежать их роста.

Анализ данных по РФ показал, что на большинство загрязняющих воздух веществ в основном повлияли изменения экономической политики. Экологическое законодательство в РФ трансформировалось слабо, а реализация решений, которые могли заметно повлиять на деятельность предприятий, отодвигалась на будущее.

Исследования доказывают, что изменение законодательства в ЕС не приводило к резкой смене сложившихся взаимосвязей экономических и экологических показателей, причем это влияние не одномоментное, оно растягивается на несколько лет. После осуществленного анализа можно сказать, что и в РФ переход к новому законодательству станет постепенным, нормативы будут медленно ужесточаться, тенденции в межкризисный период – сохраняться. Возможно прогнозирование взаимосвязи экономических и экологических показателей на основе предложенных моделей.

Резкие и быстрые изменения сложившихся тенденций связаны с экономическими кризисами, которые могут привести к появлению новой тенденции или лишь на несколько лет вывести систему из равновесия, а затем ее развитие будет снова описываться уравнениями, аналогичными докризисным.

Литература

1. Ehrlich P.R., Holdren J. Impact of population growth. *Science*, 1971, no. 171, pp. 1212–1217.
2. Commoner B., Corr M., Stamler P.J. The causes of pollution. *Environment: Science and Policy for Sustainable Development*, 1971, no. 13 (3), pp. 2–19.
3. Dietz T., Rosa E.A. Rethinking the environmental impacts of population, affluence, and technology. *Human Ecology Review*, 1994, vol. 1, pp. 277–300.

4. Dietz T., Rosa E.A. Effects of population and affluence on CO₂ emissions. *Proceedings of the National Academy of Sciences USA*, 1997, vol. 94 (1), pp. 175–179.
5. York R., Rosa E.A., Dietz T. STIRPAT, IPAT and ImPACT: analytic tools for unpacking the driving forces of environmental impacts. *Ecological Economics*, 2003, vol. 46 (3), pp. 351–365.
6. Liddle B. What are the carbon emissions elasticities for income and population? Bridging STIRPAT and EKC via robust heterogeneous panel estimates. *Global Environmental Change*, 2015, vol. 31, pp. 62–73.
7. Gilli M., Mancinelli S., Mazzanti M. Innovation complementarity and productivity effects: Reality or delusion? Evidence from the EC. *Ecological Economics*, 2014, vol. 103, pp. 56–67.
8. Fried B., Getzner M. Determinants of CO₂ emissions in a small open economy. *Ecological Economics*, 2003, vol. 45, pp. 133–148.
9. Lantz V., Feng Q. Assessing income, population, and technology impacts on CO₂ emissions in Canada: where's the EKC? *Ecological Economics*, 2006, vol. 57, pp. 229–238.
10. Chikaraishi M., Fujiwara A., Shinji Kaneko S., Poumanyong P., Komatsu S., Kalugin A. The moderating effects of urbanization on carbon dioxide emissions: A latent class modeling approach. *Technological Forecasting and Social Change*, 2015, vol. 90, pp. 302–317.
11. Mazzanti M., Montini A. Embedding the drivers of emission efficiency at regional level - Analyses of NAMEA data. *Ecological Economics*, 2010, vol. 69, pp. 2457–2467.
12. Müller-Fürstenberger G., Wagner M. Exploring the environmental Kuznets hypothesis: Theoretical and econometric problems. *Ecological Economics*, 2007, vol. 62, pp. 648–660.
13. Бобылев С.Н. Взаимосвязь между уровнем благосостояния и устойчивым развитием. Кривая Кузнеця // Социально-экономический потенциал устойчивого развития. Сумы: Университетская книга, 2007. С. 134–159.
14. Постников В.П. Анализ загрязнения атмосферного воздуха: национальный и региональный аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2014. № 1. С. 117–124.
15. Глазырина И.П. Исследование качества экономического роста в контексте концепции устойчивого развития // Экономика природопользования. 2006. № 4. С. 21–31.
16. Забелина И.А. Эффект декаплинга в эколого-экономическом развитии регионов – участников трансграничного взаимодействия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 241–255. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.15
17. Bargaoui S., Liouane N., Nouri F. Environmental Impact determinants: An empirical analysis based on the STIRPAT model. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014, vol. 109, pp. 449–458.
18. Asane-Otoo E. Carbon footprint and emission determinants in Africa. *Energy*, 2015, vol. 82, pp. 426–435.
19. Rosa E.A., York R., Dietz T. Tracking the Anthropogenic Drivers of Ecological Impacts. *AMBIO: A Journal of the Human Environment*, 2004, vol. 33, pp. 509–512. Available at: <http://res.ku.edu/~crgc/NSFWorkshop/Readings/TrackingTheAnthropogenic%20Drivers.pdf> (дата обращения 03.11.2017).
20. York R. De-Carbonization in Former Soviet Republics, 1992–2000: The Ecological Consequences of De-Modernization. *Social Problems*, 2008, vol. 55, is. 3, pp. 370–390.
21. Cole M.A., Neumayer E. Examining the impact of demographic factors on air pollution. *Population and Development Review*, 2004, vol. 26 (1), pp. 5–21.
22. Fan Y., Liu L., Wu G., Wei Y. Analyzing impact factors of CO₂ emissions using the STIRPAT model. *Environmental Impact Assessment Review*, 2006, vol. 26, pp. 377–395.
23. Sadorsky P. The effect of urbanization on CO₂ emissions in emerging economies. *Energy Economics*, 2014, vol. 41, pp. 147–153.
24. Feng K., Hubacek K., Guan D. Lifestyles, technology and CO₂ emissions in China: A regional comparative analysis. *Ecological Economics*, vol. 69, pp. 145–154.
25. Wang M., Che Y., Yang K., Wang M., Xiong L., Huang Y. A local-scale low-carbon plan based on the STIRPAT model and the scenario method: The case of Minhang District, Shanghai, China. *Energy Policy*, 2011, vol. 39, pp. 6981–6990.

26. Wang P., Wua W., Zhu B., Wei Y. Examining the impact factors of energy-related CO₂ emissions using the STIRPAT model in Guangdong Province, China. *Energy Policy*, 2013, vol. 106, pp. 65–71.
27. Li H., Mu H., Zhang M., Li N. Analysis on influence factors of China's CO₂ emissions based on Path-STIRPAT model. *Energy Policy*, 2011, vol. 39, pp. 6906–6911.
28. Wang Y., Zhao T. Impacts of energy-related CO₂ emissions: Evidence from under developed, developing and highly developed regions in China. *Ecological Indicators*, 2015, vol. 50, pp. 186–195.
29. He J. What is the role of openness for China's aggregate industrial SO₂ emission?: A structural analysis based on the Divisia decomposition method. *Ecological Economics*, 2010, vol. 69, pp. 868–886.
30. Cramer J.C. Population Growth and Air Quality in California. *Demography*, 1998, vol. 35, pp. 45–56.
31. Marin G., Mazzanti M. The evolution of environmental and labor productivity dynamics. *Journal of Evolutionary Economics*, 2010, vol. 23 (2), pp. 357–399.
32. Halkos G.E., Paizanos E.A. The effect of government expenditure on the environment: An empirical investigation. *Ecological Economics*, 2013, vol. 91, pp. 48–56.
33. Рюмина Е.В., Аникина А.М. Анализ влияния фактора природных ресурсов на уровень экономического развития регионов России // Проблемы прогнозирования. 2007. № 5. С. 106–125.
34. Забелина И.А., Клевакина Е.А., Нечушкина Е.В. Влияние экономической деятельности на окружающую среду в приграничных регионах // Региональные проблемы. 2015. № 4. С. 98–105.
35. Яшалова Н.Н., Рубан Д.А. Специфика анализа природоохранных инвестиций в рамках проблемы экологизации национальной экономики // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 35. С. 2–12.
36. *Research in Support of Air Pollution Policies. Results from the first phase of the Swedish Clean Air and Climate Research programme.* Stockholm, 2017. 60 p.
37. Дружинин П.В., Шкиперова Г.Т. Оценка взаимовлияния экономических и экологических процессов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 2. С. 213–224.
38. Дружинин П.В., Шкиперова Г.Т., Поташева О.В. Оценка влияния развития экономики на состояние окружающей среды и выбросы парниковых газов // Друкеровский вестник. 2018. № 2. С. 203–215.
39. Софронова А.А. Национальная экологическая политика России и Финляндии как форма осуществления государственного управления // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 3. С. 115–119.

Сведения об авторах

Павел Васильевич Дружинин – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН (185530, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50; e-mail: pdruzhinin@mail.ru)

Галина Тимофеевна Шкиперова – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН (185530, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50; e-mail: shkiperova@mail.ru)

Ольга Вячеславовна Поташева – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН (185530, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50; e-mail: ovpotash79@gmail.com)

Дмитрий Александрович Зимин – доктор философии (PhD), доцент, научный сотрудник, Карельский институт, Университет Восточной Финляндии (80101, Финляндия, Йоэнсуу, PL 111, ул. Yliopistokatu, д. 2; e-mail: dmitry.zimin@uef.fi)

Druzhinin P.V., Shkiperova G.T., Potasheva O.V., Zimin D.A.

The Assessment of the Impact of the Economy's Development on Air Pollution

Abstract. The economic growth has a negative impact on the environment, that is why the development of models, which would reveal the influence of different factors on the change of the environment, is necessary. In order to study environmental and economic processes, a new approach was proposed, and special models, which allow assessing the impact of the investment policy and environmental activities, were created. It gives an opportunity to link the change of the environment with approved management decisions. The purpose of the article is to identify reasons that cause transformations of the interconnection between economic and environmental indicators, to study the impact of the change of environmental legislation and other external shocks on environmental and economic processes in the Russian Federation and the European Union on the example of air environment. The relevance and significance of this work is determined by changes of environmental legislation in the Russian Federation, which is currently based on the best available technologies (BAT), and the need to build models that would allow predicting the development of environmental and economic processes in changing interconnections of indicators within the emerging practice of applying new legislation. The novelty of the research is the development of models, which allow analyzing the impact of external shocks on environmental and economic processes, on the basis of the proposed approach. Empirical analysis of data was carried out, and models of environmental and economic processes were constructed. It turned out that the change of EU legislation did not lead to a sharp transformation of existing interconnections between economic and environmental indicators, which were associated with economic crises. Crises may contribute to the emergence of a new trend or just bring the system out of balance for a few years, but later its development will again be described by equations similar to pre-crisis ones. The study also allowed us to explain the improvement of environmental indicators with the growth of Russian and EU economies. Its results may be used in the development of strategic documents for the development of regions and countries. Further studies are related to the assessment of various scenarios for the development of regions of the European North of the Russian Federation.

Key words: economic development, environmental protection investments, modernization, structural shifts, model, emissions of pollutants into the atmosphere, greenhouse gases.

Information about the Authors

Pavel V. Druzhinin – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of RAS (50, A. Nevsky avenue, Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185530, Russian Federation; e-mail: pdruzhinin@mail.ru)

Galina T. Shkiperova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of RAS (50, A. Nevsky avenue, Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185530, Russian Federation; e-mail: shriperova@mail.ru)

Olga V. Potasheva – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of RAS (50, A. Nevsky avenue, Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185530, Russian Federation; e-mail: ovpotash79@gmail.com)

Dmitriy A. Zimin – Doctor of Philosophy (PhD), Associate Professor, Researcher, University of Eastern Finland (PL 111, Karelian Research Centre, UEF Joensuu, 80101, Finland; e-mail: dmitry.zimin@uef.fi)

Статья поступила 07.06.2019.

Проблемы реализации активного долголетия в трудовой сфере (на примере Республики Коми)*

Лариса Алексеевна

ПОПОВА

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра УрО РАН

Сыктывкар, Республика Коми, Российская Федерация, 167982,
ул. Коммунистическая, д. 26

E-mail: popova@iespn.komisc.ru

ORCID: 0000-0003-0549-361X; ResearcherID: O-6876-2017

Елена Николаевна

ЗОРИНА

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра УрО РАН

Сыктывкар, Республика Коми, Российская Федерация, 167982,
ул. Коммунистическая, д. 26

E-mail: zorina@iespn.komisc.ru

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение вопросов активного долголетия и реализации ресурсного потенциала населения старшего возраста в сфере труда: оценка уровня и характера трудовой деятельности работающих пенсионеров и повседневной занятости неработающих в условиях реформирования российской пенсионной системы. Актуальность темы определяется переходом России к западной модели постарения и принятием закона о поэтапном повышении пенсионного возраста. Источниками информации послужили официальные статистические

* Статья подготовлена в рамках Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН (проект № 18-6-7-24 «Демографическое старение России: региональные особенности, последствия, государственная социальная политика») и при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-010-00881 «Продолжительность жизни российского населения: возможности достижения «80+»).

Для цитирования: Попова Л.А., Зорина Е.Н. Проблемы реализации активного долголетия в трудовой сфере (на примере Республики Коми) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 143–156. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.9

For citation: Popova L.A., Zorina E.N. Implementing active aging in the labor sphere (case study of the Komi Republic). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 143–156. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.9

данные и результаты социологических исследований «Проблемы третьего возраста», проведенных авторами в 2013 и 2018 гг. После того как в России была приостановлена индексация пенсий работающим пенсионерам, произошло резкое сокращение занятости пенсионеров по возрасту, что привело к уменьшению уровня их доходов, снижению использования трудового потенциала людей пенсионного возраста и способствовало сокращению продолжительности активной жизни. Согласно исследованиям, наиболее сильными детерминантами для занятости пожилых людей являются возраст, уровень образования и тип населенного пункта, существуют также гендерные особенности стратегии поведения в трудовой сфере. В старших возрастах сложилась достаточно устойчивая структура занятости: свыше 70% работают на своих прежних местах, более 20% заняты на неквалифицированной работе, на которую обычно устраиваются пенсионеры. По мере увеличения возраста не только сокращается доля работающих пенсионеров, но и уменьшается процент занятых на прежнем месте работы. Характерная для российского внешнего рынка труда возрастная дискриминация дублируется дискриминацией на внутреннем рынке. Трудовой потенциал лиц старшего возраста используется недостаточно: резерв составляет более 10%. У людей до 65 лет преобладает желание продолжать работать, зависящее от состояния здоровья, условий труда, а также остроты проблемы двойной занятости. Неработающие лица старшего возраста за пять лет между обследованиями стали более активными вне дома, но по-прежнему в основном ориентированы на семью и домашнее хозяйство.

Ключевые слова: демографическое старение, население старшего возраста, активное долголетие, пенсионный возраст, ресурсный потенциал, трудовая деятельность, повседневная занятость, Республика Коми.

Введение

В условиях роста ожидаемой продолжительности жизни в России значительно ускорился процесс демографического старения, т. е. в составе населения увеличивается доля пожилых и старых людей. Оно по праву признается одним из глобальных вызовов современности. В начале XXI века страна перешла к западной модели постарения, которая характеризуется старением «сверху» — за счет сокращения смертности в старших возрастах, сопровождающегося некоторым ростом числа детей. С 2005 года в России увеличивается не только доля населения старше трудоспособного возраста, но и его абсолютная численность¹. В связи с этим исследования по проблемам постарения, имеющего разнообразные аспекты и многочисленные экономические, социальные и политические последствия, приобретают все большую актуальность, что требует расширения их круга — с акцентом на признании равноценности старости с другими возрастными и наличия у этого этапа жизни человека своих достоинств и преимуществ [1–7].

При подготовке Второй Всемирной ассамблеи ООН по старению населения, которая

состоялась в 2002 году, Всемирная организация здравоохранения сформулировала Концепцию и стратегию активного долголетия [8]. По определению ВОЗ, активное долголетие состоит в оптимизации возможностей для обеспечения здоровья, участия в жизни общества и безопасности с целью повышения качества жизни людей в ходе их старения. В соответствии с этим были сформулированы действия для сохранения и улучшения здоровья людей пожилого возраста, их вовлечения в различные сферы общественной жизни, включая экономическую, а также создания безопасного окружения — физического, психологического, социального. Европейским союзом для проведения в 2012 году Европейского года активного старения и солидарности поколений были отобраны три области действий: трудовая занятость; участие в жизни общества; самостоятельная (независимая) жизнь [9]. Европейская экономическая комиссия ООН определила активное старение как ситуацию, когда люди, старея, продолжают быть формально занятыми на рынке труда или участвуют в других неоплачиваемых видах производительной деятельности (забота о членах семьи и волонтерство), живут здоровой, независимой и безопасной жизнью [10]. В соответствии с этим при мониторинге активного

¹ Официальный сайт Росстата. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 22.11.2019).

старения Комиссией рассматриваются следующие направления: занятость (уровни занятости в разных пожилых возрастных группах); участие в сообществе (волонтерство, забота о детях и внуках, забота о других взрослых, политическое участие); независимость, здоровье и безопасность жизни (физическая активность, доступ к здравоохранению, независимость проживания, экономическая безопасность, физическая безопасность); возможности и благоприятные условия для активного старения (ожидаемая продолжительность жизни в 55 лет, доля здоровой жизни в ожидаемой продолжительности жизни в 55 лет, ментальное здоровье, использование информационно-коммуникационных технологий, социальные связи, образовательные ресурсы) [11].

В России социально-демографическая политика, направленная на создание условий для активного долголетия (сохранение здоровья, физической активности, развитие культурных интересов, обеспечение условий для участия в социальной жизни) опирается на Стратегию действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года², утвержденную распоряжением Правительства РФ № 164-р от 5 февраля 2016 г. В 2018 году во исполнение майского указа президента³ был разработан национальный проект «Демография» на 2019–2024 гг., включающий пять федеральных проектов, в том числе «Старшее поколение». Он посвящен в основном вопросам здоровья пожилых людей, но в перечне целевых показателей содержит также показатель «Численность граждан предпенсионного возраста, прошедших профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование». Мониторинг результатов реализации региональных программ проекта, включающих мероприятия по увеличению периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни, предполагает оценку не только состоя-

ния здоровья граждан старше трудоспособного возраста, но и количество граждан старшего поколения, занимающихся физической культурой и спортом на вновь созданных объектах, прошедших переподготовку и подготовку на специально организованных курсах, в том числе по вопросам компьютерной грамотности⁴.

Ранее в рамках исследования проблем реализации активного долголетия мы рассматривали вопросы здоровья населения старшего возраста в контексте заявленных в России целей в области продолжительности жизни [12]. На примере Республики Коми была оценена динамика состояния здоровья пожилых людей в условиях развертывания в стране новой кампании по диспансеризации взрослого населения [13]. Наряду с развитием здравоохранения, в том числе специализированной медицины, усилением и совершенствованием работы по пропаганде здорового образа жизни, формированию ответственного отношения граждан всех возрастов к своему здоровью, профилактике основных модифицируемых факторов риска развития хронических заболеваний, с ранним выявлением и адекватным лечением болезней, сохранение здоровья населения старшего возраста неразрывно связано с продлением продолжительности полноценной, активной жизни, которая во многом определяется вовлечением в трудовую деятельность [13].

В экономически развитых странах достаточно большое число исследователей занимается вопросами занятости населения третьего возраста [14–20], поскольку поощрение занятости пожилых работников, создание условий для их успешной адаптации к изменяющимся требованиям рынка труда, эффективное использование их профессиональных знаний и интеллектуального потенциала являются одними из достоинств западной социальной модели. В российских социально-экономических исследованиях постарение населения традиционно рассматривается, главным образом, в контексте его негативных экономических последствий: увеличения демографической нагрузки на трудоспособное население, влияния

² Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420334631> (дата обращения 22.11.2019).

³ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/57425> (дата обращения 22.11.2019).

⁴ Национальный проект «Демография» (2018) / Министерство труда и социальной защиты населения Российской Федерации. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения 22.11.2019).

на рынок труда и пенсионные системы, необходимости оказания социальной поддержки пожилым людям. В последнее время достаточно много научных работ посвящено вопросам реформирования российской пенсионной системы [21–28], ставшим весьма актуальными в условиях ускоренного постарения населения страны и еще более популярными после того, как был вынесен на обсуждение законопроект о поэтапном повышении пенсионного возраста в России и утвержден федеральный закон о его повышении до 65 лет у мужчин и 60 лет у женщин⁵.

Цель представленной статьи – рассмотрение вопросов активного долголетия и реализации ресурсного потенциала населения старшего возраста в сфере труда: оценка уровня и характера трудовой деятельности работающих пенсионеров и повседневной занятости неработающих.

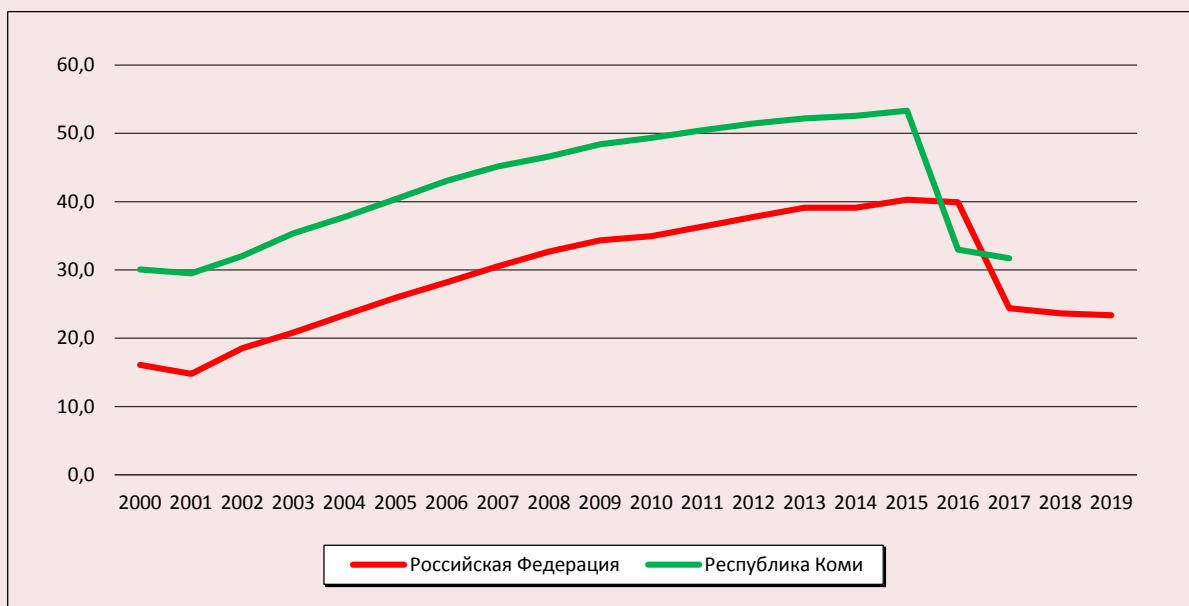
Информационной базой являются данные официальной государственной статистики и результаты социологического исследования «Проблемы третьего возраста», проведенного нами на территории Республики Коми в 2018 году (опрошено 1521 человек старше 55 лет, выборка подробно описана в [12]). Отдельные вопросы проанализированы в сравнении с осуществленным ранее аналогичным исследованием (в 2013 году опрошено 932 человека указанного возраста, выборка и результаты описаны в монографии [29]). При разных объемах выборочных совокупностей основные характеристики (по полу, возрасту, типу поселения, уровню образования, семейному статусу) почти идентичны, что позволяет сравнивать результаты двух исследований. Кроме гендерного распределения, характеристики выборок практически соответствуют совокупности населения старше 55 лет. Заметное превышение доли женщин (в обеих выборках 75% женщин по сравнению с 63% в генеральной совокупности [13]) объясняется частым отказом мужчин от участия в опросах.

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий: Федеральный закон № 350-ФЗ от 3.10.2018 г. URL: <http://pensiya.molodaja-semja.ru/wp-content/uploads/2018/10/zakon-o-povyshenii-pensionnogo-vozrasta-ot-03-10-2018-350-fz.pdf> (дата обращения 22.11.2019).

Тенденции занятости населения пенсионного возраста

Активное долголетие определяется рядом факторов. Во многом оно зависит от возможности человека продолжать трудовую деятельность после достижения пенсионного возраста – при наличии желания работать и физических способностей. Люди старших возрастов обладают важными и нужными современному обществу знаниями, социальным, профессиональным и духовным потенциалом. Представители «серебряного» возраста сегодня дольше остаются социально активными или по крайней мере стремятся к этому [30]. Исследователи считают, что занятость в пожилом возрасте обуславливается не только экономическими мотивами, нуждаемостью и недостатком пенсионного обеспечения, но и востребованностью и включенностью в социальные и профессиональные отношения [4]. Важность и необходимость работы в старших возрастах активно приветствуют специалисты в области геронтологии. По их мнению, с одной стороны, следует исключить любые формы возрастной дискриминации в отношении трудовой деятельности: возраст не должен быть препятствием для продолжения работы или учебы, если для этого нет каких-либо других ограничений. С другой стороны, необходимо активизировать самих пожилых людей, постоянно напоминая им, что процесс индивидуального старения ускоряется при резком снижении физической, интеллектуальной и трудовой нагрузки [3]. Так, опрошенные в исследовании 2018 года работающие лица старше 55 лет оценили состояние своего здоровья на 6,0 баллов из девяти против 5,1 балла среди неработающих. Особенно значительная разница в субъективной оценке здоровья наблюдается у работающих и неработающих респондентов старше 75 лет. Кроме того, характерный для стареющего общества существенный прирост продолжительности жизни, в том числе здоровой, практически во всех возрастах составляет основу так называемого «второго демографического дивиденда», который состоит в возможности использовать долгожительство для обеспечения устойчивого социального и экономического развития общества. Здоровое и активное долголетие позволит удлинить период трудовой занятости, увеличить численность трудоспособной части населения и снизить де-

Доля работающих пенсионеров по возрасту в Российской Федерации и Республике Коми в 2000–2019 гг.

Источники: Официальный сайт Росстата. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 22.11.2019); Статистический ежегодник Республики Коми. 2018: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2018.

мографическую нагрузку пожилыми [31–33]. В условиях нарастающей остроты экономических вызовов демографического старения обществу следует ориентироваться на реализацию «второго демографического дивиденда», т. е. на максимально полное использование трудового потенциала населения старших возрастов.

На протяжении 2000-х гг. доля работающих пенсионеров по возрасту в России устойчиво увеличивалась, достигнув в 2015–2016 гг. практически 40% (рисунк). В Республике Коми уровень занятости пенсионеров традиционно превышает общероссийский, поскольку определенный для северных территорий льготный возраст назначения пенсии обуславливает здесь заметный процент молодых пенсионеров. В 2011–2015 гг. удельный вес официально работающих пенсионеров по возрасту в регионе был выше 50%. Однако по данным на 1 января 2017 года в Российской Федерации оказались заняты лишь 24,4% пенсионеров⁶. В Коми резкое снижение занятости произошло уже к началу 2016 года: с 53,3% на 1 января 2015 года до 33,0%

⁶ Официальный сайт Росстата. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 22.11.2019).

на начало 2016 года, что оказалось ниже, чем в целом по стране, и до 31,7% в начале 2017 года⁷ (данных за последние годы Комистат пока не предоставляет).

Такое значительное сокращение занятости пенсионеров по возрасту обусловлено вступлением в силу Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 385-ФЗ⁸, приостановившего индексацию пенсий работающим пенсионерам. Следовательно, как минимум треть занятых в экономике пенсионеров получала благодаря работе незначительный доход, который определенным образом сопоставим с потерями в размере пенсии, в том числе и перспективными, в связи с прекращением ее индексации. В северных регионах, где размер пенсии выше, чем в целом по стране (в Коми средний размер

⁷ Статистический ежегодник Республики Коми. 2018: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2018.

⁸ О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий: Федеральный закон от 29.12.2015 г. № 385-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/71294564/> (дата обращения: 22.11.2019).

пенсии по возрасту в 2015–2016 гг. составлял 16,3–16,7 тыс. руб.⁹ в сравнении с 11,6–12,8 тыс. в среднем по России¹⁰), а ее индексация накапливается с более молодых возрастов и, соответственно, более ощутима на психологическом уровне, официально работающие пенсионеры быстрее отреагировали на приостановку индексации. Часть из них «ушла в тень», т. е. они продолжают трудиться, но уже в рамках неформальной занятости. Часть вынуждена была прекратить трудовую деятельность, что не только сократило уровень доходов и в целом снизило использование трудового потенциала людей пенсионного возраста, но и способствовало уменьшению продолжительности активной жизни населения.

Особенности трудовой деятельности населения старшего возраста

В обследовании «Проблемы третьего возраста», посвященном изучению уровня и качества жизни населения старше 55 лет, выявлению основных проблем пожилых людей, их здоровья и социального самочувствия, ресурсов и возможностей, присутствует блок вопросов, касающихся занятости. В 2018 году возраст выхода на пенсию составлял в Республике Коми 50 лет для женщин и 55 лет для мужчин, т. е. все опрошенные относились к лицам пенсионного возраста. На вопрос «Работаете ли Вы в настоящее время?» треть респондентов (33,7%) ответили утвердительно. Это практиче-

ски соответствует уровню официальной занятости пенсионеров последних лет, свидетельствуя о достаточной близости выборки обследования с генеральной совокупностью по этой характеристике, что повышает достоверность анализа вопросов о занятости.

Среди работающих респондентов почти две трети (65,9%) заняты полную трудовую неделю на прежнем месте работы (табл. 1), еще 7,0% трудятся на старом месте в рамках частичной занятости. Следовательно, более 70% экономически активных участников опроса (что составляет почти четверть всех опрошенных) остались на своих прежних рабочих местах. 16,2% заняты полную неделю на работе, не требующей квалификации, на которую чаще всего устраиваются пенсионеры (вахтер, сторож, уборщица, гардеробщица и пр.). 6,6% трудятся на неквалифицированной работе на часть ставки, 2,5% являются владельцами собственного бизнеса. Остальные 1,8% занятых пенсионеров ответили, что работают на дому, занимаются сетевым маркетингом, трудятся по своей специальности на полную ставку в другой организации, в том числе общественной. Распределение видов и форм трудовой деятельности людей старше 55 лет в 2018 году очень близко к распределению, полученному нами в обследовании 2013 года [29, с. 45]. По-видимому, это достаточно устоявшаяся структура занятости населения старшего возраста в регионе.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Если Вы работаете, то как Вы можете охарактеризовать свою работу?»

Вариант ответа	Валидный % (от количества работающих – 513 чел.)	Общий % (от количества участников опроса – 1521 чел.)
Работаю полную трудовую неделю на прежнем месте работы	65,9	22,2
Работаю на часть ставки (несколько дней) на прежнем месте работы	7,0	2,4
Работаю полную трудовую неделю на работе, куда обычно может устроиться пенсионер (вахтер, сторож, уборщица, гардеробщица и пр.)	16,2	5,5
Работаю на часть ставки (несколько дней) на работе, куда обычно может устроиться пенсионер (вахтер, сторож, уборщица, гардеробщица и пр.)	6,6	2,2
Работаю на себя (у меня свой бизнес)	2,5	0,9
Занимаюсь сетевым маркетингом (распространение продукции)	0,4	0,1
Работаю на дому	0,8	0,3
Другое	0,6	0,2
Всего	100,0	33,7

⁹ Статистический ежегодник Республики Коми. 2018: стат.сб. / Комистат. Сыктывкар, 2018.

¹⁰ Официальный сайт Росстата. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 22.11.2019).

По мере увеличения возраста процент занятых пенсионеров закономерно убывает. Среди участников опроса в возрасте 55–59 лет работают 63,3%, в 60–64 года заняты 39,5% опрошенных, в 65–69 лет – 23,4%, в 70–74 года – 8,2%, в 75–79 лет – 5,7% респондентов. По сравнению с 2013 годом немного увеличился уровень занятости молодых пенсионеров и заметно уменьшилась доля работающих пенсионеров старше 65 лет. По всей видимости, резкое сокращение занятости пенсионеров по возрасту после приостановки индексации пенсии для работающих пенсионеров произошло за счет старших возрастных категорий, которые уже имели возможность реально ощутить прибавку к пенсии в связи с ежегодными индексациями.

Как и в 2013 году, с возрастом не только сокращается удельный вес работающих пенсионеров, но среди них уменьшается процент занятых на прежних рабочих местах в условиях полной рабочей недели. Среди работающих респондентов 55–59 лет свыше 75% трудятся на своем старом месте на полную ставку, в группе 60–64 лет – 60%, в 65–69 лет – немногим больше половины (53,8%), в 70–74 года – чуть больше трети (35,7%), в 75–79 лет – лишь треть. Иными словами, по мере увеличения возраста пожилые люди вытесняются со своих рабочих мест. Зачастую уже достижение или даже приближение пенсионного возраста сильно ухудшает позиции работников на внутреннем рынке родного предприятия, которому они, возможно, посвятили большую часть жизни. При этом лица старших возрастов имеют в России низкую конкурентоспособность на внешнем рынке труда. В старших трудоспособных и пенсионных возрастах довольно трудно устроиться на новое место работы по специальности. Так, согласно результатам проведенного в 2013 году опроса руководителей организаций и предприятий разных форм собственности, только половина работодателей при наборе сотрудников не предъявляет кандидатам на вакансии требований по возрасту [34]. В связи с этим пенсионерам часто приходится довольствоваться более простыми формами занятости, нередко с временным или частичным наймом.

Проблема дискриминации пожилых работников в России появилась и стала набирать остроту в период социально-экономических

реформ 1990-х гг., когда рынок труда в стране только зарождался. Резкое сокращение производства и традиционных рабочих мест на госпредприятиях сопровождалось вытеснением пенсионеров из сферы занятости, а «новые» работодатели предпочитали принимать молодых сотрудников. С самого начала 1990-х гг. на российском рынке труда проявилась открытая форма дискриминации по возрасту: широкое распространение получили объявления о вакансиях, в которых основной акцент делался на возраст желаемых работников [35]. По оценкам исследователей, в 2012 году возрастная дискриминация при приеме на работу опережала гендерную почти в два раза, хотя именно гендерная, в отличие от возрастной, часто служит предметом социальных исследований или дискуссий в публичной сфере [36]. Лишь в 2013 году были приняты поправки в Федеральный закон № 1032-1 «О занятости населения», запрещающие дискриминацию в объявлениях о вакантных рабочих местах¹¹. Это несколько улучшило ситуацию, тем не менее скрытые дискриминационные практики остались, особенно при приеме на высокооплачиваемую работу, на которую работодателями неофициально введен ценз в 35–40 лет [37]. Отказ может быть аргументирован любым искусственно созданным несоответствием кандидата. При этом в России именно потенциальный работник должен будет доказать в суде факт возрастной дискриминации при отказе в приеме на работу, а на работодателя распространяется презумпция невиновности, в то время как в странах Евросоюза, США и Канаде подход иной: работодатель обязан доказать, что принцип равноправия не был нарушен [35].

Как и в 2013 году, прослеживается четкая прямая зависимость занятости населения старше 55 лет от уровня образования. Тот или иной вид трудовой деятельности отметили 46% респондентов с высшим образованием. При этом подавляющее большинство из них (83%) трудятся на прежнем рабочем месте: 75% – на

¹¹ О внесении изменений в закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 162-ФЗ. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70405682/> (дата обращения: 22.11.2019).

полную ставку, 8% – в рамках частичной занятости. Среди пенсионеров со средним специальным образованием работают 33%, из них 72% заняты на прежней работе: 66% – на полную ставку, 6% – на часть ставки. Заняты 20% пожилых людей с начальным профессиональным образованием (только 45% из них на старом рабочем месте), среди пенсионеров без профессионального образования – 16% (соответственно 41%). Отчасти, конечно, зависимость занятости от образования может быть обусловлена тем, молодые возрастные категории пенсионеров имеют более высокий уровень образования, однако по отдельным возрастным группам также прослеживается прямая связь указанных характеристик.

Существенно различается уровень занятости пенсионеров в зависимости от типов населенных пунктов. В городской местности работают 39% опрошенных лиц старше 55 лет, в поселках городского типа – 26%, в сельской местности – 25%. Сильные межпоселенческие различия обусловлены не столько возможностями сохранения прежнего места занятости, сколько проблематичностью в небольших населенных пунктах (в Коми поселки городского типа, как и сельские населенные пункты, характеризуются небольшой численностью населения: средняя людность составляет около 3,5 тыс. человек) найти работу, на которую в городе часто устраиваются пенсионеры: сторож, уборщица, дворник и пр. В селах и поселках таких рабочих мест немного, и заняты они обычно лицами в трудоспособном возрасте.

Несмотря на то что средний возраст мужчин в массиве опрошенных несколько ниже средне-

го возраста женщин (65 и 66 лет соответственно) и средневзвешенная субъективная оценка своего здоровья у них немного выше, чем у женщин (5,5 и 5,3 балла из 9) [13], уровень женской занятости оказался заметно больше: 35% против 29 у мужчин. При этом, как и в 2013 году, женщины пенсионного возраста гораздо чаще продолжают трудиться на прежнем месте работы: 75% против 65% опрошенных работающих мужчин старше 55 лет. Очевидно, что женщины в большей степени стараются держаться своего старого рабочего места даже с потерей в оплате при переходе на часть ставки, в то время как мужчины, настроенные на продолжение трудовой деятельности с достижением пенсионного возраста, активной ведут себя в поисках новой работы на текущем рынке труда или занимаются бизнесом. 5,6% работающих мужчин старше 55 лет указали, что трудятся на себя, по сравнению с 1,7% среди женщин.

Мотивы прекращения занятости в старших возрастах

Практически две трети (66,3%) участников опроса уже не работают. Почти все из них (за исключением двух человек) ответили на вопрос о причинах своей незанятости, некоторые отметили несколько вариантов ответов. Подавляющее большинство (почти 64% неработающих опрошенных старше 55 лет) указали в качестве причины незанятости – «заслужили отдых» (табл. 2). Необходимо отметить, что в 2013 году вопрос относительно мотивов прекращения занятости был открытым, опрашиваемые сами формулировали варианты ответов (среди них вариант про право на пенсионное обеспечение и тогда оказался самым распространенным).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Если Вы уже не работаете, напишите, почему?»

Вариант ответа	Валидный % (от количества ответивших – 1006 чел.)
Я на пенсии – заслужил отдых	63,7
Возраст уже не позволяет работать	17,1
Не могу работать по состоянию здоровья	17,0
Много работы по дому, на огороде, на даче	5,2
Нужно помогать детям в воспитании внуков	4,3
Ликвидировали предприятие (рабочее место), на котором я работал(а)	3,6
Пришлось уйти с работы, потому что работы молодым не хватает	3,0
Нужно ухаживать за больными, престарелыми родственниками	1,4
Другое	1,1
Всего	116,3

В 2018 году мы предложили вопрос в виде готовых подсказов. Выяснилось, что достижение пенсионного возраста является вполне достаточной причиной для ухода с работы, т. е. невысокий пенсионный возраст не способствует реализации активного долголетия населения. 17% неработающих пенсионеров выбрали подсказ «работать уже не позволяет возраст». Такие ответы распространены среди респондентов старше 75 лет. 17% опрошенных указали на состояние здоровья. Наиболее часто этот ответ встречается в самой молодой возрастной группе, что свидетельствует о том, что в 55–59 лет именно состояние здоровья играет существенную роль для принятия решения, продолжать ли трудовую деятельность или уйти на пенсию. Для молодых пенсионеров также заметную роль играют основания, связанные с необходимостью воспитания внуков и ухода за больными или престарелыми родственниками. Разумеется, эти причины больше характерны для женщин. В сельской местности довольно большое значение имеет необходимость заниматься приусадебным участком. В целом по массиву указанный мотив занимает четвертое место в группе причин незанятости. Вариант «Много работы по дому, на огороде, на даче» отметили 5,2% среди всех опрошенных, на селе – 9,3%.

Почти в 8% ответов в той или иной форме отмечен недостаток рабочих мест, поскольку к ним же относятся практически все суждения «Другое». Причем ликвидация предприятия (рабочего места) – скорее городское явление, а вариант «Пришлось уйти с работы, потому что работы молодым не хватает» – больше сельское.

Определенную информацию об отношении людей старшего возраста к работе дают ответы на вопрос «А хотели бы Вы сейчас, будучи на пенсии, еще поработать?» (табл. 3). Он был адресован всем участникам обследования, поэтому среди вариантов присутствовал ответ «Я и так работаю» (этот подсказ выбрали 20,4%

респондентов). Напомним, что на прямой вопрос «Работаете ли Вы в настоящее время?» утвердительно ответили 33,7% опрошенных. Почти три четверти ответивших «Я и так работаю» (74%) заняты на прежнем рабочем месте (67% – в условиях полной занятости, 7% – частичной), 17% – полную трудовую неделю на неквалифицированной работе. Таким образом, как и в 2013 году, полноценной занятостью пенсионеры считают в основном работу на своем старом месте и работу, не требующую квалификации, но на целую ставку. Прочая приносящая доход деятельность оценивается как временная, ситуативная, более того, как вынужденная, обусловленная лишь экономическими мотивами, нуждаемостью, недостатком пенсии. Она не приносит удовлетворения и в меньшей степени способствует увеличению продолжительности жизни у населения старшего возраста.

24,9% респондентов на вопрос «А хотели бы Вы сейчас, будучи на пенсии, еще поработать?» ответили утвердительно. Заметим, что 53,4% из них (13,3% от всех опрошенных) на момент проведения обследования являлись занятыми. Очевидно, они не удовлетворены своей работой и готовы ее поменять. 46,6% (11,6% всех респондентов, значение, практически тождественное полученному в 2013 году – 11,2% [29, с. 49]) – это неработающие пенсионеры, которые хотели бы устроиться на работу, т. е. резерв трудового потенциала людей пенсионного возраста, как и в 2013 году, составляет более 10%. Недостаточная степень реализации ресурсного потенциала старших поколений обусловлена тем, что в трудовой сфере нормативные границы трудоспособности/нетрудоспособности определяются пенсионным возрастом. Именно пенсионный возраст, на момент опроса составлявший в Республике Коми 50 лет для женщин и 55 для мужчин, задает ориентиры при конструировании стандарта «подходящего возраста» на рынке труда. Более того, как показы-

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «А хотели бы Вы сейчас, будучи на пенсии, еще поработать?»

Вариант ответа	Общий % (от количества участников опроса – 1521 чел.)
Да	24,9
Нет	54,6
Я и так работаю	20,4
Нет ответа	0,1
Всего	100,0

вают исследования, риску дискриминации в ситуации поиска работы подвержены не только лица старше трудоспособного возраста, но и значительная часть людей нормативно-трудоспособного возраста – примерно за 10–15 лет до достижения пенсионного и даже предпенсионного возрастного порога [36]. Чем ниже пенсионный возраст, тем моложе возрастная дискриминация на рынке труда, тем значительней резерв недоиспользованного трудового потенциала населения старших возрастов, тем ниже реализация активного долголетия.

Большинство опрошенных (54,6%) на вопрос о наличии желания поработать на пенсии ответили отрицательно, т. е. свыше половины людей старше 55 лет считают, что уже заслужили право на отдых. Безусловно, распространенность этого варианта ответа очень тесно связана с возрастом. В 55–59 лет лишь немногим более 25% респондентов предпочитают больше не работать, в 60–64 года – 43%, в 65–69 лет – 64%, в 70–74 года – почти 80%, старше 75 лет – от 85 до 100%. Таким образом, как и в 2013 году, стремление продолжать трудиться преобладает примерно до 65 лет, а в старших возрастах большая часть опрошенных предпочитает заслуженный отдых.

Отсутствие желания продолжать работу в пенсионном возрасте имеет обратную зависимость от уровня образования. Среди респондентов с высшим образованием 48% опрошенных отметили, что больше не хотят работать, со средним специальным – 54%, с начальным профессиональным – 64%, без профессионального образования – 70%. Более распространено

стремление отдохнуть от работы в пенсионном возрасте среди мужчин, однако разница статистически незначима (56% против 54 у женщин), а также в небольших населенных пунктах (59% на селе и 62 – в поселках городского типа против 52% в городе), что может быть связано с более тяжелыми в среднем условиями труда и высокой занятостью жителей сел и поселков в домашнем хозяйстве и нетоварном сельхозпроизводстве. Иными словами, желание продолжать трудиться в пенсионном возрасте зависит не только от возраста и хорошего состояния здоровья, но и от условий деятельности и наличия достаточного свободного времени, чтобы избежать двойной нагрузки.

Повседневная занятость неработающих пенсионеров

Неработающим пожилым людям был предложен вопрос «Если Вы не работаете, то как Вы можете охарактеризовать свою занятость?», предполагающий выбор нескольких вариантов ответа. Как и в 2013 году [29, с. 51], наиболее распространенными оказались ответы «Работаю на огороде, на даче» (43,0% незанятых участников опроса) и «Работаю по дому» (40,5%), которые поменялись местами, а также «Помогаю детям с внуками» (37,1%; табл. 4). 14,6% неработающих пожилых людей отметили «Делаю разные поделки, шью, вяжу, занимаюсь вышивкой и пр.». Такая деятельность близка к работе по дому. Учитывая, что вопрос предполагал альтернативные варианты ответа, можно заключить, что по меньшей мере 43% неработающих пенсионеров весьма активны в ведении домашнего хозяйства.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Если Вы не работаете, то как Вы можете охарактеризовать свою занятость?»

Вариант ответа	Валидный % (от количества неработающих пенсионеров – 1008 чел.)
Работаю на огороде, на даче	43,0
Работаю по дому	40,5
Помогаю детям с внуками	37,1
Занимаюсь общественной работой	15,6
Делаю разные поделки, шью, вяжу, занимаюсь вышивкой и пр.	14,6
Занимаюсь творчеством (пишу стихи, воспоминания, рисую и пр.)	4,7
Время от времени подрабатываю по своей прежней специальности	2,0
Другое	4,8
Нет ответа	9,1
Всего	165,8

Обращает на себя внимание, что существенно, почти в два раза, по сравнению с результатами обследования 2013 года возрос процент неработающих пожилых людей, занимающихся общественной деятельностью: 15,6% против 8,3. В связи с этим соответствующий вариант ответа поднялся на четвертую позицию. Пишут на досуге стихи, воспоминания, рисуют, занимаются иным творческим видом деятельности 4,7% людей старшего возраста (по сравнению с 2,7% в 2013 году). 2,0% официально не занятых пожилых людей отметили, что время от времени подрабатывают по своей прежней специальности. 4,8% неработающих пенсионеров написали ответы в варианте «Другое». В отличие от обследования 2013 года, когда эти суждения главным образом относились к домашнему хозяйству, в 2018 году они в основном характеризуют активную спортивную, творческую и благотворительную деятельность. 9,1% неработающих не охарактеризовали свою занятость.

В целом можно отметить, что за пять лет между обследованиями неработающие лица старше 55 лет стали более активными вне дома. Тем не менее для них по-прежнему важны семья и домашнее хозяйство. Буквально до 75 лет не менее 35% из них работают не только по дому, но и на даче, в огороде, свыше трети помогают детям с внуками. Эти виды занятости с образованием не коррелируют, однако в общественных делах и при вовлечении в творческие занятия более деятельными оказались люди с высшим и средним специальным образованием. Женщины в целом активней отвечали на этот вопрос, поэтому почти по всем вариантам повседневной занятости они опережают мужчин: в домашнем и дачном хозяйстве, в помощи детям с внуками, в общественной деятельности, в творчестве, в изготовлении разного рода поделок. Неработающие мужчины старшего возраста чаще женщин занимаются подработками по своей прежней специальности и спортом. Очень инициативными показали себя пожилые неработающие сельские жители. Среди них, так же как и среди женщин, гораздо меньше не ответивших на вопрос о занятости. Они активны не только в работах по дому и огороду, но и в помощи по уходу за внуками, в общественной деятельности, рукоделии и творчестве.

Выводы

Таким образом, после приостановки индексации пенсий работающим пенсионерам в России произошло резкое сокращение занятости пенсионеров по возрасту, что не только сократило уровень их доходов и снизило использование трудового потенциала людей пенсионного возраста, но и способствовало уменьшению продолжительности активной здоровой жизни. В северных регионах, где размер пенсии выше, а ее индексация происходит с более молодых возрастов, официально работающие пенсионеры быстрее отреагировали на приостановку индексации. Социологические исследования населения старше 55 лет, проведенные в 2013 и 2018 гг., показали, что возраст, уровень образования и тип населенного пункта являются наиболее значимыми детерминантами для трудовой активности пожилых людей, существуют также гендерные особенности стратегии поведения в трудовой сфере. Структура занятости в старших возрастах достаточно устоявшаяся: свыше 70% работают на своих прежних рабочих местах, более 20% заняты на неквалифицированной работе, куда обычно может устроиться пенсионер. При этом с возрастом не только снижается доля работающих пенсионеров, но среди них сокращается процент занятых на прежнем месте работы: характерная для российского внешнего рынка труда возрастная дискриминация дублируется дискриминацией на внутреннем рынке. Во многом это связано с нехваткой рабочих мест. Трудовой потенциал лиц старшего возраста используется недостаточно. Судя по результатам обоих исследований, резерв составляет свыше 10%: более десятой части опрошенных лиц пенсионного возраста не заняты, но хотят работать. У людей в возрасте до 65 лет преобладает стремление продолжать трудовую деятельность, которое зависит от состояния здоровья, условий труда, а также остроты проблемы двойной занятости: на работе и в семейном хозяйстве. В условиях нарастания экономических вызовов демографического старения обществу следует ориентироваться на максимально полное использование трудового потенциала населения старших возрастов с целью получения «второго демографического дивиденда». Для этого необходимо устранить все проявления возрастной дискриминации в трудовой сфере.

Поскольку в конструировании стандарта «подходящего возраста» на рынке труда ориентиры задает пенсионный возраст, состоявшееся его увеличение будет способствовать снижению эйджизма в сфере занятости, по крайней мере поднятию возрастной границы начала его проявления, росту использования ресурсного потенциала старшего поколения и реализации здорового и активного долголетия. Следует отметить введенные в конце 2015 года двойные стандарты в пенсионном обеспечении работающих и неработающих пенсионеров — наоборот, необходимо всемерно активизировать пожилых людей, стимулировать их занятость.

Неработающие лица старшего возраста за пять лет между обследованиями стали более активными вне дома, тем не менее они по-прежнему в основном ориентированы на семью и домашнее хозяйство. В настоящее время, когда наблюдается ускорение постарения населения, на повестку дня выходит необходимость улучшать условия для вовлеченности всех представителей старшего возраста в социально полезную деятельность. Первостепенной задачей становится целенаправленное, последовательное воздействие на общественное сознание для формирования культуры старения и отношения к пожилым людям.

Литература

1. Skinner B.F., Vaughan M.E. *Enjoy old age: A practical guide*. New York: W.W. Norton & Company, 1997.
2. Vincent J. *Old age*. London: Routledge, 2003.
3. Елютина М.Э., Чеканова Э.Е. Социальная геронтология. М., 2010.
4. Рогозин Д.М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 62–93.
5. Рогозин Д.М. Трудные жизненные ситуации в представлениях старшего поколения россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 5 (117). С. 32–51.
6. Collard F. Age groups and the measure of population aging. *Demographic Research*, vol. 29, art. 23, pp. 617–640. Published 27 september 2013.
7. Isopahkala-Bouret U. Graduation at age 50 +: Contested efforts to construct “third age” identities and negotiate cultural age stereotypes. *Journal of Aging Studies*, 2015, vol. 35, pp. 1–9.
8. World Health Organization. *Active Ageing – A Policy Framework. A contribution of the World Health Organization to the Second United Nations World Assembly on Ageing*, Madrid, Spain, April 2002. Geneva, Switzerland: World Health Organization.
9. European Union. *European Year for Active Ageing and Solidarity between Generations (2012). European Implementation Assessment*. Brussels: European Union, 2015.
10. *Active Ageing Index 2014: Analytical Report*. UNECE/European Commission, 2015.
11. Kutubaeva R.Zh Analysis of life satisfaction of the elderly population on the example of Sweden, Austria and Germany. *Population and Economics*, 2019, no. 3(3), pp. 102–116. URL: <https://doi.org/10.3897/popreson.3.e47192> (дата обращения 22.11.2019).
12. Попова Л.А., Зорина Е.Н. Состояние здоровья населения старшего возраста в регионе как фактор увеличения продолжительности жизни // Россия: тенденции и перспективы развития. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. М., 2019. Ч. 2. С. 700–705.
13. Попова Л.А., Тараненко Н.Н. Оценка состояния здоровья пожилых людей в условиях новой кампании диспансеризации населения (на примере Республики Коми) // Социальное пространство. 2019. № 5. DOI: 10.15838/sa.2019.5.22.8
14. Walker A. Work and Income in the Third Age – an EU Perspective . The Geneva Papers on Risk and Insurance. *Issues and Practice*, vol. 19, no. 73. Studies on the four pillars (October 1994), pp. 397–407.
15. Appannah A., Biggs S. Age-Friendly Organisations: The Role of Organisational Culture and the Participation of Older Workers. *Journal of Social Work Practic*, 2015, vol. 12, no. 29(1).
16. McVittie Ch., McKinlay A., Widdicombe S. Passive and active non-employment: Age, em-ployment and the identities of older non-working people. *Journal of Aging Studies*. 2008, no. 22, pp. 248–255.

17. Croix D. de la, Pierrard O., Sneessens H.R. Aging and pensions in general equilibrium: Labor market imperfections matter. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 2013, vol. 37, is. 1, pp. 104–124.
18. Bell D.N.F., Rutherford A.C. Older workers and working time. *The Journal of the Economics of Ageing*, 2013, vol. 1–2, pp. 28–34.
19. Haza M. Longevity and Lifetime Labor supply: Evidence and Implications. *Econometrica*, 2009, November, no. 77, pp. 1829–1863.
20. Kautonen T., Tornikoski E.T. and Kibler E. Entrepreneurial intentions in the third age: the impact of perceived age norms. *Small Business Economics*, vol. 37, no. 2 (September 2011), pp. 219–234.
21. Синявская О.В. Российская пенсионная реформа: куда идти дальше? // SPERO. 2010. № 13. С. 187–210.
22. Шмелёв Ю.Д., Ишаева А.Д. Проблемы реформирования системы пенсионного обеспечения в РФ // Финансы. 2012. № 2. С. 50–53.
23. Роик В.Д. Пенсионная реформа: нужна концепция социального контракта поколений россиян для XXI века // ЭКО. 2012. № 2. С. 58–71.
24. Кудрин А., Гурвич Е. Старение населения и угроза бюджетного кризиса // Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 52–79.
25. Соловьев А.К. Актуарный прогноз долгосрочного развития пенсионной системы России // Финансы. 2012. № 5. С. 57–63.
26. Соловьев А.К. Модернизация пенсионной системы России как базовый фактор устойчивого социально-экономического развития регионов // Регионы Евразии: стратегии и механизмы модернизации, инновационно-технологического развития и сотрудничества. Труды Первой науч.-практ. конф. / ИНИОН РАН. М., 2013. Ч. 1. С. 324–327.
27. Анализ факторов, влияющих на принятие решения относительно возраста выхода на пенсию / А.Г. Аганбегян [и др.]. М., 2014. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23507815> (дата обращения 22.11.2019).
28. Маньшин Р.В., Лукьянец А.С. Основные направления реформирования пенсионной системы России в условиях старения населения // Проблемы демографического развития государств Таможенного союза и стратегические подходы к дальнейшему наращиванию демографического потенциала: матер. Междунар. науч.-практ. конфер. (Москва, 13-14 октября 2015 г.). М., 2015. С. 90–93.
29. Попова Л.А., Зорина Е.Н. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах России. Сыктывкар, 2014.
30. Шерешева М.Ю. Маркетинг услуг для людей зрелого возраста: мифы и реальные ценности // Все плюсы зрелого возраста. Вып. 3. М., 2014. С. 91–94.
31. Lee R., Mason A. Some macroeconomic aspects of global population aging. *Demography*, 2010, no. 47 (1), pp. 151–172.
32. Lee R., Mason A. and members of the NTA Network. Is low fertility really a problem? Population aging, dependency, and consumption. *Science*, 2014, no. 346 (6206), pp. 229–234. DOI: <https://science.sciencemag.org/content/346/6206/229>.
33. Sidorenko A. Demographic transition and “demographic security” in post-Soviet countries. *Population and Economics*, 2019, no. 3 (3), pp. 1–22. Available at: <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e47236> (дата обращения 22.11.2019).
34. Галин Р.А., Яппарова Р.Р. Использование трудового потенциала лиц пенсионного возраста в условиях трансформации демографической структуры населения // Регион: экономика и социология. 2015. № 3 (87). С. 171–189.
35. Хоткина З.А. «Нормальный трудовой потенциал» и дискриминация по возрасту // Народонаселение. 2013. № 3. С. 27–37.
36. Козина И.М., Зангиева И.К. Возрастная дискриминация при приеме на работу // Дискриминация на рынке труда: современные проявления, факторы и практики преодоления: матер. круглого стола ИЭ РАН. М., 2014. С. 50–63.
37. Левинсон А.Г. Институциональные рамки старости // Вестник общественного мнения: данные, анализ, дискуссии. 2011. Т. 109. № 3. С. 52–81.

Сведения об авторах

Лариса Алексеевна Попова – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: popova@iespn.komisc.ru)

Елена Николаевна Зорина – научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zorina@iespn.komisc.ru)

Popova L.A., Zorina E.N.

Implementing Active Aging in the Labor Sphere (Case Study of the Republic of Komi)

Abstract. The goal of this paper is to investigate issues related to active aging and resource potential of the older population in the labor sphere: we assess the level and nature of employment of working pensioners and daily engagement of the unemployed in the conditions of reforming the Russian pension system. This topic is relevant due to Russia's transition to the Western model of aging and the adoption of a law on raising the retirement age. The sources of information include official statistics and the findings of the sociological research "Problems of the third age" that we conducted in 2013 and 2018. After Russia had suspended the indexation of pensions to working pensioners, it witnessed a sharp decline in employment of old-age pensioners, which led to a decrease in their income level, lower employment potential of people of retirement age and a reduction in the duration of active life. Studies prove that age, education, and the type of locality, as well as gender-specific behavioral strategies in the workplace are among the strongest employment determinants for older people. There is a fairly stable employment structure in the older population: more than 70% retain their current job, more than 20% find unskilled jobs that are usually in demand among pensioners. As the age increases, not only does the share of working pensioners decrease, but also the percentage of those employed in the same workplace as before retirement decreases. Age discrimination typical of the Russian external labor market is duplicated by discrimination in the domestic market. The labor potential of older people is not utilized to its fullest extent: the reserve is more than 10%. People under 65 have a predominant desire to continue working, depending on their health status, working conditions, and the severity of the issue of double employment. In the five years that have passed between the surveys, unemployed elderly people became more engaged in activities beyond their home life; nevertheless, they are still mostly focused on their family and household.

Key words: demographic aging, older population, active aging, retirement age, resource potential, labor activity, daily engagement, Komi Republic.

Information about the Authors

Larisa A. Popova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Deputy Director for Science, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Science Centre, Ural Branch of RAS (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russian Federation; e-mail: popova@iespn.komisc.ru)

Elena N. Zorina – Researcher, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Science Centre, Ural Branch of RAS (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russian Federation; e-mail: zorina@iespn.komisc.ru)

Статья поступила 16.12.2019.

Тенденции и перспективы социодемографической динамики России: философско-хозяйственный подход*

Валентина Григорьевна

ДОБРОХЛЕБ

Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский пр., д. 32
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация, 119333, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1
E-mail: vdobrokhleb@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4864-8231; ResearcherID: B-1337-2017

Татьяна Юрьевна

ЯКОВЕЦ

Международный институт Питирима Сорокина – Николая Кондратьева
Москва, Российская Федерация, 101000, Сретенский б-р, д. 6/1, стр. 1
E-mail: tzag@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5658-7950; ResearcherID: AAI-6474-2020

Аннотация. Целями исследования являются анализ долгосрочной исторической динамики социодемографических процессов в России на 500-летнем периоде и разработка направлений для преодоления текущего социодемографического кризиса. Новизна исследования состоит в рассмотрении циклических социодемографических процессов со значительным временным горизонтом (полтысячелетия), изучении влияния на демографические бифуркации мер государственного регулирования в стране начиная со «смутного времени», через реформы 1861 года, революции 1917 и трансформации 1991 года. В научный оборот вводится статистическая информация о населении России начиная с 1500 года до настоящего времени; предлагается использовать философско-хозяйственный подход (теорию хозяйства народонаселения) при

* Статья публикуется при финансовой поддержке РФФИ грант № 19-010-00136 «Фундаментальные основы и система приоритетов долгосрочной стратегии преодоления социодемографического кризиса в мире и в России».

Для цитирования: Доброхлеб В.Г., Яковец Т.Ю. Тенденции и перспективы социодемографической динамики России: философско-хозяйственный подход // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 157–170. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.10

For citation: Dobrokhleb V.G., Yakovets T.Yu. Trends and prospects in sociodemographic dynamics of Russia: philosophical and economical approach. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 157–170. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.10

анализе проблем народонаселения на основе теории философии хозяйства и теории хозяйства С.Н. Булгакова и Ю.М. Осипова, профессоров МГУ им. М.В. Ломоносова; к 2025 году разработать и принять Социальную доктрину РФ. На историческом материале доказывается, что механизмы и институты государственного регулирования в стране могут создавать условия, влияющие на изменение репродуктивного поведения населения. Дается сравнительный анализ предлагаемой теории «хозяйства народонаселения» и традиционных — экономической демографии и экономики народонаселения, описываются основные постулаты теории «хозяйства народонаселения». Отмечаются факторы, которые необходимо учитывать при построении Социальной доктрины РФ. Результаты исследования могут быть использованы при обосновании долгосрочной стратегии социодемографической политики в России.

Ключевые слова: социодемографические процессы, демографические циклы, социальная доктрина, социодемографический комплекс, хозяйство народонаселения.

Введение

На протяжении XX века в мире произошел поворот к выработке стратегии регулирования воспроизводства населения на государственном уровне и уровне ООН. Особенно это актуально для стран, в которых наблюдается депопуляция. К данной группе государств относится Россия, в ней с 2017 года фиксируется второй за период новейшей истории этап депопуляции, что говорит о кризисных явлениях в социально-экономической сфере [1].

В таких условиях перед учеными России встает задача разработать адекватную кризисной ситуации теорию народонаселения. Традиционно эти проблемы входят в сферу экономической демографии и экономики народонаселения. Мы предлагаем дополнить указанные подходы исследованием организации воспроизводства народонаселения — теорией хозяйства народонаселения.

При ее разработке мы акцентировали внимание на следующих моментах:

- 1) описание основных положений теории хозяйства народонаселения;
- 2) циклические колебания в социодемографических процессах, без которых невозможно адекватно их регулировать на уровне государства;
- 3) рассмотрение динамики социодемографического развития на протяжении последних 500 лет с учетом четырех точек бифуркации¹ («смутное время», реформы 1861 года, рево-

¹ Точка бифуркации — смена установившегося режима функционирования системы.

люции 1917 года, трансформации 1991 года) с целью применения исторического подхода к социодемографическим процессам, позволяющего не только учесть особенности демографической динамики России, но и показать, что бифуркации в государственном социально-экономическом регулировании вызывают изменения в репродуктивном поведении народонаселения. Это положение оспаривается рядом ученых-демографов.

Настоящая кризисная социодемографическая ситуация в России на уровне государства должна преодолеваться в 2018–2024 гг. с помощью реализации системы национальных проектов. Для соблюдения преемственности в государственном социальном регулировании в России мы предлагаем к 2025 году разработать и принять на уровне федерального закона Социальную доктрину РФ, в которой необходимо отразить то, что по Конституции РФ страна постулирована социальным государством. Взаимосвязанными целями Доктрины должны стать:

- 1) преодоление депопуляции;
- 2) повышение уровня и качества жизни населения России;
- 3) соблюдение социальной безопасности РФ [2].

Социальная доктрина РФ должна включать в себя описание механизмов и институтов государственного регулирования процессов воспроизводства населения страны, что является предметом теории хозяйства народонаселения.

1. Теория хозяйства народонаселения

Экономическими проблемами народонаселения занимаются такие науки, как экономическая демография и экономика народонаселения. Рассмотрим, чем эти подходы отличаются от предлагаемой нами теории хозяйства народонаселения.

Экономическая демография и экономика народонаселения опираются на достижения политэкономической науки, а теория хозяйства народонаселения – на разработанную в 1995–1998 гг. профессором МГУ им. М.В. Ломоносова Ю.М. Осиповым *теорию хозяйства*². Отличаются они и философской базой: первые две строятся на базе экономического материализма, теория хозяйства – на базе *философии хозяйства*, которая разработана в МГУ С.Н. Булгаковым и в 1912 году защищена им в качестве докторской диссертации [3] (табл. 1).

Рассмотрим основные положения теории хозяйства народонаселения.

1. Воспроизводство населения есть одновременно семейное и общественное воспроизводство. Общественное воспроизводство населения предстает как организм, в котором все семьи (клеточки организма) не просто взаимодействуют, но находятся в определенном образом упорядоченном взаимоположении. Каждая семья – это система. На уровне семей воспроизводство населения осуществляется на первый взгляд стихийно. В то же время человечество, как общественный организм, входит в

цивилизации, состоящие из государств. Внутри каждого государства законодательно оформлен институт брака.

Ниже будет рассмотрено, как кардинальные изменения социально-экономических условий в стране влияют на естественное воспроизводство населения. В настоящее время регулирование этих процессов перемещается на глобальный уровень. В документах ООН XXI века³ определены цели устойчивого развития, большинство из которых связано с социодемографическими процессами. До этого в 1961 году была разработана и принята Европейская социальная хартия – конвенция Совета Европы, закрепляющая ряд социальных прав человека (в 2009 году к ней присоединилась РФ), что не могло не отразиться на социодемографических процессах в Европе. Таким образом, человечество, как единый общественный организм, начинает уделять внимание организации воспроизводства народонаселения Земли.

2. Благо, которое является продуктом воспроизводства народонаселения, – это человек. Организация воспроизводства – особая сфера деятельности человека, деятельность по такой организации есть *хозяйствование*. В экономике народонаселения для описания экономических механизмов воспроизводства народонаселения на уровне домохозяйств за основу берется теория нобелевского лауреата Гэри Беккера [4]. Считается, что спрос на детей формируется под влиянием домохозяйственных факторов,

Таблица 1. Сравнение теорий народонаселения

	Экономическая демография	Экономика народонаселения	Хозяйство народонаселения
Философская база	Экономический материализм	Экономический материализм	Философия хозяйства С.Н. Булгакова (МГУ, 1912)
Научная база	Политэкономия	Политэкономия	Теория хозяйства Ю.М. Осипова (МГУ им. М.В. Ломоносова, 1995–1998)
Объект исследования	Народонаселение	Народонаселение	Народонаселение
Предмет исследования	Влияние демографических процессов и структур на развитие экономики	Влияние экономики на демографические процессы воспроизводства населения	Организация воспроизводства народонаселения

² Осипов Ю.М. Теория хозяйства: учеб. В 3-х т. Т. 1. М.: Издательство МГУ, 1995. 458 с.

³ Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. Available at: <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015/transformingourworld> (дата обращения 18.09.2019).

в первую очередь дохода домохозяйства. Такое репродуктивное поведение характерно для «человека экономического». В то же время в рамках человечества существуют самые разнообразные формы репродуктивного поведения⁴, особенности которых необходимо учитывать при организации воспроизводства народонаселения.

3. **Хозяйство** — более богатое по содержанию понятие, чем собственно организация производства. Это не только организация как таковая, но и то, что подвергается организации, является ее непосредственной — объективной — средой⁵. Таким образом, **хозяйство народонаселения** — это деятельность человечества по организации воспроизводства народонаселения, которая охватывает как организационную деятельность на уровне регионов, государств, цивилизаций, всего человечества, так и само народонаселение. По определению Ю.М. Осипова, теория хозяйства изучает устройство хозяйственной жизни, т. е. характерные для нее отношения, закономерности и механизмы, эффективность функционирования хозяйственных институтов и систем, их динамику и тенденции развития, влияние хозяйственной жизни на природу и общество⁶.

4. Каждое общественное хозяйство — это система, совокупность частных хозяйственных систем, т. е. семей. Семьи — не просто элементы общественного воспроизводства населения, но и его органические составные части. Хозяйства отличаются друг от друга разными устройствами, способами организации. Главная функция хозяйства — производство благ, в случае хозяйства народонаселения — людей. В хозяйственной жизни человек представлен и выражен трудом. Воспроизводство народонаселения —

это особая сфера труда, которая охватывает как внутрисемейные отношения, так и отрасли **социодемографического комплекса** страны. Он включает сферу услуг (здравоохранение и медицинское обслуживание; образование во всех его формах; социальное обеспечение и обслуживание различных категорий населения, требующих заботы общества и государственной поддержки; культура, отдых и туризм; физкультура и спорт); агропродовольственный комплекс, в том числе производство и переработку продовольствия; жилищно-коммунальное хозяйство; легкую промышленность; пассажирский и личный транспорт, персональную связь⁷. Состав отраслей указанного комплекса исторически менялся, так как он зависит от способа хозяйства народонаселения, который складывается в результате исторического развития человечества. Социодемографический комплекс формируется на глобальном, национальном и региональном уровнях. Если в других странах он характеризовался эволюционным развитием, то в России прошел две точки бифуркации — 1917 и 1991 гг. В связи с этим историю формирования данного комплекса необходимо рассматривать на трех исторических интервалах — до 1917 года, с 1917 по 1991 год и с 1991 года. Каждый из них отличался своим способом хозяйства народонаселения.

5. Теория этногенеза [7] предполагает рассмотрение нации как синтеза этносов, в нее входящих. Для Российской империи скрепом являлся русский этнос. Но в таком полиэтническом государстве, как РФ, при анализе необходимо исходить из синтеза социодемографических процессов, происходящих в различных этнических группах. В связи с этим социодемографический комплекс страны можно рассматривать как на макроуровне, так и с выделением регионов: Москва, Санкт-Петербург, мусульманские регионы европейской части России без Северного Кавказа, Северный Кавказ, прочая европейская часть России без Арктики, Дальний Восток без Арктики, Сибирь без Арктики, арктические регионы России. В каждом из них существуют особенности

⁴ В рамках выполнения гранта РГНФ № 16-02-0029 «Социодемографическая эволюция России и других стран БРИКС: закономерности, тенденции и перспективы» (2016–2018 гг.) нами были исследованы особенности и тенденции динамики семьи в странах БРИКС [5] и особенности социодемографических процессов и их регулирования на макроуровне в странах БРИКС [6]. Проведенный анализ показал, что для разных цивилизаций характерны особые характеристики как внутрисемейного поведения, так и его макрорегулирования.

⁵ Осипов Ю.М. Теория хозяйства: учеб. в 3-х т. Т. 1. М.: Издательство МГУ, 1995. С. 20.

⁶ Там же, с. 30.

⁷ В случае расширенной трактовки социодемографического комплекса страны в него можно включить розничную торговлю и услуги населению банковской сферы.

самосохранительного поведения населения, различаются природно-климатические условия, ВРП на душу населения, миграционные потоки, что накладывает отпечаток на характер функционирования их социодемографического комплекса.

6. Особая роль в хозяйстве народонаселения принадлежит государству. Ю.М. Осипов отмечает, что государство не может не заниматься хозяйством, а хозяйство не может обойтись без государства, его властной воли и общественных функций⁸. Основные этапы государственного регулирования социодемографических процессов в России описаны в нашей монографии [8]. Для реализации хозяйственной функции государства по организации воспроизводства народонаселения на период после 2024 года мы предлагаем к 2025 году разработать и принять Социальную доктрину РФ. Руководитель отечественной научной социодемографической школы член-корреспондент РАН, советник РАН Н.М. Римашевская предложила разработать социальную доктрину еще в 2003 году [9]. В 2010 году Центр С.С. Сулакшина выпустил монографию с методологией создания социальной доктрины РФ [10]. Социальная доктрина должна стать федеральным законом, определяющим способ хозяйства народонаселения в России на следующий после 2025 года временной интервал.

Таким образом, мы рассмотрели основные положения предлагаемой нами теории хозяйства народонаселения. Разработка Социальной доктрины РФ в условиях депопуляции связана прежде всего с созданием оптимальных условий для организации воспроизводства народонаселения в стране, то есть с хозяйством народонаселения. Одновременно этот документ должен содержать положения, позволяющие поддерживать состояние социальной безопасности в России.

Обратимся к основным моментам, которые необходимо учесть в социальной доктрине.

1. Эксперты предсказывают резкое сокращение традиционных рабочих мест в связи с переходом к «цифровой экономике» и роботизации производства⁹. В условиях повышения пенсионного возраста в стране встает вопрос о трудоустройстве трудоспособного населения. В то же время прогнозируется сокращение когорт в трудоспособном возрасте и рост иждивенческой нагрузки на трудоспособное население [11]. Все эти вопросы должны быть увязаны для выработки наиболее благоприятной для населения социальной политики.

2. «Демографические волны» создают циклические колебания в социодемографических процессах в России. Для каждого качественно однородного периода такой «волны» должна разрабатываться своя социальная политика.

3. Выше уже отмечалась региональная неоднородность социодемографических процессов на территории России, поэтому разработка Доктрины должна быть направлена как с федерального уровня на региональный, так и с регионального уровня на федеральный путем их пошаговой увязки.

4. Разработка социальной доктрины РФ предполагает ее принятие как федерального закона (по аналогии с Военной доктриной РФ) на определенный временной интервал.

5. В связи с текущим положением в области проблем народонаселения России необходимо включить в структуру Доктрины два момента: во-первых, проблему предотвращения ускоренной депопуляции Дальнего Востока, во-вторых, переход от господства агрохолдингов к росту числа крестьянских фермерских хозяйств и сельскохозяйственной кооперации как основы развития сельских территорий.

Социальная доктрина РФ может стать инструментом государственной социодемографической политики России, проводимой на национальном уровне, с учетом территориальных особенностей многонационального государства.

При разработке Доктрины необходимо перейти от экстраполяции к учету циклического характера социально-экономических и демографических процессов, что повысит адекватность прогнозных расчетов.

При разработке Доктрины необходимо перейти от экстраполяции к учету циклического характера социально-экономических и демографических процессов, что повысит адекватность прогнозных расчетов.

⁸ Осипов Ю.М. Теория хозяйства: учеб. В 3-х т. Т. 1. М.: Издательство МГУ, 1995. С. 108.

⁹ WEF (2017). Accelerating Workforce Reskilling for the Fourth Industrial Revolution. Available at: <https://www.weforum.org/whitepapers/accelerating-workforce-reskilling-for-the-fourth-industrial-revolution> (дата обращения 01.08.2019).

2. Циклы в социодемографическом развитии России

Традиционно демография изучает постоянное возобновление населения как смену поколений людей новыми поколениями, что можно рассматривать как цикл¹⁰. Поколение — это социально-демографическая и культурная общность, объединяющая людей приблизительно одного возраста. Границы поколений исторически менялись со сменой возрастной структуры населения и продолжительности жизни. Закон смены поколений отражает закономерности циклической динамики общества, что позволяет говорить о циклических процессах в качестве предмета демографии как социальной науки¹¹.

Нам представляется, что в сочетании циклических и ациклических процессов создается уникальный характер динамики воспроизводства населения мира, цивилизаций, отдельных государств.

Анализ демографических процессов с точки зрения исторического подхода показал наличие длительных циклов. Первый сверхдолгосрочный демографический цикл протекал в период неолитической революции и первобытного общества, второй — при рабовладельческой цивилизации, третий — при средневековой, четвертый — во время раннекапиталистической и капиталистической цивилизаций [12]. В своем исследовании мы остановимся на особенностях протекания 500-летнего периода последнего сверхдолгосрочного демографического цикла в России.

Выбор такого интервала развития для нашей страны обоснован тем, что в науке и ранее выделялись долгосрочные (четырёхсотлетние) циклы развития. Например, в исследованиях Института экономических стратегий находим выдвинутую и подтвержденную расчетным путем с использованием теории социальной турбулентности и классических методов исторической науки гипотезу о наличии в россий-

ской истории особых длинных циклов. Авторы гипотезы называют их «ритмом российской истории, ее удивительным хрононом» [13, с. 5].

Помимо долгосрочных демографических циклов ученые выделяют периодические среднесрочные колебательные процессы как в воспроизводственной, так и в социокультурной областях, которые накладывают отпечатки на характер протекания демографических процессов. Они могут быть названы социодемографическими. Их изучением занимается научная школа Н.М. Римашевской.

В экономических воспроизводственных процессах двигателем развития воспроизводства служит научно-технологический прогресс. Он задает темпы колебаний посредством создания эпохальных (для вековых циклов), базисных (для долгосрочных Кондратьевских циклов и смены поколений техники), улучшающих (для среднесрочных и краткосрочных циклов и смены поколений техники) инноваций.

По мнению С.Ю. Глазьева, не только воспроизводственные процессы трансформируются при переходе экономики от одного технологического уклада к другому, но происходит и смена мирохозяйственных укладов. Ученый выделяет торгово-монополистический, имперский, индустриальный и интегральный мирохозяйственные уклады, в каждом из которых существует семейно-родовой контур, обеспечивающий воспроизводство населения [14]. Данный контур сохраняет относительную автономность, что позволяет уберечь историческую память и способность общественного сознания регенерировать социальные структуры. Развал этого контура, по мнению С.Ю. Глазьева, сопровождается взрывом неуправляемой социальной энергии и агрессии.

Исследование Клауса Шваба [15] также показывает, что наблюдаемый сейчас в мировой экономике научно-технологический переворот приводит к изменению характеристик воспроизводственных процессов, в том числе и в выделяемом С.Ю. Глазьевым семейно-родовом контуре.

Таким образом, экономические воспроизводственные процессы находятся под влиянием циклических колебаний, что не может не сказаться на социодемографической динамике.

¹⁰ Доброхлеб В.Г., Джавадова С.А. Демография: курс лекций. М.: РГУ, 2012. 247 с.

¹¹ Представляет интерес социологический анализ поколений, проведенный Е.И. Ивановой в ее диссертационном исследовании «Социально-демографические поколения современной России: воспроизводство и взаимодействие». URL: <https://famous-scientists.ru/list/14614> (дата обращения 21.12.2019).

Но в научной литературе описываются циклы и в социокультурной сфере, что сказывается на социодемографических характеристиках общества. Вопрос о влиянии социокультурных факторов на характеристики демографических процессов исследован Ж.А. Калабаевой¹². Колебательная социокультурная динамика отмечена многими учеными. Так, социолог Питирим Сорокин [16] говорил, что в русле мировой истории происходят колебания от чувственного социокультурного строя к идеациональному и обратно, возможен интегральный социокультурный строй. Историк А.С. Ахиезер пишет, что в социокультурных областях в России наблюдается периодическая инверсия общественного сознания, что объясняется российской спецификой преодоления общественного дискомфорта [17]. Экономист В.Т. Рязанов описывал происходящие в стране в XIX–XX вв. неоднократные переходы от либерализма к консерватизму [18]. Исследователем в области исторической социологии Б.Н. Мироновым проанализированы характеристики естественного воспроизводства населения Российской империи в XVIII–начале XX века [19]. Это период конца раннекапиталистического и начала капиталистического цикла общественного воспроизводства в стране. Б.Н. Миронов убедительно доказал, что за это время произошел переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения, от составной семьи к малой (в трактовке данного автора) и от авторитарности к демократизму во внутрисемейных отношениях.

Помимо долгосрочных циклов в рамках научного цивилизационного подхода учеными [20; 21] выдвигается гипотеза о трех «волнах» развития человечества. И именно при переходе от второй к третьей «волне» возникло такое социальное явление, как «демографический переход».

Учет цикличности при анализе социодемографических процессов — новое направление исследований. Для его реализации необходимо построить взаимосвязанную систему интерак-

тивных имитационных моделей, описывающих протекание процессов разной длительности в их взаимозависимости, что делает исследование междисциплинарным. Переход к вычислительным возможностям современных «цифровых технологий» позволит на практике реализовать данную задачу при прогнозировании долгосрочных социодемографических процессов. Но для таких прогнозов потребуется рассмотреть историческую социодемографическую динамику на долгосрочной ретроспективе.

В нашей стране за рассматриваемый 500-летний период естественное воспроизводство населения, оцениваемое на макроуровне, прошло четыре точки бифуркации — начало XVII века, 1861, 1917 и 1991 гг. На данном историческом интервале необходимо рассматривать последствия «смутного времени», периоды до отмены крепостного права, до революций 1917 года, до распада СССР в 1991 году и после распада СССР в Российской Федерации. Каждый из этих периодов характеризуется своими воспроизводственными параметрами, на формирование которых наложили отпечаток общие циклические процессы в демографическом мироустройстве.

3. Демографическое развитие России на разных исторических интервалах

Ученые-демографы спорят о возможности регулирования демографических процессов. Часть из них считает, что государственное регулирование демографических процессов возможно только в таких странах, как социалистический Китай. В связи с этим демографический кризис в России в 1990-х годах — это прежде всего не следствие реализации проводимых в стране реформ в виде «шоковой терапии», а «второй демографический переход».

Но в научной литературе присутствует и иное мнение: механизмы и институты государственного регулирования прямо или косвенно влияют на характер протекания социодемографических процессов. Для его подкрепления рассмотрим, как воздействовали бифуркации в политическом и социально-экономическом развитии страны на социодемографические характеристики населения на длительном историческом интервале. Для этого исследуем четыре точки становления, расцвета, а затем упадка длившегося четыре столетия этапа евразийской

¹² Калабаева Ж. А. Место социокультурных факторов в исследованиях демографических процессов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-sotsiokulturnyh-faktorov-v-issledovaniyah-demograficheskikh-protsessov/viewer> (дата обращения 21.12.2019).

цивилизации четвертого поколения на севере евразийского континента — «смутное время», 1861, 1917 и 1991 гг. Это время резкого изменения механизмов и институтов государственного регулирования в России. Три года из указанных (кроме 1861 г., когда в результате государственных реформ Российская империя получила импульс к ускоренному развитию) можно характеризовать как социальные катастрофы в развитии России [22; 23].

«Смутное время»

По оценкам экспертов, в 1500 году на территории России проживало 12–15 млн человек. Кризисным для социально-экономического развития страны стало правление Ивана Грозного (1530–1584 гг.). Этому способствовала как опричнина, так и трехлетний голод 1569–1571 гг., из-за которого погибли сотни тысяч людей, дело доходило до людоедства. В результате население Москвы сократилось втрое, сельская местность обезлюдела. Большая часть земель не обрабатывалась. Так, в Московском уезде в момент смерти Ивана IV не засеивалось 5/6 пашни [17, с. 97]. При царе Борисе Годунове в 1601–1603 гг. страна опять пережила невиданный голод. Все это привело к социальной катастрофе «смутного времени». Н.И. Костомаров определяет «смутное время» как 1604–1613 гг. Он пишет, что «смутное время останется чрезвычайно знаменательной эпохой в русской истории как свидетельство крепости внутренней жизни народа — важный задаток для ее будущего» [24, с. 777]. После такого потрясения страна возродилась. В 1796 году ее население составило 36 млн человек, в 1851 — 69 млн [17, с. 137].

Реформа 1861 года

Для исследования влияния последствий реформ 1860-х гг. об отмене крепостного права в Российской империи на воспроизводство населения необходимо остановиться на особенностях репродуктивного поведения населения дореформенной России.

Статистические данные о дореформенном населении в Российской империи мы находим у В.О. Ключевского¹³. Если по VIII ревизии

(1833 г.) в Европейской России крепостное население составляло почти 45%, то по X ревизии (1856 г.) — 34,4%. То есть за 23 года доля крепостного населения уменьшилась на 10,5%. По VIII ревизии в Европейской России было 127 тыс. дворян, владевших крепостными душами, причем в руках 43 тыс. мелких дворян сосредоточивалось 340 тыс. душ мужского пола, а в руках 14 тыс. крупных землевладельцев — 8 млн душ мужского пола.

Таким образом, можно сказать, что доля крепостного населения Европейской России перед реформами 1861 года могла уменьшиться прежде всего за счет физического вымирания крепостных крестьян, т. к. случаи освобождения крепостных в это время носили единичный характер. Вместе с этим среди помещиков — господствующего класса — наблюдалось сильное расслоение по уровню «крепостного богатства».

По данным X ревизии население Российской империи составило 62,5 млн душ обоюбого пола, причем в Европейской России было 103 тыс. дворянских имений с 10,5 млн мужских ревизских душ. С 1859 года в залоге состояло более 44 тыс. имений с более чем 7 млн ревизских душ. Следовательно, в Европейской России приходилось в среднем 100 крепостных мужчин на одно дворянское имение, при этом 67% крепостных мужчин находились в залоге от 43% дворянских имений.

Такая статистика говорит о кризисном экономическом положении земледелия в России в середине XIX века, вымирании семей крепостных крестьян и обнищании семей дворянства.

Рассмотрим изменение репродуктивного поведения населения Российской империи в послереформенное время (а следовательно, и репродуктивного поведения крестьянства, составлявшего большинство населения страны).

Численность населения Российской империи после всеобщей переписи 1897 года составила 126,411 млн жителей, при этом в городах проживало 16,290 млн человек (12,9%)¹⁴. Следовательно, при кардинальном изменении социально-экономических условий за 40 лет с 1857

¹³ Ключевский В. Полный курс лекций по истории России. URL: <http://www.bibliotekar.ru/rusKluch> (дата обращения 22.12.2019).

¹⁴ Население империи по переписи 28-го января 1897 г. по уездам. URL: http://istmat.info/files/uploads/15771/peredpis_1897_vypusk_1.pdf (дата обращения 22.12.2019).

Таблица 2. Естественный прирост населения России за период 1897–1913 гг. (с поправками), тыс. чел.

Год	Европейская Россия	Привисленские губернии	Кавказ	Сибирь	Средняя Азия	Всего
1897	1725,1	180,3	141,2	115,1	103,1	2264,8
1898	1479,5	185,0	142,4	95,7	107,6	2010,2
1899	1761,2	184,3	144,1	105,9	110,2	2305,7
1900	1803,5	188,6	164,0	101,5	112,6	2375,2
1901	1592,1	185,4	161,7	129,3	116,3	2184,8
1902	1798,9	229,3	163,6	111,3	109,3	2412,4
1903	1884,4	195,8	172,6	143,7	121,5	2518,0
1904	1981,5	176,6	186,2	113,2	125,2	2582,7
1905	1431,6	158,9	168,9	96,7	124,5	1980,6
1906	1875,2	186,1	186,5	127,5	127,2	2502,5
1907	2122,1	194,9	194,0	130,6	128,2	2769,8
1908	1864,9	196,2	177,0	151,3	131,0	2520,4
1909	1712,3	190,4	172,0	165,0	135,9	2375,6
1910	1569,9	198,7	154,0	198,4	145,0	2266,0
1911	2051,6	205,9	182,1	189,7	149,8	2779,1
1912	2060,4	208,1	215,0	185,8	154,6	2823,9
1913	1987,5	-208,1	218,6	184,8	155,5	2754,5
Всего за 1897–1913 гг.	30706,7	3272,6	2943,9	2345,5	2157,5	–

Источник: Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Демоскоп. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund05.html (дата обращения 22.12.2019).

года население страны удвоилось. Дальнейший рост населения Российской империи до 1914 года также оказался очень бурным (табл. 2). За 16 лет численность населения империи возросла на 41,4 млн человек.

В 1906 году Д.И. Менделеев опубликовал труд под названием «К познанию России»¹⁵, в котором на основании результатов переписи населения 1897 года был сделан долгосроч-

ный прогноз численности населения России (табл. 3).

Как видно из таблицы 3, прогноз режима воспроизводства населения в 1897–1906 гг. на будущее без учета революции, голодных лет, войн, «шоковой терапии», «демографического перехода», по оценкам Д.И. Менделеева, сулил превращение России в одну из самых населенных стран мира.

Таблица 3. Прогноз численности населения России в XX веке Д.И. Менделеева

Год	Млн чел.	Год	Млн чел.
1897	128,2	1904	142,3
1898	130,2	1905	144,5
1899	132,1	1906	146,6
1900	134,1	1910	155,6
1901	136,1	1950	282,7
1902	138,2	2000	594,3
1903	140,2		

Источник: Менделеев Д.. Къ познанию Россіи. URL: http://alldata.narod.ru/Mendeleev_K_poznaniyu_Rossii_1907/Mendeleev_K_poznaniyu_Rossii_1907.pdf (дата обращения 22.12.2019).

¹⁵ Менделеев Д. Къ познанию Россіи. URL: http://alldata.narod.ru/Mendeleev_K_poznaniyu_Rossii_1907/Mendeleev_K_poznaniyu_Rossii_1907.pdf (дата обращения 22.12.2019).

Революции 1917 года

Происходившие после 1917 года социально-экономические изменения отличались всеобщим характером, распространяясь практически на все области человеческой жизни, в том числе на модели поведения, систему ценностей, формы семьи, модели семейных отношений, адаптационные стратегии личности, гендерные роли мужчины и женщины. В постреволюционной России/СССР огромные массы людей были затронуты процессом маргинализации. Он заключался преимущественно в утрате прошлого социального статуса и неопределенности нынешнего, трансформации содержательного наполнения гендерных ролей и модели репродуктивного воспроизводства человека и более или менее резком разрыве с социокультурной традицией, проявившемся, в том числе, в отношении семьи. В послереволюционный период социальный институт семьи претерпел значительные изменения.

С первых дней своего существования советское государство приступило к активному реформированию гражданского законодательства, включая часть, регулирующую брачно-семейные отношения. Из процесса регуляции прежде всего была исключена Православная церковь. Так, уже в декабре 1917 год она была лишена права регистрации рождений и браков, введен гражданский брак как единственно имеющий юридическую силу.

В ситуации гражданской войны и разрухи при таких кардинальных реформах в семейных отношениях изменялась и динамика численности населения России. Подробная статистика за эти годы отсутствует, поэтому можно воспользоваться только отдельными данными из разрозненных источников.

По статистике конца 1916 года в Российской империи проживало 186 млн человек, то есть прирост за 16 лет составил 60 миллионов¹⁶. В.И. Ленин в 1921 году считал, что за границей находилось от 1,5 до 2 млн российских эмигрантов¹⁷. В некоторых источниках можно найти отрывочные сведения о конкретных по-

терях населения по отдельным регионам. На 1 февраля 1917 года в Москве жили 2 017 173 человека. По переписи в августе 1920 года в Москве насчитывалось 1 028 218 жителей. Иными словами, изменение численности населения Москвы составило 49%. В европейской истории нет аналогичных примеров динамики населения крупного города. Только Петербург обогнал Москву по степени обезлюдения. Его население в 1917 году достигало 2 440 000 человек. По переписи 28 августа 1920 года в нем проживало только 706 800 человек, так что во время революции число его обитателей сократилось на 71%. Иначе говоря, численность населения в нем сокращалась быстрее, чем в Москве, чуть ли не вдвое¹⁸. Такая же динамика численности жителей Петрограда в эти годы приводится в журнале ВШЭ «Демоскоп»¹⁹. Следовательно, можно сказать, что кардинальное изменение традиционной модели российской семьи при советской власти в значительной степени усугубило сокращение населения России, которое наблюдалось в стране в 1917–1921 гг. в связи с гражданской войной и разрухой.

Такая динамика численности населения страны заставила ее руководство в 1930-е годы полностью изменить семейное законодательство СССР. Кульминация этого процесса наступила в 1936 году, когда был принят новый семейный кодекс, запрещавший аборты. «Свободную любовь» заклеямили как антисоциалистическую, государство начало бороться за укрепление семьи.

Следующим этапом активной демографической политики в СССР стало послевоенное возрождение численности народонаселения. Демографическую ситуацию в стране в 1941–1945 гг. определяли огромные безвозвратные потери среди военнослужащих и гражданского населения. Правительство страны приняло специальную программу проведения активной демографической политики, направленную на преодоление последствий войны (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля

¹⁶ Шрамко С. Россия в 1917–1925 годах. Арифметика потерь. URL: <http://www.proza.ru/2013/09/04/701> (дата обращения 23.12.2019).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Население северной столицы // Демоскоп. 2004. № 163–164. 1–15 августа. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0163/tema01.php> (дата обращения 23.12.2019).

Таблица 4. Численность населения на территории СССР

Год	Млн чел.	Год	Млн чел.
1917	91 000	1960	119 046
1941	111 359	1970	130 079
1950	101 438	1980	138 291
1956	112 266	1990	148 041

Источник: Население России за 100 лет (1897–1997): стат. сб. М.: Госкомстат России, 1998. 222 с.

1944 года). Наиболее важные положения Указа касались всемерного поощрения многодетных семей (пять и более детей) и поддержки семей с оптимальным числом детей (три-четыре ребенка). В соответствии с Указом материнский труд поощрялся как морально, так и материально. Такие меры способствовали восстановлению численности населения страны по состоянию на 1941 год к 1956 году (табл. 4).

Активная демографическая политика в СССР проводилась и в 1980-е гг., что позитивно отразилось на показателях рождаемости в стране.

1991 год

Н.М. Римашевская подробно описала изменения, произошедшие в российской семье после трансформации советского общества с 1991 года [9]. Среди них в качестве основных можно выделить следующие:

1. В результате социально-экономических преобразований семья получила независимый экономический статус, прекратился патернализм государства над всеми ее экономическими сферами.

2. В то же время значительно ухудшились внешние условия существования российских семей, особенно в годы «шоковой терапии».

3. Полностью прекратился контроль коммунистической партии над «моральными устоями» советского общества, в том числе внутрисемейным поведением.

4. Наблюдалось запредельное расслоение общества на бедных и богатых, произошла маргинализация значительной части населения.

В результате при уменьшении числа заключенных браков (с 8,9 на 1000 человек населения в 1990 г. до 6,2 в 2000 г.) возросло количество разводов (с 3,8 на 1000 человек населения в 1990 г. до 4,3 в 2000 г.), упала рождаемость (с 13,4 на 1000 человек населения в 1990 г.

до 8,7 в 2000 г.) и резко выросла смертность (с 11,2 случаев на 1000 человек населения в 1990 г. до 15,3 в 2000 г.), особенно среди мужчин трудоспособного возраста²⁰.

Таким образом, изменения на государственном уровне, произошедшие в 1991 году, негативно отразились на естественном воспроизводстве населения. Однако с 2000 года органы государственного управления России начали осознавать серьезность происходящих в стране негативных демографических процессов, с 2007 года удалось преломить катастрофическое развитие ситуации в сфере естественного воспроизводства населения. Первый этап депопуляции в России закончился к 2013 году, но с 2017 года начался второй этап депопуляции [25], в репродуктивный возраст вступил малочисленный контингент, сформировавшийся в 1990-е годы – годы значительного сокращения рождаемости.

Таким образом, мы рассмотрели изменения естественного воспроизводства населения России за 500 лет в четырех точках бифуркации российского правового семейного поля. В первой точке, в начале XVII века, страна смогла преодолеть «смутное время» и возродиться как суверенное государство. Во второй точке реформы 1861 года привели к резкому росту рождаемости. В двух других точках – революции 1917 года и реформы 1990-х гг. – наблюдалось падение численности населения страны. Представляется, что *институты государственного регулирования в стране могут создавать условия, воздействующие на матримониальное, репродуктивное и иные типы демографического поведения населения.*

²⁰ Российский статистический ежегодник / Федеральная служба государственной статистики, 2013.

Заключение

В середине 2000–2010 гг. многие ученые предрекали России «обвальную» депопуляцию [26]. В Послании Федеральному Собранию РФ в 2012 году В.В. Путин дважды назвал демографическую ситуацию в стране катастрофической. Однако в 2013–2015 гг. наблюдался естественный прирост населения. Это связано, в том числе, с тем, что социодемографические процессы с 2000 года взяло под свой контроль руководство РФ, началась централизованная организация воспроизводства населения.

Именно исходя из этой практической деятельности, Ю.М. Осипов в 2012 году предложил рассматривать социодемографические процессы с хозяйственной позиции, в трактовке разработанной в МГУ им. М.В. Ломоносова (Ю.М. Осипов, С.Н. Булгаков) теории философии хозяйства. Мы развили это предложение в теории хозяйства народонаселения, основ-

ные постулаты которой представлены в статье. Практическим выводом из теории является необходимость после завершения национальных проектов РФ в 2024 году к 2025 году разработать и принять на уровне федерального закона Социальную доктрину РФ.

При разработке Социальной доктрины в социодемографической части необходимо учесть тот факт, что в России уже закончился «демографический переход», поэтому потребуются новый подход к организации воспроизводства народонаселения в стране [27].

Осуществленный нами исторический анализ разных этапов демографической динамики в России за последние 500 лет позволяет сделать оптимистический вывод: население страны преодолевало катастрофические периоды, связанные с падением численности народонаселения, и сможет справиться с этой задачей в XXI веке.

Литература

1. Аганбегян А.Г. Сбережение населения России под вопросом // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 4. С. 4–13. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-01
2. Яковец Ю.В., Доброхлеб В.Г., Яковец Т.Ю. Социальная безопасность как основа социальной политики РФ // Культура и безопасность. Интернет-журнал, 5 сентября 2017 г. URL: <http://sec.chgik.ru/sotsialnaya-bezopasnost-kak-osnova-sotsialnoy-politiki-rf-2/> (дата обращения 05.09.2019).
3. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1990. 412 с.
4. Becker G.A. Theory of Social Interactions. *Journal of Political Economy*, 1974, no. 82, pp. 1063–1093.
5. Закономерности, тенденции и перспективы социодемографической динамики цивилизаций / под ред. Ю.В. Яковца, Н.М. Римашевской. М.: МИСК, ИНЭС, 2016. 102 с.
6. Критические ситуации и перспективы социодемографической динамики России и других стран БРИКС / Ю.В. Яковец [и др.]. М.: Проспект, 2017. 142 с.
7. Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс, 2010. 560 с.
8. Яковец Т.Ю. Государственное регулирование социодемографических процессов в России. М.: Проспект, 2019. 274 с. URL: <http://www.isesp-ras.ru/monograph/2019-05-30-10-45-37> (дата обращения 10.09.2019).
9. Римашевская Н.М. Человек и реформы: секреты выживания. М.: ИСЭПН РАН, 2003. 392 с.
10. Социальная доктрина Российской Федерации: макет-проект / Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. М.: Научный эксперт, 2010. 224 с.
11. Российская социально-экономическая система: реалии и векторы развития. М.: ИНФРА-М, 2019. 598 с.
12. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. В 2-х т. Т. 1. Теория и история цивилизации. М.: ИНЭС, 2006. 768 с.
13. Ритмы российской истории. Опыт многофакторного исследования / Б.Н. Кузык [и др.]. М.: ИНЭС, 2003. 130 с.
14. Глазьев С. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 768 с.
15. Schwab Klaus. *The Fourth Industrial Revolution*. 2017, 184 p.
16. Sorokin Pitrim A. *The Basic Trends of Our Times*. Rowman & Littlefield Publishers, 1964, 208 p.
17. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. М.: ФО СССР, 1991. 318 с.

18. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998. 796 с.
19. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). В 2 т. Т.1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 548 с.
20. Toffler A. *Future Shock*. London: Bodley Head, 1970, 504 p.
21. Toffler A. *The Third Wave*. 1990, 537 p.
22. Бабосов Е.М. Катастрофы: социологический анализ. Минск: Навука і тэхніка, 1995. 472 с.
23. Яковец Т.Ю. Демографическое положение России. Германия: Lambert Academic Publishing, 2013. 76 с.
24. Костомаров Н.И. Смутное время. Московское государство в начале XVII столетия. 1604–1613. М.: Фирма СТД, 2008. 784 с.
25. Демографическая ситуация в России. Национальный демографический доклад / под ред. чл.-кор. РАН С.В. Рязанцева. М.: Экон-Инфо, 2019. 79 с.
26. Parfitt T. Russia's Population Crisis. *Lancet*, 2005, vol. 365, no. 9461, pp. 743–744. Available at: [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(05\)18004-0/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(05)18004-0/fulltext) (дата обращения 23.12.2019).
27. Ahmad Munir, Rana Khan. Does Demographic Transition with Human Capital Dynamics Matter for Economic Growth? A Dynamic Panel Data Approach to GMM. *Social Indicators Research*, 2019, no. 142 (2), pp. 753–772. Available at: https://www.researchgate.net/publication/325254745_Does_Demographic_Transition_with_Human_Capital_Dynamics_Matter_for_Economic_Growth_A_Dynamic_Panel_Data_Approach_to_GMM (дата обращения 23.12.2019).

Сведения об авторах

Валентина Григорьевна Доброхлеб – доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН и МАГИ, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32), Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН) (119333, Российская Федерация, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1; e-mail: vdobrokhleb@mail.ru)

Татьяна Юрьевна Яковец – кандидат экономических наук, академик РАЕН, ведущий научный сотрудник, Международный институт Питирима Сорокина – Николая Кондратьева (101000, Российская Федерация, г. Москва, Сретенский б-р, д. 6/1, стр. 1, оф. 4; e-mail: tzag@mail.ru)

Dobrokhleb V.G., Yakovets T.Yu.

Trends and Prospects in Sociodemographic Dynamics of Russia: Philosophical and Economical Approach

Abstract. The study is aimed at analyzing the long-term historical dynamics of sociodemographic processes in Russia over the period of 500 years and elaborating the directions for overcoming the current sociodemographic crisis. The novelty of the research consists of considering cyclic sociodemographic processes with a significant horizon period (half a millennium), and studying the impact of government regulations in the country starting from the “the Time of Troubles”, through the reforms of 1861, the revolution of 1917 and the transformation of 1991, on demographic bifurcations. The authors introduce the statistical information regarding the population of Russia from 1500 to the present moment; the researchers propose to use the philosophical and economical approach (the theory of population economy) analyzing the population problems based on the theory of economy's philosophy and the theory of economy by S.N. Bulgakov and Yu.M. Osipov, the professors from the Lomonosov Moscow State University; and by 2025 to elaborate and adopt the social doctrine of the Russian Federation. Using

the historical material the authors prove that the mechanisms and institutions of state regulation in the country can create conditions affecting the change of the population's reproductive behavior. The article presents the comparative analysis of the proposed theory of "population economy" and traditional ones of economic demography and population economics, and describes the main postulates of the theory of "population economy". The researchers mark the factors that should be taken into account in composing the social doctrine of the Russian Federation. The research results can be used for justifying the long-term strategy of the sociodemographic policy in Russia.

Key words: sociodemographic processes, demographic cycles, social doctrine, sociodemographic complex, population economy.

Information about the Authors

Valentina G. Dobrokhleb – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Academician of RANS and IAGS, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISESP FCTAS RAS) (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation), Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS) (6, building 1, Fotieva Street, Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: vdobrokhleb@mail.ru)

Tat'yana Yu. Yakovets – Candidate of Sciences (Economics), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Leading Researcher, Pitirim Sorokin – Nikolai Kondratieff International Institute (6/1, building 1, office 4, Sretenskii Boulevard, Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: tzag@mail.ru)

Статья поступила 27.09.2019.

Иерархическая Парето-классификация регионов России по показателям качества жизни населения

**Алексей Алексеевич
МИРОНЕНКОВ**

Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация, 119991, Ленинские Горы, д. 1, стр. 61
E-mail: mironenkov@mse-msu.ru
ORCID: 0000-0001-5754-8825, ResearcherID: F-7797-2018

Аннотация. Повышение качества жизни населения является ключевой целью деятельности государства. В связи с этим очень остро стоит задача корректного измерения его уровня и, соответственно, классификации регионов страны по показателям качества жизни. Большинство исследований в этой сфере включает в себя разделение переменных на группы, унификацию переменных в каждой группе и построение интегрального индикатора, группировку или кластеризацию объектов как линейную свертку переменных с весами. Подобные подходы имеют свои недостатки, связанные с субъективностью экспертных оценок, нестабильностью коэффициентов главной компоненты, невозможностью работать с порядковыми данными и т. д. Таким образом, цель нашего исследования — построить методику классификации регионов РФ по показателям качества жизни, лишенную указанных выше недостатков. В основе предлагаемого метода лежит хорошо известное в экономике понятие «оптимальности по Парето», в соответствии с которым происходит разбиение всех регионов на непересекающиеся классы. После разделения переменных на группы вместо традиционных унификации и построения внутригрупповых сверток в качестве представителя категории рекомендуем использовать Парето-класс, получаемый при внутригрупповой классификации по Парето, и уже на основе полученных внутригрупповых Парето-классов строить итоговую Парето-классификацию регионов РФ. Преимуществом предлагаемого подхода является возможность применять его на порядковых данных, то есть когда

Для цитирования: Мироненков А.А. Иерархическая Парето-классификация регионов России по показателям качества жизни населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 171–185. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.11

For citation: Mironenkov A.A. Hierarchical Pareto classification of the Russian regions by the population's quality of life indicators. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 171–185. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.11

по каким-либо переменным известен лишь их порядок и не даны точные значения для каждого региона. Кроме того, алгоритм нетребователен к вычислительной мощности и не использует экспертные оценки, за исключением выбора переменных исследования. Основными результатами работы стали построение классификации регионов РФ по показателям качества жизни, сравнение с традиционными подходами и анализ особенностей предлагаемой методики.

Ключевые слова: ранжирование регионов, показатели качества жизни населения, стратификация, отношение Парето, доминирование по Парето, Парето-классификация, Парето-оптимум, качество жизни.

Введение

Обеспечение высокого качества жизни (КЖ) населения страны – центральная задача института государственной власти в подавляющем большинстве стран мира. Не существует единой методики измерения КЖ, а следовательно, нет единого механизма достижения того самого «высокого КЖ». Нет сомнений в том, что рассматриваемая категория включает в себя множество показателей, отражающих различные аспекты человеческой жизни: экономические показатели, показатели социальной сферы, доступность общественных благ, состояние окружающей среды, уровень безопасности и т. д. Помимо условий, являющихся общими для всего населения страны, на жизнь каждого отдельного человека грандиозное воздействие оказывают сугубо индивидуальные условия жизни, например качество здоровья, семейное положение, религиозная принадлежность. В связи с этим КЖ принято называть синтетической латентной категорией.

Как правило, широкая общественность оценивает КЖ на той или иной территории на основе уровня ВВП или связанных с ним показателей (ВНП, ВРП на душу населения и т. д.). Однако парадокс Истерлина, описанный еще в 1974 году [1], заставил задуматься, насколько правдоподобно измерять КЖ, основываясь на денежных показателях. Поэтому с целью изучения возможности для оценки экономических результатов и социального прогресса без опоры на показатели ВВП в 2008 году была создана специальная Комиссия, которую возглавили Дж. Стиглиц и А. Сен.

Комиссия предложила три стратегии изучения КЖ. Первый из подходов фактически измеряет индивидуальное удовлетворение жизнью. В его рамках предлагается использовать

данные распространенных на текущий момент опросов о том, насколько индивиды счастливы или удовлетворены жизнью. В рамках второго подхода жизнь человека рассматривается как неделимая комбинация различных видов человеческой деятельности и свободы выбора человеком конкретных деяний. Чем легче человеку выбрать или сделать конкретное действие, направленное на достижение его личных целей, тем выше оценивается КЖ. Третий подход предполагает взвешивание детерминант КЖ для каждого конкретного человека или группы людей исходя из субъективной системы предпочтений. Иначе говоря, выделяется некоторый перечень сфер человеческой жизни, которые влияют на КЖ, а затем либо индивиду предлагается самостоятельно оценить вклад каждой из предлагаемых сфер, либо эксперт присваивает детерминантам ту или иную степень влияния на КЖ. С одной стороны, данный подход позволяет избежать усреднения оценки КЖ внутри сообщества, но, с другой стороны, механизм выставления оценок экспертом технически не может быть унифицирован для общества в целом.

Для отслеживания показателей уровня КЖ используются два пути. Первый – это построение интегрального индикатора (ИИ), объединяющего различные аспекты жизни людей, позволяющие наглядно оценивать успехи выбранного региона или сообщества: наличие числового выражения уровня КЖ облегчает ранжирование территорий, делает возможным их сравнение друг с другом, позволяет проводить анализ в динамике. Альтернативным способом определения уровня КЖ является отслеживание большого количества ИИ благополучия одновременно.

Сегодня можно говорить о «стандартном» способе вычисления ИИ КЖ: в подавляющем количестве исследований КЖ рассчитывается как линейная свертка функции, т. е.

$$f(x^{(1)}, x^{(2)}, \dots, x^{(p)}) = \sum_{j=1}^p a_j x^{(j)}, \quad (1)$$

где $x^{(j)}$ – статистический показатель,

w_j – вес показателя, определяемый экспертным образом [2].

Подобным способом вычисляется наиболее цитируемый показатель КЖ – Индекс человеческого развития (ИЧР), разработанный ООН в сотрудничестве с А. Сенем в 1990 году, представляющий собой линейную свертку ВНД по ППС на душу населения, ожидаемой при рождении продолжительности жизни и уровня образования в стране.

В зависимости от источника данных – результаты опроса населения или статистические сборники – показатели КЖ принято разделять на субъективистские (например, Gallup-Healthways Global Well-Being index) и объективистские (уже упомянутый ИЧР), также встречаются показатели, основанные на сочетании обоих подходов (Индекс лучшей жизни (Better Life Index)).

Недостатком «стандартного» метода расчета ИИ КЖ является необходимость проводить экспертную оценку веса показателей. И если при расчете Индекса лучшей жизни пользователь сам назначает вклад показателя (который, правда, уже представляет собой ИИ, а следовательно, образован с использованием экспертных оценок веса показателей) в итоговый индекс, то для остальных индексов индивиды не привлекаются для определения методики расчета. Таким образом, при вычислении ИИ КЖ подобным образом всегда будет существовать искажение информации при переходе от статистических данных к итоговому ИИ.

Другой способ расчета ИИ КЖ описан С.А. Айвазяном [3]. Автор предлагает снижать количество регрессоров модели с использованием метода главных компонент. Исходные объясняющие переменные делятся на блоки, характеризующие одну сферу человеческой жизни: качество населения, благосостояние (уровень жизни) населения, социальная безопасность (качество социальной сферы),

качество окружающей среды (экологической ниши), природно-климатические условия. Далее в зависимости от особенностей модели либо ИИ рассчитывается методом главных компонент отдельно для каждого блока, а потом блочные ИИ объединяются в конечный единый индекс; либо сразу находится главная компонента для всех регрессоров одновременно, тогда она и становится итоговым ИИ КЖ. Достоинствами метода являются исключение экспертной оценки определения весов, удобство использования и относительная простота расчета.

Критика метода, предложенного С.А. Айвазяном, связана с непостоянством определения весовых коэффициентов, что объясняется особенностями вычисления главных компонент и не может быть исправлено с помощью стандартных пакетов обработки статистических данных [4].

Недостатки, связанные с построением единого ИИ КЖ, могут быть преодолены при использовании альтернативного подхода – одновременного отслеживания большого количества ИИ благополучия одновременно. Его сторонники отмечают, что при свертке информации в один показатель всегда, во-первых, происходит искажение и/или потеря доли информации, во-вторых, неизменно возникают сложности с определением доли вклада показателей в итоговый ИИ. В некоторых странах с успехом функционируют программы повышения КЖ населения методом отслеживания отдельных показателей: в Австралии – Measures of Australia's Progress, в Великобритании – Measuring National Well-being Programme, в Новой Зеландии – The Quality of Life Project и т. д. Проекты предполагают отслеживание более 40 показателей, состав и количество которых может быть как неизменным (как происходит в Новой Зеландии с 1999 года), так и меняющимся (в Великобритании в 2015 году оценивался 41 показатель, а в 2016 – уже 43). Очевидно, что при таком подходе оценка КЖ лишена субъективного вклада исследователей [5], однако трудоемкость процесса, а также невозможность оценить прогресс социального и экономического развития территории во времени делают его менее привлекательным для широкой публики.

Для достижения цели работы – ранжирования субъектов России по уровню КЖ – предлагается такой метод анализа КЖ, который, во-первых, лишен субъективного вмешательства исследователя, во-вторых, позволяет провести сопоставление регионов друг с другом даже на порядковых данных, а в-третьих, был бы технически легко осуществим.

Сегодня субъекты России очень сильно дифференцированы по всем показателям, как макроэкономическим, так и микроэкономическим; однако нет сомнений, что некоторые субъекты: Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край – являются территориями с более высоким уровнем КЖ. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, направления внутренних миграционных потоков [6], а с другой стороны – высокий уровень цен на недвижимость [7]. Поэтому мы предлагаем разделить субъекты на классы, выявив регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры по показателям КЖ, а затем провести анализ полученных классов, что сможет помочь институту государственной власти в поиске методов для повышения уровня КЖ.

Методы многокритериальной классификации

Довольно часто на практике возникает необходимость классификации выборки по многим критериям одновременно, например, выделение надежных банков или компаний с высоким инвестиционным потенциалом.

Задача многокритериальной классификации может быть сформулирована следующим образом. Пусть имеется N объектов, каждому из которых соответствует P характеристик. После выполнения поставленной задачи мы получим K классов (где K заранее не известно), внутри каждого из них содержатся объекты, максимально близкие друг другу по всем P характеристикам.

Подавляющее количество методов, которые могут быть использованы для многокритериальной классификации, требует вмешательства исследователя: метод помогает проранжировать объекты по степени привлекательности или успешности. Затем они экспертным образом должны быть разделены на классы по значению ИИ. Для решения поставленной задачи могут быть использованы следующие методы:

- *Метод k -средних и его модификации*

Метод основан на предположении о геометрической близости объектов друг к другу в P -мерном пространстве описательных показателей. При использовании метода для выявления оптимального количества классов необходим некий критерий оптимальности, задающий расстояние между центрами кластеров. Метод применен для выявления стран с высоким риском [8].

- *Ранжирование выборки по величине индекса, основанного на линейной свертке*

Для реализации метода необходимо ввести систему весов характеристик в итоговом индексе. Затем проранжированный по величине индекса массив исходных объектов может быть разделен на классы экспертным образом. Вариант ИИ, построенного с помощью метода главных компонент, использован в работе [9] для классификации стран по уровню социальной комфортности проживания населения.

- *Ранжирование по влиянию*

Исследователи Сан, Хан, Жао и др. [10] предложили алгоритм для построения рейтинга авторов научных статей. Суть метода заключается в следующем: среди всех объясняющих переменных выделяются более важные. Объектам с высоким значением более важных критериев присваивается более высокий ранг. Затем анализируются все объясняющие переменные для объектов с высоким рангом: чем больше вклад критерия в объект с высоким рангом, тем выше становится вес этого критерия во всей системе.

- *Ранжирование по правилу Борда*

Метод был использован для анализа эффективности работы региональных отделений банков [11]. Объекты ранжируются отдельно по каждому из критериев, а итоговый ранг получается посредством простого суммирования рангов по каждому критерию.

- *Классификация на основе линейной оптимизации весов*

Метод часто используется для разбиения сырья компании по степени важности в управлении запасами [12; 13]. Сначала последовательно решается задача линейного программирования для каждого объекта относительно весов, а затем на основе полученного вектора весов ранжируются рассматриваемые объекты.

- *Метод линстрат*

Стратификация происходит за счет объединения соседних проекций объектов на гиперплоскость, задаваемую весами критериев. Предложена реализация метода на данных библиометрических показателей журналов и стран [14].

- *Классификация по Парето*

На каждом шаге алгоритма в исходной выборке находятся недоминируемые объекты, объединяемые в единый класс. На следующем шаге объекты исключаются из рассмотрения, а процедура повторяется для оставшихся объектов. Метод давно и хорошо известен [15; 16; 17]. Можно указать работы, объектом рассмотрения которых является само соотношение Парето [18; 19], однако при исследовании качества жизни оно применяется сравнительно редко [20; 21].

Мы будем использовать классификацию по Парето.

Классификация по Парето

Пусть имеются два региона a и b , каждый из них обладает вектором характеристик x_i^a и x_i^b , где $i = 1, \dots, p$ — отвечает за номер признака; всего в каждом регионе рассматриваются p признаков. Скажем, что объект a доминирует по Парето над объектом b , если одновременно выполняются два условия:

1. $\forall i: x_i^a \geq x_i^b$,
2. $\exists i: x_i^a > x_i^b$.

Другими словами, регион a доминирует по Парето над регионом b , если по всем рассматриваемым признакам регион a не хуже региона b и при этом есть хотя бы один признак, по которому регион a строго превосходит регион b . Заметим, что между двумя произвольно выбранными объектами отношение доминирования Парето может и не существовать.

Пусть имеется n объектов (регионов), каждый из которых обладает вектором признаков \vec{x}_i . Объект a назовем оптимальным по Парето, если среди объектов выборки не существует объекта, доминирующего над a . Проверив каждый регион на доминирование по Парето, получим некоторое подмножество оптимальных по Парето регионов. Назовем это подмножество первым Парето-классом. Иными словами, регион входит в первый Парето-класс, если

нельзя указать другой регион, который по всем своим показателям не хуже, чем рассматриваемый, причем хотя бы по одному из показателей строго лучше.

Исключая регионы первого Парето-класса и выбирая Парето-оптимальные регионы из оставшихся, получаем подмножество регионов, образующих второй Парето-класс. Проводим процедуру до тех пор, пока в выборке остаются неклассифицированные регионы. Таким образом, в результате исходный набор регионов представляется в виде последовательности непересекающихся непустых подмножеств. При этом для каждого региона из более низкого (с более высоким номером) класса найдется хотя бы один регион из более высокого Парето-класса, который Парето-доминирует его.

Заметим, что заранее невозможно предсказать количество полученных Парето-классов. Так, в случае, когда все попарные ранговые коэффициенты корреляции близки к единице, разбиение на Парето-классы получается очень дробным, а количество классов близко к количеству регионов. В обратном вырожденном случае, когда есть хотя бы один близкий к минус единице попарный коэффициент ранговой корреляции, количество Парето-классов мало; вполне возможно, все регионы будут отнесены к единственному первому классу. На практике в задачах исследования качества жизни последняя ситуация невозможна, так как используемые переменные упорядочиваются «чем больше, тем качество жизни лучше», что определяет прямую ранговую связь между переменными и заведомо отличный от минус единицы коэффициент ранговой корреляции.

Методология исследования

Выделим основные этапы исследования:

- сбор данных;
- формирование апостериорного набора сгруппированных частных критериев;
- логическая унификация;
- Парето-классификация регионов внутри групп;
- Парето-классификация по классам всех групп.

Формирование апостериорного набора частных критериев основывается на отборе перечня частных показателей $x^{(1)}, x^{(2)}, \dots, x^{(p)}$, которые получены из исходного априорного

(теоретического) перечня статистических показателей $x^{(1)}, x^{(2)}, \dots, x^{(k)}$, при условии $k \geq p$. Данный набор показателей должен достаточно полно характеризовать анализируемую синтетическую категорию качества жизни. Переменные, характеризующие близкие аспекты, объединяются в группы. Выделенные показатели называются частными критериями, а совокупность сгруппированных отобранных показателей качества жизни именуется апостериорным набором частных критериев [2].

Логическая унификация заключается в том, чтобы привести все данные в соизмеримый вид.

Данное преобразование позволяет:

- избавиться от влияния размера региона на значение критериев;
- проранжировать значения критериев по относительным, а не абсолютным характеристикам;
- сравнивать регионы между собой вне зависимости от размеров регионов.

Следующий шаг унификации широко распространён [2; 9]. Он заключается в переходе к $[0; N]$ – балльным шкалам в измерении частных критериев качества жизни. При этом значение 0 соответствует самому низкому уровню качества жизни, N – самому высокому. В данном исследовании значение N составляет 10.

В случае если частный критерий x связан монотонно возрастающей зависимостью с интегральным свойством качества жизни (то есть чем больше значение x , тем выше его качественное значение), то унифицированная переменная рассчитывается по следующей формуле:

$$x_i = \frac{x - x_{min}}{x_{max} - x_{min}} \times N, \quad (2)$$

где x_{min} – наименьшее значение исходного показателя (самое худшее);

x_{max} – наибольшее значение исходного показателя (самое лучшее).

В случае если частный критерий x связан монотонно убывающей зависимостью с интегральным свойством качества жизни (чем больше значение x , тем ниже его качественное значение), то унифицированная переменная рассчитывается следующим способом:

$$x_i = \frac{x_{max} - x}{x_{max} - x_{min}} \times N, \quad (3)$$

где x_{min} – наименьшее значение исходного показателя (самое худшее);

x_{max} – наибольшее значение исходного показателя (самое лучшее).

Отметим, что результат Парето-классификации не изменится в случае, если вместо описанной выше общепринятой процедуры унификации ограничиться переходом к рангам с сортировкой по возрастанию для переменных, положительно влияющих на качество жизни, и с упорядочиванием по убыванию для остальных.

Далее по набору переменных внутри каждой из групп проводится Парето-классификация. В результате каждый регион получает номер класса, к которому он относится по данной группе переменных.

Затем осуществляется Парето-классификация на полученных результатах, что позволяет получить Парето-классы регионов на основе их внутригрупповых Парето-классов.

Информационное обеспечение исследования

Эмпирическая часть исследования основана на данных статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016». В сборнике содержится информация о развитии отраслей, секторов экономики за 2005–2016 гг. по субъектам РФ:

- занятость населения;
- уровень благосостояния и экономического положения населения;
- экологическая ситуация;
- развитость системы социального обеспечения;
- состояние малого предпринимательства;
- динамика уровня цен в потребительском и производственном секторах.

В дополнение использовалась информация сборника «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации».

На основе описанного выше анализа показателей КЖ в соответствии с выдвинутыми С.А. Айвазяном в монографии [2, с. 78] требованиями о (а) релевантности, (б) информационной доступности и (в) информационной достоверности были выбраны 33 частных показателя, сгруппированных в пять базисных синтетических групп категорий, характеризующих жизнедеятельность населения в регионах.

1. Социально-демографические показатели: миграционный прирост, общие коэффициенты смертности, ожидаемая при рождении продолжительность жизни, коэффициенты миграционного прироста, численность рабочей силы, число зарегистрированных преступлений.

2. Экономические и финансовые показатели: среднедушевые доходы населения; валовой региональный продукт (ВРП); оборот розничной торговли, оборот оптовой торговли; инвестиции в основной капитал; оборот организаций; стоимость основных фондов.

3. Показатели инфраструктуры: отправление пассажиров автобусным транспортом; плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием; число больничных коек; стадионы с трибунами на 1500 мест и более; плоскостные спортивные сооружения; спортивные залы; плавательные бассейны; число профессиональных образовательных организаций, осуществляющих подготовку специалистов среднего звена; число образовательных организаций высшего образования; туристские фирмы; ввод в действие квартир; количество организаций, выполняющих научные исследования и разработки.

4. Экологические показатели: выбросы загрязняющих веществ стационарных источников в атмосферный воздух; улавливание загрязняющих атмосферу веществ, отходящих от стационарных источников; использование свежей воды.

5. Показатели производства и добычи: число предприятий и организаций; добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; производство и распределение электроэнергии, газа и воды; объем строительных работ.

Результат Парето-классификации субъектов РФ (эмпирические результаты исследования)

По итогам внутригрупповых Парето-классификаций в каждой из групп переменных регионы РФ стратифицировались на следующее число классов:

1. Социально-демографические показатели: 5 Парето-классов.

2. Экономические и финансовые показатели: 11 Парето-классов.

3. Показатели инфраструктуры: 7 Парето-классов.

4. Экологические показатели: 10 Парето-классов.

5. Показатели производства: 9 Парето-классов.

При надгрупповой Парето-классификации на основе сравнения регионов по их внутригрупповым классам регионы разделились на 10 классов. Подробные результаты стратификации для каждого рассмотренного региона указаны в *таблице 1*.

Остановимся подробнее на самом процессе Парето-классификации. Заметим, что, например, по группе «Финансово-экономические показатели», содержащей семь показателей, ровно три региона отнесены к первому классу. То есть по этим семи переменным у каждого из этих регионов не нашлось другого, который был бы не хуже (и в чем-то лучше). Если не учитывать эти три региона, то из остальных субъектов еще четыре региона можно назвать «лучшими из оставшихся», т. е. второй Парето-класс по данной группе образуют четыре региона. Аналогичным образом строится внутригрупповая классификация по каждой группе переменных.

Как видно из таблицы 1, на основе результатов внутригрупповых классификаций итоговая Парето-классификация распределила субъекты в десять классов. В первый, самый высший, Парето-класс входит всего один регион – Тюменская область. Она была отнесена к первому классу сразу во всех группах переменных. Второй класс состоит из пяти регионов: г. Москва, Краснодарский край, Ставропольский край, Ленинградская область, Республика Дагестан. Третий класс также содержит пять регионов: Московская и Ростовская области, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Ингушетия, Чукотский автономный округ. Классы с четвертого по десятый состоят, соответственно, из 10, 14, 11, 13, 6, 11, 6 регионов.

Обсуждение результатов

Отметим, что при кардинально отличающейся методике ранжирования результаты в целом хорошо соотносятся с известными автору классификациями регионов. Так, субъекты, традиционно относимые к регионам-лидерам, в случае Парето-ранжирования расположены в верхних классах, в то время как обычно относимые к группе депрессивных – регионы-аутсайдеры – занимают преимущественно последние классы.

Таблица 1. Парето-классы регионов РФ по группам переменных и итоговый Парето-класс

Регион РФ	Внутригрупповые Парето-классы					Парето-класс региона
	Социально-демографические показатели	Экономические и финансовые показатели	Показатели инфраструктуры	Экологические показатели	Показатели производства	
Тюменская область	1	1	1	1	1	1
г. Москва	1	1	1	3	1	2
Краснодарский край	1	3	1	2	2	2
Ленинградская область	1	5	2	1	4	2
Республика Дагестан	1	5	2	1	4	2
Ставропольский край	1	5	2	1	4	2
Кабардино-Балкарская Республика	1	9	3	2	8	3
Московская область	1	2	1	3	2	3
Республика Ингушетия	1	11	3	1	9	3
Ростовская область	2	4	1	2	3	3
Чукотский автономный округ	3	1	5	5	8	3
Астраханская область	3	7	5	2	6	4
г. Санкт-Петербург	1	2	2	4	2	4
г. Севастополь	1	10	3	2	8	4
Красноярский край	2	4	2	3	2	4
Пермский край	4	4	3	2	3	4
Республика Башкортостан	2	4	1	6	3	4
Республика Калмыкия	3	11	6	1	9	4
Республика Татарстан	2	3	1	7	2	4
Свердловская область	2	3	1	7	2	4
Чеченская Республика	1	9	3	3	7	4
Белгородская область	1	5	2	6	4	5
Воронежская область	2	4	2	4	4	5
Камчатский край	2	3	6	4	7	5
Кемеровская область	4	5	2	4	2	5
Костромская область	4	9	4	2	7	5
Мурманская область	3	3	5	4	4	5
Нижегородская область	2	4	2	5	3	5
Оренбургская область	3	5	3	4	3	5
Республика Адыгея	1	9	3	3	8	5
Республика Саха (Якутия)	2	3	4	8	3	5
Республика Северная Осетия	2	10	2	3	7	5
Сахалинская область	4	2	6	5	2	5
Тверская область	4	7	3	3	5	5
Хабаровский край	4	3	4	5	4	5
Курская область	2	7	2	4	5	6
Магаданская область	4	2	7	6	7	6
Новосибирская область	2	5	2	7	3	6
Орловская область	4	8	3	3	8	6
Республика Алтай	2	11	6	3	9	6
Республика Крым	2	6	2	4	6	6

Окончание таблицы 1

Регион РФ	Внутригрупповые Парето-классы					Парето-класс региона
	Социально-демографические показатели	Экономические и финансовые показатели	Показатели инфраструктуры	Экологические показатели	Показатели производства	
Самарская область	3	4	2	6	3	6
Саратовская область	2	6	3	5	4	6
Тульская область	1	6	2	6	5	6
Удмуртская Республика	3	6	3	4	4	6
Челябинская область	2	4	2	8	3	6
Алтайский край	3	6	2	7	5	7
Архангельская область	3	4	4	7	4	7
Владимирская область	3	7	2	4	5	7
Иркутская область	3	5	3	6	3	7
Калининградская область	2	7	3	4	5	7
Калужская область	2	7	2	5	5	7
Липецкая область	2	6	2	9	5	7
Омская область	3	5	2	8	4	7
Приморский край	3	4	4	7	4	7
Республика Коми	4	4	5	7	3	7
Рязанская область	1	7	3	7	6	7
Томская область	2	6	4	7	5	7
Ярославская область	3	6	3	5	5	7
Брянская область	4	7	2	8	7	8
Волгоградская область	3	5	3	6	4	8
Пензенская область	2	7	3	5	6	8
Республика Марий Эл	2	9	4	4	7	8
Смоленская область	3	7	3	5	5	8
Чувашская Республика	2	8	2	5	6	8
Амурская область	5	5	5	10	4	9
Вологодская область	4	5	4	8	5	9
Еврейская автономная область	5	9	6	4	9	9
Ивановская область	3	8	2	6	7	9
Карачаево-Черкесская Республика	2	10	4	4	8	9
Кировская область	4	7	4	6	6	9
Псковская область	3	9	4	5	7	9
Республика Бурятия	2	8	5	5	6	9
Республика Мордовия	2	8	3	7	7	9
Тамбовская область	3	6	3	7	7	9
Ульяновская область	3	7	3	7	5	9
Забайкальский край	4	8	5	6	6	10
Курганская область	5	8	4	7	7	10
Новгородская область	4	8	4	8	5	10
Республика Карелия	4	8	5	6	6	10
Республика Тыва	3	11	6	4	8	10
Республика Хакасия	3	9	5	9	6	10

Сравним полученные результаты с результатами известных автору работ. Б.М. Гринчель и Е.А. Назарова приводят балльные обобщенные оценки уровня качества жизни по регионам России [22, с. 118]. В исследовании министерства экономического развития [23] А.О. Польшнев, И.В. Гришина и С.А. Тимонин для вычисления индикаторов КЖ используют методологию С.А. Айвазяна, примененную к более поздним данным. Наконец, в феврале

2019 года агентство «РИА Рейтинг» выпустило рейтинг регионов России по качеству жизни населения¹. Рейтинги построены по разным методикам на данных социально-экономического состояния регионов РФ за 2014–2018 гг. При этом не все исследования совпадают по набору регионов – так, например, в более ранних из них отсутствуют данные по Республике Крым и городу Севастополю. Результаты классификаций сведены в *таблицу 2*.

Таблица 2. Результаты различных классификаций регионов РФ

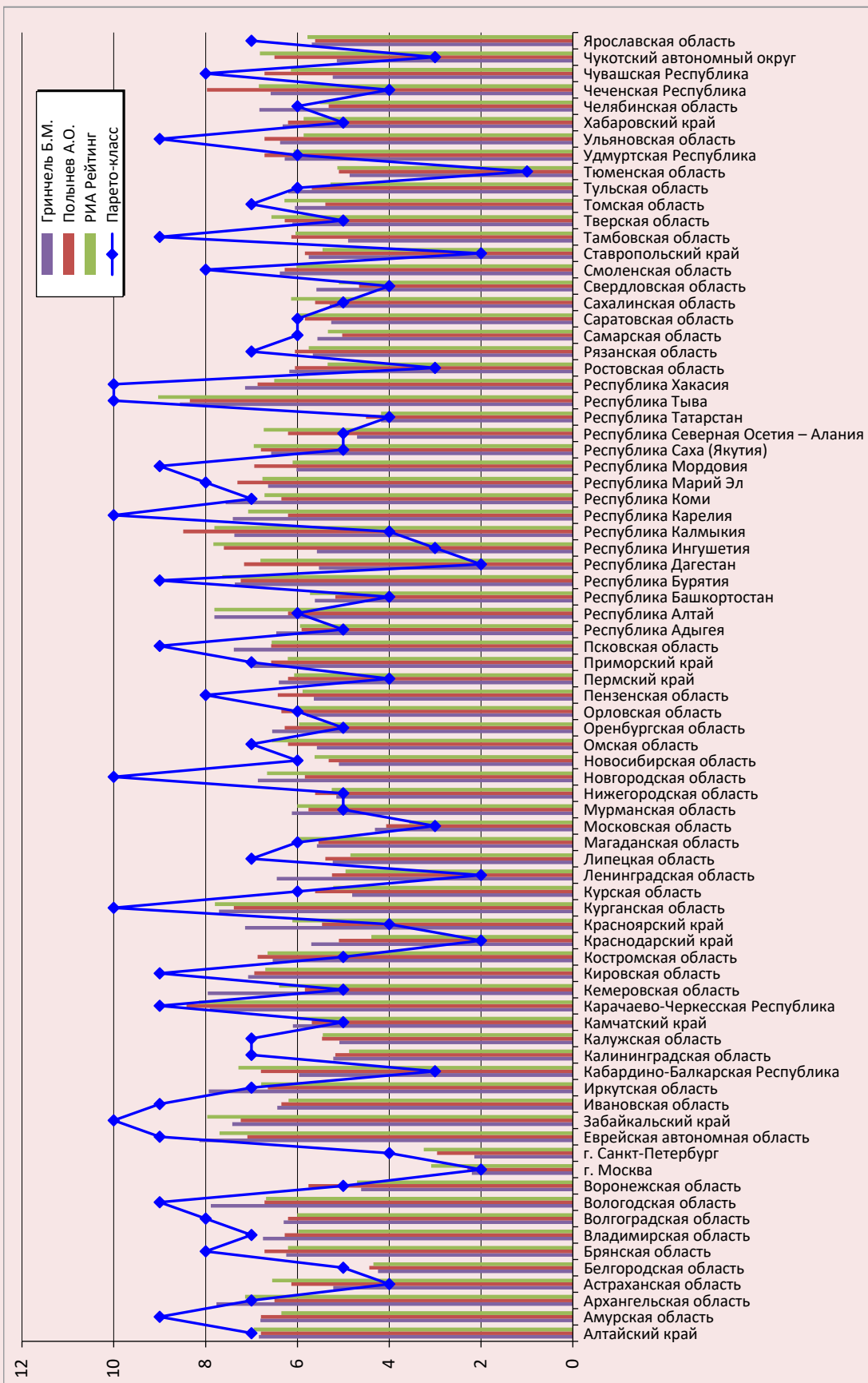
Регион РФ	по Парето	Б.М. Гринчель		А.О. Польшнев		РИА Рейтинг	
	класс (из 10)	значение рейтинга	ранг (из 80)	значение рейтинга	ранг (из 80)	значение рейтинга	ранг (из 80)
Алтайский край	7	6,8	60	6,8	62	6,9	68
Амурская область	9	6,8	58	6,8	62	6,3	49
Архангельская область	7	7,8	73	6,5	52	7,1	70
Астраханская область	4	5,2	15	6,1	35	6,5	52
Белгородская область	5	4,2	4	4,4	4	4,3	5
Брянская область	8	6,2	42	6,7	57	6,2	46
Владимирская область	7	6,8	57	6,3	44	6,0	31
Волгоградская область	8	6,3	44	6,2	37	6,0	34
Вологодская область	9	7,9	75	6,7	57	6,7	58
Воронежская область	5	4,6	6	5,8	26	4,7	7
г. Москва	2	2,2	2	2,3	1	3,1	1
г. Санкт-Петербург	4	2,1	1	3,0	2	3,2	2
Еврейская автономная область	9	8,1	79	7,1	70	7,7	73
Забайкальский край	10	7,4	70	7,2	72	8,0	78
Ивановская область	9	6,4	49	6,4	48	6,2	45
Иркутская область	7	7,9	77	6,6	56	6,8	63
Кабардино-Балкарская Республика	3	6,0	34	6,8	62	7,3	71
Калининградская область	7	5,2	15	5,2	10	4,9	9
Калужская область	7	5,1	11	5,5	17	5,4	18
Камчатский край	5	6,1	37	5,7	24	6,0	29
Карачаево-Черкесская Республика	9	7,9	76	8,4	79	8,1	79
Кемеровская область	5	8,0	78	5,8	28	6,4	50
Кировская область	9	7,1	63	6,9	68	6,7	59
Костромская область	5	6,5	52	6,9	66	6,7	56
Краснодарский край	2	5,7	31	5,1	8	4,4	6
Красноярский край	4	7,1	64	5,5	17	6,1	42
Курганская область	10	7,7	72	7,4	75	7,8	74
Курская область	6	4,8	8	5,6	20	5,2	13
Ленинградская область	2	6,5	50	5,2	12	5,0	10
Липецкая область	7	5,2	17	5,4	15	4,8	8
Магаданская область	6	5,6	23	5,5	19	6,0	32
Московская область	3	4,3	5	4,1	3	3,6	3
Мурманская область	5	6,1	39	5,8	26	6,0	33

¹ РИА Рейтинг. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2018. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2018.pdf

Окончание таблицы 2

Регион РФ	по Парето	Б.М. Гринчель		А.О. Польшнев		РИА Рейтинг	
	класс (из 10)	значение рейтинга	ранг (из 80)	значение рейтинга	ранг (из 80)	значение рейтинга	ранг (из 80)
Нижегородская область	5	5,2	14	5,6	20	5,3	14
Новгородская область	10	6,9	61	5,8	28	6,7	57
Новосибирская область	6	5,1	12	5,3	13	5,6	21
Омская область	7	5,6	23	6,2	37	6,6	53
Оренбургская область	5	6,6	53	6,3	44	6,0	30
Орловская область	6	5,8	33	6,4	48	6,0	38
Пензенская область	8	5,6	28	6,4	51	5,9	27
Пермский край	4	6,4	48	6,2	37	6,1	39
Приморский край	7	7,0	62	6,6	54	6,2	47
Псковская область	9	7,4	68	6,6	54	6,6	54
Республика Адыгея	5	6,5	51	5,9	32	5,9	28
Республика Алтай	6	7,8	74	6,2	37	7,8	75
Республика Башкортостан	4	5,6	27	5,2	10	5,7	22
Республика Бурятия	9	7,4	66	7,2	72	7,6	72
Республика Дагестан	2	5,5	21	7,2	71	6,8	64
Республика Ингушетия	3	5,6	23	7,6	76	7,8	77
Республика Калмыкия	4	7,4	67	8,5	80	7,8	76
Республика Карелия	10	7,4	69	6,2	37	7,1	69
Республика Коми	7	7,6	71	6,4	48	6,7	60
Республика Марий Эл	8	6,6	56	7,3	74	6,8	62
Республика Мордовия	9	6,0	35	6,9	68	6,1	41
Республика Саха (Якутия)	5	6,6	54	6,8	62	6,9	67
Республика Северная Осетия	5	4,7	7	6,2	37	6,7	61
Республика Татарстан	4	4,2	3	4,5	5	4,2	4
Республика Тыва	10	8,6	80	8,3	78	9,0	80
Республика Хакасия	10	7,1	64	6,9	66	6,5	51
Ростовская область	3	6,2	40	6,1	33	5,3	17
Рязанская область	7	5,7	29	6,1	33	5,8	23
Самарская область	6	5,6	22	5,0	7	5,3	16
Саратовская область	6	5,3	19	5,8	28	6,0	35
Сахалинская область	5	5,3	20	5,6	20	6,1	43
Свердловская область	4	5,6	26	4,7	6	5,1	11
Смоленская область	8	6,4	47	6,3	44	6,0	36
Ставропольский край	2	5,8	32	5,8	28	5,5	19
Тамбовская область	9	4,9	10	6,1	35	6,0	37
Тверская область	5	6,1	38	6,3	44	6,6	55
Томская область	7	6,1	36	5,4	15	6,3	48
Тульская область	6	6,2	41	5,7	24	5,3	15
Тюменская область	1	4,9	9	5,1	8	5,1	12
Удмуртская Республика	6	6,3	43	6,7	57	6,1	40
Ульяновская область	9	6,4	46	6,7	57	5,9	25
Хабаровский край	5	6,3	45	6,2	37	5,9	26
Челябинская область	6	6,8	59	5,3	13	5,5	20
Чеченская Республика	4	6,6	55	8,0	77	6,8	66
Чувашская Республика	8	5,2	17	6,7	57	6,1	44
Чукотский автономный округ	3	5,1	13	6,5	52	6,8	65
Ярославская область	7	5,7	30	5,6	20	5,8	24

Значения Парето-класса и приведенных рейтингов по стандартным методикам

В вертикальных столбцах даны значения рейтингов регионов, оцененных как линейные свертки. Помятая линия – результаты классификации регионов РФ на основе отношения Парето.

Корреляционная матрица показывает очень высокую согласованность между рейтингами регионов РФ, вычисленными в соответствии с традиционными методиками (табл. 3).

Таблица 3. Корреляционная матрица

	Парето-класс	Б.М. Гринчель	А.О. Польнев	РИА Рейтинг
Парето-класс	1			
Б.М. Гринчель	-0,51	1		
А.О. Польнев	-0,44	0,72	1	
РИА Рейтинг	-0,46	0,78	0,88	1

Результат классификации по Парето чуть больше отличается от них. Отрицательный знак коэффициента корреляции легко объясним: чем меньше Парето-класс, тем выше индекс качества жизни. Посмотрим подробнее на отличия. Поскольку результаты получены в различных шкалах, то для удобства восприятия приведем результаты рейтингования к соизмеримым величинам путем линейного сдвига² (рисунок).

Видно, что при очень хорошей согласованности между рейтингами, оцененными по общепринятой методике, классификация по Парето в целом согласуется с ними по динамике, по подавляющему большинству регионов получены близкие результаты.

Однако классификация по Парето привела и к нехарактерным результатам. Так, г. Москва и Тюменская область, традиционно относящиеся к регионам-лидерам, расположились в различных классах. Тюменская область превосходит столицу по показателям экологии, по остальным условиям субъекты идентичны. В связи с этим Тюменская область попала в более высокий Парето-класс. Аналогичным образом объясняется различие Парето-классов Республики Дагестан и Республики Ингушетии. Несмотря на равенство результатов в группах «Социально-демографические пока-

затели» и «Экологические показатели» и незначительное (в абсолютном выражении) превосходство по другим группам переменных между республиками возникает соотношение Парето, определяющее различие в классах регионов. Относительно высокое место в рейтинге заняли кавказские республики – Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария: при высоком классе в группах «Социально-демографические переменные» и «Переменные экологии» они имеют всего один или два уровня Парето-доминирующих регионов.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать алгоритмы Парето-классификации в качестве способа работы с порядковыми данными, а также способа получить числовые характеристики в ситуации, когда по каким-либо признакам известно лишь отношение порядка. Подход к классификации на основе отношения Парето может быть использован и при принятии управленческих решений, поскольку в отличие, например, от нейронных сетей известен не только результат, но и сохраняется информация о причинах такого класса, в частности, какая именно группа переменных способствовала попаданию в более низкий класс и, соответственно, какой именно сфере стоит уделить дополнительное внимание.

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на принципиально другой подход, результаты Парето-классификации регионов РФ в целом согласуются с результатами традиционных рейтингов, при этом обладая неоспоримыми преимуществами. Так, предложенный метод способен успешно работать на данных, измеренных в порядковых шкалах (т. е. рассматривая лишь информацию о том, кто лучше в каждой паре по выбранному показателю), без использования абсолютных значений. Основной используемой операцией является бинарное умножение, поэтому высока скорость выполнения алгоритма даже на устаревших вычислительных машинах. Отметим также, что Парето-классификация не является распространенным методом, ее алгоритм не имеет встроенной реализации ни в одном из известных автору пакетов обработки данных, что в свою очередь препятствует его широкому распространению.

² Получены как результат МНК оценки Парето-классов по соответствующему рейтингу. Наклон и сдвиг имеют значения -0,11 и 11,2; -7,37 и 12,6; -0,1 и 10,6 соответственно для каждого сравниваемого рейтинга.

Литература

1. Easterlin R.A. Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence. P.A. David, M.W. Reder. *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramowitz*. N.Y.: Academic Press, 1974, pp. 89–125. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-205050-3.50008-7>
2. Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения / Центральный экономико-математический институт РАН. М.: Наука, 2012. 432 с. (Экономическая наука современной России). ISBN 978-5-02-037968-8
3. Айвазян С.А. Россия в межстрановом анализе синтетических категорий качества жизни населения. Ч. 1. Методология анализа и пример ее применения // Мир России. Социология. Этнология. 2001. № 4. С. 59–96.
4. Жгун Т.В. Построение интегральной характеристики качества жизни субъектов Российской Федерации с помощью метода главных компонент // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 2. С. 214–235. DOI: 10.15838/esc.2017.2.50.12
5. Кислицына О.А. Измерения качества жизни/благополучия: международный опыт. М.: Институт экономики РАН, 2016. 62 с. ISBN 978-5-9940-0541-5
6. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Миграция в России: потоки и центры притяжения // Демоскоп Weekly. 2014. № 595–596. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0595/tema01.php>
7. Минц В. О факторах динамики цен на жилую недвижимость // Вопросы экономики. 2007. № 2. С. 111–121.
8. Smet Yves De, Linett Montano Guzmán. Towards multicriteria clustering: An extension of the k-means algorithm. *European Journal of Operational Research*, 2004, no. 158 (2), pp. 390–398. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2003.06.012>
9. Лещайкина М.В. Межстрановой эконометрический анализ социальной комфортности проживания населения // Прикладная эконометрика. 2014. № 36 (4). С. 102–117.
10. Sun Y., Han Jiawei, Zhao Peixiang, Yin Zhijun, Cheng Hong, Wu Tianyi. RankClus: integrating clustering with ranking for heterogeneous information network analysis. *Proceedings of the 12th International Conference on Extending Database Technology: Advances in Database Technology*, 2009, pp. 565–576.
11. Aleskerov F., Ersel H., Yolalan R. Multicriterial ranking approach for evaluating bank branch performance. *International Journal of Information Technology & Decision Making*, 2004, vol. 3, no. 2, pp. 321–335. URL: <https://doi.org/10.1142/S021962200400101X>
12. Ramanathan R. ABC inventory classification with multiple-criteria using weighted linear optimization. *Computers & Operations Research*, 2006, vol. 33, no. 3, pp. 695–700. URL: <https://doi.org/10.1016/j.cor.2004.07.014>
13. Douissa M.R., Jabeur K. A New Model for Multi-criteria ABC Inventory Classification: PROAFTN Method. *Procedia Computer Science*, 2016, iss. 96, pp. 550–559. URL: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2016.08.233>
14. Орлов М.А. Алгоритм формирования многокритериальной стратификации // Бизнес-информатика. 2014. № 4 (30). С. 24–35.
15. Buchanan J.M. The relevance of Pareto optimality. *Journal of conflict resolution*, 1962, vol. 6, no. 4. С. 341–354.
16. Rodríguez J.D., Lozano J.A. Multi-objective learning of multi-dimensional Bayesian classifiers. *Eighth International Conference on Hybrid Intelligent Systems*, 2008, pp. 501–506. DOI: 10.1109/HIS.2008.143
17. Satchidananda Dehuri, Sung Bae Cho. Multi-objective Classification Rule Mining Using Gene Expression Programming. *2008 Third International Conference on Convergence and Hybrid Information Technology*. Busan, 2008, pp. 754–760. DOI: 10.1109/ICCIT.2008.27
18. Talukder A.K.M., Deb K., Blank J. Visualization of the boundary solutions of high dimensional pareto front from a decision maker's perspective. *Proceedings of the Genetic and Evolutionary Computation Conference Companion*, 2018, July, pp. 201–202. DOI: 10.1145/3205651.3205782
19. Désilles, A., Zidani, H. Pareto Front Characterization for Multiobjective Optimal Control Problems Using Hamilton--Jacobi Approach. *SIAM Journal on Control and Optimization*, 2019, no. 57(6), pp. 3884–3910. doi.org/10.1137/18M1176993.
20. Shakin V.V. Pareto classification of the Finite Sample Sets, Applications of Multivariate Statistical Analysis in Economics and Assessment of Production Quality. *Proceedings of V Scientific Conference of CIS States, RAS CEMI*, 1993.

21. Kolenikov S. *The Methods of the Quality of Life Assessment*. NES, 1999.
22. Гринчель Б.М., Назарова Е.А. Типология регионов по уровню и динамике повышения качества жизни // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3. С. 111–125. DOI: 10.15838/esc.2015.3.39.9
23. Полынев А.О., Гришина И.В., Тимонин С.А. Качество жизни населения регионов России: методология исследования и результаты комплексной оценки // Современные производительные силы. От догоняющего к опережающему развитию. 2012. № 1. С. 70–84.

Сведения об авторе

Алексей Алексеевич Мироненков – старший преподаватель кафедры, Московская школа экономики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские Горы, д. 1, стр. 61; e-mail: mironenkov@mse-msu.ru)

Mironenkov A.A.

Hierarchical Pareto Classification of the Russian Regions by the Population's Quality of Life Indicators

Abstract. Improving population's quality of life is a key goal of the state. In this regard, it is very important to correctly measure its level and, accordingly, classify the country's regions by quality of life indicators. Most research in this area involves dividing variables into groups, unifying variables in each group and building an integral indicator, grouping or clustering objects as a linear convolution of variables with weights. Such approaches have their drawbacks due to the subjectivity of expert estimates, instability of the coefficients of the main component, inability to work with ordinal data, etc. Thus, the purpose of this study is to build a methodology for classifying the regions of the Russian Federation by quality of life indicators devoid of the above disadvantages. The proposed method is based on the concept of Pareto optimality well-known in Economics according to which all the regions are divided into disjoint classes. After dividing variables into groups we recommend using Pareto class as a representative of the category instead of the traditional unification and construction of intra-group convolutions, which is obtained after the intra-group Pareto classification, and building the final Pareto classification of the regions of the Russian Federation on the basis of the obtained intra-group Pareto classes. The advantage of the proposed approach is that it can be applied on the ordinal data, that is, when some variables are characterized only by their order and there are no exact values for each region. In addition, the algorithm is undemanding for computing power and does not use expert estimates, except for the selection of research variables. The main results of the study are the construction of a classification of the Russian Federation regions by quality of life indicators, comparison with traditional approaches and analysis of the features of the proposed methodology.

Key words: regional ranking, population's quality of life indicators, stratification, Pareto ratio, Pareto dominance, Pareto classification, Pareto optimum, quality of life.

Information about the Author

Alexey A. Mironenkov – Senior Teacher, Moscow School of Economics of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov (61/1, Leninskie Gory Street, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: mironenkov@mse-msu.ru)

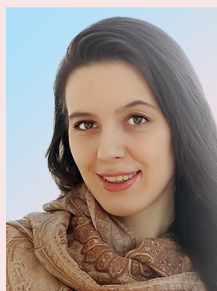
Статья поступила 31.10.2019.

Морально-нравственный аспект субъективной конкурентоспособности молодежи*

**Геннадий Филиппович
ШАФРАНОВ-КУЦЕВ**

Тюменский государственный университет
Тюмень, Российская Федерация, 625003, ул. Володарского, д. 6
E-mail: g.f.kucev@utmn.ru
ORCID: 0000-0001-7823-0525; ResearcherID: N-5782-2017

**Галина Зиновьевна
ЕФИМОВА**

Тюменский государственный университет
Тюмень, Российская Федерация, 625003, ул. Володарского, д. 6
E-mail: g.z.efimova@utmn.ru
ORCID: 0000-0002-4826-2259; ResearcherID: N-8362-2016

Аннотация. Вопросы конкурентоспособности и конкурентных взаимоотношений, как правило, рассматриваются с экономической точки зрения, минуя социально-культурные аспекты. В статье представлен социологический анализ конкурентоориентированности молодежи и ее морально-нравственных ориентиров. Рассмотрение обозначенного проблемного поля позволяет определить коннотацию конкурентных взаимоотношений – от позитивных («этичная» конкуренция) до негативных («агрессивная», «хищническая» конкуренция). Оценивается, на какой формат конкурентных взаимоотношений настроено молодое поколение, считающее себя

* Работа выполнена при финансовой поддержке государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ «Формирование конкурентоориентированности и конкурентоспособности молодежи в российском обществе в контексте современной социокультурной динамики». Код проекта 28.2941.2017/4.6.

Для цитирования: Шафранов-Куцев Г.Ф., Ефимова Г.З. Морально-нравственный аспект субъективной конкурентоспособности молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 186–200. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.12

For citation: Shafranov-Kutsev G F., Efimova G.Z. Moral aspect of young people's subjective competitiveness. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 186–200. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.12

конкурентоспособным, и те молодые люди, которые отвергают собственную причастность к конкуренции в любом ее виде. Получен новый научный результат – понимание конкурентоспособности как субъективного феномена. Также элементом научной новизны является авторская система эмпирических индикаторов для оценки субъективной конкурентоспособности. Представленный материал направлен на достижение конкретной цели – определить взаимосвязь субъективной конкурентоспособности молодежи и стремления придерживаться устойчивых ценностных стандартов и высоких морально-нравственных принципов в своем поведении. Решены следующие задачи: выделены ключевые характеристики конкуренции как социально-культурного феномена; изучено отношение молодежи к конкурентоспособности; выявлена связь между конкурентными ориентациями, ответственностью личности за собственные действия, локусом контроля, доверием и уважением к окружающим, готовностью помогать другим. Эмпирической базой социологического исследования стали данные анкетного опроса молодежи Тюменской области (2017 год, 3403 человека, в том числе старшеклассники – 1087 человек; студенты – 1360 человек; работающая молодежь до 30 лет – 956 человек). Установлено, что респонденты, не считающие себя конкурентоспособными, характеризуют конкурентное взаимодействие с помощью более негативных оценок, нежели молодежь, фактически задействованная в конкуренции. Молодые люди с низкими конкурентными ориентациями демонстрируют отсутствие активной жизненной позиции, неготовность к созданию собственного бизнеса и к ответственности за свою жизнь. Наиболее высокая доля конкурентоспособных респондентов отмечается среди работающей молодежи. Проанализированы мировоззренческие установки, общая культура старшеклассников, студентов и работающей молодежи, взаимосвязь компетенций и конкурентоспособности. В качестве ключевых детерминант, формирующих конкурентоспособность молодых людей, определены мировоззренческие установки, ценности, морально-нравственные ориентиры. Сделан вывод о том, что конкурентоспособная молодежь склонна придерживаться высоких морально-нравственных принципов.

Ключевые слова: старшеклассник, студент, учащаяся молодежь, работающая молодежь, конкуренция, культура конкурентных взаимоотношений, конкурентоспособность, нравственность, ценностные ориентации.

Введение

В конце 2017 года Президентом Российской Федерации подписан указ¹, в котором развитие конкуренции в России обозначено приоритетным направлением деятельности. Правда, конкуренция в нем трактуется исключительно с экономической точки зрения, в то время как ее реализация возможна лишь благодаря высокому уровню развития человеческого капитала в стране, а также в конкретной отрасли, на предприятии. Конкуренцию осуществляют люди, обладающие конкурентоспособностью на личностном уровне. Инвестирование ресурсов в развитие индивидуальной конкурентоспособности становится стратегически значимой задачей, которая решается комплексно, с

привлечением социальных институтов – семьи, образования (на всех его уровнях, включая неформальное и самообразование), экономики, культуры и др. Развитие человеческого капитала не только приносит многократную экономическую прибыль (поддается исчислению), но и способствует значительной социально-культурной отдаче (практически неизмеряемой)².

Конкурентные отношения проявляются во всех без исключения сферах жизни – от биологической и социальной до экономической. В каждой из них конкуренция приобретает особое содержательное наполнение, при этом остается неизменным ее ключевой аспект – борьба за **лидерство** в обладании ограниченными

¹ Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции: Указ Президента РФ от 21.12.2017 № 618.

² Доклад о человеческом развитии. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/HDR2016_RU_Overview_Web.pdf

ресурсами. В социальном аспекте конкуренция понимается как *«соперничество между агентами (людьми, институтами, нациями) за индивидуальное превосходство»* [1, с. 176].

Существует множество определений термина «конкуренция» и производных от него. Анализ терминологического пула проведен в ранних публикациях нашего исследовательского коллектива [2]. В процессе конкурентных интеракций индивиды вступают в социальные связи, на его эффективность (наряду с наличием знаний, умений и профессиональных навыков) оказывает влияние прошлый опыт подобных взаимоотношений. Конкурентоспособность современного специалиста становится *нелинейной* и «предполагает нестандартность мышления и действия, уход от шаблонов в решении задач, поиск новых алгоритмов в кризисной ситуации и т. д.»³.

В рамках нашего исследования конкурентоспособность трактуется как *«комплексное свойство, присущее человеку и состоящее из психофизических ресурсов (здоровье, возраст, внешность, уровень интеллекта) и нравственных аспектов (ценностные ориентиры и их иерархия, верования и их система, личные запреты и ограничения). Основу данного свойства составляют высокий профессионализм, психологическая готовность к конкурентной борьбе за свое существование и социальные особенности личности»* [3].

Эффективное функционирование социальных институтов и общественных структур зависит от соблюдения комплекса **ценностных** норм и правил. Каждая социальная общность, равняясь на принятые в конкретном обществе нормы и ценности, трансформирует их «под себя» в соответствии с особенностью деятельности, затем транслирует нынешнему поколению, а оно — последующим. Актуальность соблюдения комплекса морально-нравственных норм в социальной жизни связана с синхронизацией социального поведения в конкретном обществе, определением допустимых (социально одобряемых) стратегий и недопустимых (порицаемых) поступков.

³ Гончарова Е.П., Кротикова Ю.С. Тревожность у студентов выпускных курсов. URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/192352/1/Гончарова_Кротикова_ВШ_18_ч.1-206-210.pdf

Обзор литературы

Мировоззрение людей детерминировано жизненными ценностями, которые трактуются как устойчивые убеждения о предпочтительных стратегиях поведения или итоговых состояний в иерархизированном порядке [4, с. 5]. В качестве ключевых факторов, формирующих ценности личности, Р. Инглхарт обозначил уровень экономического развития страны, в которой проживает человек, а также преобладающую культуру, в которой проходила его социализация [5].

В целом жизненные ценности представляют собой базовый набор мотиваций, формирующих нормативный ряд в сознании представителей различных социальных групп и детерминирующих поведение человека. Происходящая в обществе перманентная трансформация основных ценностей накладывает отпечаток на поведенческую этику. Выделяются две полярные этики поведения: *«в рамках парадигмы не-олиберальной глобализации превалирует эгоистическая стратегия (конкуренция, эффективность, личный успех); в рамках парадигмы устойчивого развития — солидарность, справедливость, ответственность за будущее»* [6, с. 67].

В процессе социализации личность усваивает определенные **культурные коды**, формирующие систему субъективных координат, в которых впоследствии происходит жизнедеятельность индивида [7]. Как отмечает А.М. Клименкова, «культурные коды формируются на основе системы прецедентных феноменов, которые „укоренились“ в определенном культурном пространстве, и имеются факты их широкого использования в определенной культуре» [8, с. 8]. Культурный код — основа возникновения ценностных ориентаций. Усвоенные и осознанные ценности становятся базисом формирования личностной культуры, значимым аспектом ее самоопределения. *«Ядро ценностной структуры составляет некий идеал — социально-политический и нравственный образ желаемого будущего. Ценностные ориентации, которые человек рассматривает в качестве эталона, так или иначе согласуются с идеалом, формируя собственную иерархию жизненных целей, а также ценностей, средств или представлений о нормах поведения»* [9, с. 331].

К числу международных сравнительных исследований относятся *Всемирное исследование ценностей (методика Р. Инглхарта)*, *World Values Survey*⁴, *Евробарометр*⁵, *European Social Survey*⁶ и *Европейское социальное исследование (методика Ш. Шварца)*.

Базовые теории ценностей разработаны классиками социологии Э. Дюркгеймом, Т. Парсонсом, М. Вебером, У. Томасом и Ф. Знанецким. Термин «ценность» трактуется как ориентир, задающий смысловые горизонты социального поведения личности. Особый научный интерес социологов, психологов, педагогов и представителей других социально-гуманитарных наук представляют ценностные ориентации и морально-нравственные ориентиры участников конкурентных отношений. Стереотипно успех в конкуренции воспринимается в индивидуальном, единоличном континууме, а отнюдь не в условиях стратегии «win-win» (с выигрышем для обеих сторон). Частично объяснением этому служит тот факт, что ценности современного человека в значительной степени «экономизированы».

В трудах экономистов А. Маршалла, А. Смита, Дж. Кейнса описана теория «экономического человека» (*Homo Economicus*), приоритетная деятельность которого направлена на получение дохода или иной выгоды [10]. В современных исследованиях отмечается, что *Homo Economicus* уступает место *Homo Reciprocans* – коллективному существу, ориентированному на общественно значимые ценности и наделенному идеей ответственности, свободой воли в условиях соблюдения тонкой грани между альтруистической и эгоистической мотивацией. Изменяются и конкурентные отношения – несмотря на сохранившееся стремление к единоличной выгоде и захвату ограниченных ресурсов, социально поощряются отказ от агрессивной конкуренции, ориентация на стратегии долгосрочного взаимодействия и социальной ответственности.

⁴ World Values Survey. Available at: <http://www.worldvaluessurvey.org>

⁵ EUROPEAN COMMISSION. Public Opinion. Available at: <http://www.ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm>

⁶ European Social Survey. Available at: <http://www.ess-ru.ru>

В новой парадигме конкурентных отношений альтруистические ценности имеют характер базовых для принятия экономических решений и совершения социально значимых интеракций. «На первый план выводятся ценностные ориентиры, призванные сформировать систему хозяйственной мотивации индивидов как членов общества, озабоченных идеей справедливости по отношению ко всем проявлениям жизни на Земле» [11, с. 82]. Реализуются процессы формирования критериев социальной справедливости в рамках просоциального поведения («кооперативное поведение, представления о том, что есть хорошо и что есть плохо, соблюдение общественных норм» [12, с. 112]). Также проблемам сотрудничества и конкуренции посвящена работа В. Schneider, J. Benenson, M. Fülöp, M. Berkics и M. Sándor [13], в которой рассмотрены методологические вопросы изучения кооперации и конкуренции; культурные различия их реализации.

В ситуациях морального выбора человек придерживается различных поведенческих моделей, изучаемых в рамках теории игр. Одним из экспериментов, направленных на выявление приоритетной стратегии индивида (*Homo Economicus* или *Homo Reciprocans*), стала игра «Вклад в общее благо» (вариант «Социальной дилеммы»): если в групповом взаимодействии человек придерживается личных интересов, когда окружающие обозначают приоритетными общие интересы, то его выгоды превысят выгоды остальных участников; если же подобной стратегии (приоритет личных интересов) придерживаются все, то выигрыш каждого будет меньше, чем если бы все преследовали общие интересы. Представление о справедливости как базисе сотрудничества изучалось в эксперименте «Игра в ультиматум» (В. Гуго, Р. Шмиттберг, Б. Шварц, 1982 г.) [14]. Участники конкурентных взаимодействий для достижения собственных целей часто используют средства, дифференцированные «как по степени экономической рациональности для конкретной ситуации, так и по степени нравственности, этической нормативности» [15, с. 234].

Сформулируем наш исследовательский вопрос максимально конкретно: какая конкурентная стратегия становится более выгодной – сотрудничать и выстраивать долгосрочные

взаимоотношения или «идти по головам» и получать сиюминутный выигрыш, «сжигая за собой мосты». Чтобы ответить на вопрос, обратимся к определению идеальной модели личности XXI века (по В.И. Андрееву) – это личность многомерная, вбирающая в себя и реализующая достоинства творчески саморазвивающейся, самодостаточной и конкурентоспособной личности. Под «самодостаточной» понимается *«личность, системообразующими качествами которой являются автономность и независимость, высокий уровень нравственной культуры и гражданственность, а также высокие способности к самоопределению и самоограничению в сочетании с достаточно высоким уровнем творческого потенциала и здорового практицизма»* [16].

Стратегически значимым становится формирование культуры личности в контексте участия в конкурентных отношениях. Конкурентные интеракции определяются как *«взаимодействия субъектов экономических отношений в условиях конкурентного рынка; единство воздействий и совместных действий субъектов конкуренции, направленных на достижение взаимопересекающихся целей»*⁷. В свою очередь, культура конкурентных отношений – *«личностное качество, интегрирующее ценностные ориентации, установки, знания, способы поведения, общения и деятельности личности, обеспечивающие эффективное сотрудничество и соперничество в условиях конкуренции и ориентированные на достижение экономических целей рациональными и этически приемлемыми средствами»* [17, с. 169]. Культура конкурентных отношений определяет способность личности участвовать в конкуренции не только экономически целесообразными, но и морально оправданными способами⁸.

R.D. Hayward и M. Kemmelmeier исследовали структурные и культурные корни таких отношений в разных обществах, доказав различия взглядов на конкуренцию: «на ней базируется социальный порядок» или «она разрушает позитивные социальные связи» [18].

Вместе с тем «культура конкурентных взаимодействий может характеризоваться одним из следующих типов и уровней: антикультура

(отрицательный уровень), культурный вакуум (нулевой уровень) и, собственно, культура конкурентных взаимодействий (низкий, средний, высокий уровень)» [19, с. 226]. Результаты эксперимента, проведенного С.Е. Моторной среди студенческой аудитории, свидетельствовали о высоком уровне конкуренции и конфликтности [20, с. 289].

Конкурентоспособность специалиста «зависит как от профессионализма, компетентности, так и от соответствия личностных качеств требованиям профессии. В число таких качеств входят черты характера, способности и ряд других психологических характеристик человека» [21, с. 567]. «Возможность приобретения конкурентных преимуществ обеспечивается наличием у специалиста тех или иных внутренних ресурсов и потенциалов: интеллектуальных, операциональных, морально-волевых, личностно-психологических и т. д.» [21, с. 568]. «Детерминантами конкурентоспособности специалиста являются не только социально и профессионально значимые личностные качества, но и компетентность, направленность личности, ценностные ориентации и целевые установки и пр.» [22, с. 145].

Значимые в контексте нашей статьи идеи высказаны еще в конце XIX века классиком социологии Ч.Х. Кули в книге «Личная конкурентоспособность» (*“Personal Competition”*) [23], где на примере жителей США отмечается тренд повышения индивидуализма и конкурентоспособности населения. Моральные стандарты, применяемые человеком к собственному поведению, являются индивидуализированным отражением той социальной среды, социальной общности или группы, в рамках которых происходит взаимодействие. Каждая социальная группа контролирует своих членов и налагает на них требование соответствовать определенным стандартам поведения, иначе к субъектам применяются санкции или же они вовсе исключаются из состава группы. Достижение успеха в каждой карьерной стратегии (*вертикальной, горизонтальной или зигзагообразной*) сопряжено с определенными стандартами, характерными для конкретной практики социального взаимодействия. *«Чем выше, с моральной точки зрения, деятельность социальной группы, тем более моральными становятся условия достижения успеха в ней и наоборот. В преступной организа-*

⁷ Ильина В.Н. Конкуренция. URL: <http://be5.biz/ekonomika/k005/29.htm>

⁸ Хазова С.А. Развитие конкурентоспособной личности в системе образования: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Майкоп, 2011. 60 с.

ции преступление становится условием успеха; в то время как существуют такие профессии, в которых честность является лучшей практикой достижения успеха» [23]. Нечестность может стать оптимальной конкурентной стратегией в условиях аномии (Э. Дюркгейм), когда наступает деморализация социальных взаимодействий, при которых происходит нечестная конкуренция и аморальные действия преобладают над честными и моральными. В данном контексте Ч.Х. Кули подчеркивал, что «нестабильные и нечестные люди подобны разрушающимся кирпичам, из которых не может быть построена устойчивая социальная структура <...> Успешный человек обязательно моральный или справедливый» [23].

Опираясь на проведенный анализ работ отечественных и зарубежных ученых, сконцентрируем фокус исследовательского интереса на ценностных ориентациях и морально-нравственных приоритетах молодежи. Особенную актуальность рассмотрения системы ценностных координат на примере данной социально-демографической группы мы объясняем несколькими факторами. Во-первых, формирование устойчивых ценностных ориентиров молодых людей происходит в процессе первичной и вторичной социализации, задает базовые принципы, делающие возможным дальнейшее воплощение в рамках трудовой деятельности и повседневной жизни. Во-вторых, молодежь транслирует приоритетные для нее ценности и морально-нравственные установки следующим поколениям, формируя культурный код социума.

В мире численность людей от 10 до 24 лет составляет 1,8 млрд человек (25% населения планеты)⁹. В России в идентичной возрастной группе находится 21,9 млн человек, или 14,9% от общей совокупности населения страны (на начало 2019 года). Исходя из принятых в нашем государстве границ молодежного возраста (от 14 до 30 лет) к молодежи относятся 24,2 млн человек (16,5%)¹⁰.

⁹ Народонаселение мира в 2014 году. URL: <https://www.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/RU-SWOP14-Report%20Rev-Web-update%2024%20Nov.pdf>

¹⁰ Распределение населения по возрастным группам // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo14.xls

Материалы и методы исследования

Эмпирическую базу составляют данные фундаментальной научно-исследовательской работы «Формирование конкурентоориентированности и конкурентоспособности молодежи в российском обществе в контексте современной социокультурной динамики», проведенной в апреле-мае 2017 года коллективом социологической лаборатории Тюменского государственного университета среди старшеклассников, студенческой и работающей молодежи. Метод исследования – анкетный опрос. Выборочная совокупность составила 3403 респондента в возрасте от 14 до 30 лет. Тип выборки: многоступенчатая, районированная, квотная пропорциональная.

Опрашивались учащиеся 10–11 классов общеобразовательных учреждений Тюменской области: Тюмень (N = 607), Тобольск (N = 158), Ишим (N = 87), сельская местность (N = 253).

Полевой этап социологического исследования среди студентов учреждений высшего (N = 1146) и среднего (N = 214) профессионального образования проведен в городах Тюмень (N = 963), Тобольск (N = 135), Ишим (N = 98). Помимо этого, в выборку включены студенты – участники Всероссийского слета лучших групп (N = 164).

Опрос работающей молодежи осуществлен в 20 организациях основных отраслей экономики в городах Тюмень, Тобольск, Ишим и сельской местности Тюменской области (N = 956). Анализ эмпирических данных проведен с использованием программы IBM SPSS Statistics (лицензионный пакет, версия 23).

В качестве исследовательской гипотезы выступило предположение: «конкурентоспособная молодежь склонна придерживаться в своем поведении устойчивых морально-нравственных принципов», которое раскрывается в следующем: молодежь, не считающая себя конкурентоспособной, характеризует конкурентные отношения более критично и предвзято, снабжая их негативными коннотациями, нежели молодежь, успешно проявляющая себя в конкуренции.

Результаты исследования

Основная идея исследования предполагала разработку *трех* бланков анкетного опроса с включением комплекса вопросов, направленных на определение субъективной кон-

курентоспособности молодежи (на примере старшеклассников, студентов и работающей молодежи) и специфики формирования конкурентности в каждой из обозначенных социальных групп. Если в старшем школьном возрасте это укоренение общих принципов конкуренции и конкурентного отношения, готовности быть успешным (о полноценной конкурентоориентированности еще не может идти речь), то в студенчестве готовность к конкуренции (конкурентоспособность) стремительно возрастает – молодежь осознает, что будущий работодатель заинтересован в компетентных высококвалифицированных сотрудниках и за лучшее место на рынке труда им предстоит побороться. Соответственно, если молодежь еще во время обучения предпринимает определенные действия по стратегическому накоплению конкурентного потенциала, то в последующей трудовой деятельности такие работники станут более конкурентоспособными. Для работающей молодежи приоритеты социально-профессиональной конкурентоспособности существенно трансформируются – актуальным остается накопление конкурентного потенциала (повышение квалификации, самообразование), а также дальнейшее поддержание конкурентоустойчивости. В условиях современности практически невозможно быть конкурентоспособным на местном уровне, конкурентные стандарты в каждой профессии приобретают глобальный характер. Человек может функционировать, даже не будучи конкурентоспособным, однако

социально-профессиональная успешность такого функционирования весьма сомнительна.

Структура представленного аналитического материала обусловлена исследовательской логикой, направленной на оценку отношения респондентов к конкуренции как таковой и перечня личностных качеств, присущих членам коллектива и самой конкурентоспособной личности в частности; определение «табу» на неэтичное поведение в конкурировании; обозначение ценности для личности общественного признания достижений и стремления быть успешным; выявление взаимосвязи между открытостью миру (в масштабах своего социального окружения), готовностью конструктивно взаимодействовать, а также доверием к окружающим. Последовательно раскроем намеченные исследовательские задачи.

При анализе ответов респондентов мы провели сравнение уровня субъективной конкурентоспособности, присущего обозначенным молодежным группам, с прочими изучаемыми аспектами. Методологическая состоятельность такого подхода доказана исследовательским коллективом под руководством академика РАН М.К. Горшкова на примере метода самооценки в качестве одного из четырех показателей положения человека в социальной структуре общества [24].

В анкеты учащейся и работающей молодежи включен вопрос о самооценке конкурентоспособности в следующей формулировке: «Считаете ли Вы себя конкурентоспособным?» (табл. 1).

Таблица 1. Самооценка молодежью уровня собственной конкурентоспособности, % к числу ответивших

Считаете ли Вы себя конкурентоспособным?		Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет
Старшеклассники	общеобразовательные школы (город) (N = 272)	29,5	47,8	18,7	4,1
	общеобразовательные школы (сельская местность) (N = 235)	23,4	53,7	19,9	3,0
	гимназии или профильные школы («элитные школы») (N = 320)	32,5	46,7	17,0	3,8
	гимназия Тюменского государственного университета (N = 260)	31,1	56,0	12,1	0,8
	среднее (N = 1087)	29,5	50,7	16,9	3,0
Студенты	учреждения среднего профессионального образования (N = 214)	32,7	54,3	10,6	2,4
	учреждения высшего образования (N = 979)	22,5	61,4	13,1	2,9
	среднее (N = 1360)	25,7	58,6	13,1	2,6
Работающая молодежь	окончившая учреждения среднего профессионального образования (N = 219)	52,8	26,6	12,4	8,3
	окончившая учреждения высшего образования (N = 656)	58,8	34,5	5,1	1,7
	среднее (N = 956)	57,3	32,5	6,9	3,3

Примечание: проценты рассчитаны по строке.

Объединив полярные высказывания в дихотомию «считаю себя конкурентоспособным» (варианты ответов «да», «скорее да, чем нет») и «не считаю себя конкурентоспособным» («скорее нет, чем да» и «нет»), видим, что минимальный уровень субъективной конкурентоспособности зафиксирован среди школьников (80%, немногим выше у старшеклассников элитной гимназии Тюменского госуниверситета – 87%), при этом повышается у студентов (84%). Работающая молодежь, находящаяся на начальных этапах карьерного пути, в максимальной степени проявляет собственные конкурентные стратегии (90%; среди лиц, имеющих высшее образование, – 93%).

Наивысшая доля респондентов, считающих себя конкурентоспособными (варианты ответа «да» и «скорее да»), зафиксирована в гимназии Тюменского государственного университета (87%), среди учащихся иных школ, причисленных нами к категории «элитные», составляет 79%, в обычных общеобразовательных учреждениях – 77%.

Распределение ответов по полу показывает, что среди старшеклассников юноши чаще характеризуют себя как конкурентоспособные (86%, девушки – лишь в 75% случаев). Отмечены различия в самооценке конкурентоспособности в зависимости от уровня успеваемости. Респондентам задавался вопрос «Как вы учитесь?» (варианты ответа: «отлично», «хорошо и отлично», «хорошо и удовлетворительно», «преимущественно удовлетворительно»). Отличники считают себя конкурентоспособными

в 94% случаев, обучающиеся на четверки и пятёрки – 85%, а получающие оценки «удовлетворительно» – 58%. Без углубленного анализа сложно понять первопричину: школьник не считает себя конкурентоспособным, успешным и поэтому плохо учится, получая низкие оценки, или же, будучи не способным / не мотивированным учиться лучше, оценивает уровень своей конкурентоспособности как невысокий. Данный аспект заслуживает отдельного детального изучения.

Обратимся к оценке респондентами конкуренции как социально-культурного феномена, реализующегося в ходе конкурентных отношений. Среди конкурентоспособной работающей молодежи с утверждением «Конкуренция – это хорошо; она побуждает людей напряженно работать и развивать новые идеи» согласились 87% респондентов, а среди неконкурентоспособной молодежи – 71%. Коэффициент корреляции Спирмена между переменными составил 0,110** (очень слабая, прямая корреляция; здесь и далее «**» означает $p < 0,001$). Абсолютное большинство респондентов с высшим и послевузовским образованием придерживаются позитивного мнения о конкуренции (89%), а среди респондентов с неоконченным высшим, средним профессиональным – лишь три четверти (78%).

Для анализа изучаемого феномена респондентам предложено оценить отношение к конкуренции с применением метода семантического дифференциала (табл. 2). Вопрос включен в анкету только для работающих молодых людей

Таблица 2. Распределение ответов работающей молодежи на вопрос «Оцените понятие „конкуренция” по следующим критериям», % к числу ответивших (N = 956 чел.)

Вариант ответа	Конкурентоспособность		Уровень образования	
	да, скорее да, чем нет	скорее нет, чем да, нет	среднее профессиональное и ниже	высшее и послевузовское
Полезна	90,7	81,5	85,2	91,9
Честна	51,3	41,5	47,4	51,5
Прибыльна	66,4	63,4	64,1	67,4
Эффективна	85,8	70,4	79,0	86,5
Нужна	87,8	75,7	80,3	89,6
Приятна	44,3	43,7	45,0	44,1
Моральна	48,4	44,9	47,2	48,3
Комфортна	41,2	41,7	39,8	42,6
Справедлива	48,3	32,4	44,8	47,7
Явна	62,1	47,7	59,3	61,7

из-за их более высокой субъективной конкурентоспособности и интенсивной вовлеченности в конкурентные взаимоотношения в рамках трудовых и межличностных интеракций; сформированного представления о конкуренции, многократно отредактированного практикой реальных взаимодействий.

Конкурентоспособные респонденты чаще неконкурентоспособных коллег характеризовали конкуренцию как «эффективную» (86% против 70), «нужную» (88 и 76%), «справедливую» (48 и 32%) и «явную» (62 и 48%). Вместе с тем отмечается более позитивное отношение к конкуренции у респондентов с высшим и послевузовским образованием (напомним, что именно они обладают более высоким уровнем конкурентоспособности среди ровесников). По их мнению, конкуренция «нужна» (90% против 80% у молодежи с неоконченным высшим или средним профессиональным образованием), «полезна» (92 и 85%). Зависимость переменных, вошедших в семантический дифференциал (корреляция Спирмена), наблюдается между конкурентоспособностью респондентов и следующими характеристиками, которыми они наделяют конкуренцию: «полезна» (0,159**), «эффективна» (0,169**), «нужна» (0,156**), «моральна» (0,116**), «явна» (0,102**) (очень слабая, прямая корреляция).

Оценка личностных характеристик молодежи

В данном тематическом блоке рассмотрим значимость для респондентов такой личностной характеристики, как «конкурентоспособность», оценку респондентами своих одноклассников и проанализируем качества, присущие именно конкурентоспособной личности.

Выявим отношение к конкурентоспособности старшеклассников – самой младшей из выделенных нами когорт социальной группы. Конкурентоспособные школьники в 68% случаев выразили согласие с утверждением «Конкурентоспособность (успешность) – важное качество человека в современном российском обществе» (вариант ответа «да»), а неконкурентоспособные ровесники соглашались с ними в полтора раза реже (43%).

Приоритет конкурентоспособности среди личностных качеств признают 74% учащихся

гимназии ТюмГУ, 64% респондентов из школ, отнесенных нами к категории «элитных», и лишь 56% опрошенных в обычных школах. Среди учащихся 10-х классов с утверждением о приоритете конкурентоспособности согласились 66% опрошенных, а среди одиннадцатиклассников немногим меньше – 59%. *Приоритет конкурентоспособности признают наиболее успешно обучающиеся старшеклассники* (79% ответили «да»), среди «хорошистов» – 64%, среди «троечников» – 54%. Чем выше собственная ориентация на успех в конкурентных взаимодействиях, тем более высокая значимость присваивается конкурентоспособности как характеристике личности. Различия в ответах респондентов по полу статистически незначимы.

Человек видит мир через определенную призму, сформированную вследствие социально-культурного опыта, интериоризированных ценностей и норм. Вопрос относительно приоритетных качеств, которыми обладают одноклассники, включен в бланк анкетного опроса старшеклассников. В среднем по блоку личностных характеристик с негативными коннотациями (*недоброжелательность, эгоизм, пассивность и равнодушие, безответственность*) неконкурентоспособные респонденты чаще отмечали их наличие у одноклассников (диапазон между ответами неконкурентоспособных и конкурентоспособных опрошенных составил в среднем 9%) (табл. 3). Конкурентоспособные респонденты в основном характеризовали ровесников, называя их позитивные черты (*добросовестность; трудолюбие; социальная активность; взаимопомощь и взаимовыручка*) (диапазон между ответами конкурентоспособных и неконкурентоспособных респондентов составил в среднем 13%).

В анкету студенческой молодежи включена серия открытых вопросов: «Что для Вас значит „быть конкурентоспособным“ в жизни в целом?», «Что для Вас значит „быть конкурентоспособным“ на рынке труда?» и «Какие качества необходимы человеку, чтобы быть конкурентоспособным?». В результате анализа выяснились некоторые конкурентные стратегии и стереотипы восприятия респондентами конкурентоспособности как социального феномена. В первом приближении опрошенных (судя по их

Таблица 3. Распределение ответов старшеклассников на вопрос «Какими качествами обладают Ваши одноклассники?» (сумма вариантов ответа «очень распространены», «встречаются довольно часто») в зависимости от уровня конкурентоспособности, % к числу ответивших (N = 1087 чел.)

Вариант ответа		Считаете ли вы себя конкурентоспособным?	
		да и скорее да	скорее нет и нет
Негативные	Недоброжелательность	12,9	16,8
	Эгоизм	28,0	36,9
	Пассивность и равнодушие	27,7	37,6
	Безответственность	30,5	43,4
Позитивные	Добросовестность	78,4	65,6
	Трудолюбие	72,9	54,2
	Социальная активность	75,8	65,3
	Взаимопомощь и взаимовыручка	86,1	76,3

ответам) можно разделить на добросовестно конкурирующих и тех, кто не гнушается нечестной конкуренции и при необходимости готов к неэтичным поступкам, неоправданному риску и даже может преступить закон. Так, около 7% студенческой молодежи охарактеризовали конкурентоспособную личность преимущественно посредством негативных качеств. Среди качеств, необходимых для успеха в конкурентной борьбе, названы амбициозность, наглость, упертость, хитрость и умение добиваться целей любой ценой. Вместе с тем респонденты допускали возможность занять желаемое рабочее место (даже прибегая к недобросовестным приемам), отняв его у соперника. Чаше наделяли конкурентоспособного человека отрицательными чертами именно те респонденты, которые не считают себя конкурентоспособными.

Если перечень конкурентных качеств личности формируется на устойчивом ценностном базисе, высока вероятность проявления субъектом этичного поведения при конкурентном взаимодействии. Рассмотрим ценностные ориентации, связанные с конкурентным отношением (вполне реальным в случае с работающей молодежью и планируемым – в случае с учащейся молодежью). Начнем анализ в порядке нарастания интенсивности конкурентоориентированности, рассматривая оценки старшеклассников и студентов, переходя к реализации работающей молодежью сформированной конкурентоспособности в трудовой деятельности и в жизни в целом.

Проанализируем сформированность и устойчивость ценностных ориентаций работающей молодежи. В анкету включено утверж-

дение «*В наше время для победы над конкурентами средства не имеют значения, важен результат*». Каждый третий респондент затруднился с ответом на предложенный вопрос (33%), а несогласие с высказыванием выразили 32% конкурентоспособных и 25% неконкурентоспособных опрошенных. Среди молодежи с неоконченным высшим, средним профессиональным и более низким уровнем образования несогласие с предложенным высказыванием выразила четверть опрошенных (25%), каждый третий – с высшим и послевузовским образованием (34%). Соответственно, будучи «сильными» в конкретной социально-трудовой сфере, они осознают социальную и морально-нравственную ответственность за свои действия и их последствия.

Вывод подтверждается следующими результатами: согласились с утверждением «*Современный мир жесток, чтобы выжить и преуспеть, необходимо бороться за свое место в нем, а то и переступить через некоторые нормы морали*» 42% конкурентоспособных работающих молодых людей и 50% неконкурентоспособных. Утверждение «*Сегодня мы живем в другом мире, и многие моральные нормы уже устарели*» наиболее близко неконкурентоспособной работающей молодежи (64% против 43% конкурентоспособных респондентов).

Именно конкурентоспособная работающая молодежь в 33% случаев согласилась с утверждением «*Люди могут разбогатеть только за счет других*» (23% неконкурентоспособных). Изучив ответы данной категории на смежные вопросы анкеты, считаем, что здесь идет речь не об «ижидивенческой» стратегии и корыстном

использовании других людей в своих интересах, а об их вовлечении в реализацию собственного проекта либо решение общей задачи, проявлении лидерских качеств для объединения «разрозненных» людей в единый коллектив с раскрытием способностей каждого на благо общего дела.

Ответственность и локус контроля

Процесс формирования социально-профессиональной конкурентоспособности достаточно длительный. Можно предположить, что респонденты, ориентированные на получение социального «выигрыша» в краткосрочной перспективе, обладают менее строгими морально-нравственными устоями, нежели их ровесники, ориентированные на долгосрочные конкурентные стратегии. Готовы ли представители молодого поколения инвестировать время и силы в продолжительную и кропотливую работу над какой-либо задачей или предпочтут сиюминутный выигрыш? Конкурентоспособные респонденты из числа работающей молодежи в 77% случаев согласны с высказыванием «*В конечном итоге усердная работа вознаграждается*» (при 59% неконкурентоспособных респондентов, разделяющих аналогичную точку зрения), что показывает их стремление к долгосрочному целеполаганию.

Вместе с тем конкурентоспособные респонденты чаще демонстрируют внешний локус контроля. Согласие с утверждением «*Жизнь человека гораздо в большей степени определяется обстоятельствами, чем его собственными усилиями*» выразили 20% конкурентоспособных и 36% неконкурентоспособных респондентов, что свидетельствует об их активной жизненной позиции и отсутствии стремления переложить вину за возможную неудачу на других людей или социальные институты.

Доверие к окружающим людям и ожидания поддержки от родных и близких

Конкурентоспособные респонденты чаще отмечают стремление продемонстрировать окружающим свои способности: 52% среди старшеклассников (и 37% их неконкурентоспособных сверстников), 47% среди студентов (37%). Прослеживается очень слабая прямая корреляция между обозначенными переменными у старшеклассников (Спирмен = 0,194**) и студентов (Спирмен = 0,118**). Среди старше-

классников, считающих себя конкурентоспособными, значительно выше стремление быть успешным и получить признание достижений окружающими (60% против 40% неконкурентоспособных); не ориентированы на подобную цель лишь 8% конкурентоспособных и 20% неконкурентоспособных респондентов. Отмечена слабая прямая корреляция (Спирмен = 0,251**). В школах, отнесенных нами в категорию «элитных», такое стремление сравнительно выше (63%), чем в обычных общеобразовательных учреждениях (47%). Среди учащихся 10-х классов – 60%, к 11 классу происходит снижение до 52%. Для успешно обучающихся успех и признание более ценны (62%), чем для троечников (43%).

Конкурентоспособные старшеклассники демонстрируют более высокий уровень доверия по отношению к окружающим людям. При ответе на вопрос «*Как Вы считаете, большинству людей вокруг можно доверять или в отношениях с ними следует быть осторожными?*» подавляющее большинство респондентов (среди опрошенных всех категорий) придерживаются стратегии «*быть осторожными*». Несмотря на широко распространенную установку на недоверие, именно старшеклассники демонстрируют наиболее высокую степень доверия – склонны доверять большинству людей 17% конкурентоспособных и 10% неконкурентоспособных респондентов. Тенденция сохраняется у студенческой молодежи (19 и 13% соответственно), сходя на нет среди работающей молодежи (10 и 8%). Так, видим две различные стратегии – учащаяся молодежь, считающая себя конкурентоспособной, чаще проявляет доверие к окружающим, чем неконкурентоспособные сверстники. Среди работающей молодежи выше доля тех, кто заранее ориентирован на недоверие окружающим (61% конкурентоспособных и 56% неконкурентоспособных), и максимальное количество респондентов, у которых нет стандартной стратегии при принятии решения «доверять» или «не доверять», они действуют в зависимости от конкретной ситуации.

В продолжение изучения доверия важно рассмотреть аспект взаимовыручки, на которую рассчитывают респонденты (вопрос «*Как Вы думаете, сколько Ваших друзей и знакомых*

готовы при необходимости оказать Вам срочную помощь?»). Бесспорно, взаимовыручка возможна лишь в случае заранее установленных благоприятных взаимоотношений, также основывающихся на доверии между акторами. Крепкие социальные связи, которые человек установил и поддерживает, дают ему социальную стабильность и возможность надеяться в случае необходимости на помощь конкретных людей. Конкуренентоспособные респонденты в основном отмечали большее количество человек, на чью поддержку и помощь они могут рассчитывать в случае необходимости: от четырех до шести человек назвали 25% конкуренентоспособных старшеклассников и 22% конкуренентоспособных студентов. W.O. Busse и J.M. Birk еще в 1993 году обнаружили аналогичную взаимосвязь между конкуренентоспособностью, доверием к окружению и близостью дружбы [25].

На помощь и содействие в сложной жизненной ситуации от семерых и более человек также чаще рассчитывают именно конкуренентоспособные респонденты — 18% среди школьников и 12% среди студентов, что в среднем в два раза выше доли аналогичных ответов их не ориентированных на конкуренентные взаимодействия ровесников. Респонденты, не задействованные в конкуренентных интеракциях, в основном нацелены на поддержание отношений с узким кругом избранных людей (как правило, это члены семьи) и в 67% случаев рассчитывают на помощь не более чем от трех человек, а в 7% случаев им вовсе не на кого надеяться. Опрошенные, ориентированные на успех и конкурененту, сравнительно реже дорожат дружбой и не часто рассчитывают, что она продлится всю жизнь. Среди конкуренентоспособных респондентов 49% согласны с фразой «Друзья — духовно близкие люди, верны друг другу всю жизнь», среди неконкуренентоспособных — 64%.

Уважение к окружающим и готовность самому прийти на выручку могут быть оценены через следующие утверждения: «С каждым человеком необходимо обращаться уважительно, выслушивать его мнение» (согласились с высказыванием 91% конкуренентоспособной работающей молодежи и 75% неконкуренентоспособной) и «Нравственный, совестливый человек должен помогать людям, даже если ему приходится пожертвовать своим комфортом» (46 и 41%).

Заключение

В статье конкуренентоспособность проанализирована как субъективное явление, отражающееся в сознании человека в виде представлений о собственной успешности в современном мире. Заметим, что субъективная конкуренентоспособность базируется преимущественно на представлении человека о наличии у себя тех или иных конкуренентных преимуществ, что важно для формирования самооценки, а значит реализации своего внутреннего потенциала. Конкуренентия становится значимой характеристикой для успешных современных социальных интеракций.

На основании проведенного анализа можно сделать **пять выводов**:

– во-первых, молодежь, ощущающая собственную конкуренентоспособность, реже готова отступить от общепринятых моральных норм в пользу спонтанной выгоды по сравнению с неконкуренентоспособными ровесниками и намерена инвестировать время и силы в продолжительную и кропотливую работу над какой-либо задачей, отказавшись от сиюминутного выигрыша неясной морально-нравственной этиологии. Достижение конкуренентоспособности — весьма продолжительный процесс, и респонденты, уже имеющие опыт долгосрочного инвестирования времени и сил в планирование (карьеры и иных сфер жизни), не стремятся к кратковременному успеху в ущерб устоявшимся ценностям и созданной репутации;

– во-вторых, неконкуренентоспособные респонденты имеют в основном стереотипное представление о феномене конкуренентии и более критично воспринимают лиц, задействованных в конкуренентных интеракциях, наделяя их негативными качествами и приписывая им социально неодобряемое поведение, реже замечают их позитивные качества. В частности, неконкуренентоспособные респонденты чаще характеризуют конкурененту как «аморальную», «неэффективную» и «нечестную»;

– в-третьих, конкуренентоспособность молодежи коррелирует с проявлением ею активной жизненной позиции и неготовностью перекладывать на окружающих ответственность за возможную неудачу, демонстрируя внутренний локус контроля;

– в-четвертых, среди возрастных когорт молодого поколения именно работающая молодежь, находящаяся на начальных этапах карьерного пути, в максимальной степени проявляет собственные конкурентные стратегии (в особенности лица с высшим и послевузовским образованием). Среди старшеклассников приоритет конкурентоспособности признают отличники. Соответственно, чем выше индивидуальная ориентация на успех в конкурентных взаимоотношениях, тем большая значимость присваивается конкурентоспособности как личностной характеристике;

– в-пятых, молодежь, задействованная в конкурентных интеракциях, чаще проявляет доверие к людям и готова к установлению и поддержанию социальных связей с окружающими. Однако конкурентоспособные респонденты сравнительно реже инвестируют ресурсы в крепкие социальные связи (например, в дружбу) и не часто рассчитывают на то, что они продлятся всю жизнь. Это может свидетельствовать об их уверенности в собственной социальной «силе» и в том, что в случае необходимости найдутся люди из ближнего окружения, готовые прийти на помощь (сила слабых связей М. Грановеттер).

Полученные данные говорят о стремлении большинства представителей конкурентоспо-

собной молодежи придерживаться социальных норм. Ощущая собственный приоритет в конкретной социально-трудовой сфере, они осознают социальную и морально-нравственную ответственность за предпринимаемые действия и их последствия. Впрочем, здесь нужно отметить необходимость самоограничения личности, когда стремление к победе в конкурентных интеракциях может перейти в категорию неэтичного («идти по головам»).

Практическая значимость полученных теоретико-эмпирических данных определяется возможностью использования их административными структурами в образовательной деятельности. Образовательным организациям рекомендуется формировать представления об этичной, корректной конкуренции, исправлять семантические искажения и стереотипы относительно победы «любой ценой», которые навязываются популярной культурой. Реализация обозначенной задачи невозможна без объединения социального института семьи и средств массовой информации. Вместе с тем результаты исследования могут быть полезны образовательным учреждениям при проведении внеучебной воспитательной работы (в соответствии с возрастом молодежи).

Литература

1. Marginson S. Competition and Markets in Higher Education: a “Glonacal” Analysis. *Policy Futures in Education*, 2004, vol. 2, no. 2, pp. 175–244, p. 176.
2. Ефимова Г.З. Конкуренитоориентированность и конкурентоспособность в оценке студенческой молодежи // *Образование и наука*. 2017. Т. 19. № 7. С. 97–118.
3. Практикум по социально-психологическому тренингу / Б.Д. Парыгин и др. СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 2000. 352 с.
4. Rokeach M. *The nature of human values*. New York: Free Press, 1973. 438 p.
5. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
6. Вебер А.Б. Парадоксы современного развития: человечество у развилки истории. // *Вестник Института социологии РАН*. 2018. Т. 9. № 1. С. 63–75. DOI: 10.19181/vis.2018.24.1.494
7. Schwartz T. *Socialization as Cultural Communication: Development of a Theme in the Work of Margaret Mead*. Berkeley: University of California Press, 1980.
8. Клименкова А.М. Культурные коды как факторы формирования ценностных ориентаций // *Вестник РУДН. Сер. Социология*. 2013. № 2. С. 5–12.
9. Корж Н.В. Проблема ценностей и установок в социологии // *Вопросы современной науки и практики*. 2011. № 3. С. 327–332.
10. Дейнека О.С. *Экономическая психология*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 240 с.

11. Румянцева С.Ю. Природа хозяйственной мотивации как проблема и как парадигма // *Философия хозяйства: альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. Ломоносова*. 2005. № 4–5. С. 74–88.
12. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2000. 512 с.
13. Schneider B., Benenson J., Fülöp M., Berkics M., Sándor M. Cooperation and competition. In: Smith P.K., Hart C. (eds.) *Blackwell Handbook of Childhood Social Development*. London, UK: Wiley-Blackwell, 2011, pp. 472–490. DOI: 10.1002/9781444390933.ch25
14. Güth W., Schmittberger R., Schwarze B. An Experimental Analysis of Ultimatum Bargaining. *Journal of Economic Behavior and Organization*, 1982, no. 3, pp. 367–388.
15. Лебедева И.В., Куваева А.А. Воспитание у обучающихся аксиологических основ культуры конкурентных взаимодействий в образовательном процессе колледжа // *Гуманитарные и социальные науки*. 2014. № 5. С. 233–239.
16. Андреев В.И. О гарантированном качестве высшего образования и саморазвития конкурентоспособной личности // *Ученые записки Казанского государственного университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 61–69.
17. Лебедева И.В., Хазова С.А., Шрам В.П. Культура конкурентных взаимодействий как личностное качество конкурентоспособного специалиста // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 3: Педагогика и психология. 2013. № 4 (129). С. 166–172.
18. Hayward R.D., Kemmelmeier M. How Competition Is Viewed Across Cultures: A Test of Four Theories. *Cross-Cultural Research*, 2007, no. 41 (4), pp. 364–395. <https://doi.org/10.1177/1069397107306529>
19. Лебедева И.В., Гонежук Г.Я. Содержание и результаты процесса воспитания у обучающихся культуры конкурентных взаимодействий // *Гуманитарные и социальные науки*. 2014. № 5. С. 224–232.
20. Моторная С.Е. Исследование влияния уровня культуры на выбор поведения в конфликте современного выпускника университета // *АНИ: педагогика и психология*. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 286–290.
21. Бгуашев А.Б., Хазова С.А. Личностные качества и способности как детерминанты конкурентоспособности специалистов по физической культуре и спорту // *Современные наукоемкие технологии*. 2016. № 12. С. 567–571.
22. Формы и содержание учебно-практической деятельности будущих бакалавров физической культуры в русле компетентностного подхода к образованию / С.А. Хазова, Н.Х. Хакунов, Н.В. Карягина, Л.Ф. Сельмидис // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 3: Педагогика и психология. 2014. № 3 (143). С. 142–150.
23. Cooley Ch.H. Personal Competition: Its Place in the Social Order and Effect Upon Individuals; With Some Considerations on Success. *Economic Studies*, 1894, no. 2. Available at: https://www.brocku.ca/MeadProject/Cooley/Cooley_1899.html
24. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Средний класс как социальная база обеспечения конкурентоспособности России // *Россия реформирующаяся: Ежегодник-2005* / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 10–43.
25. Busse W.O., Birk J.M. The effects of self-disclosure and competitiveness on friendship for male graduate students over 35. *Journal of College Student Development*, 1993, no. 34, pp. 169–174.

Сведения об авторах

Геннадий Филиппович Шафранов-Куцев – академик РАО, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры, Тюменский государственный университет (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, 6; e-mail: g.f.kucev@utmn.ru)

Галина Зиновьевна Ефимова – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры, заведующий лабораторией, Тюменский государственный университет (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, 6; e-mail: g.z.efimova@utmn.ru)

Shafranov-Kutsev G.F., Efimova G.Z.

Moral Aspect of Young People's Subjective Competitiveness

Abstract. The issues of competitiveness and competitive relationships are usually considered from an economic point of view, bypassing socio-cultural aspects. The paper presents a sociological analysis of young people's competitive and moral orientations. The consideration of the emphasized problem field allows us to determine the connotation of competitive relationships, from positive ("ethical" competition) to negative ("aggressive", "predatory" competition). The authors assess the format of competitive relationships set up by the younger generation considering themselves competitive, and those young people who reject their own involvement in competition in any form. A new scientific result, the understanding of competitiveness as a subjective phenomenon is obtained. The author's system of empirical indicators for evaluating subjective competitiveness is also an element of scientific novelty. The presented material is aimed at achieving a specific goal to determine the relationship between the young people's subjective competitiveness and their desire to adhere to stable value standards and high moral principles in behavior. The following tasks are solved within the framework of the research: the key characteristics of competition as a socio-cultural phenomenon are identified; young people's attitude to competitiveness is studied; the relationship between competitive orientations, individual responsibility for their own actions, locus of control, trust and respect for others, readiness to help others is revealed. The empirical basis of the sociological research was the data from a questionnaire survey of young people in the Tyumen Oblast (2017, 3403 people, including 1087 high school students; 1360 students; 956 working young people under 30). It is found that the respondents not considering themselves competitive characterize competitive interaction with more negative ratings than young people who are actually involved in competition. Young people with low competitive orientations demonstrate a lack of active life position, they are not ready to create their own business and take responsibility for their lives. The highest percentage of competitive respondents is found among working youth. The author analyzes the world outlook, the general culture of high school students, students and working youth, the relationship between their competencies and competitiveness. Worldview attitudes, values, and moral guidelines are identified as the key determinants shaping young people's competitiveness. It is concluded that competitive youth tend to adhere to high moral principles.

Key words: high school student, student, student youth, working young people, competition, culture of competitive relationships, competitiveness, morality, value orientations.

Information about the Authors

Gennadii F. Shafranov-Kutsev – Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Professor at the Department, Tyumen State University (6, Volodarskii Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: g.f.kucev@utmn.ru)

Galina Z. Efimova – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Associate Professor at the Department, Head of Laboratory, Tyumen State University (6, Volodarskii Street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: g.z.efimova@utmn.ru)

Статья поступила 10.09.2019.

Рождаемость, детность и доходы семей: тенденции и взаимосвязи*

**Светлана Александровна
СУКНЁВА**

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
Якутск, Российская Федерация, 677000, ул. Белинского, д. 58
E-mail: sa.sukneva@s-vfu.ru
ORCID: 0000-0002-5396-3041; ResearcherID: H-8320-2018

**Анастасия Спиридоновна
БАРАШКОВА**

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
Якутск, Российская Федерация, 677000, ул. Белинского, д. 58
E-mail: as.barashkova@s-vfu.ru
ORCID: 0000-0002-3397-5547; ResearcherID: H-1461-2019

**Кюннэй Юрьевна
ПОСТНИКОВА**

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
Якутск, Российская Федерация, 677000, ул. Белинского, д. 58
E-mail: kiu.postnikova@s-vfu.ru
ORCID: 0000-0002-2590-6904; ResearcherID: H-1544-2019

* Статья подготовлена в рамках проекта по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ в СВФУ им. М.К. Аммосова и проекта РФФИ № 17-02-00446-ОГН «Влияние трансформаций социально-экономической среды на репродуктивное поведение поколений в регионе традиционной многодетности».

Для цитирования: Сукнёва С.А., Барашкова А.С., Постникова К.Ю. Рождаемость, детность и доходы семей: тенденции и взаимосвязи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 201–213. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.13

For citation: Sukneva S.A., Barashkova A.S., Postnikova K.Yu. Birth rate, number of children and family income: trends and relationships. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 201–213. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.13

Аннотация. Актуальность исследования взаимосвязей между тенденциями рождаемости, числом детей и доходами семей возрастает в условиях неблагоприятной демографической динамики в большинстве регионов страны. В связи с этим поиск способов воздействия на достижение желательной модели детности, одновременно отвечающей интересам общества и семей, остается задачей первостепенной важности. Целью статьи является оценка влияния уровня детности на условия жизнеобеспечения семьи в северном малонаселенном регионе, где сохранены признаки традиционного типа рождаемости. Исходя из цели, на материалах Республики Саха (Якутия) систематизированы и рассмотрены современные тенденции процессов рождаемости и детности семей, прослежено влияние фактора очередности рождения на уровень и дифференциацию доходов и потребительское поведение семей. Методологической основой послужили методы демографического анализа, сравнения, обобщения, а также методический инструментарий, базирующийся на нормативном методе и абсолютном монетарном подходе в оценке доходов, социолого-демографическом опросе. Научная новизна работы состоит в выборе объекта исследования – региона с очагами многодетности, оценке дифференциации условий жизнеобеспечения семьи в зависимости от числа детей, обосновании фактора материальной обеспеченности как значимого инструмента государственного регулирования процессов рождаемости. Результаты проведенного нами исследования могут быть применены в деятельности федеральных и региональных органов власти при разработке программ демографической и семейной политики, корректировке мероприятий по реализации нацпроекта «Демография». Кроме того, полученные результаты как большой эмпирический материал необходимы для дальнейшего изучения вопросов, касающихся конкуренции жизненных потребностей индивида или семьи, ценности детей, с одной стороны, вложений в человеческий капитал детей или в условия жизнеобеспечения семьи – с другой.

Ключевые слова: семья, дети, очередность рождения, многодетность, материальная обеспеченность, доходы, рейтинг, Республика Саха (Якутия).

Введение

Одной из узловых задач современного российского общества остается достижение устойчивого естественного прироста населения. От ее решения напрямую зависит «судьба России, ее историческая перспектива»¹. Ориентация на историческую перспективу, укрепление демографического потенциала страны вызывает необходимость всесторонне учитывать особенности воспроизводства населения, возобновления поколений, с тем чтобы предвидеть возможные демографические «волны» и «ямы» и выработать упреждающие меры по их сглаживанию. Условием нивелирования последствий демографических волн и ям была и остается высокая рождаемость, включая ее результат – многодетность. В современных условиях многодетность отмечается лишь в отдельных регионах страны, где сохранена традиционная модель репродуктивного поведения семей. Увеличению числа

рождений, в том числе и высокой очередности, способствует также и восприимчивость семей к мерам демографической политики. В связи с этим возрастает необходимость научного поиска способов воздействия на достижение модели детности, отвечающей одновременно интересам государства и семей. Известно, что регуляторы репродуктивного поведения семьи изменчивы во времени, различны по силе, характеру и продолжительности воздействия, избирательны по охвату объектов и территорий. Среди факторов рождаемости всеохватным, постоянно «действующим», достаточно легко управляемым со стороны государства является материальное благосостояние, в первую очередь уровень доходов семьи.

Признание семьи «мощным нравственным каркасом», ценности многодетной семьи на государственном уровне сопровождается разработкой и реализацией национальных проектов²,

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения 08.04.2019); Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения 18.01.2020).

² Демография: нац. проект. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения 20.05.2019).

дополнительными мерами поддержки семей с детьми, в том числе и в регионах³. Вместе с тем достижение целевого показателя по суммарному коэффициенту рождаемости в большинстве субъектов страны представляется проблематичным, обусловленным трансформацией системы жизненных ценностей населения, постарением возрастной модели и увеличением возраста дебюта рождаемости [1]. Акцент на качественные характеристики в противовес количеству, положенный в основу теории «человеческого капитала», также ведет к снижению спроса и уменьшению числа рождаемых и воспитываемых детей [2; 3]. Семья рассматривается как экономическая организация, которая стремится повышать благосостояние супругов [4; 5]. Она должна иметь достаточный материальный базис, создающий возможность для нормального обеспечения детей в семьях, формирования первоначального накопления человеческого капитала и повышения благосостояния супругов [6; 7]. Многочисленные исследования экономических мотивов и структурных факторов рождаемости свидетельствуют о том, что снижение интенсивности рождаемости связано с высокой потребностью семей с детьми в улучшении условий жизни. Признание условий неудовлетворительными становится фактором ограничения или откладывания, а зачастую и вовсе отказа от последующих рождений [8–11]. Пересмотр планов семей в отношении деторождения, по мнению как отечественных, так и зарубежных ученых, находится в тесной взаимосвязи с количеством детей, с заработной платой и доходами семьи, экономическими трудностями и проблемами на рынке труда [12–15]. Итак, исследователи сходятся во мнении о том, что без изменения реальных материальных, социальных, а особенно жилищных условий полной реализации даже имеющихся репродуктивных планов в масштабе страны ожидать не следует [16; 17].

Согласно типологии регионов страны по уровню и качеству жизни населения, Республика Саха (Якутия) отнесена к территориям с при-

знаками социального неблагополучия. Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в республике почти в два раза превышает среднероссийский уровень [18]. В связи с этим возникает вопрос: каков характер взаимосвязи признаков социального, и прежде всего материального, неблагополучия и уровня детности, происходит ли рационализация деторождения в регионе, где, как было нами выявлено ранее [19], ценность детей в общественном мнении трансформировало само понятие «семья», имеющее выраженную детоцентристскую направленность. Полагаем, что кардинальные изменения репродуктивных потребностей по времени совпадают с периодами неопределенностей, а в условиях жесткой конкуренции с несемейными ценностями ведут к малодетности.

Целью данной статьи выступает оценка влияния уровня детности на условия жизнеобеспечения семьи в северном малонаселенном регионе, где сохранены признаки традиционного типа рождаемости. Для ее достижения систематизированы и рассмотрены современные тенденции рождаемости в Республике Саха (Якутия) как главного компонента естественного прироста населения; определены позитивные сдвиги и негативные проявления, связанные с очередностью рождений и числом детей в семьях; прослежено, как фактор детности влияет на уровень и дифференциацию доходов семей, потребительское поведение; проведена оценка дифференциации семей разной детности по показателям доходов.

Полученные результаты, несмотря на многосторонние исследования проблем бедности семей с детьми, призваны показать степень дифференциации семей с детьми по уровню их материальной обеспеченности в регионе с очагами многодетности и помочь в поиске действенного инструмента для государственного регулирования рождаемости.

Материалы и методы

Информационную базу составили статистические данные Федеральной службы государственной статистики России, Территориального органа Росстата по Республике Саха (Якутия), материалы Всесоюзных (1979, 1989 гг.) и Всероссийских (2002 и 2010 гг.) переписей населения, микропереписей населения 1994 и 2015 гг.

³ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204; О дополнительных мерах, направленных на поддержку рождаемости в Республике Саха (Якутия): Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 14.02.2019 № 367.

Использованы методы компонентного анализа суммарного коэффициента по очередности рождений, расчета среднего возраста матери при рождении детей, сравнительного анализа при оценке потенциала рождаемости и скорости изменения состава городских и сельских семей по числу детей.

Для построения распределения семей респондентов по уровню доходов, рейтингу семей по показателям доходов и отдельным индикаторам материального благосостояния использованы материалы социологического опроса, проведенного в форме анкетирования по многоступенчатой квотной стратифицированной выборке в семнадцати муниципальных районах Республики Саха (Якутия) ($n = 1670$, ошибка выборки – 2,8%)⁴.

Методика распределения семей респондентов по уровню доходов базируется на нормативном критерии. За основу принята классификация групп населения по доходам, разработанная экспертами Всероссийского центра уровня жизни – наименее обеспеченные (бедные по доходам), низкообеспеченные, обеспеченные ниже среднего уровня, среднеобеспеченные, высокообеспеченные [20]. Критерием отнесения к определенной группе выступают социальные стандарты – прожиточный минимум, социально приемлемый (восстановительный) потребительский бюджет, потребительский бюджет среднего достатка и потребительский бюджет высокого достатка, величины которых примерно соотносятся как 1:3:7:11. В отличие от данной классификации нами выделены три группы семей по уровню доходов (малоимущие, низкодоходные и среднедоходные), что связано с незначительной долей среднеобеспеченных и практически отсутствием высокообеспеченных семей в анализируемой совокупности. К тому же в исследовании акцент сделан на дифференциации доходов по мере роста количества детей в семьях респондентов. При определении малоимущих мы придерживаемся абсолютного монетарного подхода (малоимущими признаются домохозяйства со среднедушевыми денеж-

ными доходами ниже величины прожиточного минимума). В качестве порогового значения, разделяющего низкодоходную и среднедоходную группы, принята величина 2,5 прожиточных минимума, так как социально приемлемый (восстановительный) потребительский бюджет составляет не менее 2,5–3 прожиточных минимумов [21, с. 973]. Среднедоходная социальная группа объединила семьи, обеспеченные ниже среднего уровня и среднеобеспеченные.

Рейтинговая оценка по показателям доходов и их дифференциации, а также по отдельным характеристикам благосостояния строится на основе сравнения приведенных показателей в семьях по числу детей, где 1 – наилучшая, 4 – наихудшая позиции.

Основные результаты

Якутия на фоне продолжительного и значительного падения рождаемости в большинстве субъектов России видится территорией, где сохраняется относительно высокий уровень рождаемости. Величина суммарного коэффициента рождаемости в 2018 году составила 1,85, против 1,58 в среднем по России. При этом в республике отмечается заметная дифференциация рождаемости по территории: так, если рассматриваемый показатель в городской местности в 2018 году составил 1,58 (РФ – 1,49), то в сельской местности его значение достигло 2,47 (РФ – 1,87). В динамике интенсивности рождений резкий скачок произошел в 2007 году, как ответная реакция на дополнительные меры материальной помощи семьям, стимулирование повторных рождений детей (материнский капитал, увеличение размеров пособий, оплата пребывания детей в детских дошкольных учреждениях и пр.). По нашей оценке, в 2007 году увеличение рождаемости на 88% определялось повышением ее возрастных коэффициентов, особенно был выражен рост интенсивности рождений в сельской местности республики (92% прироста рождений) [22]. Всплеск числа рождений отмечался также и в 2012 году в ответ на меры региональной демографической политики: республиканский материнский капитал «Семья», выделение земельных участков многодетным семьям. Максимальное значение достигнуто в 2014 году.

Результативность мер демографической политики сказалась на повышении средней очередности рождения детей. При этом в городской

⁴ Социологический опрос по изучению демографических, социальных, структурных особенностей и тенденций воспроизводства человеческого потенциала Республики Саха (Якутия) проведен в сентябре – октябре 2017 г. на территории республики при личном участии авторов.

местности отчетливо прослеживается снижение суммарного коэффициента по первым рождением, что свидетельствует об откладывании рождения первенца, в том числе и в связи с более поздним вступлением в брак. Увеличивается средний возраст матери при рождении детей, особенно значительно в городской местности. Повысился средний возраст дебюта рождений, достигнув в 2018 году 25,4 года у горожанок и 23,2 года среди сельских жительниц (табл. 1).

Вклад первых рождений в суммарный коэффициент снизился с 42,8% в 2007 году до 33,6% в 2018 году. Доля вторых рождений в структуре суммарной рождаемости сохраняется относительно стабильной – около 34%, опережая по вкладу рождения первенцев. Третьи и последующие рождения получили заметный прирост в 2014 году, их доля в суммарной рождаемости достигла 30%. По итогам 2018 года каждый третий новорожденный Якутии появился в многодетной семье. В сравнении с 2007 годом к 2018 году на 38,3% увеличился компонент суммарного коэффициента, определяемый третьими и последующими рождениями, в то время как по рождением первенцев отмечается снижение на 23,9%. Наблюдающееся в последние годы падение рождаемости в большей мере коснулось именно первенцев. Уменьшение вклада данной группы новорожденных опередило снижение суммарного коэффициента по рождением всех других очередностей.

В городской местности республики отчетливо видна тенденция к уменьшению вклада первых рождений, в сельской местности отмечается увеличение рождений всех очередностей, в результате чего именно здесь обнаруживается значительный потенциал повышения рождаемости и сохранения традиций многодетности: более 40% сельских новорожденных в 2018 году появились на свет в многодетных семьях.

Наметившаяся тенденция к снижению рождаемости стала результатом регулирования деторождений в семьях, которое прослеживается при анализе репродуктивного поведения женщин по году их вступления в брак. По микропереписи 1994 года на 1000 женщин, вступивших в первый брак в 1950–1954 гг., приходилось 4545 рожденных детей, в том числе 3026 – в городских и 5082 – в сельских поселениях. Этот показатель, по данным микропереписи населения 2015 года, для поколения женщин, вступивших в брак в 1990–1994 гг., составил соответственно 1865, 1642 и 2199 детей.

Вместе с тем со временем в дифференциации относительно числа рожденных детей у городских и сельских матерей стали обнаруживаться признаки сглаживания. Эта тенденция формируется за счет заметного изменения в поведении сельских матерей. Так, сельчанки, вступившие в брак в первой половине 1950-х гг., в 5,3 раза реже, чем горожанки, ограничивались

Таблица 1. Суммарный коэффициент рождаемости по очередности рождения и средний возраст матери при рождении детей, Республика Саха (Якутия)

Год	Суммарный коэффициент рождаемости, число детей	В том числе рождения, число детей			Средний возраст матери при рождении детей, лет	
		первые	вторые	третьи и последующие	все рождения	рождение первенца
Все население						
2007	1,911	0,817	0,650	0,444	26,1	22,8
2014	2,255	0,811	0,770	0,674	28,0	24,2
2018	1,849	0,622	0,613	0,614	28,6	24,6
Городское население						
2007	1,725	0,820	0,627	0,278	26,2	23,1
2014	1,801	0,663	0,664	0,474	28,5	24,9
2018	1,581	0,554	0,566	0,461	29,2	25,4
Сельское население						
2007	2,305	0,805	0,684	0,816	26,0	22,3
2014	3,379	1,186	1,036	1,157	27,2	22,8
2018	2,474	0,752	0,715	1,007	27,6	23,2
Рассчитано по: Первичные данные статистического учета рождений Саха(Якутия)стата.						

одним ребенком, а среди женщин, вступивших в брак в 1990-х гг., разница составила всего 1,5 раза. Аналогичное соотношение наблюдается для женщин, родивших как двух (в 4,9 и 1,4 раза), так и трех (в 3,2 и 0,7 раза) детей.

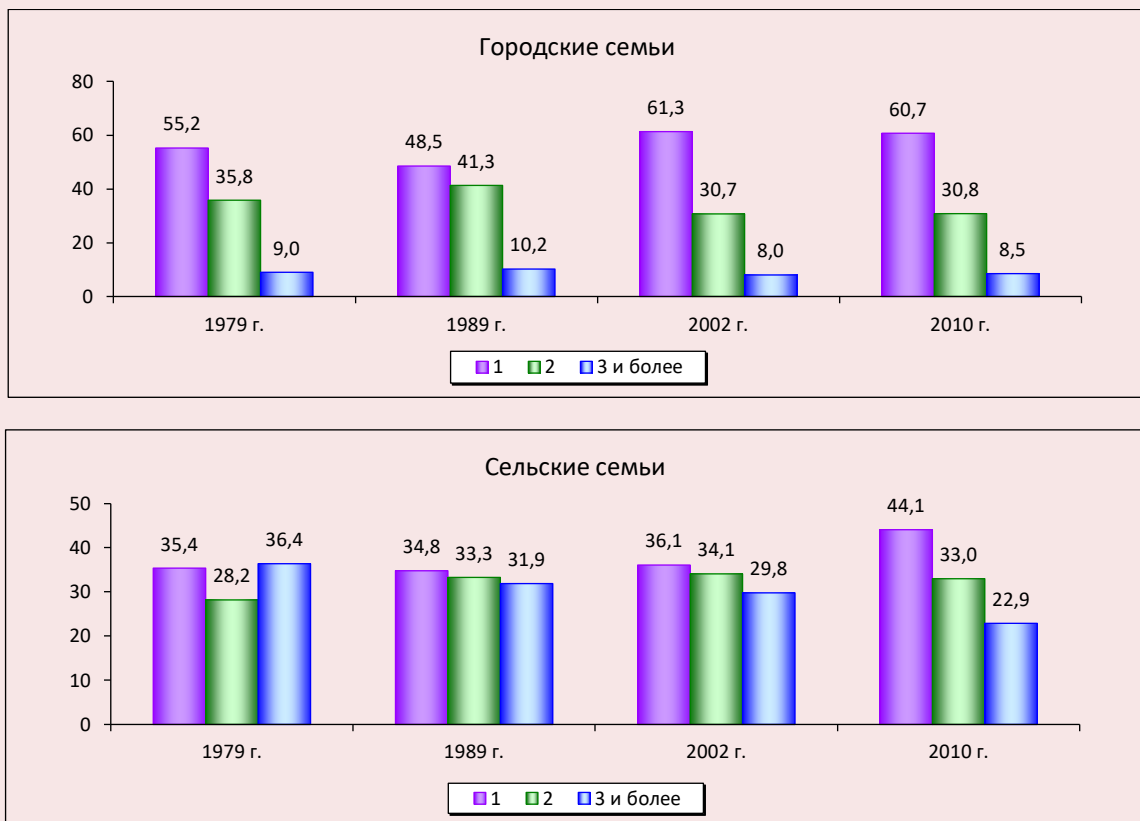
Наблюдаемый в Якутии уровень рождаемости в 1970–80-х гг. обеспечивал достаточно высокие темпы прироста численности семей с детьми и, соответственно, их высокую долю в общем числе семей (порядка 75%). Сокращение рождаемости закономерно повлекло снижение доли семей с детьми: в 2010 г. – 58,9% в среднем по республике, 54,6% – в городских и 67,7% в сельских поселениях. В городских поселениях в 1970-х гг., несмотря на преобладание женщин, родивших двух детей, каждый второй ребенок был единственным в семье. По данным переписей населения 2002 и 2010 гг., доля семей с одним ребенком здесь превышала 60%.

А в сельских семьях видимый отрыв однодетных семей от семей большей детности наблюдается лишь во время последней переписи населения.

Выше отмечалось, что распределение городских женщин по числу рожденных ими детей весьма сглажено, а состав городских семей по числу детей резко дифференцирован. Так, доля семей с одним ребенком в 1979 г. в 1,5 раза превышала относительное число семей с двумя детьми и более шести раз – долю семей с тремя и более детьми. В 2010 году этот перевес усилился еще больше (в 2 и 7,1 раза соответственно). В свою очередь число семей с двумя детьми в 1979 году превышало долю многодетных семей в 4 раза, в 2010 году – в 3,6 раза.

Приведенные на рисунке 1 данные иллюстрируют не только количественные изменения числа детей непосредственно в городских или сельских семьях, но и существенную разницу

Рис. 1. Динамика доли городских и сельских семей по числу детей моложе 18 лет за 1979–2010 гг., %

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: стат. сб. Т. 13. Число и состав семей Республики Саха (Якутия) / Саха(Якутия)стат. Якутск, 2007. С. 13–15; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: стат. сб. Т. 6. Число и состав домохозяйств Республики Саха (Якутия) / Саха(Якутия)стат. Якутск, 2013. С. 220–222.

моделей детности в них. Четко видно, что структура городских семей по числу детей, в отличие от сельских, заметно дифференцирована. И хотя снижение детности проходит в русле общемирового тренда рождаемости, в республике, особенно в сельской местности, высока доля многодетных семей.

Несмотря на выявленные изменения репродуктивного поведения (в том числе откладывание рождений первенцев, увеличение среднего возраста дебюта рождаемости), в Республике Саха (Якутия) сохраняется потенциал для увеличения рождаемости. Об этом свидетельствуют итоги микропереписей населения 1994 и 2015 гг. Среднее число ожидаемых детей в 1994 г. составило 2623 в расчете на 1000 женщин в возрасте от 18 до 44 лет⁵.

Несмотря на снижение данного показателя (по итогам микропереписи 2015 г. он достиг 2100 детей), его величина заметно выше среднероссийского значения среднего числа ожидаемых рождений (1730), а также значений практически всех регионов России, за исключением Северо-Кавказского федерального округа (2250)⁶.

Вместе с тем рождение каждого последующего ребенка влияет на снижение материального благосостояния семей и их доходов [23], о чем свидетельствуют как данные выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств, так и материалы социологических исследований. По итогам выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах в 2016 г. 61,3% домохозяйств Якутии, проживающих в сельской местности, попали в категорию малоимущих, что в 1,6 раза выше, чем для городских домохозяйств (38,7%)⁷. Значительному риску попадания в категорию ма-

лоимущих подвержены семьи, состоящие из трех и более человек (88,4%). Для малых семей (1–2 человека) этот риск не превышает 12%. Аналогичное соотношение складывается для домохозяйств с несовершеннолетними детьми и бездетных. Едва уловимое снижение риска фиксируется для семей с детьми моложе 16 лет (84,5%)⁸.

Балансирование семьи на грани бедности определяется объемом располагаемых ресурсов, при этом их размер в семьях с детьми всегда отставал от средних значений (рис. 2). Пик роста показателя в сопоставимых ценах пришелся на 2014 г. — в 2,4 раза выше, чем в 2005 г. После этого вновь отмечается его снижение.

В связи с этим важно определить роль детей при субъективной оценке уровня материального благосостояния семьи по результатам социологического исследования, проведенного в Якутии в 2017 году. Согласно представленным данным, в распределении семей с детьми вообще отсутствует категория «высокодоходные». Кроме того, видно, что каждое последующее рождение ведет семью в сторону низкой доходности. Так, удельный вес среднедоходных многодетных семей в 2,4 раза уступает доле таковых среди бездетных. И наоборот, доля малоимущих семей с тремя и более детьми в два раза превышает долю таковых без детей (рис. 3).

Повышенный риск снижения материального благополучия семей с появлением детей сопровождается ухудшением потребления (табл. 2). Испытывают трудности при приобретении продуктов питания, повседневных затратах и покупке одежды 30,4% семей без детей и от 41 до 67,8% семей с детьми. У трети семей в основном денег хватает, но дорогостоящие предметы приобретаются в долг. Семьи, которые обеспечены всем необходимым и могут позволить себе крупные покупки в кредит (или без него), составляют, соответственно, 34,8 и 13–20%. Предполагаем, что семьи без детей могут совершить крупные покупки, накопив средства на них, в то время как семьи с детьми вынуждены брать кредит для этих целей.

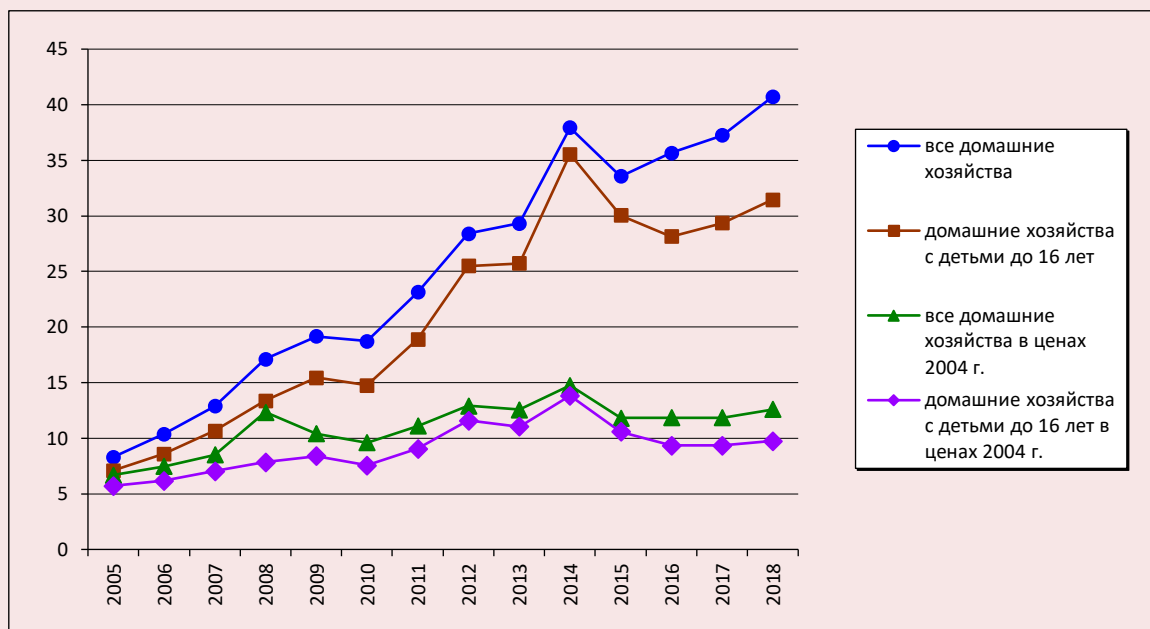
⁵ Состояние в браке и рождаемость в Республике Саха (Якутия) // Итоги микропереписи населения 1994 г. Т. 3. Якутск: Госкомстат РС(Я), 1995. С. 45.

⁶ Рассчитано по: Рождаемость и репродуктивные планы // Итоги микропереписи населения 2015 г. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения 25.10.2019).

⁷ Распределение малоимущих домашних хозяйств по основным социально-демографическим группам. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_110/Main.htm/ (дата обращения 11.04.2019).

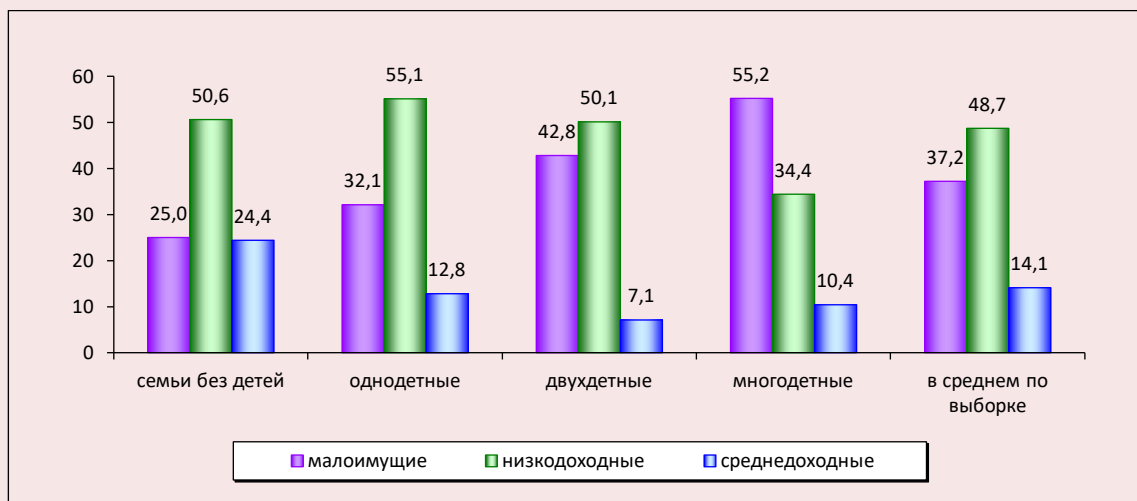
⁸ Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия), 2018. Якутск, 2019. С. 153.

Рис. 2. Динамика располагаемых ресурсов в домашних хозяйствах Республики Саха (Якутия) за 2005–2018 гг., тыс. руб.

Рассчитано по: Индексы потребительских цен (тарифов) на товары и услуги. URL: <https://sakha.gks.ru/folder/32336> (дата обращения 21.10.2019); Состав располагаемых ресурсов домашних хозяйств различных социально-экономических категорий. URL: <https://sakha.gks.ru/folder/32339> (дата обращения 21.10.2019).

Рис. 3. Распределение семей респондентов по уровню доходов в зависимости от числа детей, %

Рассчитано по: Материалы социологического опроса, 2017 г.

Таблица 2. Дифференциация потребления семей респондентов в зависимости от наличия детей, %

Потребительские характеристики	Число детей в семьях				
	0	1	2	3	4 и более
Не хватает денег даже на еду	3,0	5,4	4,3	7,0	9,7
Все уходит на повседневные затраты	13,7	22,5	21,5	23,5	38,7
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна	13,7	13,1	18,4	19,1	19,4
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	31,8	36,7	34,0	33,0	12,9
Почти на все хватает, можем покупать в кредит крупные приобретения (квартиры, машины, дачи и так далее)	21,7	10,4	16,0	11,3	9,7
Практически ни в чем себе не отказываем, можем покупать все без кредитов	13,1	6,3	4,0	3,5	3,2
Нет ответа	3,0	5,4	1,8	2,6	6,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Рассчитано по: Материалы социологического опроса, 2017 г.

Частота упоминания отдельных статей расходов незначительно различается в семьях с детьми и без них, однако видны определенные изменения в формировании расходов семей в связи с появлением и увеличением числа детей (табл. 3). Детализация потребительских характеристик по статьям расходов показывает, что вне зависимости от состава семьи наибольшая доля в затратах приходится на продукты питания (чуть ниже 40%). Весомой статьёй расходов являются кредиты (около четверти всех расходов семей), которые повышают обеспеченность товарами длительного пользования и недвижимостью. Однако низкая доходность семей снижает возможности для использования денежных средств на другие расходы и сбережения,

тем самым ущемляя потребление семей. К тому же с увеличением числа детей в семьях доля расходов на оплату кредита возрастает до 26,3%.

Заметной статьёй расходов семей вне зависимости от ее состава остаются коммунальные платежи, оплата за интернет. Состав семьи также не сильно влияет на различия в затратах на покупку одежды и транспортные расходы. При этом статьи расходов на путешествия, образование, занятия спортом, питание вне дома в значительной мере определяются числом детей в семьях.

Сравнение основных показателей материального благополучия семей в зависимости от числа детей в них позволяет выстроить рейтинг (табл. 4).

Таблица 3. Распределение статей расходов семейного бюджета в зависимости от состава семей респондентов, % по частоте выбора ответа

Статья расходов	Семьи		
	без детей	с одним ребенком	с двумя и более детьми
продукты питания	36,3	38,9	38,4
коммунальные платежи, интернет, связь	16,2	17,1	16,4
транспортные расходы	10,0	9,5	9,5
кредит	22,3	23,0	26,3
покупка одежды	12,9	11,4	12,4
питание вне дома	8,2	5,6	5,7
образование в вузе, курсы	14,8	11,4	14,2
спортивные секции, фитнес	5,8	5,7	7,5
путешествия	16,6	15,4	13,4

Рассчитано по: Материалы социологического опроса, 2017 г.

Таблица 4. Рейтинг семей по показателям доходов и материального благосостояния

Показатель оценки	Число детей			
	ни одного	1	2	3 и более
Обеспеченность товарами длительного пользования	3	4	1	2
Владение недвижимостью	4	3	2	1
Доходы от сдачи в наем или в аренду имущества	1	2	4	3
Сбережения	1	4	3	2
Среднедушевой денежный доход, руб. в месяц	1	2	3	4
Модальный доход, руб. в месяц	1	2	3	4
Медианный доход, руб. в месяц	1	2	4	3
Децильный коэффициент дифференциации, раз	4	1	2	3
Индекс Джини	1	3	2	4
Малоимущие	1	2	3	4
Низкодоходные	3	4	2	1
Среднедоходные	1	2	4	3

Рассчитано по: Материалы социологического опроса, 2017 г.
Примечание: 1 – наилучшая позиция, 4 – наихудшая позиция.

Видно, что многодетность сопровождается наихудшим положением семьи в рейтинговой шкале по среднедушевому доходу, величине модального дохода, индексу Джини и характеризуется высоким риском перехода семьи в категорию малоимущих. Ограничение семьи двумя детьми в разной степени влияет на позиции семьи в рейтинге. В целом двухдетные семьи чаще являются среднедоходными. Рождение первенца ведет к смещению позиций семьи в сторону понижения рейтинга. Сокращению степени дифференциации семей с детьми по уровню материальной обеспеченности будет способствовать успешная реализация национального проекта «Демография» и других проектов федерального и регионального уровней.

Заключение

Таким образом, общемировой тренд, заключающийся в снижении рождаемости, коснулся и Республики Саха (Якутия). Компонентный анализ суммарного коэффициента рождаемости выявил сохранение высокого вклада третьих и последующих рождений, что сказалось на скорости изменения доли многодетных семей, особенно в сельских поселениях. Потенциал роста рождаемости в республике, как показали результаты микропереписи населения 2015 года, выше, чем в среднем по России. Он свидетельствует о позитивных демографических намерениях населения.

Социолого-демографическое обследование подтвердило, что объективным препятствием при реализации репродуктивных намерений остается уровень доходов семей. Так, каждая вторая многодетная семья относится к малоимущим, с доходами на члена семьи ниже прожиточного минимума. По мере снижения числа детей увеличивается доля второй группы семей – низкодоходных. Рост числа детей сопровождается увеличением разрыва в потребительских возможностях семей, доли затрат на повседневные нужды. Многодетность приводит к наихудшему положению семьи в рейтинговой шкале по среднедушевому доходу, величине модального дохода, индексу Джини.

Повышение доходности семей посредством принимаемых мер по снижению уровня бедности, предупреждению ее «воспроизводства» через политику доходов и занятости населения расширит возможности для реализации репродуктивных планов. В таком контексте воздействие на материальную обеспеченность семей воспринимается как важный инструмент государственного регулирования процесса рождаемости в параметрах, отвечающих интересам государства и семьи.

Систематизация устойчивых тенденций рождаемости, детности и доходов семей послужит методологической основой для составления сценариев демографического развития,

направленных на упреждение неблагоприятного воздействия последующих демографических «волн». Приведенные в статье результаты, эмпирический материал представляют научный и практический интерес в исследовании проблем, касающихся жизненных потребностей индивида или семьи, ценности детей, с одной стороны, вложений в человеческий капитал детей или в условия жизнеобеспечения семьи — с другой.

Литература

1. Калабихина И.Е., Смулянская Н.С. Постарение рождаемости: методы измерения, этапы, типология // Вестник Московского Университета. Серия 6: Экономика. 2018. № 5. С. 149–166.
2. Theodore W. Schultz. *The Economics of Being Poor. Nobel Lecture, December 8, 1979*. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_13005186_38623177.pdf (дата обращения 28.07.2019).
3. Balbo N., Billari F.C., Mills M. Fertility in Advanced Societies: A Review of Research. *European Journal of Population*, 2013, vol. 29, pp. 1–38. DOI 10.1007/s10680-012-9277-y
4. Becker G.S., Lewis H.G. On the interaction between the quantity and quality of children. *Journal of political economy*, 1973, vol. 81 (2), pp. 279–288.
5. Willis R.J.A. New approach to the economic theory of fertility behavior. *Journal of political economy*, 1973, vol. 81 (2), pp. 14–64.
6. Lee R., Mason A. Fertility, human capital, and economic growth over the demographic transition. *European journal of population*, 2010, vol. 26 (2), pp. 159–182.
7. Becker Gary S., Kevin M. Murphy, Robert Tamura Human capital, fertility, and economic growth. *Journal of political economy*, 1990, vol. 98, no. 5, pt. 2, pp. 12–37.
8. Ниворожкина Л.И., Овчарова Л.Н., Абазиева К.Г. Социально-экономические факторы роста рождаемости в России // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2010. № 2. С. 12–21.
9. Mills M., Rindfuss R.R., McDonald P., Velde E. Why do people postpone parenthood? Reasons and social policy incentives. *Human Reproduction Update*, 2011, vol. 17(6), pp. 848–860. DOI:10.1093/humupd/dmr026
10. Шишкина М.А., Попова Л.А. Влияние современной просемейной демографической политики на интенсивность рождаемости в северных регионах России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 1. С. 161–177. DOI: 10.15838/esc.2017.1.49.9
11. Семьи с детьми в России: уровень жизни и политика социальной поддержки: докл. к XX Апрель. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 153 с.
12. Sobotka T., Skirbekk V., Philipov D. Economic recession and fertility in the developed world. *Population and Development Review*, 2011, vol. 2, pp. 267–306.
13. Сбережение народа / под ред. Н.М. Римашевской; Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения РАН. М.: Наука, 2007. 326 с.
14. Римашевская Н.М. Семья и благосостояние // Демографические проблемы семьи. М.: Наука, 1978. С. 7–28.
15. Римашевская Н.М. Методология изучения народного благосостояния // Семья и народное благосостояние в развитом социалистическом обществе / под ред. Н.М. Римашевской, С.И. Карапетяна. М.: Мысль, 1985. С. 3–13.
16. Доброхлеб В.Г. Динамика и структура населения России в будущем // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2010. № 12. С. 62–70.
17. Семья с детьми в современной России: экономический и социальный портрет: кол. моногр. / под ред. Л.Н. Овчаровой, Л.М. Прокофьевой. М.: ИСЭПН РАН, 2008. 112 с.
18. Бобков В.Н., Гулюгина А.А. Неравенство качества и уровня жизни населения регионов // Экономика региона. 2012. № 2 (30). С. 170–178.
19. Сукнёва С.А., Барашкова А.С. Семья и дети в системе жизненных ценностей населения Якутии // Регион: экономика и социология. 2016. № 3. С. 98–117. DOI: 10.15372/REG20160305. ISSN: 0868-5169

20. Бобков В.Н., Одинцова Е.В. Социальная структура российского общества по критериям доходов и жилищной обеспеченности // *Уровень жизни населения регионов России*. 2012. № 1 (167). С. 20–28.
21. Бобков В.Н., Колмаков И.Б. Выявление социальной структуры и неравенства распределения денежных доходов населения Российской Федерации // *Экономика региона*. 2017. Т. 13. № 4. С. 971–984.
22. Сукнёва С.А. Современные тренды рождаемости в Республике Саха (Якутия) // *Уровень жизни населения регионов России*. 2017. № 2 (204). С. 51–57.
23. Елизаров В.В., Сеница А.Л. Бедность семей с детьми: проблемы определения и измерения, региональные особенности // *Уровень жизни населения регионов России*. 2018. № 2 (208). С. 24–33.

Сведения об авторах

Светлана Александровна Сукнёва – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (677000, Российская Федерация, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58; e-mail: sa.sukneva@s-vfu.ru)

Анастасия Спиридоновна Барашкова – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (677000, Российская Федерация, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58; e-mail: as.barashkova@s-vfu.ru)

Кюньэй Юрьевна Постникова – кандидат экономических наук, доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова (677000, Российская Федерация, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58; e-mail: kiu.postnikova@s-vfu.ru)

Sukneva S.A., Barashkova A.S., Postnikova K.Yu.

Birth Rate, Number of Children and Family Income: Trends and Relationships

Abstract. The relevance of the study of the relationship between the trends of birth rate, the number of children and family income is increasing in the context of the unfavorable demographic dynamics in most regions of the country. In this regard, the search for ways to influence the achievement of a desirable model of childbearing simultaneously meeting the interests of society and families remains a priority task. The purpose of the article is to assess the impact of the level of the number of children on the conditions of family life support in the Northern sparsely populated region, where the signs of the traditional type of birth rate are preserved. In accordance with the goal and based on the materials of the Republic of Sakha (Yakutia), the authors systematized and considered the current trends in the processes of birth rate and childbearing of families, traced the influence of the birth order factor on the level and differentiation of income and consumer behavior of families. The methodological basis of the research are the methods of demographic analysis, comparison, generalization, as well as methodological tools based on the normative method and the absolute monetary approach to income assessment, socio-demographic survey. The scientific novelty of the work consists in choosing the research object which is a region with centers of multi-child parenting, assessing the differentiation of family life support conditions depending on the number of children, substantiating the factor of material security as a significant tool for state regulation of fertility processes. The results of the research can be applied in the activities of federal and regional authorities when developing the programs for demographic and family policy, adjusting measures for the implementation of the national project “Demography”. In addition, the results obtained present a large empirical material which is necessary for further study of the issues related to the competition of individual or family life needs, the value of children, on the one hand, and investment in the human capital of children or in the family life support conditions, on the other.

Key words: family, children, birth order, multi-child parenting, material security, income, rating, Republic of Sakha (Yakutia).

Information about the Authors

Svetlana A. Sukneva – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Chief Researcher, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (58, Belinskii Street, Yakutsk, 677000, Russian Federation; e-mail: sa.sukneva@s-vfu.ru)

Anastasiya S. Barashkova – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (58, Belinskii Street, Yakutsk, 677000, Russian Federation; e-mail: as.barashkova@s-vfu.ru)

Kyunnei Yu. Postnikova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University (58, Belinskii Street, Yakutsk, 677000, Russian Federation; e-mail: kiu.postnikova@s-vfu.ru)

Статья поступила 30.10.2019 .

Малое предпринимательство и уровень жизни населения: взаимовлияние и проблемы управления*

**Александр Евгеньевич
КРЕМИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
Вологодский институт права и экономики ФСИН России
Вологда, Российская Федерация, 160002, ул. Щетинина, д. 2
E-mail: akremin@inbox.ru
ORCID: 0000-0001-9405-2255; ResearcherID: I-8188-2016

**Александр Игоревич
РОССОШАНСКИЙ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: alexanderrossy@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5975-7863; ResearcherID: I-8184-2016

Аннотация. Малое предпринимательство является важным элементом социально-экономической системы региона, так как способствует созданию конкурентной среды, насыщению потребительского рынка и стимулированию совокупного спроса, структурным сдвигам и др. В качестве системообразующего элемента экономики муниципальных образований оно оказывает воздействие на развитие инфраструктуры и наполнение бюджета локальных территорий. Способствует решению одной из главных задач социального государства – повышению уровня жизни населения страны. Высокая значимость малого предпринимательства определяет потребность и необходимость его развития. Однако в настоящее время остаются недостаточно проработанными аспекты его взаимовлияния с уровнем жизни населения, что затрудняет ре-

* Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ (МК-2249.2020.6).

Для цитирования: Кремин А.Е., Россошанский А.И. Малое предпринимательство и уровень жизни населения: взаимовлияние и проблемы управления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 214–229. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.14

For citation: Kremin A.E., Rossoshanskiy A.I. Small business and living standards of the population: mutual influence and management issues. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 214–229. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.14

ализацию эффективной государственной политики по управлению указанными категориями. Исследователи представили два основных подхода к определению данного взаимодействия. В первом варианте функционирование субъектов малого предпринимательства способствует повышению уровня жизни населения. Во втором — наличие капитала и покупательского спроса, обеспеченного высокими доходами людей, являются основными факторами развития малого предпринимательства. В условиях ограниченности ресурсов двойственность такой зависимости подтверждает актуальность и необходимость разработки научно обоснованных направлений государственного воздействия и системы мер для стимулирования развития указанных категорий. Поэтому цель исследования заключается в оценке зависимости малого предпринимательства и уровня жизни населения, а также в формировании приоритетных научно обоснованных направлений государственного управления и системы мер, способствующих развитию сектора малого предпринимательства и повышению уровня жизни населения в целом. Для этого была проведена эмпирическая оценка взаимосвязи развития малого предпринимательства и уровня жизни населения, позволяющая определить конкретные особенности их взаимовлияния. Научно обоснованы рекомендации по совершенствованию существующей системы государственного управления процессами развития малого предпринимательства и повышения уровня жизни населения в субъектах РФ. Эмпирической базой исследования послужили данные Федеральной службы государственной статистики и результаты мониторингов, проводимых ФГБУН ВолНЦ РАН. Материалы статьи могут быть использованы федеральными и региональными органами власти и управления для корректировки государственной политики в сфере развития региональной экономики.

Ключевые слова: государственное управление, малое предпринимательство, бизнес, уровень жизни, дифференциация населения по доходам, взаимовлияние.

Для России, вступающей на путь модернизации экономики, развитие малого предпринимательства (МП) приобретает особое значение. Именно оно способно наиболее быстро и эффективно решать проблемы реструктуризации экономики, формирования и насыщения рынка потребительских товаров в условиях ограниченности ресурсов, не требуя крупных стартовых инвестиций [1]. Субъекты МП функционируют во всех отраслях народного хозяйства. Они реализуют человеческую потребность к созиданию, вследствие чего объединяют в своих структурах все более широкие слои населения.

Малое предпринимательство играет важную роль в обеспечении занятости трудоспособного населения в силу ряда своих специфических характеристик. Прежде всего, оно может оперативно создавать новые рабочие места низкой капиталоемкости, повышая реальные доходы и уровень жизни населения (УЖН). Во-вторых, для малых предприятий характерно и более низкое техническое строение капитала. Это означает, что на единицу используемых средств производства в них приходится больше единиц труда, чем на крупных предприятиях.

В-третьих, малый бизнес притягателен для деятельности активного населения, так как дает значительные возможности для проявления инициативы и воплощения творческих идей [2].

Усложнение функциональных взаимосвязей субъектов малого предпринимательства предусматривает увеличение влияния внешних и внутренних факторов воздействия на осуществление всего процесса предпринимательской деятельности [3–7]. Одним из важных факторов воздействия внешней среды, по мнению ряда российских исследователей [8; 9], выступает уровень жизни населения. Низкий уровень доходов людей и недостаточная доступность кредитов, обоснованная отсутствием необходимого объема залогового капитала, тормозят развитие малого бизнеса. В работах зарубежных экономистов, в частности D. Keeble [10], показано, что в 80-х гг. XX века в развитых странах рост предпринимательской активности был во многом обусловлен повышением доходов граждан, платежеспособного спроса на более дифференцированные товары и услуги.

Таким образом, существует некая взаимозависимость между функционированием МП и УЖН, которую необходимо определить, оце-

нить ее последствия и эффекты для экономики с целью решения научной проблемы по обеспечению реализации процессов государственного управления развитием данных категорий в условиях ограниченности имеющихся ресурсов. В связи с этим цель исследования заключается в оценке зависимости функционирования МП и УЖН, а также в формировании приоритетных научно обоснованных направлений государственного управления и системы мер, способствующих развитию сектора малого предпринимательства и повышению уровня жизни населения в целом.

Для ее достижения необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть существующие теоретико-методологические подходы к описанию взаимосвязи деятельности малого предпринимательства и уровня жизни населения;
- на основе эмпирического анализа показателей деятельности малого предпринимательства и уровня жизни населения выявить особенности взаимовлияния данных категорий;
- обосновать приоритетные направления государственного воздействия на развитие малого предпринимательства в контексте повышения уровня жизни населения.

Теоретико-методологическую основу исследования составили разработки отечественных и зарубежных ученых в области анализа и измерения уровня жизни (В.Н. Бобков, Л.Н. Овчарова, А.Ю. Шевяков, Д. Аджемоглу, М.Ф. Förster, М. Orshansky и др. [11–16]), в том числе абсолютный, относительный и субъективный подходы к оценке бедности; тенденций развития малого предпринимательства (В.Г. Басарева, К.А. Гулин, Т.А. Дуброва, А.В. Кольчугина и др. [1; 8; 9]). Информационной базой послужили данные Федеральной службы государственной статистики и социологического опроса «Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области», осуществленного на территории Вологодской области¹.

¹ Объем выборки – 1500 человек 1 раз в 2 месяца (объем выборки в год составляет, следовательно, 9 тыс. человек). Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Ошибка выборки не превышает 3%.

Теоретические аспекты проблемы исследования

Проблемы взаимосвязи и управления уровнем жизни населения и развитием малого предпринимательства рассматривались как зарубежными, так и отечественными учеными и исследователями. Идея о том, что динамика развития малого предпринимательства на конкретной территории зависит от благополучия жизни ее населения, была высказана Й. Шумпетером еще в 30-е годы прошлого столетия [17]. Ученый отметил, что развитие предпринимательского сектора связано не только со склонностью населения к риску, но и с наличием у него капитала, который необходим для открытия собственного дела. Таким образом, была сформулирована гипотеза: чем больше у общества накоплений, обеспеченных высоким доходом, тем больше количество малых предприятий.

Такой вывод получили Г. Лавман и В. Сендженбергер, после того как проанализировали тенденции основных показателей занятости населения в секторе малого предпринимательства и имущественного состояния занятых на примере шести стран, входящих в ОЭСР [18]. Ученые отметили, что увеличение количества занятого в исследуемом секторе экономики населения связано с двумя факторами:

- децентрализация и дробление крупных предприятий по отдельным производственным направлениям;
- увеличение покупательного спроса на более дифференцированные товары, возникшего в результате роста уровня жизни населения на конкретной территории.

Также исследователи доказали, что в развитых странах рост количества малых предприятий связан с увеличением доходов населения, обеспечившим, в свою очередь, возможность удовлетворять потребности людей и сегментировать существующий рынок.

В трудах Д. Кибла, в которых были рассмотрены факторы возникновения новых предприятий в Англии, представлено три теоретические модели [10]. В первой из работ автором показана модель экономического спада, отражающая зависимость количества потенциальных предпринимателей от роста безработицы. Во второй – модель роста доходов населения, демонстрирующая влияние спроса на развитие данного

сектора экономики. В третьей модели делается акцент на цифровизации и внедрении новых технологий, способствующих образованию и развитию новых фирм и предприятий, способных быстро адаптироваться к изменяющимся внешним и внутренним условиям при осуществлении собственной деятельности.

Однако существует и обратный подход к рассмотрению данной зависимости. П. Рейнольдс, проанализировав влияние сектора малого предпринимательства на рост благосостояния США, доказал, что экономический сдвиг в период 1976–1984 гг., повлекший рост экономики и повышение уровня жизни населения, был обеспечен за счет активизации деятельности малых фирм [19].

Д. Берковиц и Д. ДеЙонг при помощи статистического анализа данных 47 центральных городов в субъектах РФ выявили зависимость доходов населения и экономического роста локальной территории от уровня развития субъектов малого предпринимательства [20].

Представители отечественной науки также не разделяют общего мнения по данному вопросу. Так, к примеру, сотрудники Института экономики РАН отмечают, что в первую очередь к объективным факторам, препятствующим развитию сектора малого бизнеса, необходимо относить именно низкий уровень жизни населения и недостаточную доступность заемных средств на открытие нового дела и обеспечение его деятельности [9].

Представители Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН придерживаются мнения о том, что состояние экономики, здоровье населения, его образовательный потенциал являются основными факторами формирования условий для возникновения и развития частной инициативы и малого предпринимательства на локальной территории.

Доктор экономических наук Т.Н. Кошелева, профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, к основным факторам, определяющим развитие малого предпринимательства, относит его ресурсный потенциал. В него были включены экономические, производственные, кадровые, организационные и другие возможности исследуемого сектора экономики, а также риски предприни-

мательской деятельности, которые, в свою очередь, напрямую зависят от УЖН [21].

Профессор кафедры математической статистики и эконометрики Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (МЭСИ) доктор экономических наук Т.А. Дуброва на основе построения множественной регрессионной модели доказала влияние обобщенных факторов (степень развития ИКТ), факторов материальной обеспеченности населения и демографической ситуации в регионе на процессы функционирования и развития малого предпринимательства [22]. Основной вывод работы свидетельствует о том, что при формировании среды для малого предпринимательства необходимо совершенствовать не только экономическую, но и социальную сферу экономики, повышая уровень жизни населения в регионах страны.

При этом существуют научные труды, рассматривающие малое предпринимательство как фактор, повышающий уровень жизни населения. Так, в работах сотрудника Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ кандидата экономических наук В.И. Петрище на основе анализа данных региональной статистики РФ был сделан вывод о том, что малый бизнес является источником увеличения занятости и снижения безработицы [23]. Изучая существующую практику развития исследуемого сектора экономики, доктор экономических наук С.В. Теребова доказывает, что МП – важнейший источник повышения уровня занятости и доходов населения региона [24].

Таким образом, анализ работ по данной проблеме показал наличие взаимосвязи между развитием малого предпринимательства и уровнем жизни населения, однако двойственность подходов к их зависимости подтверждает актуальность определения первичности взаимовлияния. Ответ на этот вопрос позволит выявить оптимальное направление для расходования государственных средств в сфере исследуемых категорий с целью обеспечения эффективного развития и роста экономики страны. Для решения данной задачи целесообразно провести эмпирический анализ взаимосвязи МП и УЖН. Он будет представлен на следующем этапе исследования.

Анализ существующих особенностей взаимовлияния малого предпринимательства и уровня жизни населения в России

За период с 2008 по 2018 год развитие малого предпринимательства в России происходило на фоне сложной экономической ситуации, отразившейся на уровне реальных доходов населения, потребительского спроса, доступности заемных финансовых средств. В целях анализа существующих тенденций представляется целесообразным рассмотреть, как изменялись основные показатели, характеризующие развитие МП и уровня жизни населения в целом по всем субъектам РФ.

Одной из главных характеристик сектора малого предпринимательства в регионе являются показатели его распространенности на

территории объекта исследования. В частности, в перечень индикаторов входят количество субъектов МП и среднее число их работников, рассчитанные на 1000 чел. общей численности и занятого в экономике населения соответственно (табл. 1).

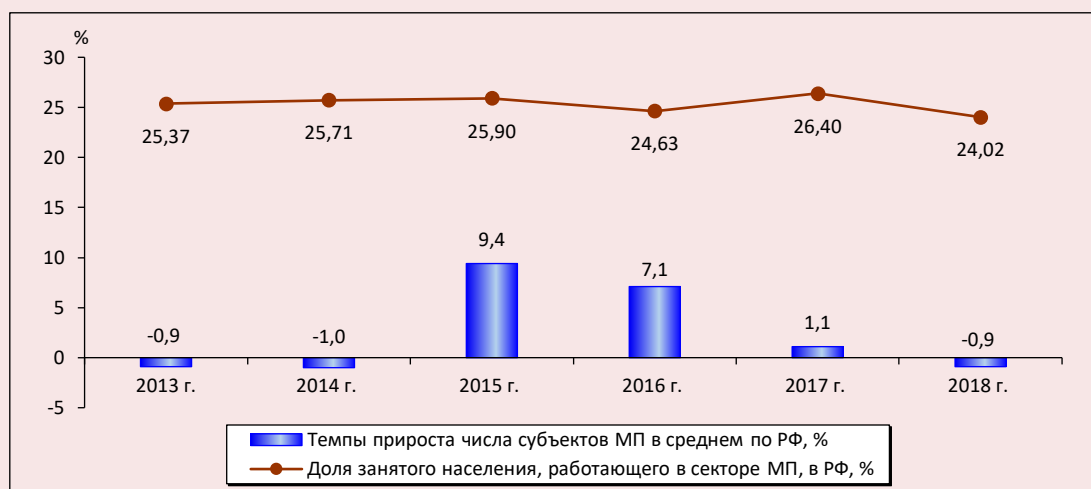
На территории РФ в период 2009–2017 гг. наблюдалось планомерное развитие исследуемого сектора экономики. Исключением является 2018 год – в большинстве категорий МП произошло снижение как численного количества, так и занятого в них населения. Однако общая динамика числа субъектов МП имеет отрицательное значение за весь период (рис. 1). В 2015–2016 гг. на территории РФ отмечено резкое увеличение числа субъектов МП, главной причиной которого стало принятие 29 дека-

Таблица 1. Показатели распространенности субъектов МП

Вид	Год						Отношение, 2018 г. к 2009 г., %
	2009	2011	2013	2015	2017	2018	
Количество субъектов МП в расчете на 1000 чел. населения, ед. / тыс. чел.							
Малые предприятия	1,6	1,6	1,6	1,7	1,7	1,6	101,1
Микропредприятия	9,7	11,1	12,7	15,2	17,4	17,0	175,6
ИП	–	–	17,4	16,8	17,3	17,5	100,6*
Средняя численность работников МП в расчете на 1000 чел. занятого населения, ед. / тыс. чел.							
Малые предприятия	91,9	92,8	102,0	92,0	92,7	87,3	95,0
Микропредприятия	74,3	64,4	70,2	72,9	76,2	74,0	99,5
ИП	–	–	80,0	78,2	79,9	80,9	101,1*

* Отношение 2018 г. к 2013 г., %
Составлено по: данные сайтов www.gks.ru; www.fedstat.ru.

Рис. 1. Динамика изменений показателей распространенности МП в среднем по РФ, %

Источник: данные сайтов www.gks.ru; www.fedstat.ru

бря 2015 года изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 № 209-ФЗ. В результате вдвое выросли пороговые значения у показателя выручки субъектов предпринимательства, выступающего в качестве критерия для отнесения к категории малого предпринимательства. Это привело к тому, что по итогам 2015 года произошло искусственное увеличение числа субъектов исследуемого сектора экономики, но тренд на снижение темпов прироста данного показателя остался неизменным.

Об отсутствии существенных изменений в распространенности МП за 2014–2015 гг. на территории субъектов РФ также свидетельствует

почти не изменившаяся доля занятого населения, трудоустроенного в малых организациях, однако численность населения, занятого в МП, за 2012–2018 гг. уменьшилась на 1,72%.

О том, что активность функционирования МП снижалась, свидетельствует уменьшение показателей его развития (табл. 2). В среднем по РФ за 2009–2018 гг. произошло увеличение среднего оборота одного малого предприятия на 5,5%, в то же время этот показатель в категории микропредприятий уменьшился почти на 18%.

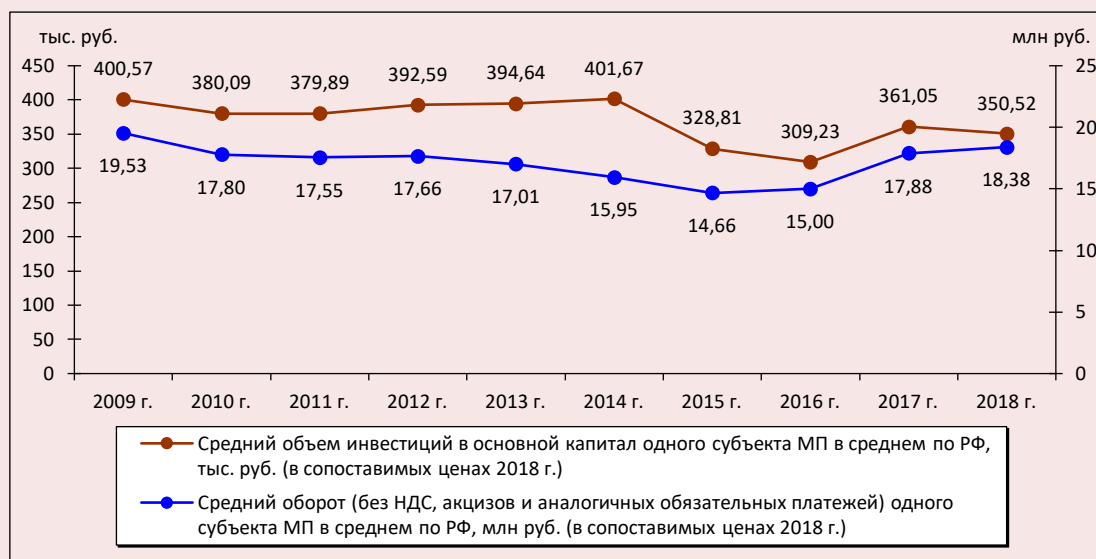
В целом по стране значение данного показателя сократилось на 6% по всем категориям субъектов МП (рис. 2). Стоит отметить, что начиная с 2015 года на территории РФ прослеживается его постоянный рост (на 25% за 3 года).

Таблица 2. Показатели развития субъектов МП в РФ

Вид	Год						Отношение, 2018 г. к 2009 г., %
	2009	2011	2013	2015	2017	2018	
Средний оборот (без НДС, акцизов и аналогичных обязательных платежей) одного субъекта МП, млн руб. (в сопоставимых ценах 2018 г.)							
Малые предприятия	10,19	11,36	10,76	7,87	10,26	10,75	105,53
Микропредприятия	9,34	6,19	6,25	6,79	7,62	7,63	81,71
Средний объем инвестиций в основной капитал одного субъекта МП, млн руб. (в сопоставимых ценах 2018 г.)							
Малые предприятия	0,29	0,25	0,27	0,19	0,21	0,19	64,25
Микропредприятия	0,11	0,13	0,13	0,14	0,16	0,16	145,50

Составлено по: данные сайтов www.gks.ru; www.fedstat.ru.

Рис. 2. Динамика показателей развития МП в среднем по РФ (в сопоставимых ценах 2018 года)

Источник: данные сайтов www.gks.ru; www.fedstat.ru

В то же время происходит снижение среднего значения объемов инвестиций в основной капитал на одно малое предприятие почти на 13%. При этом так же, как и показатель оборота, в натуральном выражении объем инвестиций за 2016–2018 гг. увеличился на 13%.

Указанный факт свидетельствует об уменьшении значений показателей развития МП на территории субъектов РФ. Обозначенные выше проблемы в развитии сектора малого предпринимательства неразрывно связаны с низким уровнем капиталовложений. С 2008 по 2018 год в России на долю малого бизнеса приходилось порядка 5% всех инвестируемых средств. В то же время в ряде регионов доля инвестиций в малый бизнес достигала более 25% (Псковская область, Республика Ингушетия, Пензенская область и др.). Минимальное значение не превышало 1% (Чеченская Республика, Чукотский АО, Тюменская область). При этом отношение максимального и минимального значений анализируемого показателя по субъектам РФ на протяжении исследуемого периода составляло более 100 раз. Однако следует учитывать, что в регионах России с высокой значимостью добывающей промышленности, имеющих сырьевую экспортно-ориентированную направленность, инвестиции в основной капитал, приходящиеся на малый бизнес, зачастую «теряются» на фоне общего большого потока инвестиций. Несмотря на это, в абсолютном выражении суммарное количество инвестиций в малое предпринимательство в данных субъектах довольно велико.

Федеральная служба государственной статистики регулярно проводит выборочные обследования инвестиционной активности промышленных малых предприятий. Как показывают их результаты, к основным факторам, ограничивающим инвестиционную деятельность, в 2017 году относились недостаток собственных финансовых средств (52%), неопределенность экономической ситуации в стране (32%), высокий процент коммерческого кредита (29%) и недостаточный спрос на продукцию (27%).

Вполне закономерной является низкая инвестиционная активность представителей малого бизнеса ввиду встревоженности по по-

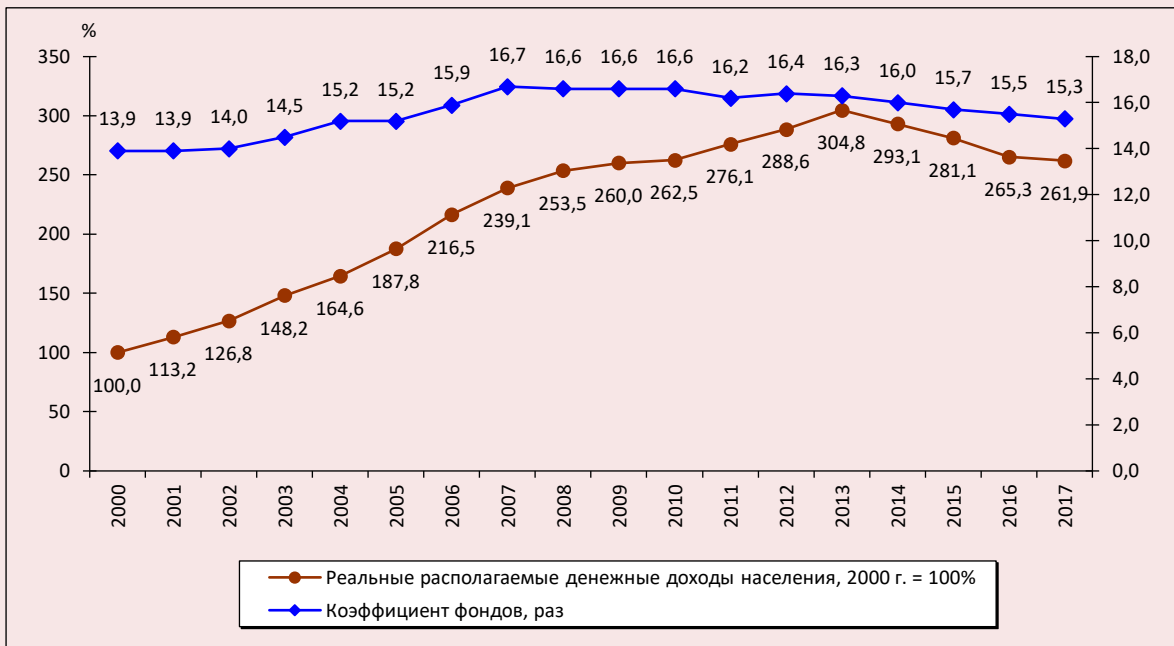
воду недостаточного платежеспособного спроса населения регионов. Как уже отмечалось ранее, за рассматриваемый период малый бизнес столкнулся с множеством проблем, одна из которых – снижение покупательной способности населения. В целом начиная с 2006 года темпы роста реальных доходов населения постепенно уменьшались по отношению к 2000 году. Впоследствии снижение произошло после 2013 года, оно наблюдается и в настоящий момент (рис. 3). Одновременно с ростом среднего дохода населения страны отмечалось увеличение дифференциации по материальному признаку. Так, коэффициент фондов с 2000 по 2017 год вырос с 14 до 15 раз.

Нарастание неравенства населения по доходам обусловлено более высокими темпами роста денежных доходов среди наиболее обеспеченных слоев населения при практически неизменном уровне доходов наименее обеспеченных, так и не превысившем прожиточный минимум [25].

Выявленные выше тенденции находят отражение и в субъективных характеристиках, которые дают люди в отношении своей жизни. Отметим, что субъективные оценки бедности обычно выше ее оценок по абсолютному и относительному подходам. Стабильно более 40% населения региона считают себя бедными или нищими, причем наблюдается явная тенденция ухудшения оценок (рис. 4). В то же время по официальным данным только 14% населения области имели доходы ниже величины прожиточного минимума, при этом доходы ниже медианного уровня дохода в регионе, по нашим оценкам, – 23%. Это принципиально важный момент. Именно субъективные оценки оказывают наибольшее влияние на психологическое состояние индивида, порождают внутренние стимулы, в значительной мере формирующие потребительские практики граждан.

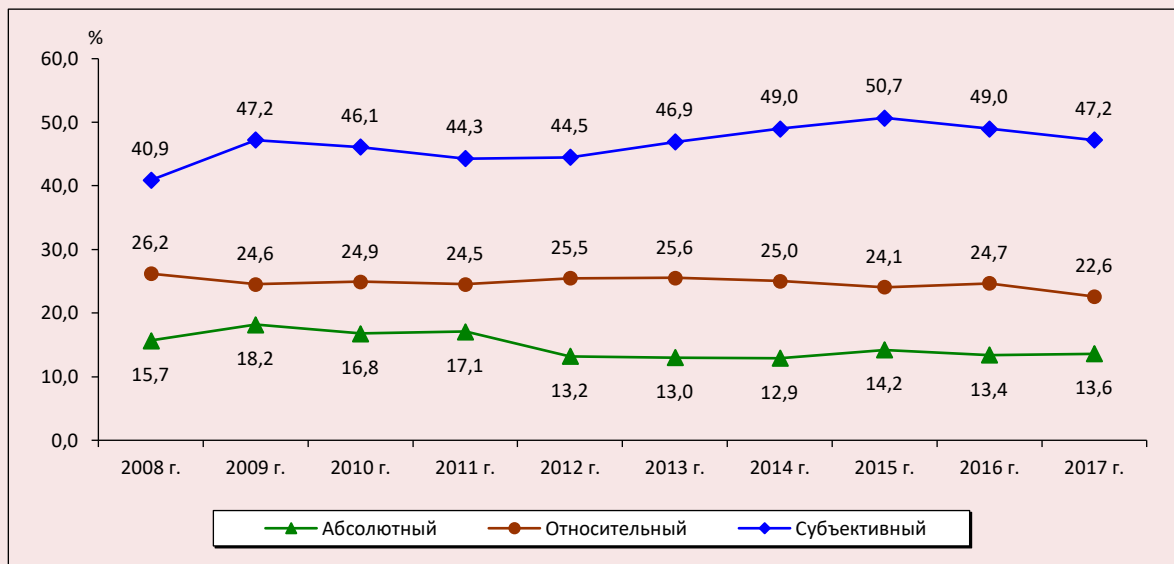
Следует отметить, что реальный розничный товарооборот, приходящийся на душу населения, в целом по России за 2008–2017 гг. повысился незначительно – всего на 7% (табл. 3). При этом начиная с 2013 года подушевой розничный товарооборот снизился почти на 10 п.п.

Рис. 3. Динамика среднедушевых денежных доходов населения и коэффициента фондов в Российской Федерации в 2000–2017 гг.

Источник: данные сайтов www.gks.ru; www.fedstat.ru

Рис. 4. Уровень бедности населения Вологодской области по абсолютному, относительному и субъективному подходам, %

Абсолютный уровень бедности – доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума; Относительный уровень бедности – доля населения, чьи доходы ниже медианного уровня дохода в регионе; Субъективный уровень бедности – доля населения, относящего себя к бедным и нищим.
 Источники: данные сайта Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. URL: <http://vologdastat.gks.ru/>; Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области, ВолНЦ РАН, 2007–2018 гг.; расчеты авторов.

Таблица 3. Динамика и структура оборота розничной торговли в 2008–2017 гг.

Территория	Год										Изменение, 2017 г. к 2008 г., п. п.
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	
<i>Оборот розничной торговли на душу населения, тыс. руб.*</i>											
РФ	189,9	182,8	189,0	205,9	216,0	224,2	220,0	203,1	197,8	203,0	106,9**
<i>Продовольственные товары в структуре розничной торговли, %</i>											
РФ	46,6	48,6	48,5	47,7	46,6	47,0	47,0	48,7	48,6	48,4	1,8
<i>Непродовольственные товары в структуре розничной торговли, %</i>											
РФ	53,4	51,4	51,5	52,3	53,4	53,0	53,0	51,3	51,4	51,6	-1,8
* Показатели представлены в сопоставимых ценах 2017 года.											
** Отношение 2017 г. к 2008 г., %											
Составлено по: данные сайтов www.gks.ru ; www.fedstat.ru											

В структуре общероссийской розницы доля непродовольственных товаров демонстрирует снижение на 2 п. п. за 2008–2017 гг., что является одним из маркеров, характеризующих уровень жизни населения регионов не с лучших позиций.

Общая тенденция, заключающаяся в снижении значений основных показателей, отражающих развитие малого предпринимательства и уровня жизни населения, подтверждает необходимость оказания государственного воздействия на них. Так как существует двойственное взаимовлияние указанных категорий, выявленное ранее, и необходим его учет при выборе направлений и мер поддержки исследуемого сектора экономики, представляется целесообразным провести эконометрическую оценку данного взаимодействия. Для этого на основе имеющегося опыта изучения малого предпринимательства и уровня жизни населения региона [26; 27] разработана система показателей, характеризующих исследуемые экономические категории (табл. 4).

Безусловно, вопрос об использовании системы индикаторов оценки является дискуссионным ввиду наличия проблем сопоставления официальных данных между собой, их качественного представления, характеризующегося комплексностью проводимого исследования, и др. К примеру, зав. лабораторией инновационной экономики Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара В.А. Барина отмечает: «... В связи с разной методикой сбора данных разными ответственными ведомствами, а также из-за некоторых сложностей в работе недавно запущенного Единого реестра статистические данные по МСП несколько разнятся» [28].

Также влияние на объективность публикуемых сведений, по нашему мнению, мог оказать переход ФНС в ведение Министерства экономического развития РФ с начала 2017 года. В настоящий момент в Госдуму внесен проект закона, призванного изменить подведомственность Федеральной службы государственной статистики (законопроект, подготовленный

Таблица 4. Основные показатели, характеризующие уровень жизни населения и развития малого предпринимательства региона

Блок	№ п. п.	Показатели
Уровень развития малого предпринимательства	X ₁	Число субъектов малого предпринимательства на 10 000 чел. населения, ед./чел.
	X ₂	Доля занятых в секторе малого предпринимательства, %
	X ₃	Оборот одного субъекта МП, млн руб.
	X ₄	Доля инвестиций в основной капитал МП в сравнении с общим объемом, %
Уровень жизни населения	Y ₁	Реальные денежные доходы населения в расчете на душу населения, руб.
	Y ₂	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.
	Y ₃	Коэффициент фондов, раз
	Y ₄	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, % (уровень бедности)
Источник: составлено авторами.		

депутатами фракции «Справедливая Россия», 7 февраля появился в базе данных нижней палаты). Так, авторы законодательной инициативы считают: «...подчинение федерального статистического ведомства министерству, ответственному за экономическое развитие, грозит конфликтом интересов, а значит, ведет к снижению объективности представляемых Росстатом данных».

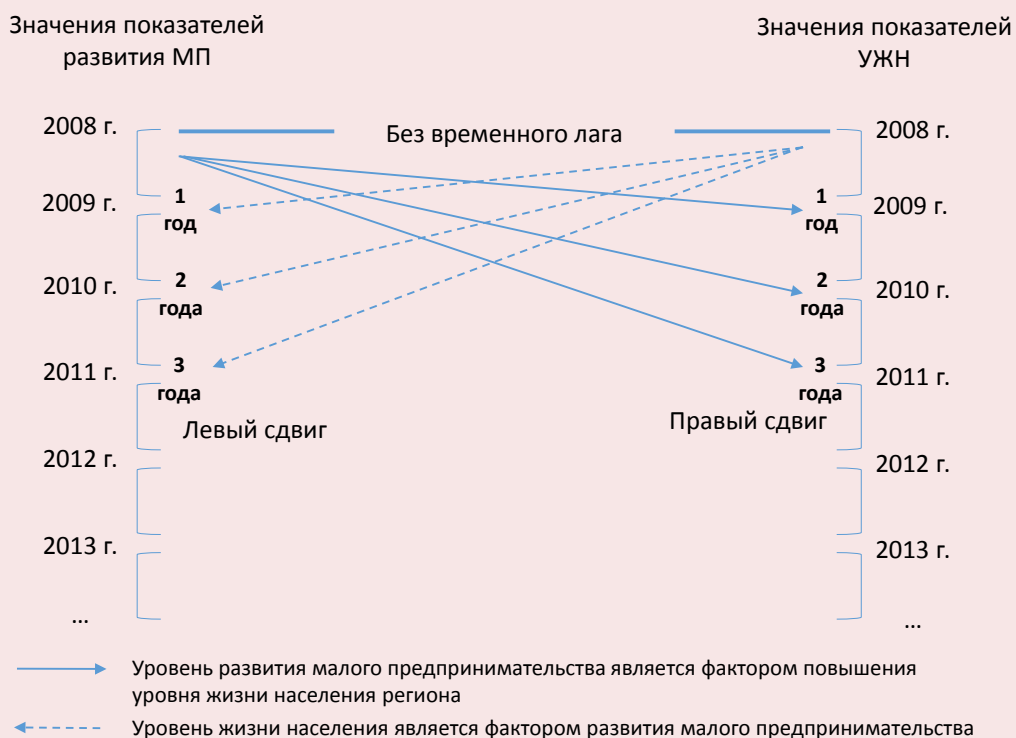
При этом стоит отметить, что система показателей составлена с учетом существующих методических подходов, используемых научным сообществом для оценки состояния сектора малого бизнеса и уровня жизни населения регионов и органами государственного управления при контроле эффективности развития указанных категорий, и наличия официальной статистической информации [26; 27].

Для оценки взаимовлияния МП и УЖН был использован метод Алмон, в основу которого входит парный корреляционный анализ показателей с учетом временного лага (рис. 5) [29].

Увеличение (уменьшение) показателя корреляции при возрастании временного лага одного сдвига и одновременном его уменьшении (увеличении) при другом свидетельствует о наличии факторного воздействия со стороны, имеющей наибольшее его значение по модулю. Таким образом, выполнение поставленных условий при левом сдвиге значений показателей будет свидетельствовать о том, что уровень жизни населения является фактором развития малого предпринимательства. При правом сдвиге — развитие малого предпринимательства является фактором повышения уровня жизни населения региона.

Период исследования ограничен временным промежутком 2008–2017 гг. (объем выборки составляет 800 наблюдений). Стоит отметить, что согласно основным положениям центральной предельной теоремы при очень большой выборке (например, $n > 100$) считаем ее распределение нормальным. В резуль-

Рис. 5. Принцип сопоставления значений показателей при проведении корреляционного анализа критериев уровня жизни населения и развития малого предпринимательства региона с временным лагом до трех лет

Источник: составлено авторами на основе [30].

Таблица 5. Значения коэффициентов корреляции между показателями уровня жизни населения и развития малого предпринимательства субъектов РФ

Показатель	Y ₁							Y ₂						
	Без лага	Левый сдвиг			Правый сдвиг			Без лага	Левый сдвиг			Правый сдвиг		
		1 год	2 год	3 год	1 год	2 год	3 год		1 год	2 год	3 год	1 год	2 год	3 год
X ₁	0,36	0,37	0,22	0,12	0,35	0,35	0,36	0,41	0,42	0,26	0,14	0,40	0,41	0,42
X ₂	0,12	0,12	0,15	0,25	0,12	0,13	0,14	-0,08	-0,05	-0,02	0,09	-0,06	-0,05	-0,03
X ₃	0,49	0,55	0,64	0,42	0,47	0,47	0,45	0,17	0,26	0,38	0,23	0,16	0,16	0,17
X ₄	-0,46	-0,48	-0,46	-0,41	-0,47	-0,46	-0,46	-0,54	-0,55	-0,54	-0,46	-0,53	-0,54	-0,56
Показатель	Y ₃							Y ₄						
	Без лага	Левый сдвиг			Правый сдвиг			Без лага	Левый сдвиг			Правый сдвиг		
		1 год	2 год	3 год	1 год	2 год	3 год		1 год	2 год	3 год	1 год	2 год	3 год
X ₁	0,23	0,17	0,07	0,16	0,23	0,25	0,26	-0,12	-0,05	0,06	-0,02	-0,06	-0,03	0,01
X ₂	0,37	0,33	0,32	0,29	0,40	0,41	0,43	-0,35	-0,33	-0,24	-0,20	-0,36	-0,38	-0,40
X ₃	0,67	0,67	0,71	0,45	0,65	0,64	0,64	-0,60	-0,52	-0,57	-0,36	-0,50	-0,44	-0,45
X ₄	-0,38	-0,35	-0,29	-0,24	-0,36	-0,35	-0,40	0,10	0,16	0,15	0,17	0,16	0,27	0,31

Источник: составлено авторами с помощью программного пакета «STATISTICA 10».

тате выполнения поставленных условий был рассчитан коэффициент парной корреляции между исследуемыми категориями показателей с временным лагом до трех лет (табл. 5).

Результаты апробации метода на данных субъектов РФ подтверждают отмеченное выше мнение научного сообщества о том, что доходы населения и размер заработной платы, как составляющие уровня жизни населения, являются факторными показателями, оказывающими влияние на плотность распространения субъектов малого предпринимательства на территории региона и на их развитие, в частности на средний объем оборота одного субъекта на долю инвестиций в основной капитал МП в общем объеме. При дальнейшем увеличении временного лага представленные выше условия перестают выполняться, что говорит о среднесрочном проявлении оказываемого влияния.

Однако наряду с этим рост доли занятых в секторе малого предпринимательства оказывает благоприятное воздействие на уменьшение численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, но способствует увеличению социального расслоения. Этот факт свидетельствует о том, что развитие малого предпринимательства не только помогает решить одну из важных проблем российской экономики (растущий уровень бедности населения), но и ведет к увеличению средних доходов обеспеченной категории населения.

Для интерпретации такого взаимодействия проведен корреляционно-регрессионный анализ данных показателей, в результате которого построены математические модели выявленных зависимостей на основе алгоритма, описанного в ранних работах одного из авторов статьи [30]:

$$\begin{cases} X_1 = 0.002Y_2 + 253.54 + \varepsilon \\ Y_3 = 0.219X_2 + 9.59 + \varepsilon \\ Y_4 = -0.31X_2 + 20.9 + \varepsilon \end{cases}, \quad (1)$$

где X₁ – число субъектов малого предпринимательства на 10 тыс. чел. населения;

X₂ – доля занятых в секторе малого предпринимательства;

Y₂ – среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.;

Y₃ – коэффициент фондов;

Y₄ – численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума;

ε – неучтенные факторы.

Данные модели построены с учетом их значимости – те, что не соответствовали условиям проведения статистического анализа, были исключены. Также необходимо отметить, что в первую модель вошел только один показатель ввиду мультиколлинеарности между показателями реальных денежных доходов в расчете на душу населения и среднемесячной номинальной начисленной заработной платой работников организаций. Значение F-критерия

Таблица 6. Описание компонентов регрессионных моделей

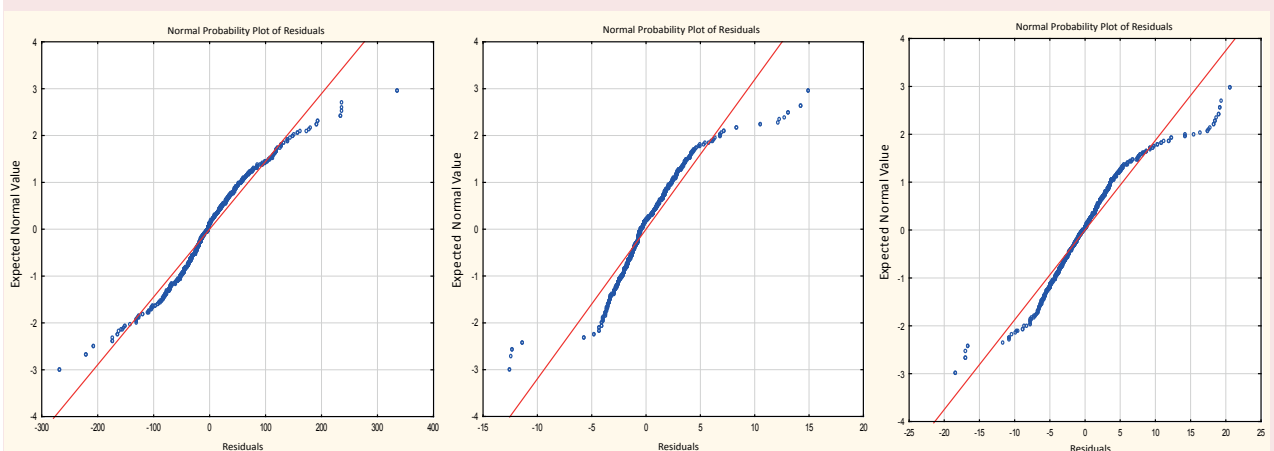
N=800	b ⁰	Std.Err. of b ⁰	b	Std.Err. of b	t (798)	p-value
Regression Summary for Dependent Variable: X ₁ R= 0,34035697 R ² = 0,115842 Adjusted R ² = 0,10268 F(1,798)= 55,784 p<0,00000 Std.Error of estimate: 67,374						
Intercept			253,5366	5,752739	4,07233	0,000000
Y ₂	0,255612	0,034224	0,0020	0,000265	7,46887	0,000000
Regression Summary for Dependent Variable: Y ₃ R= 0,42603521 R ² = 0,181506 Adjusted R ² = 0,176517 F(1,798)= 86,355 p<0,00000 Std.Error of estimate: 2,9383						
Intercept			9,591378	0,450899	7,27169	0,000000
X ₂	0,312487	0,033627	0,218521	0,023515	9,29276	0,000000
Regression Summary for Dependent Variable: Y ₄ R= 0,39251331 R ² = 0,1540667 Adjusted R ² = 0,14337766 F(1,798)= 86,355 p<0,00000 Std.Error of estimate: 2,9383						
Intercept			20,91343	0,788008	6,53961	0,000000
X ₂	-0,254067	0,034238	-0,30496	0,041096	-7,42060	0,000000
Источник: составлено авторами с помощью программного пакета «STATISTICA 10».						

и уровень его значимости *p* говорят о том, что построенные регрессии значимы при уровне значимости $\alpha = 0,05$ (табл. 6). Это подтверждает тест по *t*-критерию Стьюдента свободного члена и параметров уравнения.

Анализ графиков остатков и предсказанных значений регрессионных моделей показывает относительно качественное построение разработанных моделей, что также говорит об их значимости (рис. 6).

Данные модели не могут использоваться для построения прогнозных значений, так как зависимость между переменными не превышает 20%. Следовательно, существуют другие факторы, оказывающие влияние на изменение анализируемых категорий. Однако для реализации комплексного подхода государственного управления социально-экономической системой региона нельзя не учитывать выявленное взаимодействие исследуемых факторов.

Рис. 6. График остатков и предсказанных значений регрессионных моделей исследуемых показателей

Источник: составлено авторами с помощью программного пакета «STATISTICA 10».

Таким образом, результаты проведенного анализа показали, что увеличение числа людей, занятых в малом бизнесе, приведет к уменьшению численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, однако это дополнительно отразится на увеличении социального расслоения. Изменения поспособствуют росту доходов населения и, как следствие, увеличению численности субъектов малого предпринимательства за счет роста потребительского спроса. На основе полученных данных сформулируем задачи государственного управления в области МП и УЖН:

1. Реализация мер по привлечению населения регионов в предпринимательскую деятельность, что в результате обеспечит снижение безработицы и увеличение доходов отдельных его категорий. Согласно результатам проведенных ранее исследований, для этого необходимо модернизировать существующую систему поддержки малого и среднего предпринимательства на региональном и муниципальном уровнях. В частности, представляется целесообразным создать финансовые инструменты управления реализацией муниципальных программ развития путем организации «Регионального фонда развития малого бизнеса». Его деятельность будет направлена на решение вопросов, касающихся недостаточного финансирования МП на муниципальном уровне [31].

2. Стимулирование потребительского спроса за счет создания условий для роста доходов и сокращения расходов населения региона. Для этого федеральным органам власти стоит возобновить финансирование региональных систем субсидирования затрат в субъектах МП (возмещение процентов по кредиту, лизинговым платежам, на приобретение оборудования и т. д.) по приоритетным направлениям деятельности каждого региона РФ с целью снижения себестоимости и итоговой цены производимой продукции. Данные меры позволят уменьшить и дифференцировать расходы населения, обеспечив увеличение потребительского спроса в целом.

Указанные меры государственного управления и реализация соответствующих мероприятий на территории субъектов РФ обеспечат развитие сектора малого предпринимательства,

активизация которого поспособствует росту уровня жизни населения регионов в целом.

Выводы и предложения

Основываясь на полученных результатах исследования, был сделан вывод о том, что региональным органам власти при управлении развитием сектора малого предпринимательства и для повышения уровня жизни населения необходимо сконцентрировать внимание и ресурсы на увеличении количества работников, занятых в деятельности исследуемого сектора экономики. Изменение данного параметра в социально-экономической системе региона позволит сократить уровень бедности и обеспечит рост доходов отдельных категорий населения, что в свою очередь поспособствует росту потребления и образованию новых субъектов предпринимательства.

Стоит отметить, что согласно паспорту национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» федеральные органы власти ставят перед собой цель к 2024 году увеличить количество занятых в исследуемом секторе экономики почти на 25%. Однако опыт проведенных ранее исследований свидетельствует о том, что обеспечить такой рост возможно только при слаженной работе всех уровней власти и совместной кооперации различных общественных организаций, осуществляющих деятельность на локальной территории. При этом основная нагрузка по развитию малого предпринимательства приходится на органы местного самоуправления.

К сожалению, последние реформы в РФ привели к централизации существующих мер поддержки МП на уровне федеральных органов и подведомственных учреждений. Это, на наш взгляд, негативно сказывается на достижении поставленных целей, поэтому проблема разработки системы мер для стимулирования процессов развития в исследуемом секторе экономики в регионах остается актуальной и в настоящий момент. Дальнейшая работа авторского коллектива будет направлена на ее решение. Материалы статьи могут быть использованы федеральными и региональными органами власти и управления для определения дальнейших мер по реализации стратегии развития экономики региона.

Литература

1. Малое предпринимательство в экономике территорий: монография / К.А. Гулин [и др.]. Вологда: ВолНЦ РАН, 2017. 128 с.
2. Лапуста М.Г. Малое предпринимательство. М.: ИНФА-М, 2011. 683 с.
3. Ансофф И. Стратегический менеджмент. Классическое издание. СПб.: Питер, 2009. 344 с.
4. Карлоф Б. Деловая стратегия: Концепция. Содержание. Символы. М.: Экономика, 1991. 239 с.
5. Нельсон Р.Р., Уинтер С.Д. Эволюционная теория экономических изменений: пер. с англ. М.: Дело, 2002. 536 с.
6. Друкер П. Эффективный руководитель: пер. с англ. 4-е изд. М.: Эксмо, 2014. 240 с.
7. Проблемы экономического роста территории: монография / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 170 с.
8. Басарева В.Г. Взаимосвязь между уровнем жизни населения и развитием малого бизнеса // Регион: экономика и социология. 2008. № 3. С. 168–182.
9. Кольчугина А.В. Деятельность малых предприятий Российской Федерации в начале XXI века // Вопросы статистики. 2004. № 4. С. 45–58.
10. Keeble D. New firm and regional economic development: Experience and impacts in the 1980s. *Cambridge Regional Review*, 1990, vol. XX-XXI, pp. 38–54.
11. Förster M.F. Measurement of Low Incomes and Poverty in a Perspective of International Comparisons. *OECD Labour Market and Social Policy Occasional Papers*. OECD Publishing, 1994, no. 14, pp. 74–96.
12. Бобков В.Н., Матвеева Т.А. Влияние монетарной и немонетарной бедности домохозяйств экономически активного населения на удовлетворённость трудом // Экономика региона. 2014. № 4. С. 93–104.
13. Orshansky M. Counting the Poor: Another Look at the Poverty Profile. *Social Security Bulletin*, 1965, vol. 28, pp. 3–29.
14. Овчарова Л.Н. Теоретический и практический подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт / ИСЭПН РАН. М.: М-Студио, 2009. 268 с.
15. Шевяков А.Ю., Жаромский В.С., Сопцов В.В. Современная социальная политика: анализ эффективности и направления реформирования: монография / под ред. А.Ю. Шевякова. М.: ИСЭПН РАН, 2008. 122 с.
16. Аджемogлу Д., Робинсон Д.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные / пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. М.: АСТ, 2016. 693 с.
17. Croitoru A., Schumpeter J.A. Business Cycles: A Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process, New York and London, McGraw–Hill Book Company Inc. *Journal of Comparative Research in Anthropology and Sociology*, 2017, vol. 8, no. 1, pp. 67–80.
18. Loveman G., Sengenberger W. The re-emergence of small-scale production: An international comparison. *Small Business Economics*, 1991, vol. 3, no. 1, pp. 1–38.
19. Reynolds P.D. Strategies for cross-national comparisons: Matching research issues and analysis objectives. *Small Business Economics*, 1991, vol. 3, no. 4, pp. 245–260.
20. Berkowitz D., DeJong D.N. Accounting for growth in post-Soviet Russia. *Regional Science and Urban Economics*, 2002, vol. 32, no. 2, pp. 221–239.
21. Кошелева Т.Н. Факторы и закономерности, определяющие развитие малого предпринимательства в системе хозяйственных взаимосвязей // Проблемы теории и практики предпринимательства. 2010. № 4. С. 198–201.
22. Дуброва Т.А., Агекян Э.А., Ключко Ю.С. Эконометрическое исследование факторов развития малого предпринимательства в регионах России // Статистика и экономика. 2014. № 5. С. 130–136.
23. Петрище В.И. Обеспечение эффективной занятости населения путем развития малого предпринимательства // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 3. С. 201–209.
24. Теребова С.В. Малый бизнес как фактор повышения уровня занятости и доходов населения региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 5. С. 112–122.
25. Российское общество: трансформации в региональном дискурсе (итоги 20-летних измерений): монография / кол. авт.; под науч. рук. акад. РАН д.ф.н. М.К. Горшкова, д.э.н., проф. В.А. Ильина. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 446 с.

26. Россошанский А.И. Региональные особенности качества жизни населения России // Социальное пространство. 2018. № 5 (17). URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28005>. DOI: 10.15838/sa.2018.5.17.5
27. Кремин А.Е. Методика оценки функционирования малого предпринимательства на муниципальном уровне // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 3 (45). С. 231–247. DOI: 10.15838/esc.2016.3.45.14
28. Барина В.А. Проблемы статистического учета динамики сектора малых и средних предприятий в России // Экономическое развитие России. 2018. Т. 25. № 1. С. 40–48.
29. Берндт Э.Р. Практика эконометрики. М.: Юнити-Дана, 2005. 388 с.
30. Кремин А.Е. Оценка влияния внешних факторов на функционирование малого предпринимательства муниципального образования // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 9. С. 58–64.
31. Кремин А.Е., Гулин К.А. Управление функционированием малого бизнеса на муниципальном уровне как инструмент развития экономики региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 4. С. 94–110. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.5

Сведения об авторах

Александр Евгеньевич Кремин – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: akremin@inbox.ru); начальник отделения организации и координации научно-исследовательской деятельности и международного сотрудничества организационно-научного отдела, Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России (160002, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2)

Александр Игоревич Россошанский – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: alexanderrossy@mail.ru)

Kremin A.E., Rossoshanskii A.I.

Small Business and Living Standards of the Population: Mutual Influence and Management Issues

Abstract. Small entrepreneurship is an important element of the socio-economic system of the region, because it contributes to the creation of competitive environment, the consumer's market saturation and stimulation of aggregate demand, as well as to structural changes, etc. As a systemically important element of the municipal units' economy, it has an impact on developing the infrastructure and filling the budget of local territories. It contributes to solving one of the main tasks of the social state – to increase the population's living standards in the country. The high significance of small business determines the demand and necessity of its development. However, at present the aspects of its interconnection with the population's living standards remain insufficiently elaborated, which makes it difficult to implement effective public policy on managing these categories. The researchers have presented two main approaches to defining this interaction. In the first variant, the functioning of small business contributes to improving the population's living standards. In the second variant, the availability of capital and consumer demand, provided with people's high revenues, are the main factors of small business development. Under the conditions of limited resources, the ambiguity of such dependence confirms the relevance and necessity of elaborating scientifically based directions of state influence and the system of measures for stimulating the development of these categories. Therefore, the aim of the study is to assess dependence of small business and the population's living standards, as well as to establish mainstreaming scientifically based directions of public management and the system of measures, contributing to the development of the small business sector and the improvement of

the population's living standards as a whole. In order to achieve the goal, the empirical assessment of interconnection between the development of small business and the population's living standards has been carried out, which allows to determine the specific characteristics of their mutual influence. The recommendations on improving the existing system of public management regarding the development processes of small business and improving the population's living standards in the Russian Federation's entities have been scientifically justified. The empirical basis of the study includes the data from the Federal State Statistics Service and the results of monitorings, conducted by Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences. The materials of the article can be used by the federal and regional government bodies and administrative authorities for adjusting public policy in the field of developing the regional economy.

Key words: public management, small entrepreneurship / small business, business, living standards, the population's differentiation according to revenues, mutual influence.

Information about the Authors

Aleksandr E. Kremin – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: akremin@inbox.ru); Head of the Division for Organization and Coordination of Research Activity and International Cooperation of the Organizational and Research Department, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia (2 Shchetinina Street, Vologda, 160002, Russian Federation)

Aleksandr I. Rossoshanskii – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: alexanderrossy@mail.ru)

Статья поступила 08.10.2019.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Обращаем внимание, что в связи с карантинными мероприятиями на территории Вологодской области ФГБУН ВолНЦ РАН временно приостанавливает проведение опросов населения региона методом анкетирования по месту жительства респондентов.

Это повлияло на содержание данного материала. В нем рассмотрены результаты мониторингов общественного мнения, реализуемых крупнейшими российскими центрами (Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Левада-Центр), по таким актуальным темам, как оценка деятельности главы государства, динамика партийно-политических предпочтений россиян, самооценка материального положения и перспектив его развития, социальное самочувствие населения.

Для сравнения² представлена динамика данных мониторинга общественного мнения, проводимого Вологодским научным центром РАН на территории Вологодской области, без учета данных за апрель 2020 г. Отражены результаты исследований за апрель 2019 – февраль 2020 г., также среднегодовые данные за последние 3 года (2017–2019 гг.).

Оценка деятельности Президента РФ

По данным мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН, проводимого на территории Вологодской области, в декабре 2019 – феврале 2020 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился: доля положительных оценок составила 54%, удельный вес отрицательных суждений – 31%.

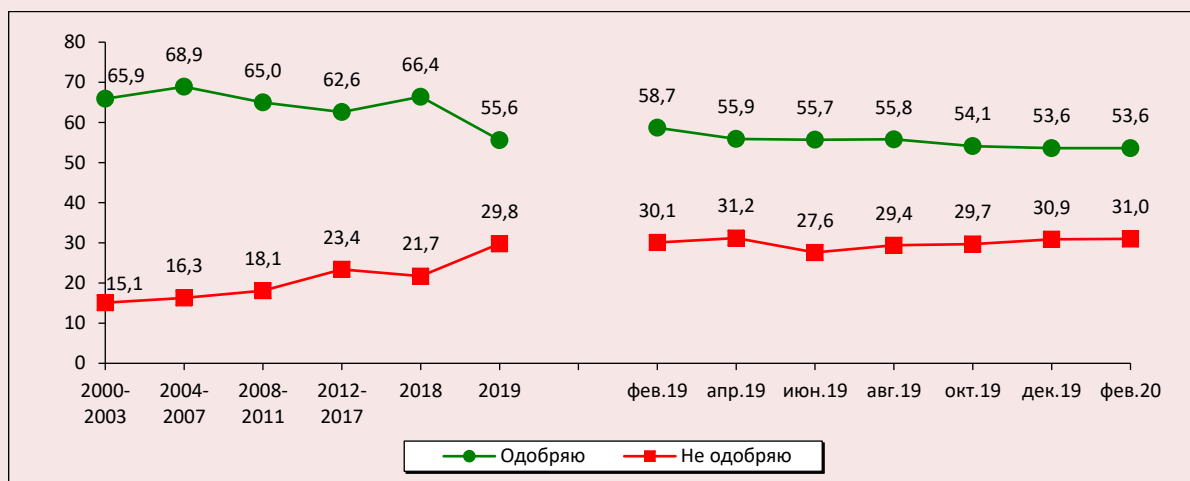
В целом доля положительных оценок деятельности главы государства в начале 2020 г. несколько ниже, чем в феврале 2019 г. (59%) и в среднем за 2019 г. (56%).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru/>.

² Следует отметить, что разные методические подходы, применяемые ВЦИОМ, Левада-Центром и ВолНЦ РАН, не позволяют сравнивать полученные результаты между собой. Тем не менее, собранные сведения дают возможность анализировать общую динамику социальных настроений, существующих в российском обществе и фиксируемых тремя разными научными центрами (двумя российскими и одним региональным).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России? (в % от числа опрошенных)

Источник: данные ВолНЦ РАН.

В начале 2020 г. различные исследовательские центры фиксируют противоречивые тренды в оценке россиянами деятельности Президента РФ.

По данным ВЦИОМ, с декабря 2019 г. отмечается положительная динамика: в декабре 2019 г. уровень одобрения деятельности главы государства составлял 63%, в феврале 2020 г. – 65%, в начале апреля – 69%.

По данным Левада-Центра, за период с декабря 2019 по март 2020 г. доля положительных суждений о работе главы государства снизилась на 5 п. п. (с 68 до 63%).

Результаты опросов ВолНЦ РАН, проводимых на территории Вологодской области, свидетельствуют о сохранении стабильного уровня одобрения работы Президента (54% с октября 2019 г.).

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2017	2018	2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Фев. 2020	Апр. 2020	Изменение (+/-), апр. 2020 по отношению к...	
											фев. 2020	апр. 2019
<i>Оценка деятельности Президента по данным ВЦИОМ</i>												
Одобрять	83,5	71,0	64,1	65,2	64,2	63,1	66,0	63,0	65,2	68,6	+3	+3
Не одобряю	10,3	20,1	27,2	26,4	27,5	28,0	25,6	28,2	25,9	22,4	-4	-4
<i>Оценка деятельности Президента по данным Левада-Центра</i>												
Одобрять	82,2	73,3	66,8	66	68	67	70	68	69	63*	-6	-3
Не одобряю	16,8	25,7	31,9	33	31	31	29	31	30	36*	+6	+3
<i>Оценка деятельности Президента по данным ВолНЦ РАН</i>												
Одобрять	67,3	66,4	55,6	55,9	55,7	55,8	54,1	53,6	53,6	н.д.	–	–
Не одобряю	20,0	21,7	29,8	31,2	27,6	29,4	29,7	30,9	31,0	н.д.	–	–

* Данные за март 2020 г.

Источники: База данных ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennykh_institutov/; База данных Левада-Центра. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/>; данные ВолНЦ РАН.

Партийно-политические предпочтения населения

В целом по стране (по данным ВЦИОМ) с февраля по апрель 2020 г. незначительно увеличилась поддержка партии «Единая Россия». На сегодняшний день она составляет 35%, что примерно соответствует среднегодовым оценкам за 2019 г. и данным за апрель 2019 г.

Поддержка остальных парламентских партий в феврале – апреле 2020 г. существенно не изменилась.

Следует также отметить, что с начала года незначительно (на 4 п. п., с 13 до 17%) увеличилась доля россиян, затруднившихся ответить на вопрос «За какую бы партию Вы проголосовали, если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье?». Вполне возможно, это связано с тем, что в первые месяцы 2020 г. вопрос о партийно-политических предпочтениях не так важен для населения (по сравнению, в частности, с оценкой деятельности органов государственной власти и развитием экономической ситуации на фоне карантинных мероприятий в период эпидемии коронавирусной инфекции).

Динамика партийно-политических предпочтений в целом по стране
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2017	2018	2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Фев. 2020	Апр. 2020	Изменение (+/-), апр. 2020 по отношению к...	
											фев. 2020	апр. 2019
Единая Россия	50,4	40,0	33,5	34,8	34,0	32,6	33,6	32,6	33,0	35,2	+2	0
КПРФ	11,4	14,2	15,3	15,7	15,1	15,2	15,5	15,2	14,7	13,0	-2	-3
ЛДПР	9,5	10,4	12,4	12,1	12,2	12,6	12,4	12,6	11,9	10,0	-2	-2
Справедливая Россия	5,1	5,5	6,0	6,2	6,1	5,7	6,1	5,8	6,2	5,8	0	0
Непарламентские партии	5,7	7,9	9,6	6,0	9,9	10,5	10,8	10,8	11,1	9,9	-1	+4
«Приду и испорчу бюллетень», «Не стал бы участвовать в выборах»	6,5	9,5	9,9	9,2	9,9	10,0	10,0	10,5	10,2	9,8	0	+1
Затрудняюсь ответить	11,2	12,7	12,7	12,7	12,9	13,6	11,8	12,7	13,3	16,5	+3	+4

Формулировка вопроса: «Скажите, пожалуйста, если бы в ближайшее воскресенье состоялись выборы в Государственную Думу России, за какую из следующих партий Вы бы, скорее всего, проголосовали?». Варианты ответов: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Непарламентские партии», «Приду и испорчу бюллетень», «Затрудняюсь ответить», «Не стал бы участвовать в выборах».

Источник: База данных ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10238>

В структуре партийно-политических предпочтений жителей Вологодской области существенных изменений не наблюдается. Уровень поддержки партии «Единая Россия» стабильно составляет 33–34%, ЛДПР и КПРФ – 8–9%, «Справедливой России» – 4–5%.

Так же как в феврале прошлого года и в среднем за 2019 г., доля жителей области, считающих, что ни одна из парламентских партий не представляет их интересы, составляет 34%, что заметно выше, чем в 2017–2018 гг. (29%).

Динамика партийно-политических предпочтений по Вологодской области
(в % от числа опрошенных)

Партии	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2017	2018	2019	Фев. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Фев. 2020	Изменение (+/-), фев. 2020 по отношению к...	
																	дек. 2019	фев. 2019
Единая Россия	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	34,7	37,9	33,8	34,6	33,3	34,8	33,5	32,8	33,7	33,2	-1	-1
КПРФ	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	7,6	9,2	8,8	9,1	8,0	8,5	8,7	9,1	9,2	8,9	0	0
ЛДПР	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	11,0	9,6	9,1	8,9	8,2	9,1	10,5	8,3	9,4	9,9	+1	+1
Справедливая Россия	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	4,8	2,9	3,4	2,9	2,9	2,5	3,9	4,2	4,0	4,7	+1	+2
Другая	1,8	1,9	–	2,1	0,3	–	0,5	0,7	0,3	0,6	0,3	0,3	0,4	0,1	0,1	0,6	+1	0
Никакая	17,8	29,4	–	31,3	29,4	–	29,2	28,5	33,7	34,2	34,7	32,3	32,1	34,3	34,3	34,0	0	0
Затрудняюсь ответить	21,2	13,2	–	11,7	12,0	–	12,2	11,2	11,0	9,7	12,6	12,4	10,9	11,2	9,3	8,7	-1	-1

Формулировка вопроса: «Какая партия выражает Ваши интересы?».
Источник: данные ВолНЦ РАН.

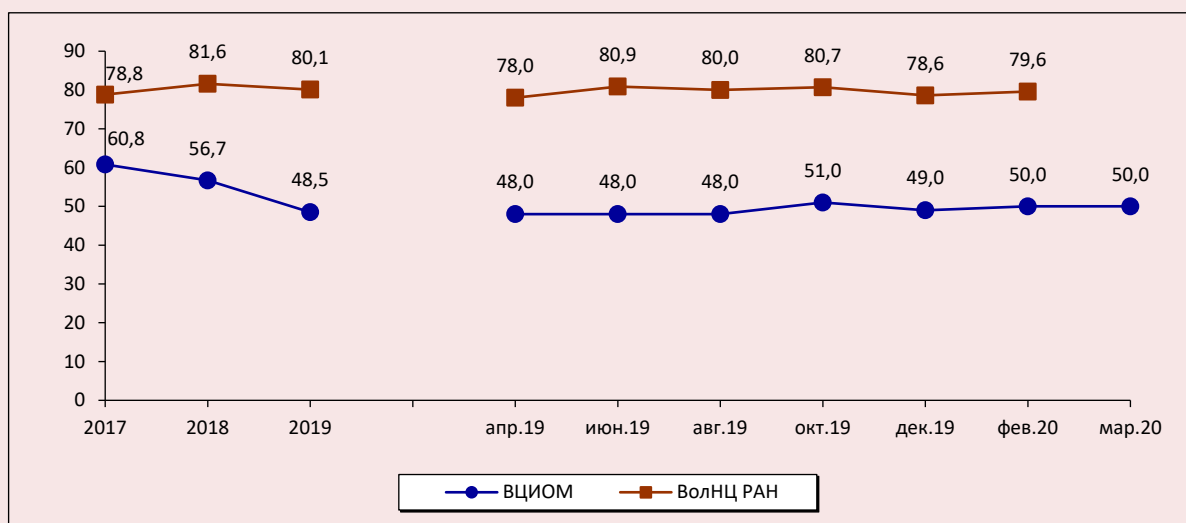
Самооценка материального положения

По данным и российских (ВЦИОМ), и региональных (ВолНЦ РАН) исследований, оценка россиянами своего материального положения в начале 2020 г. остается в целом стабильной.

По данным ВЦИОМ, индекс оценки материального положения в феврале – марте 2020 г. составил 50 пунктов, что примерно соответствует среднему значению индекса за 2019 г. (49 п.) и выше, чем в апреле 2019 г. (48 п.).

По данным ВолНЦ РАН, индекс оценки материального положения в начале 2020 г. составил 79 п., что также соответствует среднему показателю за 2019 г. (80 п.) и чуть выше, чем в апреле 2019 г. (78 п.).

Индекс оценки материального положения³

Формулировка вопроса: «Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?»

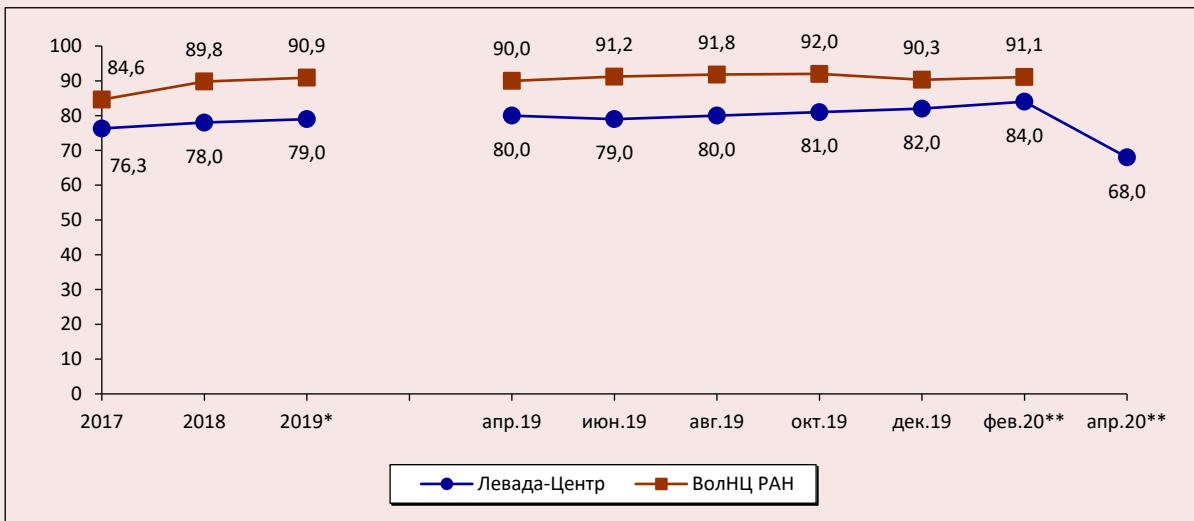
Источники: База данных ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya/; данные ВолНЦ РАН.

³ Индекс оценки материального положения ВЦИОМ рассчитывается как разница суммы положительных и средних оценок и суммы отрицательных оценок.

Для расчета индекса материального положения ВолНЦ РАН из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин.

Индекс потребительских настроений (ИПН), характеризующий ожидания людей относительно развития своего материального положения в будущем, в целом по стране существенно снизился (с 84 до 68 п. – данные Левада-Центра). Это значительно ниже, чем в среднем за 2019 г. (79 п.) и в апреле 2019 г. (80 п.). По-видимому, ошутимое падение ИПН в апреле 2020 г. является следствием ухудшения текущей и неопределенности перспективной социально-экономической ситуации на фоне вынужденных карантинных мер, введенных с целью противодействия распространению вирусной инфекции.

Индекс потребительских настроений

* Данные Левада-Центра за январь, март, май, июль, сентябрь, ноябрь 2019 г.

** Данные Левада-Центра за январь 2020 и за март 2020 г.

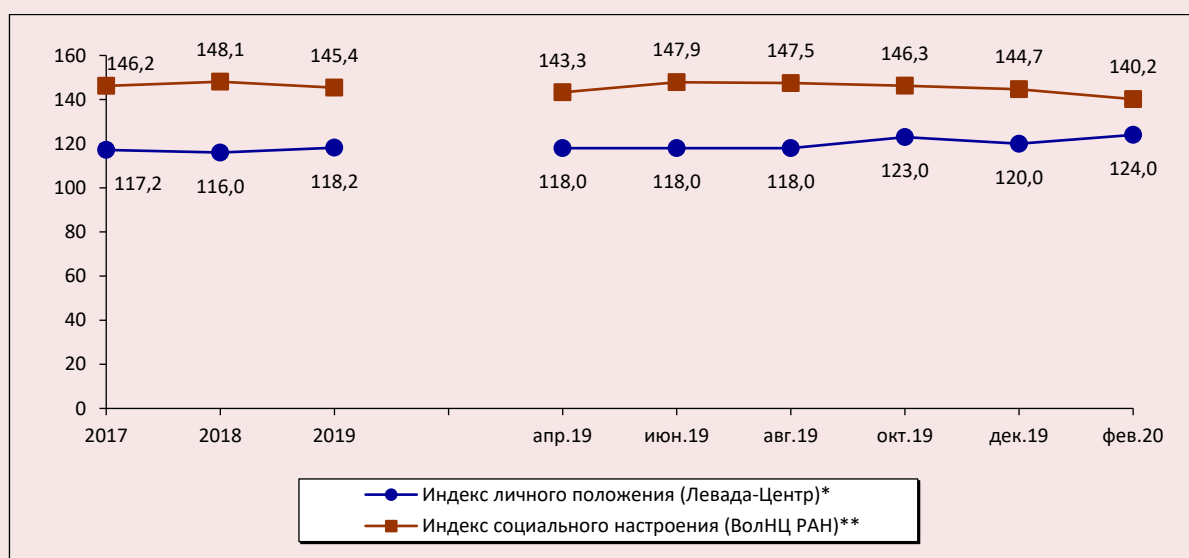
Источники: База данных Левада-Центра. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>; данные ВолНЦ РАН.

Оценка социального самочувствия

В целом по стране индекс личного положения, измеряемый специалистами Левада-Центра, за период с декабря 2019 по февраль 2020 г. возрос на 4 пункта (со 120 до 124 п.).

По данным региональных исследований ВолНЦ РАН, с августа 2019 г. наблюдается ухудшение социального настроения жителей Вологодской области: в целом за период с августа 2019 по февраль 2020 г. индекс социального самочувствия на территории региона снизился на 8 пунктов (со 148 до 140 п.), а за последние два опроса (с декабря 2019 по февраль 2020 г.) – на 5 пунктов (со 145 до 140 п.).

Динамика индексов социального самочувствия (в пунктах)

* Индекс личного положения Левада-Центра рассчитывается по двум вопросам: «Что бы вы могли сказать о своем настроении в последние дни?» и «Как вы считаете, за последний год ваша жизнь, жизнь вашей семьи стала лучше, хуже или не изменилась?». Для расчета индекса из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин.

** Индекс социального настроения ВолНЦ РАН рассчитывается с помощью вопроса «Что бы вы могли сказать о своем настроении в последние дни?». Для расчета индекса из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин.

Источники: База данных Левада-Центра. URL: <https://www.levada.ru/indikator/sotsialno-ekonomicheskie-indikator/>; данные ВолНЦ РАН.

РЕЗЮМЕ

В начале 2020 г. данные различных центров, осуществляющих мониторинг общественного мнения, показывают довольно противоречивые тенденции. Это, в частности, касается оценок деятельности Президента РФ и социального самочувствия населения.

Разная динамика данных во многом связана с методическими нюансами социологических опросов, проводимых ВЦИОМ, Левада-Центром и ВолНЦ РАН. Однако отчасти она отражает и характер ситуации, сложившейся в стране в начале 2020 г.

Позитивным образом на психологическое состояние людей и уровень поддержки главы государства влияют инициативы Президента по внесению изменений в текст Конституции РФ. Напомним, что около 50% россиян (по данным ВЦИОМ) поддерживают поправки в Основной закон, доля разделяющих это мнение продолжает расти: в февральской волне опроса доля проголосовавших бы за поправки в Конституцию составила 43% россиян, в мартовской — 46, в апрельской — 50%⁴.

Не менее важным позитивным фактором является решение о включении в общий пакет поправок к Конституции предложения В.В. Терешковой об «обнулении» президентских сроков В. Путина в случае поддержки изменений в Основной закон на всероссийском референдуме⁵. Эта инициатива депутата Государственной Думы позволила снизить некоторое волнение в обществе относительно развития политической ситуации в стране после 2024 года, когда В. Путин (в соответствии с текстом Конституции 1993 г.) уже не смог бы баллотироваться на пост главы государства. Как отмечают эксперты, «поправка Терешковой» откликнулась на беспокойство большинства. Она открыла для действующего президента возможность снова баллотироваться на этот пост, изменила перспективу политической жизни до 2024 года... Появилась реальная гарантия, что конституционная реформа в формате, предложенном Владимиром Путиным, действительно будет реализована. И опросы показывают, что она пользуется высокой общественной поддержкой⁶. Так, по данным ВЦИОМ, на конец марта 57% россиян выступали «за» снятие ограничений для занимавшего или занимающего должность Президента РФ участвовать в качестве кандидата на следующих выборах Президента РФ (для сравнения, противоположной точки зрения придерживались 33% респондентов)⁷.

Еще одним фактором, оказывающим, скорее, позитивное влияние на психологическое самочувствие людей и поддержку деятельности Президента, выступает оценка обществом тех мер, которые предпринимаются российскими властями для профилактики распространения эпидемии коронавируса. По данным ВЦИОМ, за период с 19 марта по 2 апреля доля россиян, считающих, что российские власти принимают «достаточные» меры для предотвращения распространения инфекции в стране, увеличилась с 56 до 63%⁸.

Тем не менее эпидемиологическая ситуация в стране и в мире, так же как экономическая обстановка, во многом на сегодняшний день диктуемая степенью и длительностью карантинных мероприятий в различных регионах России, не может не вызывать опасений со стороны широких слоев

⁴ Голосование по поправкам к Конституции: первый прогноз / Аналитический обзор ВЦИОМ № 4217. 22.04.2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10246>

⁵ Напомним, что данное предложение было высказано В.В. Терешковой 10 марта на заседании Государственной Думы.

14 марта поправка вошла в общий Закон «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а 16 марта 2020 г. — была одобрена Конституционным судом РФ (см. Заключение Конституционного суда РФ о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision459904.pdf>)

⁶ Скоробогатый П. Путин создает в России «глубинное государство» (материалы интервью с политологом, преподавателем МГИМО МИД РФ А. Зудиным) // Эксперт. 23.03.2020. № 13. С. 43.

⁷ Социальные и политические поправки: рейтинг предпочтений россиян / Аналитический обзор ВЦИОМ №4200. 31.03.2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10215>

⁸ Источники: И снова о коронавирусе: что думают россияне? / Пресс-выпуск ВЦИОМ № 4194. 18.03.2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10205>; Россия в пандемии: оценка эффективности противоэпидемических мер / Пресс-выпуск ВЦИОМ № 4206. 08.04.2020. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10224>

населения. Этим, в частности, объясняется резкое снижение индекса потребительских настроений (с 84 до 68 п. в январе – марте 2020 г. – данные Левада-Центра), отражающего прогнозные ожидания людей относительно перспектив развития своего личного материального положения и экономической ситуации в стране.

Таким образом, сложившаяся на сегодняшний день ситуацию можно в полной мере назвать форсмажорной, и в этом смысле следует отметить своевременность инициативы Президента по внесению поправок в Конституцию РФ, которые он озвучил еще 15 января 2020 г. в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию⁹. Как всегда, действуя на опережение, главе государства удалось снизить социально-политическую напряженность в стране, что является очень важным моментом в условиях эпидемиологического и социально-экономического кризиса.

Дальнейший характер общественных настроений будет зависеть преимущественно от двух факторов – от динамики распространения коронавирусной инфекции и эффективности мер, предпринимаемых Президентом и Правительством для поддержания уровня жизни широких слоев населения, предотвращения массовой безработицы, поддержки бизнеса, наращивания потенциала системы здравоохранения.

Материалы подготовили: Морев М.В., Леонидова Е.Э.

⁹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 15 янв. 2020 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg / .jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscc.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи.

1. Поля.

Правое – 1 см., остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nr1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Источники в списке литературы располагаются строго в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, расположенные по алфавиту, затем – иностранные, также расположенные по алфавиту).

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10 % от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____,

(наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ВолНЦ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсион-
ного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

- 1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

И.А. Кукушкина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 28.04.2020.
Дата выхода в свет 30.04.2020.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 28,7. Тираж 500 экз. Заказ № 102.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru